

The background of the entire image is a dark, atmospheric illustration of a city at night. The city is characterized by numerous tall, thin, dark spires that rise into a dark, cloudy sky. The buildings are mostly dark, but many windows are illuminated from within, casting a warm, yellowish glow. The overall mood is mysterious and somewhat somber. The text is overlaid on this background.

Виктория Ларина

Закон дороги

Четверо идут по звездной тропе, но знают ли они, куда она их заведет? Пророчества сбываются, и светлому Городу-над-Морем предстоит узнать, достаточно ли верны его защитники, мудры ли Мудрые и выстоят ли неприступные стены. Что лежит на чашах Великих Весов? В чем закон Дороги, и увидят ли его в действии герои? Случаются ли чудеса, если даже надежда умерла? Возможно ли вернуться назад — прежним? Узнайте об этом вместе с героями книги.

ЗАКОН ДОРОГИ.

«...Когда Вседержитель творил Вселенную со множеством миров и времен, Он создал три великих Ключа, открывающих пути к первоосновам Творения, дающих власть над главнейшими силами будущего мироздания:

Ключ Времени, Ключ Пространств и Ключ, открывающий души всех мыслящих созданий» ...

Пятикнижие отца Владара, Город-над-Морем, дата написания неизвестна.

«Когда же Господь населил миры своими созданиями, Он наделил детей своих различными способностями и даровал им свободу воли, дабы сами они могли выбрать свой путь. Ключи же спрятал он до времени в трех различных мирах, где и проведут они бесчисленные века в ожидании одного лишь достойного их — сына Его, что обречен спасти все, сотворенное Отцом и возродить к жизни все, умерщвленное Врагом из Тьмы...»

Гил'Эллет, «Книга Творения»

«Создав человека, наделенного душой и волей, велел Владыка всего сущего своим помощникам поклониться ему.

Главный и любимый Подмастерье, что почитал себя лучшим из всех, исполнился гордыни гнева, и так возразил Подателю Жизни:

— Как можешь ты, о Всемогущий отец наш, приказывать нам такое?

Ведь этот ничтожный лишь смертное творение твое, ничем не отличающийся от прочих! Змея или лошадь ничуть не хуже его, так что, мы и им должны кланяться? Мы, рожденные от мысли твоей и пламени твоего?!

И ответил ему Владыка, и лик его был полон скорби, ибо предвидел он все, что последует за сказанным его помощником:

— Я дал тебе наибольшие силы среди равных тебе по рождению, но ты так ничего и не понял. Человек волен выбирать свой путь, вы же — нет, ибо таков замысел мой.

— Тогда я более не часть его и буду творить сам по себе. И где бы ни был человек, я буду ложиться на путях его, искривлять прямое, искажать истину и искушать душу его, ибо тот, кто наделен Тобою волей, скорее поддастся соблазну моему.

И ушел Подмастерье на другой край сотворенной Вселенной, ушла с ним часть подобных ему, и с тех пор стали называть его Врагом и Отступником. Когда со-творил он Всемогущему, не скрывал Господь замыслов своих и дел от него.

Когда же отпал он от сил Света, спрятал Всевышний Ключи Творения, и Враг с тех пор ищет их, дабы обрести абсолютную власть над всем мирозданием. Ибо все, что создает он, темно по сущности своей, и суждено его творениям лишь разрушение, тлен и забвение».

Реон, священная книга Ай-Яли.

Глава 1

— Скажите, Князь, зачем Вы так любезны?

Такого не бывало и в веках!

— Затем, что ключ от Времени и Бездны

В отроческих находится руках.

(авторство приписывается ньятти)

Каков был на самом деле Зал Глубин, не знал никто — даже она. С тех пор, как остров Кадарн снова поднялся из морских глубин, с тех пор как воздвигся сам собой, беззвездной ночью, последовавшей за самым коротким днем года, Храм Первого Шага — Танх Каар, изменилось многое, но не этот зал. И он всегда и всем внушал трепет.

Здесь всегда царил мрак — первозданный, такой, наверно, какой был до начала времен. Лишь в центре он немного рассеивался ярко-алым свечением пирамидок в вершинах странной звезды с разновеликими лучами. Посередине, там, где светящиеся в темноте багровым линии сходились, стоял высокий каменный трон. Сейчас он был пуст, но женщина знала, что Властитель, вот-вот появится. У него много имен. Короли-шаманы с Птичьих Островов называют его Раат-ка-Бет, Сын Ночи. Её народ называл его А'Деул, Рожденный Первым. Союзники из Великих Степей, что на материке, поклонялись ему под именем Кхавари Арка, Царя Бездны. А те, чьи храмы ее верное войско сравнивало с землей, чьи города они покорили и те, кто сидел сейчас за измаранными пожаром и заделанными грубым камнем белыми стенами, именовали Властителя Отступником, Отцом Зла и Темным. Она не задумывалась, была ли доля правды в этих прозваниях. Еретики, они и есть еретики. Её дело — заставить их подчиняться или истребить. У А'Деула и без них достаточно верных рабов.

Уже начал расплзаться вокруг зябкий туман, проявились на стенах серебристо-лиловые письмена, и, вместе с этим налились свинцовой тяжестью голова и руки. Еще несколько вдохов — и она станет самым обычным человеком, ибо перед Его лицом все способности и умения — ничто. Каждый раз она проходила через это, ощущая себя даже не рабыней, не игрушкой, а кем-то еще более беспомощным, ничтожным и убогим, воистину, мало, чем отличающимся от какого-нибудь червя. И каждый раз обретала себя вновь, стоило только Властителю обратиться к ней.

Она знала, что ему ничего не стоило явиться к ней и при свете дня, без этих пугающих эффектов, так и было несколько раз — в качестве поощрения за особые заслуги. Но сейчас она ожидала его с ужасом — зная, что виновата, и поэтому соблюдала весь леденящий душу ритуал, придуманный в незапамятные времена для общения жрецов с тем, кому они служили. До возвращения Кадарна иного способа и не было, никому в голову не могло прийти, что можно как-то изменить его. Она стала первой жрицей, Избранной, и ей многое было позволено. Женщина содрогнулась всем телом при мысли о гневе А'Деула. Что он сделает с ней? Хуже всего, если он вообще не придет. Это будет означать, что Властитель нашел другого, более достойного человека для исполнения роли его полководца. Старики рассказывают, во время оно Властитель вообще не мог приходить в мир, чтобы наставлять и вдохновлять своих детей — настолько силен был Свет. Последние же пять лет А'Деул бывал в этом храме часто. Властитель говорит — это нужно для завершения великого замысла. Все, что когда-то было несправедливо отнято, будет возвращено. Грядет великая битва, которая

должна будет вернуть этот мир истинному хозяину и открыть дорогу ко всем остальным мирам, к тайне самого Творения. В сущности, мир-то уже покорился, весь огромный Материк легко оказался в их власти, и на Большом и Малом архипелагах народы давно преданы Властителю. Но проклятый Город-над-Морем, точно кость в горле, мешал Рожденному Первым получить желаемое. Город отчаянно сопротивлялся, а силы ненавистного Света неустанно охраняли его. Кроме всего прочего имелось и пророчество Равновесия, грозящее посягнувшему на эту обитель еретиков страшными карами. Властитель долго ждал, выбирал момент, рассчитывал каждый шаг, и, наконец, его время пришло.

Когда на троне появилась фигура, смутно напоминающая человеческую — контуры расплывались, точно в раскаленном воздухе, женщина опустилась на колени и замерла, низко опустив голову.

— Встань, дитя мое, — сегодня голос его напоминал шум прибоя, слишком ласковый и вкрадчивый, но это ее не обмануло. И вряд ли могло обмануть кого-либо еще, — Мне ни к чему эти знаки преклонения. Чванство Света мне чуждо.

— Так велит нам обычай, мой господин, — в замешательстве ответила жрица. Почему Он не гневается? Он ведь знает о том, что его повеление не выполнено.

— Оставь обычаи для жрецов младшего посвящения. Не забывай никогда — ты Избранная. Если, конечно, все еще верна мне.

— Ты же все видишь, господин мой. Да, я виновна, но это ошибка моя, а не измена.

— Оставим покаяние Светлым, — с легким сарказмом произнес сидящий на троне, — мне пока еще нужно, чтобы ты присматривала за моими подданными.

— Что прикажет мой господин?

— Не прикажу, Дингра. Попрошу. Потому что цель наша достижима только, если все до единого приложат усилия, если все возжелают этого.

— Я понимаю, Великий, — смиренно ответствовала Дингра, вставая, — тебе ведомо, что исполнить любую твою просьбу — счастье для нас.

— Знаешь ли ты, что древние пророчества начали сбываться?

— Да, господин. Предсказанные уже здесь, — ее голос снова упал до шепота, а ноги стали ватными.

— Как получилось, что вы упустили мальчишку? — голос Властителя был все также ласков, но низкие обертоны гнева заставили Дингру задрожать.

Она стиснула сомкнутые в замок пальцы и, собрав силы, ответила чуть громче:

— Мы, как ты и приказывал, дождались нужного расположения звезд на небосводе и начали по всем правилам ритуал Изменения, но не смогли забрать его имя. Теперь я могу только предполагать, что стало причиной. Мальчишку защитило и буквально выбросило из подземелий очень сильное волшебство, достаточно редко применяемое, чтобы учесть такую возможность. И в его памяти мы просто не смогли этого прочесть — он и сам об этом не подозревал. Видимо, заклятие было наложено при рождении, если не раньше — на плод во чреве матери.

— Очевидно, княгиня была весьма сведуща в запретных в этом мире областях магии. Это надо же — не побояться заклясть нерожденного еще ребенка! Что ж, это лишь досадная неприятность, не более. Все еще можно поправить, — сказал Властитель, и немигающий взгляд огненных глаз уставился на Дингру, — очень надеюсь, твоими стараниями никому не удастся вернуть ему память и имя. Мальчишка не должен дожить до своего признания и коронации. Впрочем, нет ни малейшей нужды учить тебя, дитя мое. Мне известен твой

изворотливый ум и невероятная изобретательность. Пожалуйста, не разочаровывай меня больше.

— Я сделаю все, что в моих силах, о Великий, но...

— Если его все-таки коронуют? И после этого можно найти нужные пути, Дингра. Восемьсот лет назад нашлись и нужные люди, и способы убеждения, чтобы избавиться от последнего короля. Мальчишка, конечно, важен, но не забывайте о главном — ищите Ключ! Если Ключ станет нашим, все остальное можно будет просто не принимать во внимание. Что говорят твои люди в Городе?

— Там сейчас беспокойно. Хорошая почва для семян раздора.

— Самое время действовать, Дингра. Ищи Ключ. Помни — ты уже оступилась один раз. Я ничего не забываю. Ключ — твой единственный путь к прощению.

— Вы отыскиали беглеца? — властно спросила Дингра, входя в Дозорный покой — круглую комнату на верхнем ярусе самой высокой башни Танх Каара, где день и ночь дежурили жрецы, следя за всем, до чего могла дотянуться их изоощренная магия.

— Еще нет, госпожа, — вскинулся пожилой толстяк в расшитой золотом тяжелой мантии, — но кое-какие результаты есть. Характерные всплески Силы видны только в одном месте: в районе разрушенного Белого моста. Можете меня казнить, но я не понимаю, как пленник мог там оказаться!

— На что он сейчас способен?

— На самоубийство, — жестко усмехнулся красивый мужчина в темной строгой одежде, — на что еще можно рассчитывать после ваших застенков и ритуалов, госпожа? Он лишен памяти и даже не знает, как его зовут.

— Подключите стихийных магов, немедленно. Пусть устроят шторм вокруг моста и у берегов Города, — сказала Дингра, будто не заметив подвоха в словах главного наблюдателя. С этим она разберется позже, — пусть мальчишку, если он еще жив, смоем в океан. И смотрите мне, если опоздаете! Самих отправлю туда, где он сидел!

**** *
**** *
**** *

Даррен вывел их на Белый мост и остановился. Все странно и страшно изменилось с того времени, как он побывал в этом мире и в Городе, что смутно виднелся далеко впереди. Почти под ногами зиял рваный край рухнувшего пролета. Дальше дороги не было, а на противоположном краю провала торчала башенка заброшенной Заставы. По левую руку простирались бескрайние просторы океана, на горизонте сливаясь с серым, затянутым тучами небом. По правую виднелся большой остров с удивительным, завораживающей архитектуры, строением из глянцево-черных странно перекрученных башен и куполов. Если смотреть на него несколько минут не отрываясь, становилось не по себе, накатывала странная слабость, а в голове просыпались далеко не самые светлые мысли. А еще откуда-то возникало желание как можно быстрее очутиться под этими темными странными сводами. Тайри и ее друзья вряд ли помнят, а вот Лоцман не забыл, что раньше на месте острова была сплошная стена плотного тумана, точно ширма, загораживающая нечто... неприглядное.

— Не смотрите туда, — хрипло сказала Тайри, — не знаю, что там за строения, но пахнет оттуда Тьмой высших рангов. Ни с чем не спутаешь.

— Да уж, — отозвалась Одри, — такого мы дома даже близко не встречали. Сдается мне, Дзулика не все нам рассказала перед дорогой. Хитрый оказался подарочек, с умыслом, — она пыталась ерничать, но голос звучал скорее испуганно, — Тьфу, мерзость

какая колдовская. Поет, заманивает, небось, каждому свое шепчет. Соблазняет, короче.

— То-то и оно, — произнес Лоцман серьезно, — отличная приманка для слабых духом. И великолепный маяк на перекрестках Сокрытых Троп для тех, кто стремится именно к этому берегу и под ругу этого господина.

Внезапно налетевший со стороны нового острова почти ураганный ветер едва не сбросил в море маленький отряд. Облака над головой стали приобретать тяжелый свинцовый оттенок, волны внизу взревели и с яростью набросились на опоры моста. Начинался шторм, как по заказу.

— Нам нельзя задерживаться, — оглядевшись, проговорила леди Даллет, — не нравится мне этот ветер. Наколдованный он, уж поверьте моему опыту.

— Не будем, — ответил Габриэль, — в противном случае, можем потерять кое-кого, — он указал на вторую половину моста, за провалом, — Видите? Хотел бы я знать, какого демона мальчишку отпустили одного в такую погоду. Не бросать же его одного, жалко, если погибнет.

— С чего ты взял, что это мальчишка? Может, нас морочат эти, из обсидиановых башен? — мрачно проворчала Одри.

— Смотри-ка, Габриэль прав, — Даррен, прищурившись, смотрел в указанном направлении, — там кто-то сидит, на самом краешке. Так и свалиться недолго. Тайри, ветер — твоя стихия, сотвори “нитку”, а я буду держать щиты. Готово? Бегом, а то даже у меня голова кружится, стоит только взгляд на волны скосить.

На краю, свесив ноги в пропасть, сидел худой темноволосый юноша, обхватив себя руками и медленно раскачиваясь из стороны в сторону. Тайри и Габриэль переглянулись: мальчишка, кажется, ничего вокруг не замечал. Ни рвущего одежду ветра, ни начавшего моросить холодного дождя, ни стоявших рядом путников, ни того, что еще чуть-чуть, и жизнь его заберет соленая вода.

— Что ты здесь делаешь? — негромко, чтобы не напугать, спросила юношу Одри.

Тот медленно обернулся: отросшие до плеч черные спутанные волосы обрамляли бледное изможденное лицо, на котором темно-карие глаза, опущенные густыми ресницами, казались нарисованными. Несколько секунд он смотрел на стоявших рядом людей недоверчиво и испуганно, точно увидел нечто, совершенно здесь невозможное, потом, будто с трудом вспоминая слова, произнес:

— Не знаю... Я один остался. Все же погибли, или ушли, никого нет... Мир пуст. А вам-то как удалось спастись?

— А Город? Ты ведь из Города? — спросил Даррен громче. Ветер немилосердно гудел в пустых окнах башенки и грохот волн внизу становился оглушительным.

— Какой Город... Я ничего не знаю. Я хотел умереть, зачем мне жить одному в пустом мире, — в расширенных зрачках найденьша пульсировал ужас, его била крупная дрожь.

Тайри подошла к нему, осторожно и нежно охватила ладонями его голову и заглянула в глаза.

— О Творец, что же с ним сделали! Он ведь и правда так думает. Что за мерзавцы внушили ему этот ужас... Как тебя зовут, мальчик?

Юноша вздрогнул, задумался, затем испуганно прошептал:

— Не помню... Я вообще ничего не помню, кроме боли... Боль, огонь и чей-то непрерывный шепот, на сотню голосов. От него хотелось бежать, куда глаза глядят... или умереть.

— Посмотрите на его руки, миледи, — сказал Габриэль, — вся кожа на запястьях стерта. Он был прикован, и долго. Да и одежда...

Найденыш выглядел жалко в своих невообразимых лохмотьях, бывших когда-то вполне приличным и дорогим дворянским костюмом. Кое-где сквозь кровь и грязь просвечивали кусочки тонкого сукна, не везде оторвались шитые золотом позументы, болталась на нитке одинокая рубиновая пуговица. Однако, больше всего в этом одеянии было прорех. Парень дрожал на холодном ветру, несущем дождевые брызги, и, очевидно, скоро замерз бы насмерть.

— Ему можно чем-то помочь? — голос Одри дрогнул. Лесная колдунья слишком близко к сердцу приняла чужие страдания.

— Прежде всего, растереть, одеть и накормить, — Габриэль отвязал от вещевого мешка скрученную по-армейски теплую куртку и накинул ее на плечи найденышу. Потом протянул ему фляжку, — ну-ка хлебни! Знаю, противно, но сейчас — полезно. Не бойся, не отравишься. Эх, бедолага, как же тебя угораздило...

— Нам нужно в тепло, под крышу, — растирая скрючившиеся от холода пальцы юноши, сказала Тайри. Беглый осмотр целительским взглядом показал, что, несмотря на обилие ссадин и синяков, найденыш вполне здоров, только очень слаб и голоден, — а для этого всего-то попасть в Город. Только вот нас вряд ли пустят — с таким-то соседом. Боюсь, что ворота давно никому не открывают. Нужно что-то... более весомое, чем просьбы продрогших путников.

Лоцман кивнул, вытянул руку и по-птичьи крикнул, призывая первого попавшегося крылатого помощника. Крупная чайка не заставила себя ждать, смиренно опустилась, вцепившись лапами в его перчатку, проскрипела в ответ нечто ворчливо-недовольное. Зеленоглазый обернулся к спутникам:

— У кого из вас сохранился здешний медальон? Это будет лучшим знаком для стражи.

Габриэль оказался проворней других, хотя медальоны после прошлого похода сохранили все. Даррен дважды обернул цепочку вокруг шеи пернатого вестника, закрепил ее чарами, чтобы не потерялась, и отправил чайку в Город. Тайри взяла найденыша за руку, и он послушно пошел за ней в сторону смутно видневшейся сквозь струи дождя скальной громады.

Город-над-Морем со стороны Белого Моста был теперь мало похож на тот, что увидели в свое время и Даррен, и Тайри с друзьями. Когда-то белоснежные сверкающие стены пестрели черными пятнами копоти, проломы были наспех заложены серым скальным камнем. Высокие тонкие сторожевые башни тоже носили следы пожаров, гавань внизу пустовала, ее перегораживали многочисленные боны, а пирсы ошетились пушками и баллистами. Леди Даллет было бесконечно жаль исчезнувшую светлую сказку в камне, какой был раньше Город, тысячу с лишним лет не знавший войн и нападений. Она понимала, как тяжело, должно быть, обороняться его жителям, и помощи им ждать было неоткуда. Где-то далеко лежал за океаном Ветров полузабытый материк, сообщение с которым прекратилось несколько веков назад, не жились под ярким тропическим солнцем оба Архипелага, манили легендами и золотоносными речками пустынные берега Приюта Потерянных, но ни одного чужого корабля не было в гавани, да и, наверное, уже не будет. Возможно, кто-то еще жил по ту сторону скалистого хребта, прикрывающего Городу спину, но она об этом не знала. Если верить словам Двумишкой, помогать Городу придется именно им — потому что больше некому. Всего и работы — сделать то, что не может никто другой,

а там видно будет.

**** *
**** *
**** *

Весть о пришедших по мосту путешественниках, посланная с чайкой, достигла обороняющихся. Как только Маленький отряд добрался до ворот, открылась тяжелая потайная дверь в одной из башен, и усталые, замерзшие путники вступили под защиту по-прежнему неприступных стен. Пройдя по узкому темному коридору, они оказались в маленьком полукруглом дворике, вымощенном бурым булыжником и заставленном по периметру бочками с чем-то темным и маслянистым. Навстречу, из массивных деревянных дверей внутренних покоев вышла целая делегация. Впереди — человек, одеянием и манерой держаться более всего напоминающий жреца или монаха из Смиренных братьев. За ним трое Мудрых в своих неизменных синих плащах с глубокими капюшонами, двое бородатых мужчин в богатых камзолах — видимо, наиболее влиятельные купцы, и десяток воинов в доспехах удивительной работы из синеватого металла, которых не встретишь ни в одном другом мире. Тот, что напоминал жреца, вышел вперед и сдержанно поклонился Тайри.

— Я — настоятель храма Всех Светлых Сил, мое имя Грант. Мы уже почти потеряли надежду, госпожа, — сказал он, — но, слава Всевышнему, пророчество не обмануло нас. Пока Город не окажется на грани гибели, Хранительница не вернется. Вы вернулись.

— Сколько же мы отсутствовали, почтенный Грант? — спросила леди Даллет, заметив, как губы старика тронула улыбка — ему было приятно, что упомянутая в пророчестве говорит с ним учтиво. Он читал множество свидетельств о том, что все предсказанные оказывались людьми надменными и самодовольными, или же становились такими, едва узнав, что пророчество говорит именно о них.

— Чуть больше пяти лет, госпожа. Немного, вроде бы, но вполне достаточно, чтобы Тьма подняла голову.

— Все, как и было сказано в Книге Основания, — произнес один из Мудрых, — они придут по дороге, которой больше нет: светлая Хранительница, ее Лоцман, и ее Воин — живой меч, ясноглазая колдунья, что будет ей как сестра, и с ними пятый, о котором ничего не известно... Чужака вы и привели. Этот парень явно не из вашего отряда, он выглядит, как нищий или как беглый узник.

— Я полагаю, что именно он и упомянут в вашем пророчестве, — уверенно ответила ему Тайри, — я видела его тогда, в источнике. Мы нашли этого мальчика на мосту, совсем одного. Думаю, что над ним поработали темные маги: его память пуста, он не помнит даже своего имени, а в душе только ужас. Ему нужна помощь. Любая. А прежде всего — тепло и кров.

— Пойдемте в дом, светлая госпожа, — сказал один из купцов, — там все же уютнее.

Ну надо же, невесело усмехнулась про себя целительница, хоть один вспомнил, что под дождем разговаривать трудно и холодно! Шторм и в самом деле разыгрался не на шутку, ветер жутковато завывал в бойницах на разные голоса, а холодные струи больно хлестали по лицу.

Дав пришельцам переодеться в сухое и немного прийти в себя, их проводили крытыми переходами в городскую Ратушу. Там, в главном зале, собрались все двенадцать купцов — Золотые Пояса, пятеро Мудрых, и настоятель Храма. Видимо, эти люди управляли сейчас и Городом, и обороной. Без их слова ничего не делалось. Тайри внимательно присматривалась к новым собеседникам, но не нашла на их лицах ни радости, ни облегчения, ни намека на дружелюбие. Увы, только настороженность и недоверие. Если кто и ждал предсказанных

Пророчеством помощников, то только не купцы. Лиц Мудрых видно не было, но позы тоже о многом могут рассказать. Единственная среди них женщина стояла чуть в стороне, гордо выпрямив спину и сложив на груди руки. Мужчины стояли тесной группой, неслышно переговариваясь, склоняя друг к другу головы. У одного угадывалось оружие под плащом, и он постоянно тянулся к эфесу, но останавливался на полпути и прятал руку за спину. Другой опирался на посох, положив обе ладони на круглый синий камень-навершие. Третий немного сутулился — так давят на плечи прожитые годы, и нервно переступал с ноги на ногу. Лишь четвертый стоял неподвижно, но это была неподвижность змеи перед броском.

То, что Мудрые сочли нужным рассказать о произошедшем за минувшие пять лет, почти не удивило леди Даллет и Лоцмана. Тьма, не спеша, точно смакуя лакомое блюдо, занимала позицию за позицией: сначала, после странного и вроде бы совсем несильного землетрясения, из морской пучины поднялся упоминаемый только в старых хрониках остров Кадарн. Еще тогда о нем ходила самая дурная слава, рыба вокруг этого проклятого куса суши водилась исключительно страшная видом и ядовитая, а люди, доброй волей или случайно туда попавшие, никогда не возвращались. Самой длинной зимней ночью того же года на острове появилось здание — странное и пугающее, но в то же время необыкновенно привлекательное. С людьми, которые подолгу на него смотрели, вскоре пришлось проститься — они в складчину выкупили старенький корабль и отплыли на остров. Часть галер и парусников из торговых караванов, что в то время приходили в Город с Архипелагов, постигла та же судьба, но, как ни странно, сразу после окончания зимних штормов они снова вышли в море и легли на обратный курс. Над ними реял уже новый флаг: золотой ключ на черном поле. После этого всякое сообщение с дальними островами прекратилось, постоянные торговые и дипломатические миссии были спешно свернуты, а люди высланы на родину. Им сказали, что еретикам не место на землях, которые осенил своим благословением Раат-ка-Бет, Сын Ночи. Или они отрекутся от веры предков и примут новое служение, или как можно быстрее возвращаются домой, пока Великий не разгневался и не наслал на них беды.

Вернувшиеся рассказывали, что жители Птичьих островов и Большого Западного архипелага не просто приняли новую веру, они поклонялись Раат-ка-Бету с необыкновенным рвением, возродив один из самых диких и жестоких его культов. Затем бесследно стали исчезать экспедиции, посланные на разведку новых земель и целые рыболовецкие флотилии. Море сделалось не просто опасным — крайне враждебным к обитателям Города. Начали оживать сущности, поминаемые только в древних легендах и морских байках, да и галеры с Кадарна охотились на корабли горожан, точно акулы. Постепенно остров и город на нем оказались в изоляции, из прежних путей сообщения остались только Тоннели и Мост, по которому все реже и реже приходили в Город люди.

Спустя несколько месяцев произошло два события, заставивших всерьез задуматься о могуществе Тьмы не только Мудрых. Тоннели, как поняли из очень краткого пояснения Тайри и Даррен, представляли собой некий достаточно безопасный вариант Троп, когда-то сотворенный неизвестными демиургами, и связавший торговыми путями четыре сопредельных мира. В одном из них, называвшемся Гил'Элетт, началась чудовищная истребительная война. Некий неведь откуда взявшийся мессия решил объединить под своей рукой все государства. Элеттийцы, в подавляющем большинстве люди слабые и избалованные, привыкшие жить за счет изощренной магии, сопротивлялись недолго: узурпатор пообещал им сохранение почти всех привилегий, если они примут новую власть.

Вместе с утверждением его господства пришла и новая вера, открывающая путь ко многим удовольствиям, считавшимся запретными и греховными. Немногие, отвергнувшие это, были вынуждены либо затаиться, либо бежать в Город-над-Морем. Королевство Тегрон — единственное, где народ решился на всеобщее восстание, новый властелин безжалостно уничтожил, превратив его при помощи магии в выжженную пустыню. Приверженцев прежних богов объявили еретиками. Элеттийцы находили какое-то извращенное удовольствие, с увлечением разыскивая своих родных и бывших друзей, верных прежним идеалам и исповедующих Светлую веру, и передавая их властям. Публичные казни сделались одним из любимых развлечений знати.

Последние беженцы, чудом уцелевшие во время грандиозной по размаху и жестокости облавы, рассказывали совсем уж невероятное: преданные боги вернулись в Гил'Элетт, чтобы отомстить. Посреди черного стеклянистого плато, возникшего на месте столицы непокорившегося Тегрона, появился белоснежный храм в окружении садов. Голос, певший запрещенную поминальную молитву по невинно убиенным, слышали во всех приграничных землях. А потом над мертвой страной взмыл в небо стремительный серебряный дракон. Он летел на восход, к столице нового Царства, и буря следовала за ним. Во многих городах, во дворцах и трущобах, в новых роскошных храмах Темного Господина, на отвратительных многолюдных мессах видели женщину в алых одеждах и странной серебряной маске, закрывающей левую половину лица. Она молча проходила между людьми, многие не замечали ее, многие оборачивались, когда она легонько касалась их рукой или задевала краем развевающегося одеяния — эти умрут позднее. Те же, кто рискнул заглянуть ей в глаза, видели нечто, ранее им недоступное, и умирали в ужасе мгновенно.

Мудрые тогда молча выслушивали эти рассказы и пожимали плечами, все еще не веря до конца — ведь несчастные беженцы вполне могли тронуться умом от пережитого. Самому последнему элеттийцу, пришедшему в Город, не суждено было насладиться свободой. Чудовищный удар сотряс остров от скрытого в море подножия до горных вершин. Тоннель намертво завалило, и расслабившийся беженец погиб у самых ворот города под обрушившимся сводом. Тогда же рухнул и пролет Моста у самой заставы. После этого посылать туда стражу стало бессмысленно. Горожане не вняли грозным предупреждениям, а молчаливых, погруженных в свое горе, элеттийцев невзлюбили. Теперь несколько десятков семей из потерянного мира жили обособленно на окраине Города, у самых скал.

Только потеря двух оставшихся Тоннелей, через которые в город шел основной поток продовольствия, убедила беспечных в том, что Тьма уже на пороге. Давно привыкшим к миру, безопасности и сытой жизни людям все еще казалось, что жизнь как-то наладится, а враг медленно и со вкусом оплетал Город своей паутиной. Кадарн даже решился на штурм, показав силу всего лишь человеческого оружия. Но и тогда Город еле выстоял. Если бы войска, собранные адептами храма Танх Каар, ударили вторично, считавшаяся неприступной крепость, скорее всего, пала. Но противник, точно издеваясь, слегка потрепал древние стены Города и отозвал флот.

Торговля с сопредельными мирами обеспечивала Город всем необходимым, люди даже подумать не могли, что насквозь знакомые, изученные и описанные за тысячелетия, пути станут непроходимыми, а поток товаров и продовольствия иссякнет. На что рассчитывать Городу теперь, когда связи почти утеряны, и совершенно не понятно, что творится у соседей? Только на запасы, сделанные предусмотрительными торговцами, да на древние пророчества.

— Таково истинное положение вещей, — закончил глава Мудрых, — мы в осаде, Тьма караулит нас на каждом шагу, и нам грозит голод. Мы были слишком беспечны, полагая, что светлые силы сделали Город абсолютно неуязвимым.

— Создатель помогает тем, кто сам себе помогает, — сказала Тайри, — нельзя забывать о том, что Тьма постоянно ищет лазейки в нашей защите и находит их.

— Как долго Город может продержаться на запасах? — осведомился Даррен.

— Пару месяцев, — тяжело вздохнул самый старший из купцов — Логар, — вряд ли больше. Слава Всевышнему, с водой у нас все в порядке, в Городе достаточно источников, да и ледники высоко в горах есть.

— Значит, прежде всего, необходимо попытаться очистить Тоннели, ведь основной поток продовольствия шел оттуда, — сказал Габриэль, — если, конечно, на нас не нападут раньше. Набирается ли ополчение?

Ему ответили положительно и тут же со всем пиететом попросили присоединиться к подготовке новых защитников. Лейтенант де Рейвен был, мягко говоря, удивлен. Разве у Города нет своих офицеров и сержантов? Можно ведь назначить кого-то из городской Стражи, если совсем уж плохо... Купцы нервно переглянулись и, пряча глаза, признались, что из Стражи кого могли, уже привлекли, а до сих пор сохраняемая Королевская Гвардия была ни на что не годной, разве что красиво вышагивать на парадах и торчать в караулах в пустом королевском дворце. Их самих надо было учить, как следует владеть оружием, и прочим военным премудростям. Габриэль не сдержался — витиевато выразился, но никто и не подумал брезгливо морщиться от крепких солдатских слов. Мэтр Логар даже одобрительно крякнул и заметил, что это еще слабо сказано. Конечно, лейтенант согласился и в казармы пошел. Все-таки армия была для него тем делом, где он мог принести больше всего пользы, а кроме того, он умел и любил обучать новобранцев. Тайри помнила, как о нем отзывались друзья-офицеры: в руках де Рейвена самый бестолковый крестьянин быстро становился дельным солдатом.

Одри, не дожидаясь неутешительных признаний по поводу колодцев и источников, посоветовавшись с подругой, вызвалась вместе с кем-нибудь из Мудрых, обойти их все и проверить, нет ли там злонамеренных чар и просто какой-нибудь отравы. У нее всегда было отменное чутье на любые темные уловки.

Купцы, посоветовавшись между собой, попросили разрешения удалиться, дабы организовать самый подробнейший учет продовольствия в закромах Города. Выглядел их уход несколько скоропалительно и надуманно. Тайри подозревала, что они прекрасно знают все резервы до последнего зернышка. Скорее всего, под благовидным предлогом пришельцев оставили совещаться со здешними магами, предоставляя более сведущим в тонких делах обсуждать планы без непосвященных. Как только последний купец покинул зал, Мудрые, как по команде, опустили капюшоны. Четверо мужчин и одна женщина, очень разные, ничего таинственного в облике не имеющие — самые обычные люди. Сильнейшие маги Города.

Сутулый оказался самым старшим, и, видимо, главным среди них. У него единственного на шее висел похожий на сердце удивительный камень-амулет. Он коротко поклонился гостям и сказал:

— Как Командор ордена, я хочу ввести вас в курс дела. Вы, наверное, помните, что нас должно быть семеро. Так было всегда, ибо Город основали семеро магов. Недавно мы потеряли двоих, на которых возлагали особые надежды. Они были на редкость сильными волшебниками. Причем, виновата здесь не столько Тьма, сколько мы сами. Те, кто мог бы их

заменить, еще слишком молоды и не готовы принять посвящение.

— Как же случилось, что Город лишился столь необходимых ему магов? — с ноткой недоверия в голосе спросил Лоцман, — Они погибли во время последнего сражения?

— Нет, это случилось раньше, — со вздохом ответил мужчина, голос которого показался гостям знакомым, — мы были слишком беспечны и прозевали тревожные изменения, происходившие с ними. В отличие от нас, враги, очевидно, успели вовремя.

— Что ты говоришь, Герт, какие Темные могут быть в Городе, в Доме Мудрых! — вспыхнула женщина.

— Им не обязательно здесь быть, Рода. Достаточно вовремя оброненного слова, грязного намека, шепота за спиной. Наверняка у них в Городе есть свои люди, которые знали, что как и кому надо сказать. Я считаю, что к каждому из нас противник давно и внимательно приглядывается, изучает, ищет слабые места. Он увидел неуверенность в душах наших друзей и посеял семена, давшие столь страшные всходы. Элья и Фаррео были очень молоды и очень сильны для своих лет. Наверное, самые одаренные маги за последние пару веков. Как и положено Стоящим на Грани, они должны были, но еще не научились, анализировать и безжалостно отбрасывать опасные эмоции и чувства. Кто и когда заронил в душу Эльи ревность, кто нашептал ей, что Фаррео нравится другая? Что бы он ни делал, она уже не верила ему, во всем искала подвох и обман. Именно тогда она и стала играть с Силой, ставить магические эксперименты на грани возможностей. Если Фаррео пытался остановить ее, Элья только смеялась и удваивала свои старания. Когда мы заметили ее болезнь, было уже слишком поздно. Где-то она перешагнула грань дозволенного, и магия поглотила почти все жизненные силы. Элья просто истаивала на глазах. Фаррео не отходил от нее ни на шаг, и, умирая, ревнивая девочка не захотела оставить его другим, забрала с собой. Надеюсь, они счастливы там, за Гранью. А сотворенные ею талисманы очень помогли нам во время штурма.

— Печально и поучительно, — сказал, опустив глаза, Командор, — но, увы, их не вернуть. А новых нет! Нельзя просто взять и объявить двоих Стоящими на Грани. Или заставить двух магов полюбить друг друга, чтобы они ими стали.

— Кроме того, Установления запрещают нам вмешиваться в личную жизнь людей, тем более, Мудрых, — вставила женщина, названная Родой.

— Какими бы ни были Установления, полагаю, что все хорошо в меру, — покачала головой Тайри, — в данном случае, мерой должна служить безопасность Города. Нужно было вовремя вмешаться...

— Установления нерушимы! — гневно сверкая глазами, ответила женщина, — и не вам судить...

— Они и не судят, Рода. Просто говорят то, что мы обязаны были понять несколько раньше, — мягко остановил ее Герт.

— Чего же вы хотите от нас? Чтобы мы на время заменили ваших потерянных магов? — спросил Даррен.

— Возможно, — кивнул Командор, — если вы будете соответствовать. Понимаете, Стоящие на Грани — всегда, испокон веков, мужчина и женщина, глубоко, истинно любящие друг друга. Их чувство позволяет им обрести особые силы. Именно так можно в нашем мире, удерживаясь на самой грани бытия, отыскивать магические потоки; только так, находясь на грани Света и Тьмы, можно оберегать покой Города и отвечать на самые сложные вопросы. Стоящие на Грани помогают всем остальным магам Ордена, и никто

кроме них не способен так тонко ощущать действие Закона Равновесия. Без них мы постоянно рискуем поколебать Весы и тем самым погубить Город.

Тайри и Даррен переглянулись и одинаково отвели глаза.

— К сожалению, эти роли не для нас, — наконец произнес Лоцман, — но мы попытаемся помочь во всем остальном. Стоящие на Грани всегда подбираются из аколитов Ордена?

— Как правило, — ответила женщина, — но сейчас многие правила не действуют. Если вам удастся найти такую пару в Городе, мы будем вам благодарны. Хотя и это не выход. На обучение новых Мудрых, даже очень одаренных магически, уходят годы, а времени у нас нет. У троих из вас я вижу огромные силы, вряд ли вы сами представляете их пределы. Возможно, мы найдем им применение.

— Орден устроен так, что каждый делает в нем то, что ему лучше всего удастся, — сказал Командор. Тайри подумала, что именно таким тоном он объясняет основы своим ученикам, — обладающие сразу несколькими способностями универсалы крайне редко рождаются в Городе. Вот Герт — Смотрящий сквозь Время, он видит прошлое и будущее. Именно с ним Вы, госпожа, в прошлый раз и разговаривали. Лиард — Владеющий Пространством, ему известны почти все тайные и тонкие пути этого мира. Но до Вас, Лоцман, увы, ему далеко. Астор — Светлый рыцарь, именно он защищает Город от магических нападений Тьмы. Рода — Поющая Стихиям, ей подчиняются вода и воздух. Я же являюсь, в основном, координатором общих действий, и в мирное время занимаюсь поиском и подготовкой будущих Мудрых.

— Насколько я помню, всем чужакам магия в вашем городе обходится очень дорого, — задумчиво проговорила Тайри.

— Разумеется, таким образом Город защищается. Вернее, защищался. Мы чувствуем, что древние установления рушатся. Что касается вас, то нет никаких препятствий для процедуры посвящения, кроме вашего желания, конечно, — ответил Смотрящий сквозь Время, — безусловно, с каждым из вас нам придется побеседовать наедине. Госпожа уже знает этот ритуал.

— Что ж, раз это необходимо... — равнодушно пожал плечами Лоцман.

— Но один вопрос мы должны прояснить немедленно, — сказал Командор, и остальные Мудрые согласно кивнули, — Вы привели с собой чужого. Он не рожден здесь, мы это чувствуем, и он — не один из вас. Должен признать, что полностью чужим называть его тоже было бы ошибкой. Какие-то непонятные ниточки напрямую связывают его с Городом, и этостораживает сильнее всего.

— Мы также чувствуем, что его разума коснулась Тьма, — добавил Астор с нажимом. Тайри отметила про себя, что этот высоченный, широкоплечий некрасивый человек с честным открытым взглядом и прячущейся в твердой складке губ улыбкой, болеет за судьбу Города куда больше других. Вот уж кто мог, совершенно не кривя душой, сказать: "Город — это я".

— Я считаю, Тьма изуродовала его, — уточнила, леди Даллет, — я вижу это, как видит любой целитель. У юноши, ни больше, ни меньше, отняли память. Загляните в его глаза, там только боль, ужас и одиночество. Он был на грани самоубийства, когда мы его нашли.

— И что вы собираетесь с ним делать? Не думаю, что именно он упомянут в пророчестве. Но даже если это так, в подобном состоянии от него мало толку, — с сомнением произнесла Поющая Стихиям.

— В подобном состоянии мы просто не имеем права его бросить, кем бы он ни был, — вступилась за найденыша Одри, — это бесчеловечно!

— Одри, мы не собираемся его бросать, — мягко сказал Даррен, — мы хотели попросить вашей помощи, Мудрые. Ведь наверняка можно что-то сделать.

Командор отрицательно покачал головой:

— Мы властны только над жителями Города. Все остальное может поколебать Весы. Вам могли бы помочь Стоящие на Грани, но их больше нет.

— Что ж, тогда мы попробуем сами. Надеюсь, до нашего посвящения чужое Городу волшебство не сдвинет Равновесия, — уверенно произнесла Тайри. Она терпеть не могла, когда вместо того, чтобы хоть как-то помочь, люди начинают разглагольствовать о том, можно или нельзя это делать. Да, тяжесть решения ляжет на ее плечи, только целительницу это ничуть не пугает.

— Вам будет очень трудно, — с нескрываемой издевкой в голосе предупредила Рода.

— Можно подумать, такое случится с нами в первый раз, — твердо ответила леди Даллет и встала, давая понять, что далее обсуждать этот вопрос не будет.

— Видит Всевышний, мы лишь печемся о благе и безопасности Города, — миролюбиво произнес отец Грант, — если вы убеждены, что ваш найденыш — не очередная уловка темных, мы поверим вам на слово. Во всяком случае, пока. Наблюдайте за ним, попробуйте достучаться до его памяти, но найдите способ понять, кто он такой. Надеюсь, после многих горьких уроков мы вовремя сумеем распознать опасность.

— Очевидно, нам нужно позаботиться о постоянном жилище для наших гостей, ведь они проведут в Городе не один день, — заметил Владеющий Пространством.

— Полагаю, мэтр Пегрон не откажется предоставить им один из своих домов. Я слышал, у него как раз пустует вполне приличный где-то здесь, в центре, — кивнул Герт.

— Если ему не мешает жадность, — криво усмехнулась Рода.

— Это не препятствие, у нас найдется, чем ему заплатить, — Даррен снял с пояса толстый кошель. — думаю, этого серебра будет достаточно хотя бы за первые пару месяцев?

— Будьте уверены! — ответил Смотрящий сквозь Время, — За такую сумму он на год отдаст дом целиком в ваше распоряжение. С клиентурой-то сейчас туговато, купеческие караваны не ходят, да и давно уже никто не селится здесь...

— Что ж, раз мы пришли к некоторому соглашению, мне хотелось бы увидеть свое нынешнее пристанище и немного отдохнуть с дороги, — Тайри сейчас больше всего хотелось проглотить чего-нибудь горячего и уснуть под теплым одеялом, — по правде сказать, я просто с ног валюсь.

— Коли ты занялся этим, Герт, будь добр, проводи домой госпожу и ее спутников, — попросил Командор, — дом Мудрых всегда открыт для вас, — обратился он к Тайри.

**** *
**** *
**** *

Договориться с домовладельцем действительно не составило труда: едва увидев груды серебряных монет, мэтр Пегрон превратился в само радушие. Уютный трехэтажный дом-башенка, каких в Городе было множество, стоял на тихой улице в нескольких кварталах от Королевской площади. Перед ним, по местному обычаю, располагался крошечный, совершенно запущенный палисадник: несколько разросшихся кустов и неухоженный цветник-горка. Правда, окна нового обиталища маленького отряда сияли чистотой, а изящные чугунные решетки балкона на втором этаже увивали нежно-зеленые побеги плюща. Внутри все было просто, но вполне удобно: массивная мебель темного дерева в комнатах на

третьем этаже, вполне сносные ковры, в большом общем зале на втором даже имелся исправный камин, а на первом располагалась чудесная большая кухня с печью и плитой. Остальное постояльцам было предложено обустроить по своему вкусу.

— Ну вот, — смущенно развел руками Герт, когда осмотр апартаментов был закончен, — не дворец, конечно...

— Нам понравилось, — ободряюще улыбнулся ему Лоцман, — не спорю, видали мы жилища и пороскошнее, но под открытым небом нам тоже не раз ночевать приходилось. Мы не привередливы, поверьте.

— Спасибо вам, Герт, — Тайри искренне пожала руку мага, — тут очень уютно. Мы будем рады видеть вас здесь.

Стоило Герту уйти, и беседа сразу перестала напоминать милое воркование и уютное мурлыканье. Найденьшу велено было отправляться в постель, а остальные без напоминаний собрались вокруг стола.

Глава 2

..В этом доме творятся странные вещи.

Например, мы с тобой тут творимся.

И еще всякое разное, по мелочам...

Макс Фрай, «Жалобная книга».

— Миледи, вы понимаете, в какой котел с кипящей смолой мы угодили? — Габриэль, как всегда, называл вещи своими именами, — если я хоть что-нибудь понимаю в людях, то, опираясь на пророчество, нами будут затыкать все дыры в обороне.

— А в случае неудачи повесят на нас всю вину, — кивнул Даррен, — но первым делом они уничтожат мальчишку.

— Ты так в этом уверен? — пожала плечами Одри, — тогда почему они сразу нас не запихали в какой-нибудь каменный мешок? К тому же Герт...

— Герт единственный, кто настроен более-менее дружелюбно. Может быть, он по натуре такой, а может, просто видит будущее, в котором мы окажемся полезными и Городу, и ему лично. А остальные... Ты же слышала, что последние восемьсот лет здесь фактически правили купцы. Мудрые, скорее всего, научились хорошо видеть выгоду и искать ее в каждой ситуации. А тут им судьба подсовывает таких удобных пришельцев, — ответила Тайри, — зачем изгонять или убивать чужаков, их ведь можно, к примеру, отправить в какой-нибудь опасный рейд — раз уж они сами утверждают, что хотят помочь Городу. А если они там и останутся — невелика потеря.

— Госпожа моя, откуда столько яду? — всплеснула руками деревенская колдунья.

— Госпожа и герцогиня осталась по ту сторону Тропы, Одри. Здесь мы все равны. А яд — он от хорошей и разнообразной жизни появляется. Прости, за последний год я как-то подрастеряла наивность и беспечность.

— Но если тебе так все не нравится, если ты видишь, что нами играют...

— Одри, милая, нами играют с самого начала, с первого шага на звездную Тропу, уходящую из храма на Ллире, — горько усмехнулась леди Даллет, — разве ты не видишь? Мы не знали, куда ляжет путь, да в тех обстоятельствах даже забыли спросить. Нашей задачей было сбить с толку Отступника и дать нашему миру вздохнуть спокойно. Тут уж не до выяснения... А теперь посмотри внимательно, что нам остается. Мост обрушен. Тоннели закрыты. Назад на звездную Тропу дороги нет. Вернуться из Города самим, взломав защиту? Прыгнуть со стены и отправиться куда-нибудь вплавь? Или принимать, одно за другим, предложения, от которых невозможно отказаться, и сражаться во славу Города. Потом, возможно, нам и позволят тихонько удалиться, чтобы не беспокоить впечатлительных горожан.

— И при этом риск оказаться в каком-нибудь подвале за крепкой решеткой пока никуда не исчез, — задумчиво промолвил Лоцман, — из пятерых Мудрых более-менее доверять можно только Герту. Астор и Рода явно не горят желанием нас здесь видеть, Лиард мне пока непонятен, но открытого дружелюбия я в нем не увидел.

— А Командор? — спросила Одри, — мне показалось, он хочет, чтобы мы остались.

— Вот именно, показалось. Понимаешь, он еще сам не знает, хочет он этого, или нет. Все будет зависеть от успешности наших действий и от того, насколько мы позволим себя использовать, — скривился Даррен, — знаю я такой тип деятелей...

— Ладно, вы во всем правы, — подняла руки лесная колдунья, — а от меня, сонной, все одно толку мало. Пойдемте-ка спать, иначе завтра вообще ничего соображать не будем.

Одри встала и быстро поднялась по лестнице в свою комнату. Габриэль, который давно уже клевал носом, последовал ее примеру. Даррен еще какое-то время стоял, глядя в окно на чужие звезды, потом тоже решил, что сон — лучшее средство от тревог и волнений. Тайри осталась сидеть в кресле у незажженного камина.

— Скажи, Лоцман, ты знал, что произошло после того, как меня ударили кинжалом? — голос целительницы остановил его на первых ступенях лестницы. Зеленоглазый медленно обернулся, чувствуя, как внутри разливается холод понимания. Он ведь догадывался, что Тайри, пройдя в шаге от смерти, ничего не помнит о случившемся “*по ту сторону*”, а возможно, считает это бредом или сном. А у него не повернулся язык сказать ей всю правду, да и Дзулика вежливо, но настойчиво попросила его не напоминать леди Даллет о грустном. И она надеялась, что не все потеряно, что встреча с любимым человеком еще возможна, надо только правильно искать и не сдаваться. А теперь она каким-то образом вспомнила о событиях на Сером Тракте...

— Да, я знал, конечно, — сказал, как приговор собственный произнес.

— Почему ты не сказал мне сразу? — ее голос упал до шепота, но и в нем было слишком много эмоций.

— Дзулика попросила... или приказала, уж не знаю как правильно. Объяснила это тем, что тебе нужно время, что узнав, ты опустишь руки и Тьма получит тебя легко и и быстро, а его величеству нужна поддержка. Да и сам я... не смог. Это как второй раз ударить кинжалом.

Тайри встала, зябко кутаясь в теплую шерстяную шаль, посмотрела на него снизу вверх. Ни гнева, ни осуждения не было в этом взгляде, только растерянность и боль.

— Там был Гай? У самой развилки?

— Да. Это он не дал тебе исчезнуть.

— А ты меня оттуда вытащил — назад, к жизни. Только вот...

Даррен подумал, что сейчас она скажет: “Зачем?”, и ему придется оправдываться за то, что он считал чуть ли не единственным стоящим поступком в своей жизни. Безусловно, он мог бы сказать, что Гай просил беречь её, что он сам хотел вернуть долг — ведь целительница тоже спасла ему жизнь, да много чего еще. Но леди Даллет глубоко вздохнула и продолжила:

— Только вот я не понимала ничегошеньки, пока Тропа не открыла мне глаза. Спасибо тебе. И... я рада, что это сделал ты.

Создатель милосердный, разве может так быстро холод смениться огнем? Чувствуя, как в груди разгорается маленькое солнце, а где-то на грани сознания машет золотыми крыльями кто-то огромный, золотой и очень довольный, Даррен, растеряв разом все слова, прошептал сбивчиво:

— Да разве я мог иначе? Без тебя нет ничего.

— Прости меня, Дар. Я не стою таких жертв... да и вообще никаких не стою.

Он схватил ее руку, прижал ладонью к своей щеке — она ведь маг, пусть поймет и почувствует, когда нет между ними щитов. Он не ожидал, что на него тоже обрушится вал

чужих чувств. Ее чувств. Лоцман чуть не задохнулся от пронзительного всепроникающего холода, ощущения пустоты и бессмысленности собственного существования и, вместе с этим, глубочайшей благодарности и тревоги за тех, кто рядом, и тех, кто остался по ту сторону Тропы. Значит, Тайри сейчас должна согреться, обязательно должна, ведь его чувства не менее сильные...

— Спасибо, Дар. Значит, нить между нами мне тоже не примерещилась?

— Я ничего об этом не знаю, Тайри. Если оно и получилось, то не нарочно. Это... эта связь как-то может повредить тебе?

— Ну что ты, конечно нет.

Намеренно или нет, но целительница продолжала прижимать к щеке ладонь Лоцмана, и ему не было нужды спрашивать, щадит ли она его. А еще ему хотелось, чтобы все, что сейчас происходит, длилось как можно дольше, ведь это такая редкость — быть с кем-то без щитов и вечного панциря притворства. Он не хочет и не будет ничего от нее скрывать! Странная теплая волна окатила его с ног до головы, точно порыв ветра, и целительница отступила, отпуская его чувства и мысли.

— Завтра будет тяжелый день, Дар. Спокойной ночи.

— А ты?

Леди Даллет только покачала головой и вернулась в кресло. Какой уж тут сон...

Процедуру, называемую почти во всех магических трактатах «пробуждением памяти», назначили на следующий вечер, а до того предстояло готовиться. Помочь вызвался, как ни странно, отец Грант. Он сказал, что мальчику пойдет на пользу пребывание в храме, и увел найденьша с собой. Даррен отправился в Дом Мудрых, дабы с помощью Астора и Лиарда изучить здешние магические потоки, которые так или иначе предстояло задействовать. Он хорошо помнил, как сложно ему было в прошлый раз творить даже примитивные чары иллюзий, насколько непослушны и своенравны оказались здешние силы. Риск следовало свести к минимуму, иначе процедура могла обернуться катастрофой.

Тайри осталась в саду дома Мудрых, не столько ради подготовки — она ей была практически не нужна — сколько для того, чтобы спокойно поразмышлять. Впервые за последние годы она засомневалась, сможет ли выдержать то, что задумала. Безусловно, рядом есть и будет Даррен, который, не задумываясь подставит плечо в трудную минуту и полезет за ней в любую преисподнюю, но... Нельзя его подставлять, и никого больше нельзя. После того, что она осознала во время Перехода, Тайри не чувствовала себя так уверенно, как раньше. Никогда еще Тропа не была такой странной, никогда не ощущалась совсем застывшей и неживой и, естественно, не приходили во время путешествий никакие видения. А тут... тут целительнице показали Путь — возможный и избранный. А еще показали кусок совершенно выпавшего из памяти прошлого, заставивший ее не только страшно затосковать, но и принять очень важное решение. Она никого больше не потеряет, не позволит погибнуть. Она сделает для этого все, что в ее силах. Больше никто не перешагнет Грань по ее вине или недосмотру. Поэтому — так, везде и во всем, прежде всего, сама суется в пекло, а потом уже тащит за собой остальных. С найденьшем будет тяжело, и основная тяжесть должна лечь на ее плечи. А уж как ей это сделать, она придумает.

— Простите, что нарушаю Ваше уединение, госпожа, — услышала Тайри уже знакомый голос. Перед ней стоял Смотрящий сквозь Время, Герт.

— Ничего страшного, я просто размышляла, — ответила она.

Ах, как же не вовремя! Ну, не гнать же его.

— Не хотите рассказать, о чем? — осторожно поинтересовался Мудрый, — Может быть, я чем-то смогу быть полезен? — он воткнул в землю свой посох и уселся рядом с ней на скамейке. Полюбуйтесь: чисто щенок, только что хвостом не виляет.

— Вряд ли, — вздохнула леди, стараясь поглубже упрятать неуместную сейчас едкую иронию, — в моем прошлом Вы не властны, да и в будущем, наверное, тоже. Понимаете ли, от воспоминаний нам никуда не деться, из них мы черпаем душевное равновесие, они же порой это равновесие у нас и отнимают.

Герт заглянул ей в глаза. Интересно, он и вправду умеет читать в чужих душах, как тут говорят?

— Сколько в Вас силы, госпожа... И сколько всего прячется за ней. Вас много и вы одна. Вы могли бы стать и Поющей Стихиям, и Белой Защитницей, и учить юных Мудрых. Так же, как ваш Лоцман был бы лучшим среди нас, совмещая все наши способности. Только вот, Стоящих на Грани из вас не выйдет, а жаль. Почему?

— Наверное, потому, что Грань мы оба видели слишком близко, Герт. И еще по тысяче причин. Для того чтобы соответствовать вашим требованиям и стоять на Грани, нужно сердце, а у меня его нет. Не дано, исчерпано, назовите как угодно.

— Воистину, мы слепы в собственной судьбе, госпожа, — печально произнес Мудрый, — вы и не подозреваете, сколько всего вам дано, и я имею в виду не магию. Просто время еще не пришло.

Тайри грустно улыбнулась. Время... какая чушь! Переход обрушил на нее лавину открывшейся памяти. Кто-то из сильных пожалел и запечатал всё, что случилось почти за Гранью, в недолгие и бесконечные минуты между жизнью и смертью. Целительница думала, что меткой тех событий останется лишь шрам, но звездная Тропа решила иначе. С неё точно сорвали спасительную повязку и выставили на яркий солнечный свет, причиняющий нестерпимую боль привыкшим к темноте глазам. Она вспомнила, узнала и поняла, что, а точнее — кого потеряла. И рухнула во тьму и холод одиночества. Да, рядом были друзья, влюбленный Лоцман, требующий непрерывной заботы и внимания найденыш, странный и опасный новый мир, но там, глубоко внутри, Тайри осталась совсем одна, потому что надежда развеялась, как дым. Гай умер, его больше нет — нигде и никогда. Не встретить, не дождаться, не прорваться, не отыскать, он ведь даже сниться ей перестал... Как ей удалось дойти до Белого моста и не шагнуть с Тропы в бездну, какие силы удерживали от этого сейчас, леди Даллет не понимала. Наверное, как это было всегда и со всеми, долг оказался сильнее личного горя. Наверное, как это будет со многими, жизнь и здесь не даст ей повода уступить собственной боли. Ничего, когда-нибудь... Она не успела привыкнуть к существующему положению вещей — к внутреннему одиночеству вряд ли можно привыкнуть быстро. Теперь в голове постоянно вертелась мысль, что на ее собственном гербе следовало бы написать: «Не судьба!». Бессонная ночь не дала облегчения, да целительница и не ждала его. Сейчас ей было абсолютно безразлично, куда поведет дорога и что ожидает в конце путешествия. Она пыталась жить данной минутой, изо всех сил училась искусству маленьких шагов и умению сосредоточенно работать над необходимым. Вот необходимо сейчас собраться и провести процедуру для найденыша — она это сделает, а там видно будет... И не заглядывайте, не заглядывайте, уважаемый маг, в мою память, к чему вам это? Я сама стараюсь теперь туда не заглядывать, иначе плохо будет не только мне. Ах, вы уже? В таком случае примите мои соболезнования. Сами виноваты.

Герт с трудом оторвал взгляд от невозможных осенних глаз, что смотрели, в сущности,

не на него, а в бездну, и ретировался, унося в душе чужую горечь и чужую потерю. А еще — странное чувство: надо же, ведь кого-то еще так любят! Даже мертвого, исчезнувшего отовсюду, даже зная, что больше никогда... Смотрящему-сквозь-Время больше всего на свете теперь хотелось, чтобы и его любили также.

**** *
**** *
**** *

Вечером следующего дня Мудрые и Хранительница ждали Даррена с найденным в условленном месте. Лоцман выбрал эту маленькую площадь на окраине Города не случайно — там сходились три очень сильных магических потока, и шанс помочь мальчику, опираясь на них, был максимально высок. Сама процедура особой сложности для Тайри не представляла, но ее последствия могли стоить ей жизни. Целительницу это нимало не заботило, зато пугало остальных.

А вот и мальчик — держится молодцом, совершенно спокоен. Действительно, ночь в Храме и беседы с отцом Грантом пошли ему на пользу. Чем спокойнее и увереннее он будет, тем легче убрать из его сознания ужас, оставленный Тьмой. Даррен, против обыкновения, волновался. Тайри чувствовала его эмоции почти также четко, как свои, и её раздражали настроения Лоцмана. Что толку беспокоиться, раз все уже решено и подготовлено? Хотя, это для нее решено, а остальные-то не в курсе. Были бы в курсе — устроили бы ей хорошенькую головомойку за излишнюю скрытность и опасный риск.

Как только сотворенный Дарреном и Одри магический купол накрыл их, Тайри, отрешившись от всех посторонних мыслей, заглянула в память мальчика настолько глубоко, насколько позволили ей потоки и собственное умение. Создатель, какой ужас ему пришлось пережить! Не удивительно, что он ничего не помнит. Измученный разум, защищаясь, просто заблокировал все воспоминания о пребывании мальчика в подземельях. Что за отвратительные обряды над ним творили: своеобразное поэтапное жертвоприношение Тьме. Сначала память, потом должно было последовать Имя, за ним — душа... Тело — лишь слабая оболочка, это в последнюю очередь. Но жрецы просчитались, что-то пошло не так, в памяти найденщика ясно отражались их растерянные и испуганные лица. Ну же, малыш, не сопротивляйся, я всего лишь хочу помочь тебе, попросила Тайри мысленно. Словно услышав ее, мальчик открылся, и весь пережитый им кошмар, вся физическая и душевная боль, весь страх и муки одиночества хлынули в разум и душу целительницы. Как и предполагала Тайри, основной поток темных воспоминаний ей удалось забрать, ведь подобное тянется к подобному. Оставалось только вычерпать его до дна, чтобы освободилось место для нормальных человеческих эмоций и ощущений, и она, ныряя все глубже и глубже, почти не удивилась, наткнувшись в определенный момент на непреодолимую серебряную стену в сознании мальчика. Вот и причина, по которой Темные не смогли заполучить свою жертву — удивительно сильный блок, явно магический, созданный мастером своего дела. Кто-то защитил найденщика, то ли предвидя подобную ситуацию, то ли просто на всякий случай. Как хорошо, что в жизни мальчика был этот человек...

Мудрые с ужасом и восхищением наблюдали за действиями Тайри и ее помощников. Возможно, всем им вместе и было под силу такое, но вряд ли они решились бы на столь опасное для собственного сознания колдовство.

— Одри, держи его, я на пределе, — прошептала леди Даллет, не в силах более выносить чужую боль, заполнившую, казалось, все ее существо. Не утонуть в этом мраке ей удавалось исключительно за счет очень сильной воли и тех светлых воспоминаний, что не стерла даже Тропа. Наконец, благодатный туман беспомысленности окутал сознание Тайри.

Главное было сделано, остальное спокойно довершат друзья.

Сколько прошло времени? Она не спала и не бодрствовала, видя картины и события, которые изо всех сил пыталась задержать подольше. Прошлое это или будущее, кто знает? Последнее, что промелькнуло в уже рассеивающемся мареве — мозаика из знакомых кусочков, из того, что составляло основу, суть прошлой жизни. Смех брата. Голос отца, напевающего за работой. Мамины чары, теплой вуалью накрывающие маленькую девочку. Долгие беседы с рыжеволосой яркой женщиной, мудрой, как сказочная птица. Улыбка и песни человека, похожего на лёд и горячего изнутри, спокойная уверенность другого — властного, решительного, надежного, на таких мир держится. Бестрепетный прощальный взгляд волшебного зверя, преградившего ей путь к смерти. И дальше, волной — ощущения, память тела, запах, дыхание, горячие руки, родные губы, шепот на грани восприятия... Нет, хватит, довольно, довольно же! Вынырнуть, воздуха, воздуха! Или уж заберите, дайте утонуть, не помнить, у мертвых ведь ничего не болит... Очнувшись, Тайри долго не могла понять, что с ней случилось. Лишь постепенно восстановив события, она забеспокоилась, все ли завершилось благополучно. Одри, очень вовремя заглянувшая в комнату, аж в ладоши захлопала от радости.

— Слава Создателю, наконец-то! Выбралась, выкарабкалась, бедная моя! Мы все чуть с ума не походили от беспокойства, ты же четвертые сутки без памяти! Лоцман, наверное, десятка три способов испробовал, чтобы тебя разбудить, и все напрасно.

— А как себя чувствует наш найденыш? — поинтересовалась леди.

— Ой, он странный такой стал, — пожалала плечами юная колдунья, — иногда задумается, а потом начинает говорить на каком-то непонятном языке. Слова вроде знакомые попадают, а понять его не могу. Потом очнется, я его спрашиваю, о чем он только что говорил, а он плечами пожимает. Зато когда ему Мудрые королевский дворец показали, он все башни назвал, точно всю жизнь знал, даже те, что уже разрушены или перестроены давным-давно.

— Странно. Он вспомнил что-нибудь о себе?

— Нет, — пожалала плечами Одри, — и это очень беспокоит Мудрых и Даррена. Он говорит, что полностью забрать у человека память возможно, но это, видимо, случай особый. Воспоминания, скорее всего, сохранились, как и основа личности, иначе мы бы имели дело с беспомощным безумцем. Значит, они очень глубоко спрятаны, возможно, за каким-то искусственным или врожденным магическим заслоном, который срабатывает в подобных ситуациях.

Как раз этот заслон я и увидела, подумала Тайри. А мальчик-то наш не прост! Недаром я почувствовала чужую магию. Чужую, но не враждебную. Похоже на очень сильное заклятие, унаследованное или наложенное при рождении. Снова магия крови! Распутывать такие вещи крайне сложно, если вообще возможно. Только бы Мудрые не попытались взломать этот блок силой, тогда все старания пойдут прахом. Добиться они ничего не смогут, только превратят парня в растение. Если уж смотреть на ситуацию взглядом целителя, найденыша необходимо просто оставить в покое, и все встанет на свои места. Надо все это как-то донести до нетерпеливых здешних магов, пока не испортили все что можно и нельзя, а для этого, прежде всего, нужно оторвать себя от подушки.

Не успела леди Даллет встать и одеться, как в комнату, без стука, вошел один из Мудрых. Не открывая лица, он застыл у двери неподвижной статуей, увидев, что Тайри сидит у зеркала.

— Проходите, Герт, присаживайтесь, — с улыбкой сказала Хранительница. Создатель с ними, с манерами, может у них так тут принято — вламываться к дамам без стука. А прятаться-то зачем, ей ведь никакого труда не составляет различать их всех, как говорит Лоцман, “по цвету”. Вокруг Смотрящего-сквозь-Время висела серебристая дымка, Рода тонула в алых сполохах, у Астора за спиной вился невидимый другим белый плащ, а тень Лиарда периодически рябила, точно море.

— Я не помешал, госпожа? — спросил Смотрящий сквозь Время, усаживаясь в кресло.

Конечно, помешал, как и в прошлый раз, когда решил рассказать мне обо мне самой, — с веселой злостью подумала леди Даллет. Интересно, у всех здешних Мудрых хватает ума являться крайне некстати, или Герт один такой? Но мы, конечно, будем до оскомины вежливы и ничего не скажем. И почему вдруг у слабой женщины появляется желание спустить кого-нибудь с лестницы?

— Вовсе нет. И не называйте меня госпожой, пожалуйста. У меня есть имя, — Тайри повернулась к гостю и встретила внимательный взгляд спокойных серых глаз.

— Которое из ваших имен вы предпочитаете? — спросил маг.

О, да он хочет подойти на шаг ближе, чем остальные. Ладно, пусть попытается. Интересно только, зачем ему? В сущности, ничего страшного в этом нет, родись они в одном мире — были бы ровесниками. По роду занятий Герт должен казаться старше и опытней, по крайней мере, такими всегда были Видящие из ее прошлого, а этот и выглядел, и вел себя как мальчишка. Мальчишка, изо всех сил притворяющийся взрослым.

— Если хотите, называйте меня Тайри, как Даррен.

— Нет. Это имя что-то значит для него, но не для меня. А как Вас называли в детстве? Или...

— Тайо, — почти шепотом ответила волшебница, — но это и правда детское имя, непригодное в нынешней жизни.

— А мне нравится! И, потом, *thaaj-'o* — четко, с легким придыханием в начале слова, произнес Герт, — на древнем языке Города — «огненная»... Вы владеете огненной стихией?

Тайри удивленно подняла одну бровь:

— Немного. А что здесь удивительного? — у нее на ладони вспыхнул язычок пламени величиной с палец.

— Наши Поющие Стихиям управляют лишь Водой и Воздухом, очень редко и с помощью Стоящих на Грани — Землей. Огонь подчиняется только мужчинам, далеко не всегда и очень слабо. В легендах сохранились упоминания о Властителях Огня, но это относится к столь древним эпохам, когда рядом с людьми жили и другие — истинные хозяева этого мира, крылатые.

Все повторяется, как и говорил Даррен, подумала Тайри. И здесь первой расой были Драконы. Только вот что с ними случилось? Все погибли в каких-то битвах, о которых теперь не помнят? И не осталось ни Князя-Хранителя, ни его воинов? Или кто-то остался, но так далеко, что не видит и не слышит происходящего? Спит или околдован? Вряд ли, будь в этом мире хоть один дракон, Тьма не подняла бы голову так высоко.

— Но лично я называл бы вас так, как сказано в пророчестве. Хранительница.

— Вряд ли это правильно, Герт. Слишком громко и совершенно незаслуженно.

— Это не мы придумали. Это знали Древние, и знали наверняка — раз вы здесь, с нами.

Тайри надолго задумалась, прав ли её собеседник. Покидая родной мир, она заботилась о тех, кто оставался. Теперь ей, очевидно, следовало думать о тех, кто рядом, особенно если

вспомнить все то, что говорила им на прощание Двудикая: Звездная Тропа сама приведет их туда, где они нужнее всего. Бесполезно искать иные выходы, этим можно только навредить и тем, кто остался, и тем, кто ждет помощи, и себе самим. Надо просто следовать открытой дорогой, и не роптать, что не ты выбрал её, а она тебя. Принять все, как есть, быть честной с собой и другими, и Весы сами вознаградят в конце пути. Тогда не было времени размышлять над напутствием богини тиншельтов, а сейчас ей казалось, что все это дым и ложь, ведь «главный приз» от Великих Весов она уже получила. Не сдавалась, отдавала все до капли, не боялась и не склоняла головы перед Тьмой — и что в итоге? Ступая на Тропу, Тайри еще ни о чем не догадывалась и ни о чем не вспомнила. Она хотела только одной награды, которой, увы, не будет уже никогда. Знала ли Двудикая истинное положение вещей? Несомненно, знала. И скрыла, спокойно отправив их всех сюда. Не могла лишь предвидеть, что Тропа решит все расставить по местам. Но этот-то город чем провинился? Появление чужаков видели не только Мудрые, старое пророчество помнят многие, и теперь с надеждой оглядываются на них, кивают, как родным, при встрече... Что остается? Как в таких случаях говорила Одри, попал в колесо — хочешь-не хочешь, а крути.

Герт осторожно пошевелился в кресле, не зная, стоит ли нарушать задумчивое молчание Хранительницы.

— Кроме разговора об именах и пророчествах, есть еще что-то важное, Герт? — проговорила Тайри, вставая.

— Да, госпожа, — ответил Мудрый, невольно любуясь ее гибкими движениями, — мои собратья по ордену в смятении. Память вашего найденьша не восстановилась, но появилось нечто иное. Они боятся, что Кадарн лишь морочит нас, что этот юноша — особо подготовленный лазутчик.

— Он жертва, и не более того. Я видела, и любой, кто даст себе труд, увидит, — голос леди Даллет сорвался при воспоминании о пережитом вместе с найденьшем, — что с ним сделали. Если они боятся заглянуть в него, пусть окунутся теперь в мою память. Все это я забрала себе, ни к чему мальчику такой груз. Теперь он свободен, его надо оставить в покое, и он все вспомнит без посторонней помощи.

Смотрящий сквозь Время подошел к Хранительнице, осторожно прикоснулся пальцами к ее вискам. Через пару минут он не выдержал и опустил взгляд.

— Как Вы это выдерживаете, Тайо? Сколько надо иметь сил! И почему только вы приняли на себя весь этот ужас? Я видел и Одри, и Даррена, их это совсем не коснулось! — Мудрый был поражен увиденным.

Леди вымученно улыбнулась:

— Зачем тратить их силы? А мне не привыкать. Как-никак я целитель, это одна из основополагающих практик — умение забрать чужую боль. Здесь почти то же самое. Загляните глубже, если не боитесь. Я разрешаю. Может, поймете, что мне нечего скрывать, и что со мной после такого ничего не случится.

На этот раз она сама прижала к вискам тонкие пальцы мага. И он увидел, быть может, много больше, чем хотел бы увидеть. Больше, чем в прошлый раз. Ее поиски и ее неудачи. Ее боль и то, что осталось от ее любви. Ее надежду и глубоко спрятанные мечты о доме. Ее путешествия и сражения. Её близких, и войну, которую пришлось оставить. Змеиный кинжал и Серый тракт, пройденный почти до конца, что и вовсе не укладывалось в голове у молодого мага. Герт зажмурился и медленно перевел дыхание. Ему стало страшно: как, как один человек, за такую совсем недлинную жизнь смог столько повидать, перечувствовать,

потерять и выжить при этом? Кто придумал для хрупкой Тайо такую судьбу? До сего момента он чувствовал в Хранительнице лишь огромные силы и непреклонную волю, видел в ней предсказанную избранницу Города, а теперь... Он неожиданно увидел молодую, печальную, наделенную многим от природы женщину. Многим, но не возможностью выбирать себе судьбу. Судьба уже выбрала ее, и с этим, конечно, можно поспорить, но... Где-то глубоко сверкнула и погасла мысль: а не является ли он сам частью этой судьбы? Не бывает ведь лишних встреч, и совпадения в жизни магов не случайны!

— Предупредите Ваших собратьев, Герт, — услышал он, точно издалека, ее голос, — я хочу окончательно объясниться с ними. Боюсь, что своими стараниями обнаружить в найденьше Тьму, они могут испортить все дело.

Маг кивнул и удалился. Как и полагается имеющему дело со временем чародею, он хорошо чувствовал перемены, и знал, что в этом вопросе Хранительница окажется права.

Разговор с Мудрыми получился тяжелым и нервным. Тайри не располагала иными аргументами, кроме собственной убежденности, а ее визави были, мягко говоря, неуступчивы, если не сказать — враждебны. Все, кроме Герта, настаивали на том, чтобы найденьш либо был изгнан, либо прошел через опасную и болезненную процедуру магического очищения. Больше всех этого требовал Светлый защитник, и Тайри не могла его осуждать.

— Мне понятно ваше недоверие, почтенные маги. Вам кажется, что попытка вернуть память этому юноше не увенчалась успехом, и надо сделать что-то еще. Я же прошу вас оставить его в покое, хотя бы на какое-то время, чтобы блок, удерживающий его воспоминания, смог раскрыться сам. Кроме того, я ручаюсь, что Тьма более не властна над ним, — устав от бесконечных препирательств, сказала целительница.

Маги Города, нехотя и с превеликим трудом, согласились отпустить юношу под личный присмотр Даррена и Тайри. На вопрос, что по этому поводу думает Лоцман, тот лишь улыбнулся и сказал, что целиком с Хранительницей согласен.

Владеющий Пространством, Лиард, принялся обсуждать с Дарреном состояние Тоннелей, соединяющих Город-над-Морем с сопредельными мирами. Безусловно, задача не терпела отлагательств, потому что очень скоро Город останется без продовольствия. Ну и кому еще можно было, не опасаясь последствий, предложить лично исследовать этот вопрос “изнутри”? Вряд ли он откажет. Просьбу-то можно отложить на потом, а пока исподволь заставить гостя применить свои обширные знания и способности на пользу Совету.

Тайри, утомленная магическими подробностями разговора, решила прогуляться, проводить ее вызвался все тот же Герт. Выйдя из Дома Мудрых, они обнаружили Одри и найденьша, сидящих на скамейке в саду. Юноша о чем-то увлеченно говорил, а Одри недоуменно взирала на него, видимо, ни слова не понимая. Герт внимательно прислушался к речи мальчика и шепнул Тайри:

— Он говорит на Древнем наречии. Так разговаривали в Городе еще в эпоху королей. Уж не потомок ли наших уплывших тысячу лет назад соплеменников сидит сейчас перед нами? Вы могли разбудить «память крови», и с нами сейчас говорят через него его предки. Кстати, как его зовут?

— Не знаю. Своего имени он так и не вспомнил, — ответила Тайри.

— Что ж, значит надо дать ему новое, — задумчиво проговорил Смотрящий сквозь Время, — в обряде Наречения нет ничего магического, этим ведает отец Грант. Зато мальчик, получив имя в нашем Храме, сразу окажется под защитой всех сил Города.

— А ведь действительно, негоже ему ходить безымянным, — кивнула, соглашаясь, Хранительница, — у нас в древности верили, что Тьма охотится за истинным именем человека. Если я все правильно поняла, до его имени эти мерзавцы не дотянулись, но раз уж так безопаснее, то пусть будет Наречение.

Герт пообещал в ближайшее время переговорить с настоятелем Храма, а Одри, узнав, что маг понимает Древнее наречие, попросила его как-нибудь послушать и "перевести" один из рассказов найденьша на современный язык.

Даррен догнал Тайри, Одри и мальчика почти у самого дома, на Дельфиньей улице. Против обыкновения, Лоцман был мрачен и взволнован, видимо, Лиард сообщил ему нечто неутешительное.

— Тебя так сильно беспокоят Тоннели? Разве там, кроме известного нам противника, мы можем встретить кого-то еще?

— Да, Тайри. Тоннели — создание силы столь древней, что о ней сохранились лишь смутные и неоднозначные упоминания, да и то, не в хрониках, а в легендах. Лиард считает, что маги Танх Каара пытаются пробудить эту силу и подчинить себе. Кто знает, может, им уже удалось. Меня это не страшит, но я боюсь за тебя и Одри.

Тайри криво усмехнулась.

— Быстро же они начали. Вот и первое предложение, от которого нельзя отказаться. Скажи мне, а как ты сам видишь Тоннели? Лоцман должен воспринимать это древнее творение несколько иначе, чем здешние маги. Вот меня не оставляет мысль, что это хитро преобразованные Тропы. Именно поэтому Темным, как мне кажется, не по зубам напрямую взаимодействовать с их создателями. Они могли приготовить нечто нейтральное, не являющееся порождением темных сил, но способное как-то воздействовать на чары, что превратили некогда зыбкую Тропу в камень. Я не знаю, работает ли в Тоннелях закон Весов и так ли опасно там колдовать, как на Тропах. Все придется выяснять на месте, нравится нам или нет. А ты не думал о том, чтобы проникнуть в сопредельные миры не по Тоннелям, а иным путем?

— Думал. Но это еще более опасно. Конечно, можно попытаться, но только в том случае, если у нас не будет иного выхода. Понимаешь, я не знаю, есть ли здесь свои Перекрестки, стабильные точки переходов, а если и есть, то как они управляются, по каким законам живут. На изучение этого всегда нужно время. Как и на создание новой Тропы. Мой прошлый визит в Город показал, что Тропы вокруг него ведут себя крайне необычно. Попросту говоря, перепутаны и перекручены, будто кошка клубком поигралась. И еще они время от времени меняют направление или вовсе исчезают.

— Стало быть, пойдём так, — пожала плечами Одри, — лично я не сомневаюсь, что нас четверых для этой задачи достаточно.

— Мне бы твою уверенность, — мрачно усмехнулся Лоцман.

— А я? — почти шепотом спросил найденьш, — я не хочу оставаться один.

— Не бойся, малыш, — улыбнулась Тайри. Слово само сорвалось с губ, хотя именно "малышом" найденьш и не был. Вытянувшийся, как свечка, вполне обычный юноша, может, чуть младше Одри, — я попрошу отца Гранта и Смотрящего сквозь Время быть с тобой рядом до нашего возвращения. Они не дадут тебя в обиду.

Найденьш с надеждой заглянул Хранительнице в лицо и неуверенно улыбнулся. Рядом с этой женщиной он чувствовал себя в безопасности, и, что странно было ему самому, он чувствовал себя дома. Хоть напрочь не помнил, как это — дома...

Отец Грант не просто охотно откликнулся на просьбу мага, он требовал провести церемонию Наречения как можно скорее. У Тайри, напротив, не было желания принимать скоропалительные решения. К тому же, её смущали некоторые особенности процедуры и убеждения, с этим связанные. Настоятель в качестве нареченных матери и отца найденьша видел исключительно Хранительницу и Даррена, ни о ком другом он и слышать не хотел. Лоцман не возражал — он узрел в этом некий знак свыше. Леди Даллет же отнеслась к требованию отца Гранта с изрядной долей осторожности и скептицизма, честно признавшись себе, что оказалась совершенно не готова к такой роли. Ну какая из нее мать, пусть даже и названная? Тайри, насколько могла убедительно, постаралась объяснить это увлеченному идеей священнику. Настоятель для виду попытался возражать, но его аргументы оказались явно слабее. Поняв, что торопить волшебницу бесполезно, отец Грант отложил процедуру Наречения до возвращения магов из экспедиции.

Было холодное туманное утро, шли последние приготовления к походу. Тайри, по привычке, тщательно проверяла оружие, и без того безукоризненно подогнанное и отлаженное, когда возле открытой двери её комнаты бесшумно возникла хорошо знакомая фигура в темно-синем плаще. Лицо, как всегда вне дома, скрывал капюшон. Как будто она могла не узнать его!

— Я рада, что Вы зашли попрощаться, Герт, — Хранительница тепло улыбнулась. Видимо, именно это и подвигло его перешагнуть, наконец, порог. Иначе, так бы и топтался снаружи.

Общаясь с магом времени, Тайри пыталась понять, отчего каждый раз возникают такие непохожие впечатления. То он кажется ей почти стариком, то совсем молодым, то сильнейшим магом, наделенным почти непреодолимой силой, то беспомощным учеником... Это происходит оттого, что он сам еще не понял, чем владеет, или это Время оказывает такое влияние на посторонних?

— Я просто хотел сказать... — как-то смущенно проговорил маг, опуская капюшон, — Возвращайтесь, Тайо! Мы все будем ждать вас. Вы даже не представляете себе, как много надежд связано с вашим походом.

Ну, про всех — это он, мягко говоря, преувеличил. Всё никак не поймет, что не стоит выдавать желаемое за действительное. А улыбается он хорошо, искренне. Можно было бы и не замечать, но когда настороженности и враждебности вокруг так много, поневоле радуешься простому проявлению доброго расположения. И чего он стесняется?

— Послушайте, Герт, уж кому-кому, а Вам-то не составляет труда узнать, вернемся мы или нет, — с легкой укоризной в голосе сказала Хранительница.

— Я не стал тревожить Время, — покачал головой Мудрый. Тайри продолжала молча смотреть на него, и он, решившись, добавил, — если, упаси Всевышний, все закончится плохо, я не хочу знать об этом заранее. Предпочитаю надежду отчаянью.

— Вот как! Что ж, наверное, это правильно. Да и мы не собираемся становиться легкой добычей для ваших... наших противников. Не затевают поход, ожидая поражения. Сдался в мыслях — значит, проиграл.

— В этих доспехах вы прекрасны, — задумчиво сказал Смотрящий сквозь Время, — мне почему-то кажется, что серебристый шелк или зеленый бархат подошли бы Вам больше.

Тайри вздрогнула. Откуда Герту знать, что она, действительно, недолюбливала доспехи и предпочитала, по возможности, серебристый шелк и зеленый бархат? Да раньше и не приходилось ей облачаться в настоящую броню, хоть и выполненную столь искусно, и

специально облегченную для неё.

— Я тоже считаю, что леди гораздо более к лицу шелк и бархат, нежели сталь и кожа, — наткнувшись в очередной раз на слишком внимательный взгляд его серых глаз, леди предпочла сменить тему, — Простите, Герт, мне пора.

— До свидания. Тайо, — он упорно предпочитал называть ее понравившимся именем, — Город будет ждать вас. Я буду ждать. А вы будете знать об этом, и путь будет легче. Берегите себя.

Ну, это еще как посмотреть. Маг, конечно, преувеличил насчет Города. А помнить в пути они будут только о том, что не имеют права на неудачу, и вовсе не ради собственной славы.

**** *
**** *
**** *

Каменные ворота, закрывающие вход в тоннель, плавно скользнули в стороны. Впереди открылась ровная дорога, достаточно широкая, чтобы на ней разошлись два каравана с товарами. Своды тоннеля светились неярким серо-голубым светом, стены украшал вырезанный на камне орнамент. В пересечении завитков и линий угадывались какие-то знаки, и Одри все пыталась вспомнить, где их видела. Интересно, кто же создал Тоннели? Мудрые говорили туманно: первые хозяева этого мира. Лиард рассказывал, что до последнего времени купцы и путешественники считали, что нет более безопасных путей, чем эти. Особое древнее волшебство хранило их, или же всеобщая убежденность, что с Тоннелями ничего не может случиться, а может, негласный запрет на пролитие крови под каменными сводами, кто знает? И вот теперь Тьма нашла какой-то обходной путь и закрыла надежную дорогу между мирами. Так считали маги Города, а маленькому отряду с Лоцманом во главе предстояло выяснить правду.

По началу никто не чувствовал ничего опасного. Даже Одри с ее великолепным чутьем, не ощущала вообще никакого волшебства. Они шли, негромко переговариваясь, часа три, и вокруг пока ничего не менялось. Переход по Тоннелю до мира лесов — Арашамфа, как называли его горожане, по ощущениям раньше занимал часов семь-восемь, но Даррен сразу сказал, что время здесь течет совсем иначе, чем в Городе. Первый тревожный сигнал маги получили у развилки, где основная дорога делилась на три малых, ведущих к разным Вратам лесного мира. Все три двери, как и полагается, были снабжены специальными опознавательными знаками. А перед ними в беспорядке валялись разбросанные рулоны тканей, разбитая глиняная посуда, рассыпавшиеся кульки и коробочки. И то, что осталось от караванщиков. Кто здесь похозяйничал? Зла по-прежнему никто не чувствовал, впечатление было такое, что несчастные торговцы попали в переделку давным-давно, и с тех пор все было тихо — даже ауры страдания не осталось. Или ее старательно вылизали?

Даррен ощутил слабый всплеск какой-то очень странной магии за средней дверью. Отряд двинулся туда — а что еще оставалось? Через полсотни шагов Тайри заметила, что орнамент на стенах стал постепенно искажаться: сбился ритм, изменились многие элементы. Очень быстро даже Габриэль понял, что на стены лучше не смотреть, иначе перед глазами остается только этот орнамент, он полностью захватывает внимание: сначала ты теряешь из виду спутников, а потом начинает мерещиться нечто совершенно несусветное. А что дальше происходит, никто узнать, слава Творцу, не успел, даже неожиданно поддавшаяся чуждому воздействию Одри. Хранительница мягко коснулась её затылка прохладными пальцами, и наваждение исчезло.

— Прошу тебя, осторожнее, — сказала она, — это древнее искусство и не магия вовсе,

не злое и не доброе, поэтому и опасно.

— Умели раньше затуманить мозги без всякого волшебства, — произнес Даррен, — у нас было нечто похожее. Знания о свойствах человеческого восприятия, собранные на протяжении многих веков. Посвященные в это искусство умели воздействовать на подготовленного человека играючи. Именно поэтому мои соплеменники стараются даже не заглядывать в оставшиеся от той эпохи храмы и здания. Можно блуждать вечно в лабиринтах, которых нет, или умереть от ужаса, внушенного тебе искусно составленным орнаментом.

— Тайри, а тебя это совсем не задело? — спросила лесная колдунья. У нее от картинок все плыло перед глазами, и пол уходил из-под ног, — как тебе удалось?

— Зацепило, только чуть меньше, чем вас. Такое впечатление, что мне пытались помочь, — задумчиво глядя на мягко пульсирующий гранат-оберег, принесенный из родного мира, ответила целительница, — видите, камень что-то пытается остановить, но его сил явно недостаточно.

Одри только с сомнением хмыкнула, и тут же изменилась в лице, став похожей на хищную кошку. Её спутники еще ничего не видели, только умница Габриэль потянул из ножен парные мечи. К магии он не способен совершенно, зато ее с лихвой заменяет потрясающая интуиция. Колдунья видела, как лепестки одного из сложных цветков узора зашевелились, потянулись к людям. Одновременно спираль на противоположной стене слилась в сплошной черный круг. Стало понятно, что это — дверь, и то, что за ней скрывается, внушает такой ужас, которого Одри в своей жизни не испытывала.

— Одри, Габриэль, встаньте ближе, — спокойно сказал Лоцман, — пакость, конечно, изрядная, но не она здесь главное зло. Тайри, подними щит, мне так будет спокойнее.

Как только леди Даллет закрыла отряд магическим щитом, Даррен что-то беззвучно проговорил одними губами, и вдоль обеих стен полыхнуло листовенно-зеленое, яркое — до боли в глазах, пламя, в котором, корчась, погибали хищные отростки неведомого «охотника». Черный провал «двери» втянул в себя длинный язык зеленого огня, и пол под ногами содрогнулся. Видать, хозяева этой засады не рассчитывали на столь решительный ответ. И тут началось вокруг такое, что лесная колдунья сочла за благо поставить второй щит и замереть, не дыша. За пределами призрачного, чуть гудящего от напряжения купола, остался только Лоцман, сражающийся с кем-то серо-багровым, обволакивающим, совершенно непонятным и оттого вдвойне опасным.

— Ну, вот и все, — прозвучал голос Тайри, — бояться больше нечего. Дар, как ты?

— Не беспокойся, — слабо отмахнулся Лоцман, — я в порядке.

— Может, не стоило так выкладываться? — осторожно открывая глаза, спросила Одри. Уж что-что, а оценивать масштаб вложенных в заклинание сил она научилась. Даррен ударил так, что его чары могли перемолоть в песочек средних размеров замок.

— Стоило, моя леди. Необходимо было выжечь гнездо этой хищной твари. Правда я, похоже, уничтожил его вместе с каким-то пространственным мешком, в котором всё и прятали. Зато коридор чист, — объяснил Лоцман, не без гордости оглядывая поле битвы.

И правда — насколько хватало глаз, орнамент был изменен, исчезли целые куски, кое-где расплавившийся камень потек, ломая ритм рисунка. На этом участке пути опасности больше не было.

— Ну, здешнюю дрянь ты обезвредил, — рассудительно заметил Габриэль, — так ведь ей одной дело не кончится. Чует мое сердце, ждут нас испытания покрупче.

— У нас есть выбор? — устало пожал плечами Лоцман, — прорвемся...

Если бы этой ловушкой все закончилось, Даррен был бы счастлив. Как оказалось, вторая западня находилась буквально «в двух шагах» от лесного мира. И устроена она была для обычных людей, вряд ли способных распознавать чужое и чуждое колдовство.

Коридор поворачивал под прямым углом, и там, за поворотом, творилось нечто странное. Ни обычным, ни магическим зрением ничего уловить было нельзя, именно поэтому не поддающееся определению беспокойство на грани понимания было лучшим сигналом насторожиться. Никакой магии, а маленький отряд точно прижало к земле невидимым грузом.

— Что здесь припрятали, Даррен? — негромко спросила Тайри, и он отчетливо ощутил гамму ее эмоций. Еще недавно такая решительная, полная боевого задора, его леди сейчас была почти безразлична и к себе, и к происходящему вокруг. Нечто вполне успешно усыпляло все инстинкты и наработанные навыки, и не только у нее. Видимо, первой сработала боевая выучка, чему можно было только радоваться.

— Смотрите! — воскликнул Габриэль, указывая на нечто бесформенное, лежащее посреди дороги.

Маги подошли ближе. Это был человек, скорчившийся под серым плотным плащом. Он закрыл лицо руками, всхлипывал и вздрагивал, точно от ударов. Тайри, как целитель, видела, что несчастный был очень слаб, и жизнь продолжала уходить из него, утекать тонкой струйкой, хотя физически этот человек был здоров. Леди Даллет прошептала над лежащим одно из заклинаний Гарды, и он перестал дрожать.

— Не бойтесь, — на языке Города сказала Одри, — мы не причиним вам зла. Мы пришли помочь.

Человек осторожно отнял от лица руки, и устремил на нее усталый взгляд огромных, чуть раскосых темных глаз.

— Мне уже ничем не поможешь. Уходите отсюда, разве вы не чувствуете, оно еще не насытилось... Ему мало моей жизни.

— Оно нас не тронет. Мы унесем тебя отсюда и вылечим, — мягко сказала Тайри, и что-то в ее голосе было такое, что умирающий путник поверил сразу же, и даже попытался встать.

— А оно не пойдет за нами? Его нельзя допускать в леса.

Да что же это такое, чего так боится житель Арашамфа? Если оно никак не ощущается, если его нельзя увидеть вторым зрением, что же остается? Серые Зеркала? Лоцману очень не хотелось заглядывать в столь зыбкие области, он, конечно, был обучен приемам и чарам, но никто не гарантировал ответа. Тем не менее, Даррен сделал над собой усилие и потянулся к тому месту, где все показывалось в истинном виде. Здесь, на этой чудесной дороге, в незапамятные времена проложенной между мирами, оказалось странно легко заглянуть в Зеркала. И ответ оказался быстрым, хоть и не очень понятным. На искусно замаскированном уровне тоннель был затянут тончайшей живой алмазной паутиной. Кто притащил сюда охотника, живущего в тонком мире? Редкого и привыкшего к легкой и беззащитной добыче. Маленький отряд совершенно случайно оказался ему не по зубам. А вот жители Лесов, видимо, пришились этой твари по вкусу — иначе бы она не была сейчас столь сильна. Отъелась!

Лоцман тяжело вздохнул. С этой областью магии он едва был знаком, что-то читал, что-то слышал от наставника. Оставалось полагаться на интуицию, которая почему-то

нашептывала вполне отчетливо, что паутину выжигают. Чем? Да огнем, конечно! Даром, что ли, где-то в середине груди жжется и просится наружу яркий, как солнце, комок. Только отправь его плавным движением в самый центр паутины, это ведь Живой Огонь, он дальше все сделает сам...

Вопль хищницы, поглощаемой Живым Огнем, был слышен не только в тонком мире. Всем сразу стало легче дышать, и жизнь лесного человека была уже вне опасности. Только Лоцман стоял, напряженно прислушиваясь к самому себе и силясь понять, откуда пришло знание о том, что может Живой Огонь, что с ним надо делать и почему он совершенно уверен в том, что ловушек на этой дороге больше не будет. Неужели мой Учитель был прав, растерянно думал Даррен, и начинает пробуждаться неведомая наследственная магия? Магия моих родителей, которых я никогда не видел...

Глава 3.

— Мы с тобой молодцы, сделали всё, что могли.
Осталось ещё сделать всё, чего мы не можем,
и тогда успех гарантирован.

Макс Фрай. "Ворона на мосту"

Тоннель завершился огромной пещерой. Таких красивых пещер никому из них еще видеть не приходилось: удивительные переливы оттенков на яшмовых стенах, сверкающие друзы кристаллов и рукотворная дорога, мягко светящаяся под ногами. Там, где она заканчивалась, открывался вид на зеленое шумящее море внизу, у подножия гор — огромный лес до самого горизонта. Что-то более величественное и, в то же время, умиротворяющее, трудно было придумать.

Лоцман решил, что пора сделать привал. Габриэль утверждал, что он-то совсем не устал — даже мечом толком помахать не удалось, маги все сделали без его помощи. Вообще воин точно светился от какой-то одному ему ведомой приятной мысли. Когда Одри осторожно спросила его, отчего ему так весело, тот только плечами пожал: нет повода огорчаться! Все ловушки найдены, Тоннель свободен, дальше легче будет... Тайри сказала только, что хотела бы также радоваться любой удаче, даже маленькой.

Рето — парень, которого выцарапали у магической хищницы — заметно повеселел и уже смог идти сам, точно вид родных лесов мгновенно вернул ему силы. Целительница расспрашивала его, как давно стали недоступными пути между мирами, и что после этого произошло. Спасенный поведал, что, по местному счету времени, прошла половина солнечного цикла с тех пор, как из Города вернулся последний караван с железом, солью и книгами. Из леса в Город традиционно везли пушнину, провиант, уголь и бумагу. Караван-то караваном, но матери уже больше года не видели своих сыновей, отправленных в Город-над-Морем обучаться ремеслам и наукам.

— Надо бы поговорить со здешними посвященными, — сказала Одри, — как думаете, они не будут против? — обратилась она к спасенному.

— Конечно. Но сейчас они все там, — наш собеседник указал в сторону заходящего солнца, — отсюда не видно, но там Великая Топь, и она наступает. Она уже поглотила часть наших лесов и один из главных городов, где находится особо почитаемый храм Зеленой богини. Он стал недоступен, хотя и не утонул, как весь остальной город, и там еще держатся несколько десятков жрецов и жителей города, которые не захотели покинуть родные места.

— А болота начали наступать приблизительно тогда же, когда закрылись тоннели? — спросила Тайри.

— Верно, — кивнул спасенный, — а мы и не догадывались, что это может быть связано. Наверное, великая богиня слышала наши молитвы!

— Не спеши радоваться, Рето, — покачал головой Лоцман, — эта война с Сыном Ночи идет повсеместно, и в Городе тоже. Нам бы понять, как можно остановить его, не важно, здесь или там. М-да, — добавил он, глядя на бесконечный лес внизу, — топтать нам дня три, никак не меньше...

Но Лоцман ошибся. Рето извлек откуда-то из складок плаща маленький рог, изукрашенный искусной резьбой, и протрубил трижды. Удивительно чистый хрустальный звук разнесся над скалами. Через какое-то время высоко в небе показалась стая очень крупных белых птиц, явно направляющихся к утесу, на котором обосновался маленький отряд.

— Я с ними дружил с самого детства, думаю, они не откажут мне в такой пустячной просьбе, — улыбаясь, сказал лесной житель, — Я попрошу их отнести нас в лагерь. Это гораздо быстрее, чем пеший переход, даже Прямой Тропой.

Он произнес «Прямой Тропой» так значительно, что всем стало понятно — по этой тропинке далеко не всякий может пойти прогуляться. И почему-то совсем не удивило, что крылатые друзья Рето оказались вовсе не птицами, а крупными кошками — размером со среднего тигра. Густой белый мех искрился в лучах заходящего солнца. Огромные крылья, ничуть не мешая, были сложены на спине. На людей уставились пять пар внимательных, не по-звериному умных глаз. Вожак этой невиданной стаи, обладатель пышной гривы, рыкнул негромко и положил массивную голову на плечо Рето. Лесовик улыбнулся ему, как старому другу, и прикрыл глаза.

— Они разговаривают, — шепотом сказал де Рейвену Лоцман, — мысленно. Я даже слышу других крылатых кошек.

— А ты попробуй поговорить с ними сам, — предложил Габриэль.

— Нельзя. Мы чужие для них. Может, это запрещено...

— Не запрещено, если ты не желаешь нам зла, и мы сами того захотим, — услышал Габриэль мягкий шепот у себя в голове. На него в упор смотрела красавица-кошка, лоб которой украшало светло-рыжее пятно в виде треугольника, перевернутого вершиной вниз.

Воин от неожиданности совершенно растерялся и стоял, не в силах не то что сказать хоть слово — даже подумать. Ведь он не маг, а происходило с ним сейчас нечто поистине невероятное и волшебное.

— Это не магия, друг, — сказала его собеседница, — это твои способности, что спали до времени... Все могут разговаривать мыслями, но не все хотят и не везде можно.

— А здесь можно?

— Можно, — эта кошка что, посмеивается над ним? Такое вообще бывает? — Я буду звать тебя Гром, ты думаешь очень громко, — заявила она, и Габриэль понял, что другого имени крылатая просто не признает, — а я — Тила.

Она подошла, грациозно потянулась и улеглась рядом. Лейтенанту почему-то стало тепло и удивительно спокойно. Здесь, в чужом мире с чудным именем Арашамф, похожим на голос ветра в листве, у него появился друг. Точнее, подруга — независимая и своенравная, но надежная, как сами Леса, её породившие.

Крылатые кошки отнесли своих друзей, или, скорее, подопечных — они считали себя старше, опытнее и мудрее людей из чужого мира — на границу болот. Лагерь лесовиков был искусно спрятан в зарослях, на обширной лужайке стоял только чудесный маленький храм, казалось, целиком сплетенный из выющихся цветущих растений. Лозы обвивали двенадцать стройных колонн, образующих круг. Наверху переплетением ветвей был образован купол, а проемы закрывал усыпанный розовыми и белыми цветами зеленый занавес.

Путешественники отпустили своих летунов и стояли тесной группой, внимательно осматриваясь по сторонам. Тайри, будто услышав какой-то сигнал, бросила на траву плащ, аккуратно сняла и положила на него перевязи с мечом и метательными ножами, рядом легли

нож-засапожник и маленький изящный арбалет. Секунду подумав, Тайри стянула через голову серебряную кольчугу.

— Зачем?! — удивилась Одри.

— Разве ты не поняла? Посмотри на нас и на Рето. Мы мало похожи на тех, кто приходил сюда раньше. Купцы и лекари не нуждались в доспехах и оружии, хотя и привозили его сюда. Я всего лишь хочу показать, что у нас нет дурных намерений, — ответила Хранительница.

Лоцман понимающе улыбнулся и положил рядом ножны со своим мечом — другого оружия он не носил.

— По-моему, нас ждут в этом храме, — не очень уверенно произнесла Тайри.

— По-моему, они уже теряют терпение, — глядя, как то тут, то там шевелится зеленый занавес, усмехнулся Лоцман, — пойдем. Не будем их обижать.

И они, взявшись за руки, точно дети, быстро преодолели расстояние до лесного храма, и скрылись в нем.

— А ты почему не идешь с ними, Рето? — спросил Габриэль лесовика.

— Их же позвали... А мне нельзя. Я не имею посвящения Зеленой богине. Кроме того я, наверное, долго считался пропавшим, и пока мой род не признает меня, я останусь для соплеменников опасным чужаком. А с оружием твои друзья поступили верно — в дом Зеленой с железом не входят.

Храм, казавшийся снаружи совсем небольшим, внутри выглядел достаточно просторным. Растительная завеса шевельнулась и раздвинулась так, чтобы на вошедших падал свет солнца. Двенадцать фигур стояли перед высоким пьедесталом, над которым точно парила дивной работы статуя женщины. Тело ее окутывала легкая зеленая ткань, длинные золотистые волосы спускались до колен, закрывая половину лица и левую руку. В правой был тонкий деревянный посох, увенчанный веточками с едва распустившейся зеленой листвой.

Тайри и Даррен переглянулись — не ипостась ли Двумикой почитают лесные жители?

— Что вы ищете в храме Вечно Юной? Вы, пришедшие по дороге, несущей смерть приведшие с собой потерянного... — на языке Города сказал один из жрецов.

— Мы пришли с миром, — спокойно ответил Даррен, — и хотим помочь вам победить топи. Мы из Города-над-Морем.

— Что стало его жителями, пришельцы? Почему с вами не пришел никто из тех, кого мы знаем? — на этот раз спрашивала женщина.

— Там беда. Тьма закрыла пути не только в ваш мир, Город стоит на пороге голода. Полагаю, вам известно, что будет, если Тьма захватит его, — ответила Хранительница.

— Значит, зло коснулось всех... Вот почему мы не можем дозваться наших собратьев через Хрустальный источник. Вас послали, чтобы очистить Тоннель?

— Нас попросили. Силы горожан не так велики, как им хотелось бы. Если вы помните, потери есть даже среди Мудрых. Поэтому мы здесь, — объяснил Лоцман.

— Но что вы можете противопоставить наступающим болотам, вы же никогда не жили в лесу.

— Прежде всего, мы должны увидеть и осознать все сами, — твердо сказала Тайри, — до этого бессмысленно говорить, что мы можем, а что нет. Вполне возможно, кто-то влияет на стихии и элементали...

— Тогда мы покажем вам все прямо сейчас, — прозвучал из глубины храма низкий и

властный женский голос. Жрецы расступились, и перед Тайри и Дарреном предстала невысокая женщина в зеленом одеянии. Ее голову украшал невероятной красоты убор, сверкающий всеми цветами радуги.

— Но если вам не под силу усмирить топи, лучше уходите сразу. Нам не нужны напрасные надежды. Следуйте за мной.

Граница была поразительно четкой. Никакого постепенного перехода от растительности лесной к растительности болотной: на этом болоте вообще ничего не росло. В двух шагах за спиной — пышно цветущий кустарник и молодые деревья с нежной хвоей. В двух шагах впереди — мутная серая вода, из которой торчат кочки с рыжей травой и мертвые остовы деревьев. И никакого камыша, тростника, осоки, кувшинок в воде... Ничего живого. В отдалении виднеется одинокий холм, видимо основой ему служит камень, и болоту он оказался не по зубам. На нем сквозь едкую желтую дымку угадывались очертания большого храма.

— Удручающее зрелище, — тихонько сказала Одри Лоцману, — никогда в жизни не видела мертвых болот, на них всегда жизнь кипит: птицы, мелкие хищники, живность в воде всякая. А здесь даже змей не видно.

— Какие новости? — спросил один из жрецов наблюдателя, спустившегося со своей вышки.

— Плохие, господин. Топи продвинулись со вчерашнего дня шагов на пять. И такое наступление, как сообщают наши собратья, по всей границе.

Тайри только покачала головой и подошла к самой кромке воды.

— Это опасно! — предупредила верховная жрица, — топь точно чувствует живую жертву, и стремится поглотить ее как можно быстрее.

— С ней ничего не случится, — спокойно ответил Даррен, — она знает, что делает.

Леди Даллет довольно долго наблюдала за происходящим на болотах. Вывод был очевиден и крайне неутешителен. Некто, владеющий темным стихийным волшебством, умело и целенаправленно воздействовал на элементалей — духов водной стихии. Он лишил их разума, превратил в злобных и вечно голодных хищников. А в пищу им предназначил, прежде всего, тех загадочных существ, которых называют лесными хозяевами. Именно они, в содружестве с элементалями земли, отвечают за жизнь растений. Лишенные их поддержки деревья быстро гибнут, а почва превращается в болото. Вечный голод заставляет измененных духов воды искать все новую и новую пищу, тем самым, обеспечивая наступление топей.

Если поблизости есть река или озеро, где духи воды не затронуты этим безумием, можно попытаться устранить темное колдовство. Другое дело, что уже образовавшееся болото никуда не денется, и будет подтачивать лес. И если за ним не присматривать, то и нечисть всякая вскоре заведется. Значит, одной магии мало...

— Есть ли недалеко отсюда чистый водоем? — спросила Тайри.

— Хрустальный источник совсем рядом, — кивнула верховная жрица.

— Это хорошо. Кто-то, обладающий весьма серьезными познаниями в стихийной магии, изменил духов воды. Это поправимо. Думаю, стоит попробовать один метод. Но само болото, к сожалению, не исчезнет. А это чревато возникновением новых болезней, зарождением гнезд Тьмы...

— Заставить болота остановиться — уже очень много, — улыбнулся один из жрецов, — мы почти все знаем о лесе, о его жителях, но глубинная стихийная магия нам практически не знакома. Мы всегда жили в мире со стихиями. Все, что мы могли предпринять — это

переселять на границу все новых и новых лесных хозяев, поддерживать жизнь наших деревьев...

— И тем самым устроили пир для взбесившихся болотных духов. Нам придется попросту истребить этих тварей, сотворив свирепых защитников из совершенно мирных созданий. Они, скорее всего, очистят водоем... Вопрос, как справиться с последствиями. И как научить вас создавать защитников без нашей помощи.

— Госпожа, вы же знаете, я много путешествовал, — сказал Габриэль, — вот, вспомнилось неожиданно. В одном из наших походов мы оказались в жарких и мокрых лесах на юго-западе Шан-Ти. Почва под ногами была влажной, вода капала с лиан и листьев, но о болотах и речи не было. Мы спросили у местных жителей, почему так происходит, и они нам показали... Там росли такие удивительные деревья! Высокие — раза в полтора выше всех остальных, с огромной плоской кроной. Листья у них широченные и пахнут удивительно, а высушенные и заваренные, как чай, помогают от многих болезней. Стволы этих деревьев толстые — двоим не обхватить, и пористые внутри, а корни распространяются также широко, как крона, и без конца выкачивают из почвы воду. Если бы не эти великаны, там давно уже было бы непроходимое болото. Поэтому туземцы бережно ухаживают за деревьями, чуть не молятся на них. И не дай вам Создатель замахнуться на дерево топором — казнят без разговоров.

— Увы, у нас нет таких чудесных деревьев, — печально покачала головой верховная жрица, — я бы с удовольствием посадила их по всей границе болот.

— Но, может быть, есть нечто похожее? — спросил Даррен.

— Я знаю такое растение, — ответил самый старый из жрецов.

— Мы слушаем тебя, Мастер Трав, — благосклонно сказала верховная жрица.

— Это мелкий кустарник, водится в предгорьях, где часты дожди. Его корни, действительно, беспрестанно пьют воду, и он очень живучий. Кустик так и называют — водохлёбкой.

— А нельзя ли его при помощи магии превратить в дерево? — поинтересовался Габриэль, — ну, поколдовать там над семенами, или саженцами?

Жрецы переглянулись, на лицах у многих засветились улыбки.

— Это хорошая идея, доблестный воин, — сказал Мастер Трав, — плохо только одно: такая магия не любит спешки. Нам нужно время.

— Начинайте прямо сейчас, — посоветовала Тайри, — потому что усмирение болотных духов займет тоже не один день. С остальным, я полагаю, вы справитесь и сами. К сожалению, мы не можем надолго задерживаться — Город ждет нас.

— И наших караванов тоже, — добавила одна из жриц, — дети наши ничего о нас не знают, как и мы о них. Вы ведь отвезете им письма?

**** *
**** *
**** *

Место, где располагался Хрустальный источник, напомнило Тайри храм Двуликой на острове Ллир — та же красота и умиротворение, даже голубые цветы вокруг маленького чистого водоема, казалось, те же самые. Вода играла и искрилась под лучами солнца, свет, отраженный от цветных камешков на дне, блики и тень, складывались в удивительные картины. Целительница быстро распознала мощный, ничем не замутненный магический поток, пронизывающий источник и уходящий куда-то в глубину. Вот она, главная точка опоры лесных магов. Тайри обратилась к живущим в источнике духам воды, стараясь попасть в ритм пульсации потока. Ее услышали: в глубине водоема из бликов и теней

проступило лицо — трудно сказать, мужское или женское. Хранительница поняла, что ее изучают, возникло ощущение внимательного взгляда, на секунду она как будто с головой погрузилась в воду. Выражение лица в источнике изменилось: стало сначала удивленным, потом недовольным. Вода забурлила, ветер бросил горсть брызг в лицо Хранительнице, и хозяин источника исчез.

— Не хочет он со мной разговаривать, — грустно вздохнула Тайри, — видимо, придется искать другой водоем.

— Очень странно, — удивился Лоцман, — Может, потому, что водное стихийное волшебство тебе не родное?

— Не знаю, — пожалала плечами леди Даллет, — Может, ты попробуешь?

Даррен не стал возражать, обратился к хозяину источника на своем родном певучем языке. Реакция была еще более удивительной: из середины водоема взметнулся шипящий фонтан воды, и через секунду над поляной засияла маленькая яркая радуга.

— Не вышло, — растерянно признался Лоцман, — они, конечно, что-то ответили, недаром же этот фонтан! Думаю, поняли меня прекрасно. Но разговаривать не стали.

Верховная жрица, до того молча наблюдавшая за бесплодными попытками Даррена и Тайри, подошла к самой кромке водоема, опустила руки в холодную воду, и маленький бассейн моментально стал гладким, точно зеркало:

— Они говорят, что вы носите в себе огонь, оба. Ты, Хранительница, носишь Огонь Сотворенный. А ты, Лоцман, наверное, и сам не знаешь пределов своей мощи. В крови у тебя Первородный Живой огонь. Хозяева источника приветствовали тебя, как сильнейшего... Одного твоего желания достаточно, чтобы впитать влагу магическую и высушить до последней капли влагу обычную. Здешние духи воды скорее испуганы, чем раздражены, но я не советую вам повторять попытку.

— Вот оно как, — понимающе улыбнулся Даррен, — не может быть, чтобы это препятствие было непреодолимым. Тайри, ты ведь наверняка что-нибудь придумаешь.

— А если мы научим вас, жрецов, управляться с водными элементами? — предложила леди Даллет верховной жрице, — Вы же с хозяином этого источника разговариваете?

— Не совсем так. Я могу слышать его, но не говорить с ним. И мы не видим его, никогда. К тому же, как я поняла, необходимо уметь обратиться ко всем сразу и к каждому духу в отдельности, а для этого надо хотя бы научиться различать их.

— Работать с элементами не так уж сложно, и знания передать можно довольно быстро, только вот времени ни у вас, ни у нас нет, да и наша магия может быть для вас опасной. Лес и огонь... — покачал головой Лоцман.

— Пожалуй, и это преодолимо, — мягко улыбнулась Тайри, — ведь у нас есть Одри. Ты же помнишь, она вполне успешно училась водной магии дома. Справится и здесь.

— А ваш воин, Габриэль? Он так быстро нашел важное для нас решение, и, главное, оно оказалось вполне нам по силам.

— Он не маг. Но у него потрясающая интуиция и великолепная память, что с успехом компенсирует отсутствие волшебства, — объяснил Даррен.

— Очень жаль, — вздохнула верховная жрица, — мне казалось, что он лучше вас всех понимает, что нам необходимо. Вы знаете, что он отправился вместе с Мастером Трав на поиски саженцев?

— Конечно. Надеюсь, он сможет быть полезным, — кивнула Тайри, — полагаю, Вам,

госпожа, стоит собрать к завтрашнему дню нескольких самых способных волшебников. А сегодня мы с Одри подумаем, как лучше научить вас обращаться... нет, пожалуй, даже просто общаться с теми, кто вам давно знаком.

— Вот именно, — согласился Даррен, — сейчас, конечно, нужнее всего Вода, но может понадобиться помощь и других стихий.

— И Огня, — дрогнувшим голосом сказала жрица, — у нас есть люди, которые могут попытаться. Мы же пользуемся огнем, и не только готовим на нем пищу. Но дружить со стихией — это не всем дано. Завтра утром я приведу тех, кто согласится.

Одри, поняв, что от нее требуется, принялась припоминать всё, чему успела научиться за несколько спокойных месяцев дома. Пожалуй, договориться с местными духами у нее получится, а вот для изменения ей понадобится помощь. Учить кого-то — вот это настоящая трудность. Лесная колдунья привыкла к неспешному и постепенному процессу, и совершенно не представляла, как можно научить кого-то какому-то куску, без начала и конца. Но раз Тайри говорит, что так надо...

Как ни странно, главная жрица и две ее подруги оказались очень понятливыми и старательными ученицами, азы объяснять им было не нужно, и они за первый же вечер научились видеть, кого надо, различать их “лица”, обращаться с любыми вопросами и просьбами. Одри нравилось то, что ее понимают с полуслова, а еще она не уставала мысленно благодарить прозорливость и настойчивость одной коронованной особы, оставшейся по ту сторону Тропы.

Разговаривать с хозяином Хрустального источника Одри отправилась рано утром. Тайри и Даррен с ней не пошли, но верховная жрица Зеленой богини была рядом. Спустя многие годы деревенская колдунья с удовольствием вспоминала, какая забавная у них вышла беседа. На зов этот дух воды откликнулся чуть ли не с радостью. Вылез, наверное, чтобы покрасоваться — представьте себе, стоит посередине источника человек по пояс в воде, только весь он из искрящихся, разной степени синевы, струй, и одно лишь лицо остается практически неизменным. Верховная, уже успевшая научиться кое-чему, смотрела на давнего помощника лесных жителей с совершенно детским восторгом. Да вдобавок этот хозяин сподобился нацепить на себя личину Лоцмана. Спрашивается, зачем? Теперь, когда и лесная колдунья, и, главное, верховная жрица маленького храма были готовы слушать и понимать, ох, он и высказался... Сначала, конечно, поблагодарил за то, что давно надоевший монолог с помощью пришлых учителей стал, наконец, диалогом. Что теперь жрецы способны понимать его как надо, а не через два слова на третье. Что теперь не надо орать во все горло, чтобы быть хоть частично услышанным, и смысл слов не теряется. Увы ему, только беда и война заставили людей выбраться из уютной колыбельки давно привычных ритуалов и научиться чему-то новому! Он давно видел, что делают с соседними водоемами, но покинуть источник не в его силах, а люди слышали только его гнев, но не обращенные к ним слова! Хорошо, старшие морские братья подсказали, что делать и как помочь...

Надо было видеть верховную жрицу после этих его слов! Ее отчитали, точно нерадивую ученицу, да еще на глазах у пришедшей колдуньи. Некоторое время она молчала, пытаясь вернуть себе душевное равновесие, потом спросила вполне спокойно:

— Значит, Хозяин Источника знает, как помочь лесам?

— Знает, знает, — недовольно прошелестело в ответ, — я тоже сложа руки не сидел. Вряд ли вы себе представляете, как больно переделывать рожденных для мира и покоя в беспощадных воинов? Насколько невыносимо уродовать своих детей, готовя их к

неминуемой смерти? Да, это всего лишь маленькие духи не из высших, такие возрождаются часто, но эти уйдут навсегда! Их голоса не зазвучат уже больше в ручьях по весне, в шорохе дождя осенью... Моим морским собратьям это далось бы легче. Они весьма воинственны, всем известен их суровый нрав. Они даже накладывают отпечаток на души людей, связавших свою жизнь с морем! А я никогда не создавал ничего, столь жестокого, способного убивать! Пусть даже ради собственной жизни.

— Что мы можем сделать, чтобы твоя боль стала меньше? — тихо проговорила Одри.

— Победить. Хотя бы в одном сражении. И научить других, как это делать. Чтобы гибель первых воинов не была напрасной, — Хозяин Источника, казалось, улыбнулся, и дивно выглядела грустная улыбка на сотворенном из воды лице, — а еще — перевезти их к болотам. Когда будете готовы, приготовьте большие сосуды, чтобы забрать моих детей.

Он рассыпался фонтанами сверкающих брызг, а Одри и жрица еще долго стояли, глядя на постепенно успокаивающийся, точно засыпающий, источник.

Следующие несколько дней работы у магов было, что называется, «по горло». Одри достались «водяные», ее учениками стали семеро опытных лесных магов, включая и верховную жрицу. Они привыкли совершенно иначе смотреть на многие вещи, и если магия леса и земли давалась им практически без труда, то взаимодействию с другими стихиями их приходилось обучать медленно и мучительно. К счастью, так было только во время первых занятий, потом и учитель и ученицы приноровились друг к другу. И, самое главное, у лесовиков с Огнем вообще ничегошеньки не получалось. А им нужен был хотя бы один человек, способный совладать с этой стихией, и объяснялось это не прихотью Тайри и Лоцмана, а все тем же великим законом Весов. Как всегда, выручила деревенская сметка Одри. Нужен тот, сказала она, кто привычен, кто общается с огнем, пусть не на магическом уровне, каждый день. Кузнец! В наших-то деревнях кузнеца и мельника наравне с колдуном от веку почитали. Жрицы выслушали её, переглянулись и на следующее утро привели достойного кандидата. Разбираться с ним предстояло леди Даллет. Даррен сказал, что наставник из него никакой, его самого еще учить и учить.

Ох, и красавца мне привели, растерянно подумала Тайри, глядя на нового ученика. И ведь что-то ему нужно сказать такое, чтобы впечатлило, задело за живое, да еще и придало уверенности... Одна радость, клятвы ему не давать, а то неизвестно во что выльется это скоропалительное наставничество. Ведь настоящий сказочный персонаж попался: на голову выше своих соплеменников, в плечах — косая сажень, бородищей рыжей, что твой огонь, по самые глаза зарос. А глаза синие-синие, задорные и добрые. Придется с ним помучаться, за милую видно — такой за словом в карман не лезет.

— Это ты, что ли, колдунья, которая меня учить-то будет? — удивленно пробасил кузнец, пряча под кожаный фартук огромные обожженные ладони.

— Я, почтенный. Не нравлюсь?

— Молодая слишком. Знакома, что ли, с нашим делом-то?

— Хвастать не стану, не вышел бы из меня кузнец, силенок маловато. Но вашим собратьям помогать случалось.

— Небось, ожоги неумехам-подмастерьям заговаривала?

— И такое бывало. И сама у мехов стояла как-то. Брат у меня умелец, каких мало.

— Ну, пойдем, что ли, в кузню-то, — усмехнулся кузнец добродушно, — посмотрим, чего мне напоегаешь.

И они пошли. Учеником он оказался на редкость послушным и смышленным, схватывал

все на лету. Приятно было смотреть, как споро и старательно он работает, как умно и к месту применяет новые знания, и как после каждого правильно воплощенного шага удивленно качает головой и довольно улыбается.

— Вот уж не думал, красавица, что на старости лет чему-то новому научусь, — сказал кузнец, когда Тайри объявила занятия законченными — на сегодня.

— Ты ведь понимаешь, Рен, что это только начало, самое простое, как азбука.

— Разве ты не научишь меня всему остальному, красавица? А я, может, и сыновей своих потом бы научил, — чуть ли не жалобно попросил удивительный ученик.

— Сколько успеем до нашего возвращения в Город — все твое. А если на какие-то вопросы я не смогу ответить, так мы у Даррена спросим. Сдается мне, он многое про Огонь знает.

**** *
**** *
**** *

Габриэль сидел на склоне холма и думал, глядя на укладывающих саженцы в сырой мох лесовиков: чудны дела твои, Создатель... С самого детства воспитанный, как солдат, мог ли я помыслить о том, что такую радость мне принесет сугубо мирное занятие, чуть ли не земледелие? Может, я должен был родиться каким-нибудь крестьянином, в такой деревне, как выросла наша Одри?

Мастер Трав и его ученики охотно показывали воину, как правильно выкапывать хрупкие саженцы, как укладывать их в специальные сумки, закрепленные на спинах крылатых кошек, и очень удивлялись, когда все это получалось у него с первого раза. Мастер внимательно осмотрел выкопанные Габриэлем будущие деревья и сказал, что и сам не выбрал бы лучше. А потом они вместе высаживали эти кустики с цепкими корнями на тщательно обработанном участке земли, который местные маги называли Материнским Полем. По их словам, здесь любое растение росло быстрее, слабое становилось сильным, а больное — излечивалось. Лейтенант де Рейвен ничего не понимал в волшебстве, но, очутившись в этом удивительном месте, почувствовал себя ребенком на материнских коленях, и совсем далекие события стали всплывать в его памяти.

Старинное поместье в Гьяттских горах, окруженное светлым, чистым лесом... Его семья всегда собиралась вечером вместе за столом — ужинать. Таков был обычай: завтракать и обедать ты волен где угодно, но ужин — это святое. Во главе стола всегда сидел отец, по правую руку от него — старшие братья, похожие друг на друга, как две капли воды, и такие разные по характеру. А по левую руку сидела матушка и малышня — Габриэль и его младшая сестренка. Утром его, чаще всего, будила именно она — прекрасная, как фея, милая Лорели. Братья были на десять лет старше, Лорели — на четыре года моложе, и третий сын графа де Рейвена души в ней не чаял. Почему-то вспомнился во всех подробностях его первый подарок сестренке: вырезанный собственноручно маленький деревянный кораблик с ярко-синим атласным парусом. Габриэль увидел его в книге старшего брата, смешливого и порывистого Риша. Он с раннего детства мечтал о море, и стал-таки, несмотря на сопротивление отца, одним из лучших имперских капитанов. Что с ним теперь? Второй, полная его противоположность, носил имя Веллем. Он вырос, по доброй воле стал одним из Смиранных братьев, и со временем возглавил один из горных монастырей. Матушка очень гордилась им. И лишь младший воплотил мечту отца — стал, как и он сам, воином, и именно ему он передал фамильное искусство боя на парных мечах. Кто-нибудь скажет, что по традиции младший сын должен был остаться дома, и, возможно, окажется прав. В тот год, когда Габриэль поступил на службу в Империю, черная лихорадка, занесенная в их

горные края бродячим менестрелем, будь он трижды проклят, унесла жизни отца и его любимой сестры Лорели. Он приехал, но оказалось уже слишком поздно. С тех пор младший де Рейвен побывал дома лишь трижды. Ему было тяжело видеть матушку такой: печальной и совсем состарившейся. А она всегда старалась его утешить, говорила, что отец радуется, глядя с небес на сына, воплотившего его мечту. Видимо, воин совсем замечтался. Его вывел из мира воспоминаний лишь весьма чувствительный толчок в плечо тяжелой когтистой лапой.

— Пора домой, Гром, — услышал Габриэль осторожный мысленный шепот Тилы, — не хотела прерывать твои размышления, но жрецы уже закончили Песнь защиты и ждут нас с тобой.

— Извини, — ответил он, глядя крылатую спутницу, — задумался.

— Ты хотел бы туда вернуться?

— Да, — честно ответил де Рейвен и тут же признался, — но мне все чаще кажется, что я туда никогда не вернусь.

— Почему?

— Мне кажется, мой путь будет совсем недолог, и закончится он на стенах Города. Прости, если огорчил тебя. Меня и самого эти мысли удивляют...

— Ничего удивительного. Если не считать, что ты сам удивительный, Гром. Запомни, что бы с тобой ни случилось, я буду рядом, до самого конца, и за Гранью тоже, — Тила совсем по-кошачьи ткнулась лбом ему в руку. И Габриэль понял, что совсем не боится ни судьбы, ни смерти — пока рядом крылатая кошка лесного мира.

Пока Одри обучала других стихийной магии, а Габриэль общался с Мастером Трав, Даррен помогал готовить плацдарм для основного наступления на болота. Здешние волшебники спешно переселяли с прибрежной полосы всех маленьких лесных хозяев, а те деревья, которые нельзя было спасти, погружали в глубокую спячку. Кто знает, может им и удастся пережить битву стихий. Зеленоглазый волшебник пытался успеть все и сразу: проверял берег, изучал Потоки, которые можно было задействовать в сражении, исследовал болото, пустив в ход весь доступный арсенал чар. Его учили, что сражаться, не узнав о противнике как можно больше, глупо и опасно. А здесь, похоже, ничего и не поймешь, пока не соприкоснешься с ним вплотную. Хорошо, что лесовики додумались попросить наших летунов забросить несколько человек на остров, где оставались защитники большого храма, иначе пришлось бы срочно изобретать, как с ними связаться. Крылатые кошки наотрез отказывались налаживать мысленный разговор с тамошними жрецами, как и объяснять причины своего решения. Видимо, кто-то когда-то их обидел, а кошки злопамятны...

К водяным духам, как и к молодым деревьям Лоцмана не подпускали — его Огонь пугал этих чувствительных существ до состояния полной невменяемости. Вполне ожидаемо Даррена попросили сделать с берегом нечто такое, чтобы болотам нечем было поживиться, и чтобы земля под ногами защитников не превратилась в топь. Маг попросил всех чувствительных к огненной стихии отойти подальше, и через некоторое время на достаточно большом участке мокрая, расползающаяся под ногами земля превратилась в звонкий стеклянистый камень. Там, где мутная болотная вода набегала на спекшуюся кромку, поднимался пар.

К вечеру с острова вернулись двое лесовиков, и стало понятно, что в большом храме царят совершенно не боевые настроения. Идеи и предложения оставшихся на берегу пришлось по вкусу далеко не всем, а на победу надеются и вовсе единицы. И все поголовно

не доверяют пришлым магам. Над вопросами взаимодействия, как и над частью планов, пришлось всерьез задуматься. Ах, как же не вовремя, как же мешает делу эта спесь и косность жречества. Неужели им собственная власть важнее жизни Леса? Тем более что на власть эту никто и не думал покушаться. Очевидно, в большом храме боятся того, что оставшиеся на берегу обретут куда больший авторитет — если, конечно, одержат победу над болотом. Хорошо хоть обещали не чинить препятствий.

В назначенный день все силы были стянуты на границе болот — на том ее участке, который контролировала верховная жрица Зеленой богини. Во все остальные поселения были уже посланы вестники, и со дня на день в храме ждали новых учеников. Тех, кто будет бороться с топами дальше.

Земля, спекшаяся под влиянием волшебства до состояния камня, буквально гудела под ногами. У берега стояли большие глиняные сосуды с водой Хрустального источника. Ждали своего часа невидимые воины. И везли в особых, деревянных — «живых» бочках воду из всех близлежащих лесных водоемов, свободных от черного колдовства — будущее население нового озера. Нет, вовсе не рыб и лягушек, хотя не обошлось без них и прочей живности, а чистых, неизменных водяных духов-охранников: струйниц, придонников, омутинников и прочих.

Тайри сосредоточилась, готовясь взять на себя работу с одной из самых непослушных и непредсказуемых стихий, хоть и родной для нее — воздушной. С близкой им земной стихией легко справятся лесовики, жрецам с водной стихией поможет Одри, а Даррену и его новому помощнику — кузнецу предстояло попытаться совладать с огнем, если в нем возникнет надобность. Кроме того, необходимо было как-то координировать всех, владеющих волшебством, иначе задуманное могло просто захлебнуться в хаосе неумелых и плохо рассчитанных действий.

Лоцман стоял рядом с целительницей на наблюдательной вышке и кожей ощущал, как воздух вокруг звенит и искрится от сложнейших чар, сплетенных предыдущей ночью.

— Как ты думаешь, — спросила она тихо, — у нас получится?

— Главное, чтобы у лесовиков получилось, — ответил зеленоглазый, несколько удивленный ее волнением.

— Было бы неплохо, будь у нас на острове хоть один помощник, — задумчиво произнесла целительница, — понимаешь, если перекинуть магический «мостик» и закрепить чары по ту сторону болота, эффект был бы наибольшим. Но на это, как я понимаю, рассчитывать не стоит.

— Согласен. Но мне кажется, что кто-то оттуда пытается до нас докричаться мысленно. Будто слабо шепчет возле уха и срывается, дыхания не хватает.

— О, неужели нашелся кто-то равнодушный, — сразу загорелась Тайри, — у нас просто опыта мысленного общения нет, вот мы и не слышим. А не попросить ли нам летунов? У них с этим гораздо лучше. Да, я помню, что они отказались беседовать с тамошними жрецами. А вдруг тот, кто с тобой пытается говорить, вовсе не жрец? Надеюсь, мой крылатый кот разберется.

— Попробуй. А я пока спущусь, посмотрю, как там дела у Одри.

Видимо, летун помог Тайри, потому что довольно скоро воздух над болотом пробило мощное заклинание «моста». И, одновременно с ним зашевелилась, заворочалась мертвая, на первый взгляд, топь. Лоцману никогда не приходилось ни видеть, ни участвовать в битве стихий. Казалось, мир вокруг сошел с ума, Потоки сплетаются и завязываются в узлы, духи

четырёх Основ похожи на сжатые пружины и нацеленные стрелы. Все дрожит от напряжения, равновесие невероятно хрупко — и только маг может стать той единственной осью, на которой оно удерживается. Сломается — и все полетит в бездну. Такая ноша и такая ответственность не каждому по силам, и хорошо, что им удалось согласовать совместные действия. Одиночку ждала бы верная смерть.

Вода вдоль берега буквально кипела, и даже непосвященному было видно, что там идет борьба не на жизнь, а на смерть. Воины Хрустального источника, охраняемые и направляемые местными магами и Одри, шаг за шагом продвигались вглубь топи, беспощадно истребляя своих измененных Тьмой собратьев. Безусловно, силы неравны, хищных элементарей было куда больше, но защитники Леса не уступали.

Удача, похоже, совсем запуталась и не знала, кому отдать предпочтение. Небольшого преимущества добивались то те, то другие. Стремясь сохранить как можно дольше жизни детей Хрустального источника, Даррен и Тайри помогали им, как могли. Лоцман отыскивал на дне болота спрятанные под слоем торфа языки гранита, заставлял их нагреваться и «поджаривал» противника. Леди Даллет пускала по самой поверхности воды ледяной смерч — и болотное воинство рассыпалось снежной пылью. Тот, кто стоял по ту сторону «моста», пытался повторять кое-какие заклинания из арсенала воздушных и старательно указывал места, где лучше всего применять то, чего он не осилил сам. Пока общими усилиями удавалось держать ситуацию под контролем гораздо меньшей кровью, и не вкладывать в заклинания опасную мощь, способную нарушить закон Весов. Где-то на самом краю сознания, на пределе магических ощущений Даррен почувствовал настоящего оппонента, того, кто стоял в этом мире на стороне Сына Ночи. В эмоциях противника явно проступало удивление: кто посмел сопротивляться его творениям? Кажется, он понял, что помощь лесным жителям пришла извне, и забеспокоился. Или, все же испугался? Была в отголоске его эмоций едва заметная паническая нотка.

Тем временем, у лесных магов, направляемых Одри, все шло вполне успешно, они все-таки добились устойчивого преимущества и теперь вели водяных воинов в наступление. Когда до победы было уже рукой подать — между каменным островом и отвоеванной территорией осталась совсем неширокая полоса бурлящей серой воды — рухнул магический «мост». Скорее всего, неведомый помощник на том берегу отдал все силы без остатка и погиб, не выдержав чрезмерного для него напряжения. К сожалению, с магами так бывает. Заклятие распалось, элементарии воздуха бросились врассыпную, а Тайри со стоном рухнула на руки помощников — чужая смерть задела и ее. Всегда крайне болезненно, когда гибнет связанный с тобой партнер-маг. На секунду все замерли, пытаясь понять, что делать дальше, чем тут же воспользовался враг. Из трясины начало подниматься существо, от одного вида которого многих охватил ужас. Это было воплощение самой сути болот, топей, трясин — называйте, как угодно. Сначала показался бугор, собранный, на первый взгляд, из всего, что приняло в себя болото: полусгнивших веток, камыша, травы, водорослей, камней, даже человеческих остовов, среди которых шевелилось что-то живое — змеи? Черви? Кто знает. А потом болотник начал разгибаться, будто до того сидел скрючившись, прикрыв голову руками. Конечно, ни рук, ни головы у него не было, лишь слабое подобие — покрытая грязью выпуклость, облепленная какими-то мелкими белесыми тварями. Одной из веток, заменявших руки, он мазнул по «лицу», смахивая живую «кожу», и вместо глаз обнажились два крупных птичьих черепа с длинными клювами. Трясинный монстр приподнялся еще выше, и по воде раскинулась «юбка» из множества тонких, серых с блекло-красными

прожилками щупалец. Даррен содрогнулся от отвращения, когда ледяной липкий взор чудовища скользнул по нему и двинулся дальше. Казалось, что этот кошмар непобедим, мир вокруг стал мгновенно серым и зыбким. Лоцман услышал, как позади судорожно всхлипнула одна из молодых жриц: «Все напрасно...». Болотник, вдобавок, сеял вокруг себя тоску, неуверенность и безысходность — а какие еще чувства могут возникнуть у попавшего в трясины человека? Зеленоглазый отчаянно оглянулся на топтавшихся рядом летунов: может, белый кот Тайри все же слышит её? Если сейчас лесовики испугаются и отступят, все пойдет прахом. Нельзя, ни в коем случае нельзя отчаиваться и опускать руки! Ах, Тайри, Тайри, как же без тебя трудно! Это всего лишь обморок, а кажется, что...

Не было времени думать и сомневаться. Даррен попробовал заключить это существо в огненное кольцо. Но болотный дух оказался слишком силен для него одного, а кузнец и так держит на себе огненную оборону всех отвоеванных лесовиками островков суши. Помощи ждать не от кого, устало подумал Лоцман — и ошибся. Следующую попытку уничтожить монстра предприняла Одри. Местные маги впервые имели счастье наблюдать, как выглядит на деле классическое заклятие Режущих Струй. Деревенская колдунья действовала так четко, точно находилась не на поле боя, а у наставника под крылышком. Зеленоглазый одновременно испытывал восхищение и гордость. Ведь его вклад, хоть и маленький, тоже был в этом безукоризненном исполнении сложнейшего заклятия. Совсем недавно он подсказал Одри, как лучше выверять баланс сил и находить оптимальное сочетание Поток. Просто не смог пройти мимо слишком неосторожных опытов юной колдуньи.

У чудовища оторвало все щупальца, которые, казалось, стали жить собственной жизнью, и водяным воинам Хрустального источника с превеликим трудом удалось уничтожить их. Но, увы, болотный монстр стал не намного слабее, а над водой показалось новое кольцо тентаклей. Ну нет, бессмертны одни лишь боги, да и то далеко не все, недобро сощурившись, подумал Лоцман. Надо понять, чего он боится, все хоть чего-нибудь да бояться... Не оглядываясь на вышку, по всплеску эмоций он понял, что Хранительница очнулась и вполне способна сражаться дальше. Ну вот, теперь и он так называет Тайри, уподобляясь одной надоедливой личности в синем плаще. И ведь не возразишь! Прекрасно, моя леди, я рад, что ты с нами. Только тварь мы пока не уложили... Может, у тебя есть идеи?

Точно отвечая на мысли Даррена, взвыли призываемые одним из самых мощных заклятий воздушные элементали. Духи аэра спускались откуда-то из заоблачных высот, неся с собой холод горных вершин. Похоже, Тайри решила сковать болотника. Правильно, ведь промерзшая до дна трясины — всего-навсего кусок грязного льда. Сейчас, милая, потерпи, я помогу, не скрываясь, подумал зеленоглазый, без сожаления стягивая Поток для новых чар. Ты всегда можешь на меня рассчитывать. И ты всегда находила верные решения... Волна искренней и светлой благодарности мягко коснулась его затылка, и Лоцман улыбнулся в ответ.

— Она говорит, если всадить в него молнию помощнее, то он рассыплется, а если добавить с трех сторон «Огненный занавес», то и вовсе испарится, — услышал он мысленный голос своего летуна.

— Скажи Одри, чтобы собрала все силы и попросила воинов Хрустального источника опуститься к самому дну. Будет жарко, — попросил его маг.

Когда созданная Лоцманом молния пробилась в Болотном Духе дыру, и он стал распадаться, снова проявился настоящий “полководец” противника. Гораздо четче, чем в первый раз, прозвучал злобный и разочарованный вопль, и его слышали многие. Сквозь

мешанину стихийных чар тянулась цепочка черных следов — куда-то далеко, в предгорья маячившего за Лесом Западного хребта. Даррену очень хотелось, чтобы и лесовики засекли неосторожно раскрывшегося врага. Но надо было ставить точку в этом сражении. Им с кузнецом пришлось очень постараться, чтобы пущенный с трех сторон Огненный занавес довершил дело — монстра не стало.

— Они гибнут, — прозвучал рядом грустный голос Одри, — наши воины-духи. Они выполнили свою задачу, и все их силы отданы без остатка.

— Их противники тоже гибнут, потому что сила, их создавшая, бросила своих солдат, — эхом откликнулась жрица, — слава Вечно Юной, это сражение мы выиграли!

Даррен оглянулся через плечо и не увидел бездумной радости на лице союзницы. А ведь она прекрасно понимает, что война не закончена. Впрочем, иначе она не была бы верховной жрицей.

**** *
**** *
**** *

Лесовики устроили замечательный праздник в честь победы. О нет, они не обольщались, не думали, что этим сражением все закончится. И постов вдоль берега не снимали. Но все, кто не стоял в дозоре, собрались на обширной поляне, чтобы вспомнить, какой жизнь была раньше, вернуть в души искреннее веселье, поделиться радостью с остальными и поблагодарить за победу друзей, союзников и свою богиню. Кто, если не она, привел сюда пути магов? Кто не оставил своих детей в беде? Конечно, Вечно Юная, да будут ее шаги легки! Потому и горел костер, столы ломились от нехитрых угощений, и веселило душу ароматное молодое вино. Заливались соловьями лютни, скрипки и флейты, кружились в танце пары, а время от времени все объединялись в общий круг, как случалось во множестве миров по большим праздникам.

Гости-союзники держались тесной группой вместе со своими крылатыми кошками. Но лесовики им скучать не давали. Вот утянули в быстрый хоровод смеющуюся Одри, вот одна из подруг верховной жрицы Зеленого храма закружила Габриэля, и даже Даррен поддался веселью и что-то лихо отплясывал в общем кругу с кузнецом и здешними магами. Только Тайри пряталась в глубокой тени, привалившись к теплому боку своего летуна. Она очень любила такие праздники... когда-то. В прошлой жизни, оставшейся гораздо дальше, чем по ту сторону Звездной тропы. Память услужливо подкидывала воспоминания о Длинной ночи, которую Тайри первый и единственный раз праздновала с любимым и с теми, кто был ей дорог...

Крылатый кот, видимо, без труда уловив ее мысли, недовольно заворчал.

— Ты снова сердисься, Мур? Я тебе мешаю? Или снова что-то сделала не так?

Кошки, они и в Арашамфе кошки, хоть и крылатые. Такие же бесцеремонные и независимые, как их собратья в любом из миров. Летун Тайри считал, что она нуждается в постоянной опеке и понятия не имеет, что для нее важно, а что нет.

— И вовсе я не сержусь, Ри, — ответил мысленно большой белый кот, — но сейчас ты поступаешь неправильно. И даже опасно для себя самой. Признайся, ведь так и есть.

— Тебе виднее, мой крылатый друг, — улыбнулась целительница. Вот уж совершенно неподходящее было время, чтобы спорить с котом.

— Так вот и слушайся умных советов.

— Угу. И что, по-твоему, мне необходимо сделать сейчас?

— Пойти к большому огню и потанцевать вместе со всеми. Я знаю, ты умеешь.

— Может быть, чуть позже, Мур. Я слишком устала. Можно, я посижу здесь, с тобой?

— Я тебя, конечно, не прогоню, но ты делаешь ошибку. Зря отгораживаешься от общей радости, словно это и не твоя победа тоже.

— Я радуюсь, Мур, только тихонечко...

— Сейчас нельзя тихонечко. Сейчас только враги тихонечко сидят и прячут головы под хвост. А ты должна танцевать.

— Почему?

Летун ничего не ответил, только улегся калачиком вокруг нее, и замурлыкал, точно домашний кот. Конечно, если это басовитое урчание можно так назвать.

— Спасибо, дружище, ничего лучше и быть не может, — мысленно поблагодарила его Тайри.

— Что с тобой творится, Хранительница? — рядом возникла из сполохов и теней верховная жрица, — мне тревожно за тебя.

Ну вот, раздраженно подумала Тайри, и эта туда же. Подцепила новое прозвище у Даррена, не иначе.

— Не знаю, Майлин, — остается только пожать плечами и встать из такого уютного кошачьего “гнездышка”.

— Разве ты не рада за нас всех? Разве ты не счастлива? Посмотри, ты прекрасна, точно богиня, у тебя замечательные друзья, ты владеешь могущественными чарами, и не только! Ты сумела заставить нас поверить в собственные силы! Почему же я чувствую холод рядом с тобой? У нас говорят, что так ты делаешь подарок Тьме, и твоя броня становится тоньше.

— Иногда я думаю: а если убрать все волшебство, которым я владею, все мои знания, что от меня останется? И будет ли это кому-нибудь нужно? И будет ли рядом кто-то, кто примет все, как есть? А Тьма...она всего лишь затаилась и ждет, когда ей вернут лакомый кусок, что выдернули у нее из зубов.

— Не понимаю, зачем тебе прятаться за ледяным панцирем. Это лишь иллюзия, не защита. Кто-то разбил тебе сердце?

— О нет. Просто погиб на моих глазах, а я ничего не могла сделать. Поэтому разбивать теперь нечего. И болеть нечему.

— Так не бывает, Хранительница. Сердце твое на месте, иначе у тебя не нашлось бы сил на все, что ты делаешь. Ему просто невыносимо тяжело под ледяной коркой, ну так позволь ей растаять!

— Мне очень хотелось бы верить, Майлин, что так и будет — когда-нибудь, — Тайри печально опустила голову.

— А ты попробуй. Прямо сейчас. Забудь о высоком предназначении, о Пути, о Тьме и Свете, о своей магии и прочих талантах. И прошлое свое отпусти. Хоть на один вечер... или танец. Поверь, станет легче.

Тайри задумчиво посмотрела на Майлин, потом с сомнением произнесла:

— Вряд ли у меня получится.

— Не думай — сделай. Сейчас будет самый длинный танец, самый большой круг встанет у костра. Иди и не жалея ни о чем.

Целительница отрицательно покачала головой, но первый шаг сделали другие. Смеющаяся вереница молодежи просто подхватила и ее, и Майлин, и, точно морская волна, унесла их к огню и музыке. Люди то собирались в хоровод, то разбивались парами, неслись по кругу, глядя друг другу в глаза. Как ее нашел Лоцман в этой пестрой толпе, как у них получалось не ошибаться и не сбиваться с ритма в совершенно незнакомом танце, Тайри не

думала. Она послушно кружилась, взлетала в воздух, подчиняясь таким надежным и горячим рукам, смотрела на золотые искры, зажигающиеся в изумрудах глаз, и понимала, что жизнь, все-таки, продолжается. Пока есть дорога, есть те, кто будут идти с нею рядом — жизнь не кончилась и не кончится, кто бы что ни говорил.

Танец давно отшумел и затих. Они смеялись и пили пахнущее ягодами и дождем вино, а Даррен продолжал обнимать уставшую молчаливую Хранительницу. Сидел — и боялся пошевелиться, спугнуть, потерять ту каплю счастья, что выпала ему сегодня. Пусть смотрят, пусть шепчутся, пусть с восходом солнца все закончится и никогда потом не повторится, но сейчас — его время, и он никому его не уступит. Лоцман был благодарен непонятно откуда взявшемуся у их стола менестрелю, который уже полчаса пел глубокие, цепляющие за сердце лирические баллады вперемежку с веселыми и местами даже фривольными куплетами. Парень был уже слегка пьян, но это не мешало ему ни мастерски играть на гитаре, ни держать внимание публики. Был бы такой концерт в родном мире Тайри, Даррен бы сказал, что музыкант — валлир, но этот... этот был просто человеком, хоть и одаренным. Поэтому, регулярно заливаемое внутрь “для сохранения голоса” спиртное подействовало на него, как на любого другого: певец просто свалился и был отнесен под деревце, где и уснул, обняв свою гитару. Уснула и Тайри, да и не мудрено, шутка ли — такое сражение выдержать. Кто-то неслышно подошел сзади, накрыл плечи Лоцмана теплым уютным плащом, осторожно протянул ему второй — укутать леди, что едва слышно посапывала, крепко смежив ресницы. Зеленоглазый ловил смутные отголоски ее эмоций — ей снилось что-то хорошее и светлое, как детство и весеннее солнце. На самом краю сознания кто-то огромный, сверкая золотой чешуей, довольно напевал и нежился в его лучах.

Глава 4.

Богам нравятся игры — при условии, что выигрывают они.
Терри Пратчетт “Мелкие боги”

Пророчества — это такая гадкая штука, Вейриш!

Они сбываются независимо от того, хотите вы этого или нет.

Кира Измайлова "Случай из практики. Караванная тропа"

Караван собрался огромный. Целую неделю со всех окрестных поселений приходили люди, ведя с собой трех-четыре тяжело нагруженных местных лошадок. Те, кто решил идти в Город вместе с Тайри и ее соратниками, очень беспокоились — ведь Тоннель совсем недавно считался смертельно опасным. Даррен успокаивал их, как мог. Возвращаться предстояло через Лесные врата, потому как Горные, через которые вступила в этот мир Хранительница со своими спутниками, находились слишком далеко, да и лошадам подниматься по узкой крутой тропе было бы трудно. Наконец, когда все сборы завершились, был назначен день отправления.

Тайри проснулась с первыми лучами солнца — остальные еще крепко спали. Она вышла на поляну, чтобы полюбоваться на прощание маленьким лесным храмом. Перед возвращением в Город ее охватило странное волнение, словно должно было случиться нечто важное, и она никак не могла понять, что... Видеть будущее целительница не могла и не хотела, но интуиция всегда подсказывала верно. Вот и сейчас леди Даллет почти уверилась, что в дороге они повстречают кого-то очень сильного, Только вот ей самой эта встреча радости не принесет.

Переход до Лесных врат занял почти весь день, и в рукотворную пещеру под сводами пологого холма караван вступил уже на закате. Поскольку Тоннель теперь был абсолютно безопасен, все решили, что можно идти и ночью — вначале при свете факелов, а потом и без них — большинство путешественников помнили о том, что стены Тоннеля светились сами. Останавливаться на ночевку никому не хотелось. Лесовики стремились как можно быстрее попасть в Город, чтобы увидеть своих близких, получить необходимые книги и товары, а возможно, даже договорится с Мудрыми о совместных действиях. Теперь нашлось много желающих овладеть основами стихийной магии. Похоже, у магов Города появится много новых учеников. Будет ли только время для наставничества?

Купол под холмом оказался облицован изнутри гладким зеленоватым камнем, похожим на мрамор. Многие плиты были покрыты сложной резьбой, где неизвестные письмена переплетались с орнаментами и рисунками. Один из лесных чародеев, который шел в Город за книгами, сказал, что эти надписи никем не разгаданы, даже Мудрые в свое время сколько ни бились, не смогли ничего понять, хотя находили целые участки вполне знакомых символов. Даррен внимательно рассмотрел одну из таких плит и заметил, что ему приходилось видеть книги с похожей тайнописью. К сожалению, останавливаться было некогда, и вскоре караван достиг того места, где Лоцман уничтожил астральную паутину. Через некоторое время люди начали, как по команде, засыпать в седлах, а лошади — останавливаться. Но никакой опасности ни Одри, ни Даррен не чувствовали, скорее

наоборот, нечто благодатное и успокаивающее было разлито в воздухе. Караван остановился, путешественники стали устраиваться на ночлег. Как ни странно, эта неожиданно возникшая сонливость ни Хранительницы, ни ее друзей не коснулась.

— Странно... — пожал плечами Даррен, — нам словно предоставляют какую-то возможность, пока они спят...

— И я так подумала, — согласилась Тайри, — может, пойдём, посмотрим, что там, дальше? Возможно, мы чего-то в прошлый раз не заметили, или нечто новое появилось.

— А мы останемся здесь, должен же кто-то охранять это сонное царство, — сказал Габриэль, — в случае чего, Тила позовет вас.

Крылатая кошка выполнила свое обещание и осталась с воином, остальные летуны распрощались со своими «подопечными» у Лесных врат.

— Тайри, посмотри-ка, что делается с твоим сапфиром, — шепотом проговорила Одри, заморожено глядя на мерно мерцающий синий кристалл, что висел на груди Хранительницы.

В последнее время Скайяр никак не проявлял себя, да и надобности в его помощи не возникало. Леди Даллет считала, что синеглазому дракону крайне тяжело дался путь в Город-над-Морем, и он отсиживается в своей "капсуле" вынужденно — восстанавливает силы. Теперь же сапфир оживал и даже наощупь становился теплее.

— Он не спит, — удивленно произнесла Тайри, — и, кажется, он взволнован. Интересно, что его разбудило?

— Может, его самого спросить?

— Он вряд ли ответит, Одри. Мы вполне можем увидеть разгадку своими глазами, — усмехнулся Даррен, — вернемся и все тебе расскажем.

— Похоже, начинаются сюрпризы, — проворчала Тайри, как только они с Лоцманом дошли до поворота, — но, хоть убей, я не чувствую здесь Тьмы! Более того, в голову лезет нечто знакомое, но я могу и ошибаться.

— Знакомое, незнакомое... — зеленоглазый, проверяя, хорошо ли выходит из ножен меч, мрачно улыбнулся — есть у меня одно предположение...

За поворотом открылось незамеченное ранее ответвление Тоннеля. Арка, искусно вплетенная в орнамент, теперь не была спрятана, за ней, в бархатной темноте разливалось бледно-желтое сияние. Даррен так и застыл на пороге, жестом подзывая к себе чуть приотставшую Хранительницу. За проемом находился лишь узкий гранитный карниз, обрывающийся прямо в бездонное звездное небо. А чуть ниже, совсем-совсем близко, парил, утопая в зелени окружающих его деревьев, древний белоснежный храм. Знакомо звенели ручьи, падая в темное небо. Даже запах цветов был тем же самым, что и на Ллуре.

— Дурная шутка, — враз охрипшим голосом произнесла Тайри, — или хороший подвох. Нам чего-то недосказали в прошлый раз? Или нашли новое применение старым игрушкам?

Вовсе целительница не радовалась этой неожиданной встрече и никаких иллюзий не питала. У богов свои игры и свои счета, а еще они никогда ничего не делают даром. Жаль только, что уразумела она это слишком поздно.

— Теперь я понимаю, почему беспокоится Скай, — Лоцман тоже не горел желанием еще раз лицезреть милость Дзуликой, — по-моему, нас приглашают. Ну что, прыгаем? А не то силой притянут, с них станется...

Недолгий то ли прыжок, то ли полет — и под ногами странников расстелились усыпанные голубыми цветами лужайки. Что здесь было поистине волшебным, так это воздух — дышать и не насыщаться. Над повисшим в неведомом пространстве храмом и парком

витами запахи родного мира. Того самого океана, чья соль была в крови Тайри, знакомых с детства прогретых родным солнцем деревьев, скал и песка. Казалось, закрой глаза, сделай шаг — и ты увидишь тех, кто остался ждать по ту сторону...

— Все-таки здесь необыкновенно легко, — Даррен огляделся в поисках хозяйки, — будто тяжелый груз с плеч убрали. Никто не охотится за тобой, не нужно воевать, раздумывать над чужими интригами и замыслами...

— Еще как нужно, друг мой Лоцман, — ответила Тайри устало, — не забывай, все не так просто, как нам хотят показать.

Зеленоглазый волшебник хотел возразить, обернулся к собеседнице и не смог сказать ни слова. Его прекрасная леди будто стала старше. Залегли горестные морщинки в уголках губ, тревога нарисовала параллельные черточки между хмурых бровей, а в глубине осенних серых глаз прятались печаль и разочарование.

Тайри, почувствовав его эмоции, обеспокоенно спросила:

— Что с тобой, Дар?!

— Ничего, просто грустные мысли, — покачал головой Лоцман, — посмотри, нас встречают.

Действительно, на ступенях храма стояла Двудикая, держа в руках охапку голубых цветов. Она тепло улыбнулась гостям:

— Рада видеть вас целыми и невредимыми, дети мои. Помните, я говорила, что мы обязательно встретимся?

— Да, Милостивая, — тихо ответила Тайри. Ни демона она не верила ни в эту теплоту, ни в искренность. Дай Создатель просто выдержать разговор.

— Прежде всего, я благодарна вам за лес. Арашамф особо любим мною. Ваше сражение станет тем самым камушком, который потянет за собой лавину, которая сметет все замыслы Отступника в этом мире. А самое главное — вы вернули лесным жителям уверенность в собственных силах.

— Мы почти ничего не сделали, победа целиком принадлежит лесовикам, — сухо ответил Даррен. Он чувствовал напряжение Тайри, ее глубоко спрятанную обиду и ледяное недоверие к богине тиншельтов, да и сам был недалек от этого.

— Вряд ли было бы возможно сделать больше, Лоцман. Все определяют Весы. Но то, что я должна вам сказать, касается не Леса — с ним все будет в порядке — а Города. Вас ждут трудные времена и серьезные испытания. Жизнь многих тысяч людей будет зависеть только от вашей стойкости.

— Там без нас что-то случилось? — изогнула одну бровь Тайри. Конечно же, первым делом она подумала о найденыше. Ведь им никто не обещал, что Мудрые не возьмут его в оборот.

— Еще нет, но... Вы должны знать кое-что, дабы понимать меру опасности. Адепты храма Танх Каар имеют очень сильную поддержку. Их мощь растет с каждым днем, и они не станут долго тянуть с ее применением.

— Говорите яснее. Сильная поддержка — это что? Воинства с материка, флот островных держав, магические источники, древние твари? Расплывчатые формулировки не способствуют успеху, о Милостивая. Если же Весы запрещают вам говорить, то и затевать этот разговор было ни к чему.

Улыбка Двудикой превратилась в тонкую линию едва сдерживаемого раздражения, и у Даррена похолодело в груди. Боги, будь они хоть малые, хоть великие, своенравны,

злопамятны и завистливы. И с этой станется наказать дерзкую и неблагодарную колдунью. А с него станется закрыть эту колдунью собой и защищать, пока есть силы. Если лесовики правы, то его Огонь вполне может... Додумать он не успел, потому что хозяйка храма снова стала милой и радушной — хотя бы на вид.

— Весы сейчас способна поколебать даже песчинка, моя дорогая. Но я скажу. Те, кто обретается на острове Кадарн, говорят непосредственно с Отступником. Не с кем-то из его эмиссаров, не с куклами-перчатками. Весы позволили ему являться своим жрецам и дарить им силу. И я не знаю, как много времени осталось Городу-над-Морем, чтобы подготовиться к удару. Хорошо, если вы успеете дать имя вашему найденышу... И больше не оставляйте его одного. В походах он только станет сильнее.

— Это так необходимо? В походах хватает и прозвища.

— Необходимо, чтобы силы, защищающие Город приняли его и убедились в вашей доброй воле, девочка. Согласись, быть нареченной матерью — не такая уж большая жертва для этого.

— Надеюсь. Уж в чем-чем, а в жертвах вы должны разбираться хорошо.

— Сделай, как я говорю. В конце концов, именно ты вытащила его из темного омута безумия назад, к жизни. И Лоцман, думаю, не против стать нареченным отцом. Будущее этого юноши во многом зависит именно от вас двоих. Кроме того, можно предположить, как Весы откликнутся на ритуал. Не исключено, что настоящее имя вашего подопечного откроется в самый нужный момент.

— Надеюсь, что будет так, Милостивая. И буду молить об этом Творца, хоть я и не самая верующая из его созданий.

— Тебе следует молить его о стойкости и силе. А также о терпении и уверенности в собственных действиях. Потому что судьба приготовила тебе тяжкие испытания, — тон хозяйки стал и вовсе ледяным. Сжатые пальцами в серебряной перчатке, беззвучно умирали ни в чем неповинные голубые цветы.

— Почему же только ей одной, о Милостивая? Если Тьма пойдет войной, о подобном будем молить мы все, и горожане тоже, — Даррен сам удивился своей дерзости. Но ни страха, ни трепета перед Двуликой он уже не испытывал.

— Твоей леди придется вспомнить, кто она — по рождению. Чему ее учили с самого детства. И что является ее первым и основным призванием, ибо унаследовано с кровью и молоком матери. Я очень надеюсь, что она справится и не захлебнется в море чужого страдания.

— Но, насколько я знаю, магия Гарды сугубо мирная, моя госпожа. Для войны она не применима. Она призвана защищать и исцелять...

— Все верно, Лоцман. Защищать и исцелять. Но выдержит ли Тайри, если нуждающихся в защите и помощи будет много, очень много... Целый город? В этом мире истинных целителей по пальцам можно пересчитать, в Городе она единственная, кто обладает и подобными знаниями, и редкой силой, предназначенной именно для исцеления. Все просьбы будут обращены к ней.

— Значит, я должна справиться в любом случае, Милостивая, — упрямо наклонив голову, ответила Тайри, — как бы тяжело мне ни было.

— Ты не просто должна справиться, девочка, ты должна остаться в живых, — строго сказала Двуликая, — помни, ты здесь единственная из ордена Гарды. Если это светлое волшебство падет, Тьма получит еще одно преимущество, и кто знает, как это скажется на

равновесии.

— Странно, а почему она может не справиться? — Даррен не думал, что этот наивный вопрос заставит Дзуликую яснее описать грядущую опасность, но вдруг... Чего не бывает в запале спора?

— Потому, что раньше ей помогал родной мир, ибо это древнее волшебство — плоть от плоти его. Здесь же все будет держаться только на ее личной силе. Запомни, Лоцман, иногда оберегать и лечить бывает стократ тяжелее, нежели, размахивая мечом, крушить боевые порядки противника или сжигать огненными заклятиями легионы чудовищ.

— Тайри не одна, есть и Одри, и Габриэль — они тоже часть ее мира.

— Безусловно, но основной и самый тяжелый груз ляжет на ее плечи. И дело не только в магии.

— Есть такой момент, Дар, когда понимаешь, что невозможно вылечить абсолютно всех, как бы тебе ни хотелось. И пережить это невыносимо трудно, — зябко охватив себя руками, ответила Тайри, — Люди гибнут, умирают у тебя на руках. Ты уверен, что твое волшебство не бессильно, просто закончился отпущенный срок, или за помощью пришли слишком поздно. А тебе еще предстоит попытаться объяснить это их близким. Попробуй посмотреть в глаза матери, если ты не смог спасти ее малыша! Ей все равно, кого винить: судьбу, богов или целителя. Но боги далеко, а ты здесь, рядом, ты обещал помочь... И все ее горе обрушивается на тебя. Спроси у простых лекарей, они хорошо знают, каково это.

— Видишь, Лоцман, она прекрасно понимает, с чем ей предстоит столкнуться, — чуть склонив голову, назидательно произнесла богиня тиншельтов, — ты бы выдержал? А она? Впрочем, кто знает, как все сложится. Что значит для замыслов Великих Сил жизнь какого-то человека? Одной больше, одной меньше, и если понадобится...

— Клянусь, если с Тайри что-то случится, я... — вскинулся зеленоглазый маг, не понимая, с чего вдруг горячая волна золотого пламени стала подниматься внутри. Зато он ясно осознал, что стоит лишь пожелать, и можно справиться даже с такой противницей, как Дзулика. В запале он не заметил, как богиня отступила на шаг, и неслышный для смертных ветер всколыхнул волосы, закрывающие половину ее лица.

Ледяные пальцы целительницы вцепились в его запястье, и волна успокоилась.

— Не клянись, Дар, ты и так уже сделал для меня больше, чем возможно, — с отчаянной нежностью произнесла леди Даллет, и продолжила, меняя тему, совсем с другой интонацией, — хотела бы я услышать нечто более конкретное относительно Города, хотя бы в той части...

— Всеу свое время, — остановила ее Дзулика, — скажу только, что вы сейчас там, где наиболее необходимы. Почему так — объяснить не в моей власти, цели и пути Создателя не всегда ясны даже для меня. Если Ему будет угодно — все может измениться.

— Спасибо, Милостивая, и на этом, — разочарованно вздохнула Тайри.

— Я знаю, что множество вопросов жжет вам язык. Мы встретимся еще раз, тогда, возможно, у меня будет право ответить на некоторые из них. Идите, ваши друзья уже беспокоятся, — Дзулика резко взмахнула рукой, и все вокруг окутал непроглядный туман.

— Ты сердисься, о Дзулика, значит ты неправа! — из молочно-голубоватого марева выступила высокая фигура в сером плаще.

— Я была неправа тогда, когда согласилась содействовать твоим замыслам, Неумолимый! — зло бросила хозяйка храма.

— Ты уже пожалела о сделанном добре?

— Конкретно это добро, похоже, слишком дорого мне обходится!

— Я думал, тебя не нужно было предупреждать, что шутки с чужой памятью плохи, а девочка слишком умна, и ее не стоит разыгрывать втемную... — нарочито разочарованно протянул Неумолимый.

— Надо было мне оставить все, как есть. Уж как-нибудь сами разобрались бы потом с Отступником, может, он и вовсе бы оставил наш мир в покое. Что значит жизнь одной наглой девчонки...

— Неужели ты думаешь, что я просил о чем-то малозначимом, о Милостивая?

— Мироздание вряд ли бы заметило ее отсутствие.

— Сразу — безусловно. А потом оно лишилось бы одного дракона-Хранителя редкой силы, четырех миров, один из которых ключевой, а также одного из Ключей Творения. Я уж не говорю о том, что не родились бы ее дети, тоже будущие драконы-Хранители. А теперь остуди свой гнев, умири гордыню и подумай, на какую чашу Весов лег бы твой поступок?

**** *
**** *
**** *

Мутная мгла рассеялась, перед Дарреном и его спутницей снова лежал знакомый коридор с оплавленным орнаментом на стенах. Арка слабо угадывалась в переплетении знаков и листьев, но теперь это был всего лишь рисунок на приглушенно светящемся камне.

— Что-то вы долго, — набросились на Хранительницу и Лоцмана друзья, когда те вернулись к ночной стоянке каравана, — мы уже начали беспокоиться. Что там было-то?

— Ничего особенного, — пожал плечами Лоцман, — просто Двумикой вздумалось с нами поговорить.

— Ну вот, — огорчилась Одри, — а мы с Габриэлем тут торчали. Жаль.

— Ну, кто-то же должен был охранять это сонное царство, — напомнила леди Даллет, — впрочем, у вас все впереди. Госпожа тиншельтов сказала, что нам предстоит еще одно свидание. Ничего утешительного она нам не сказала, ну хоть про опасности проговорилась. Мы предупреждены, надеюсь, что успеем вовремя понять, как справиться с бедой, — Тайри тяжело вздохнула, — будите наших сонь, друзья. Иначе мы будем ползти до Города неделю.

Когда караван, возглавляемый маленьким отрядом Хранительницы, вышел из прохладного сумрака под полуденное солнце Города, его встречало множество людей: Мудрые, купцы, мастера — все, кто мог прийти. Настоятель Храма и найденыш — в первых рядах.

— Откуда они узнали? — удивилась Одри.

— Скорее всего, Герт предупредил, — улыбнулся Даррен, — он, все-таки, Смотрящий сквозь Время.

— Или кто-то из наших решил поговорить с Мудрыми через Хрустальный источник, — предположил один из лесных магов.

— Скорее всего, сама Майлин, — кивнула Тайри, — она так и собиралась сделать, когда мы войдем в Тоннель.

Первая победа — еще не победа, думала Тайри, но для горожан это было не так. Возможность снова безопасно путешествовать в Арашамф и отодвинувшаяся опасность голода обрадовала и вдохновила людей. Восторгу лесовиков, что считали себя навечно запертыми в Городе, просто не было предела. Даже скептически настроенные Мудрые вынужденно признали, что предсказания древних сбываются одно за другим, и у них нет оснований не доверять пришлым магам. Лоцман про себя пересчитал синие плащи:

Командора среди встречавших не было. Наверное, до сих пор пытается вычислить, стоит ему проявлять благосклонность к Хранительнице или выгоднее будет отправить ее куда подальше. Он склонился к уху Тайри и спросил едва слышно:

— Стоит ли рассказывать им о нашей встрече с Дзуликой и о предупреждении?

— Нам в очередной раз не поверят, а когда все случится, еще и виновными объявят. Достаточно того, что мы будем начеку, — ответила леди Даллет, тревожно заглядывая в глаза собеседника. Но нет, зеленый огонь уже ушел из них, и зрачок перестал быть вертикальным.

Больше всех возвращению Хранительницы радовались трое: найденьш, наконец-то, почувствовавший себя в безопасности, отец Грант — потому, что он мог теперь исполнить задуманное, и Герт, который сам себе не мог объяснить ни изматывающего беспокойства, когда ее не было, ни близкого к эйфории облегчения, когда Тайри благополучно вернулась.

Настоятель Храма всех Светлых Сил, что называется, «взял быка за рога», даже не дал путникам отдохнуть с дороги:

— Ну что, надумали, госпожа Хранительница? Сколько этот славный юноша еще будет жить безмянным?! В конце концов, это опасно и для него, и для вас. Командор Ордена пока молчит, но я догадываюсь, что он замышляет. Вам не понравится...

Тайри устало прикрыла глаза и улыбнулась примирительно:

— Успокойтесь, отец Грант. Дайте нам хотя бы пару дней на отдых и подготовку. Я согласна, пусть будет по-вашему.

— Да хоть неделю! — щедро позволил верховный священник и ушел, чуть ли не напевая. Он решил, что в путешествии произошло нечто, заставившее будущую “нареченную мать” и зеленоглазого волшебника принять его предложение. Нечто, равноценное знамени, или какому другому чуду. И оказался по-своему прав.

Тайри, проводив настоятеля, смогла, наконец, спокойно посмотреть на себя в зеркало. Да, миледи, подумала она, критически разглядывая свое отражение, в таком виде идти в Храм на торжественную церемонию — верх безобразия. Кольчуга и грубая кожаная куртка — не слишком-то подходящее для этого одеяние. А если учесть, что соберется пол-Города... Как там говорил Герт — серебристый шелк или зеленый бархат? Ну, допустим, что шелк несколько не к месту и не по погоде, а вот бархат — самое то. Можно, конечно, напрячься и создать платье при помощи магии, но здешние потоки уж больно неподатливы, еще расползется такое на глазах у всех. Проще спросить у Герта или еще кого, где тут приличная лавка с тканями и достойный доверия портной. Тем более, времени достаточно. И для Одри нужно тоже заказать обновку... Кстати, где она?

Оказалось, лесная колдунья пришла к той же мысли, и, со свойственной ей практичностью, уже разузнала у Поющей Стихий, где в Городе можно приодеться. Она как раз туда и направлялась, когда ее окликнул знакомый, чуть дрогнувший от волнения голос:

— Одри! Ты далеко? — смущенный найденьш стоял на пороге их дома, краснея и тщетно пытаясь спрятать улыбку.

— Вовсе нет, — улыбнулась в ответ Одри, — на соседнюю улицу, к портным в гости. Собиралась прикупить кое-что к твоему Наречению. Честно говоря, мой походно-боевой наряд мне порядком надоел.

— А... можно мне с тобой? Все заняты, я просто не знаю, куда деваться, — юноша покраснел еще больше.

— Ох... Конечно же, можно, — девушка запнулась. Как же неудобно, когда у человека

нет имени! — Поможешь мне выбрать платье, а то я отвыкла уже. Сам-то готов?

— Да, Герт позаботился, — ответил найденьш, вздохнул глубоко, и, видимо, набравшись храбрости, сказал, — Знаешь, Одри, я... я так рад, что ты вернулась! Без тебя здесь так пусто и одиноко...

Девушка смутилась и растерялась, что случилось с ней крайне редко.

— Ну... а как же они? — она кивнула в сторону дома, — получается, что мне ты рад, а им и не рад совсем?

— Понимаешь, они все где-то там, — найденьш выразительно возвел взгляд к небу, — на ступеньку выше. У них магия, знания, они все о себе помнят. А у меня все, что я помню, связано с тобой. Погоди, я знаю, что ты хочешь сказать: что Тайри из-за меня чуть с Мудрыми не поссорилась, что не сегодня-завтра они с Дарреном меня имяполагать будут... Умом понимаю: это очень важно, они мне почти родные, а сердце говорит другое. Я радуюсь от мысли, что ты сможешь называть меня по имени, и это для меня важнее всего в жизни.

Юная колдунья не стала напоминать, что нынешней жизни найденьша всего-то три недели. А о прошлой он ничего не помнит. Она просто взяла его за руку и повела за собой.

Вот эту-то сцену и увидела, случайно выглянув в окно, Тайри. Что ж, подумала она, каждому из нас необходима родная душа. Это ведь настоящая редкость. Там, перед лунным храмом она ведь не разгневанной хозяйки испугалась, а того, что Двуликая могла сотворить с Дарреном. Правда, невозможно было отделаться от мысли, что они с зеленоглазым друг друга стоили, и неизвестно, кто бы выстоял. Ох, надо выкинуть из головы примерещившиеся тогда крылья за спиной Лоцмана и отблески несуществующего солнца на золотой чешуе, и заняться простым и понятным делом — нарядами, прическами...

В Храме на церемонию Наречения найденьша собралась чуть ли не половина города. Тайри пропустила вперед бледного от волнения юношу, очень серьезную Одри, выглядевшую старше своих лет в темно-багровом строгом платье, и, опираясь на руку верного Лоцмана, вступила под своды собора. Многие провожали две эти пары удивленными и слегка завистливыми взглядами. Конечно, подумала леди Даллет, кое-кто привык видеть нас в непритязательной походной одежде и считать кем-то вроде слуг или обычных наемников, а сейчас им пришлось задуматься, так ли это на самом деле...

Они шли вдоль длинного прохода между рядами резных деревянных скамеек, сейчас «под завязку» забитых прихожанами. Внутреннее убранство собора поражало своей строгостью и какой-то особенной одухотворенностью. Стройные белые колонны поддерживали стрельчатые своды потолка, отделанного тончайшей резьбой по камню. Огромные витражные окна совершенно особенным образом дробили льющийся в них солнечный свет, создавая в главном приделе невероятную, «неземную» атмосферу. Отделённая небольшим пространством от первого ряда скамеек, на белокаменном постаменте стояла хрустальная чаша — купель. Она была совершенно прозрачна, лишь по краю вились выбитые золотом письмена, да в воде играли разноцветные блики. По обе стороны от чаши были низкие столы, на которых стояли тяжелые, кованого золота, светильники. А позади поражали своим великолепием алтарные врата, покрытые искусной чеканкой. Выше врат, почти под потолком, находилась единственная в соборе фреска, один взгляд на которую заставил и Хранительницу, и ее спутников, застыть в немом восхищении и благоговении. Они стояли, забыв, кажется, даже дышать, не в силах оторвать глаз от странного, выполненного с невероятным, нечеловеческим мастерством изображения. Было

полное впечатление того, что это никакая не фреска, а дверь, распахнутая прямо в начинающее темнеть вечернее небо, с едва проступившими звездами. И из глубины этого неба к смотрящим приближалась фигура в белых одеждах. Левую руку Он держал у груди, раскрытой ладонью вверх, и над ней сияло маленькое ослепительное солнце. Правая была протянута дружеским жестом к сидящим в Храме. Лицо Его скрывало сияние, выделялись лишь нечеловечески мудрые, всепонимающие, полные сострадания глаза, и каждому из прихожан думалось, что взгляд этих глаз направлен именно на него. В облаках, что клубились вокруг светоносной фигуры, угадывались другие образы и лица, являвшиеся воплощениями светлых сил. Фреска, выполненная неведомым мастером, была столь реалистична, что, казалось, видно, как легкий ветерок колеблет Его одежду, как перемигиваются и становятся ярче звезды. Еще пара невесомых шагов и Он ступит под своды Храма.

— Невероятно, — прошептала Тайри, с трудом преодолевая внутренний трепет.

— Кто это создал? — услышала она, точно издалека, взволнованный шепот Даррена.

— Мы не знаем, — ответил встречавший их настоятель Храма, — по легенде первые братья нашли потемневшую и обгоревшую мраморную плиту в одном из Тоннелей. Но Сила, исходящая от нее, не позволила им оставить непонятную вещь без внимания — монахи принесли ее в строящийся храм. Через несколько месяцев изображение прояснилось само собой, и все увидели вот это чудо.

— Потрясающе, — сказала Тайри, — я никогда не встречала ничего подобного.

— И не встретите. У вас еще будет время, чтобы подробно рассмотреть фреску, — мягко сказал отец Грант, — пойдемте, все уже ждут.

Предводительствуемые священником, они прошли к первому ряду сидений, где уже заняли свои почетные места пятеро Мудрых и городская знать. Тайри лишь кивнула и растерянно улыбнулась в ответ на восхищенный взгляд Герта. Непонятные тревога и волнение становились все сильнее, но какая может быть опасность здесь, в храме, под взглядом, наверное, самого Творца?

Вдоль столов, зажигая многочисленные свечи, медленно шел сутулый человек. Он сильно прихрамывал, постоянно наступая на волочившийся по полу бесформенный балахон. Проходя мимо Тайри, он случайно задел Хранительницу локтем, обернулся, шепча извинения. Волшебница вздрогнула, увидев его печально-отрешенное лицо и пугающе-темные глаза, смотрящие не на собеседника, а куда-то сквозь него. Служитель Храма вздохнул, сгорбился еще сильнее и продолжил свое занятие.

— Кто это? — спросила Тайри у отца Гранта.

— Бриан... Юродивый. Он служит при Храме очень давно. Во всяком случае, я был еще мальчишкой, а он уже зажигал свои свечи. Говорят, он когда-то был Мудрым, но «выгорел», сотворив неудачное заклинание. С тех пор он такой... странный и почти слепой. Удивительно, но очень многие считают его провидцем.

— А Вы? — спросила Одри, исподволь следя за худой сгорбленной фигурой со свечой в руке.

— Не знаю. Для меня он такая же часть Храма, как, скажем, эта фреска. Нечто неотъемлемое. Иногда, видя, как он помогает людям, я начинаю верить в то, что о нем говорят, — пожал плечами священник, — ну да Вседержитель с ним. Пора начинать.

Отец Грант вознес горячую молитву Создателю, к которой искренне присоединились все, присутствующие на службе. Затем Тайри и Даррен подвели найденыша к хрустальной

чаше, а настоятель Храма провозгласил:

— Возлюбленные братья и сестры! Мы сегодня собрались здесь, чтобы дать имя этому юноше. Дав ему имя, мы тем самым сделаем его одним из нас, и Силы Света, хранящие Город, примут его под свою защиту. Пусть эта женщина, — отец Грант взял за руку леди Даллет, — и этот мужчина, — его левая рука сжала пальцы Лоцмана, — станут его названными родителями, ибо только они по закону имеют право имянаречения.

Священник отпустил руки нареченных родителей, подошел к юноше, благословил его, и найденьш, закусив от волнения губу, обеими ладонями коснулся поверхности воды в хрустальной чаше.

— Если кто-либо знает нечто, способное помешать наречению, пусть скажет сейчас, пока не совершено таинство, или же не говорит никогда, — торжественно произнес ритуальную фразу настоятель Храма, уже готовясь окунуть голову найденьша в купель, — и да пребудет с нами благословение Творца и всех Светлых Сил!

Юноша, между тем, уже полностью опустил в воду кисти рук. Тайри, пытаясь справиться с бешено бьющимся сердцем, не отрываясь, смотрела на хрустальную чашу. Ее не оставляло тяжелое предчувствие, усиливающееся с каждым мгновением. Почему вода в чаше, до того прозрачная, становится опаловой? — лихорадочно думала она. — Почему лицо найденьша выражает лишь боль и муку, а не радость и просветление? Почему он зажмурился, чего испугался?

После заключительных слов отца Гранта под сводами собора повисла тревожная тишина, было слышно, как бьется о витражное стекло какая-то шальная муха. И в этой тишине, точно гром с ясного неба, прозвучал хриплый голос юродивого:

— Нельзя дать имя тому, у кого оно уже есть.

И тут же почти прокричал кто-то из сидевших в первом ряду Мудрых, кажется, Астор:

— Чаша! Посмотрите на чашу!

Вода в купели стала полностью непрозрачной и шипела, точно игристое вино.

— Он не может получить имя! — сказал Командор ордена Мудрых, и в голосе его звучал холодный металл, — Вы же видите, что творится! Силы Города против этого!

Четверо Мудрых, не говоря ни слова, поднялись со своих мест и покинули Храм. За ними потянулись и остальные. Через несколько минут в соборе осталась лишь Хранительница со спутниками, верховный священник да Смотрящий сквозь Время, так и не покинувший своего кресла.

А найденьш, застывший у хрустальной купели, ничего вокруг не видел и не слышал. Как только его ладони коснулись воды, с ним начало происходить нечто невероятное. Сначала голову наполнили тысячи голосов, от которых, казалось, вот-вот лопнет череп. На смену им пришел невероятный холод, пронизавший все тело найденьша, затем он ощутил вокруг себя невидимое, но очень жгучее пламя. И вдруг точно приоткрылась некая тяжелая завеса, и в память хлынули воспоминания детства: пока еще беспорядочные и бессвязные, но очень яркие. Пейзажи, которых нет, и не может быть на острове: бескрайние заросшие сочной высокой травой равнины, пологие холмы на горизонте, странные деревья с метелками мягких душистых игл вместо листьев. Умные и послушные животные, очень похожие на мохнатых лошадок из лесного мира, только выше и изящнее, с витыми, отблескивающими серебром тонкими рогами. Огромный, наполненный светом, роскошный дом, анфилады искусно украшенных комнат. Улыбчивые люди в светлых льняных одеждах: темноволосые мужчины и женщины, смуглые, с ясными сияющими глазами. Высокий, весь будто

устремленный в небо храм, похожий и непохожий на собор Города-над-Морем. Священник в непривычной, пурпурной с золотом богатой ризе. Твердая мужская рука на плече мальчика — на его собственном плече, и другая — ласковая женская, с тонкими пальцами умелой мастерицы, нежно глядящая его по голове.

— Вот наш сын, отче. Мы пришли, чтобы дать ему имя...

— Не бойся, сынок, мы с тобой, — и обе руки согласным движением подталкивают его к строгому священнику.

— Нарекаю тебя... — град холодных капель, льющихся на затылок, стекающих за пазуху... Яркий солнечный блик на воде... И наваждение оборвалось. Найденыш, по-прежнему безымянный, стоял, опустив руки в хрустальную чашу.

— Госпожа, может быть, вы объясните мне, что происходит? — нервно сцепив пальцы, спросил отец Грант.

Тайри медленно подняла взгляд:

— Объясню, святой отец. Еще не время. Мы просто постоянно торопим события.

— Да? Но мне кажется, именно времени нам и не хватает, — одним уголком рта усмехнулся настоятель, — Тьма стоит у стен Города, и если мы будем медлить, она просто уничтожит его. Возможно, не без его помощи, — он кивнул в сторону найденыша.

— Послушайте, мы не можем пойти наперекор вашей собственной процедуре, — вмешался Даррен, — слово было сказано, и нам предстоит неизвестно каким способом узнать имя мальчика.

— Чем скорее вы это сделаете, тем лучше для вас и, тем более, для него, — мрачно сверкнул глазами отец Грант, — что бы тут ни творилось, я успел привязаться к этому юноше. Идите и задумайтесь над происшедшим. Потому что последствий сегодняшних событий я просто не могу себе представить. Люди ропшут... и это может плохо кончиться.

Тайри понимала, что священник прав. Что-то словно не пускало их к главным силам Города. Две подряд неудачи с найденышем основательно пошатнули и надежды горожан, и доверие их к пришельцам. Откуда только взялся этот старик-юродивый?! Безусловно, она понимала, что юноша вовсе не был безымянным. Но она помнила, что у многих народов в разных мирах существует обычай давать сначала детские имена и изменять их на постоянные только после обрядов, знаменующих переход ко взрослой жизни — часто посвящения в воины. Подспудно Хранительница надеялась, что так и обстоит дело с найденышем — к сожалению, этой надежде не суждено было оправдаться...

Леди Даллет бросила взгляд на Лоцмана, потом встретилась с печальными серыми глазами Мудрого.

— Возвращайтесь к себе, госпожа, — тихо сказал он, — возвращайтесь и обязательно дождитесь меня. Мы должны вместе подумать, что тут можно сделать, понять, что происходит... Прошу Вас...

Волшебница кивнула и молча направилась к выходу. Даррен взял за руку найденыша и последовал за ней. Последней шла Одри, осторожно смахивая нежданные слезы и стараясь, чтобы никто этого не заметил. Что же теперь будет?

— Отправляйтесь домой, — поправляя плащ на плечах бледного, все еще погруженного в себя юноши, сказала Тайри, — Одри, прошу тебя, позаботься о нем. Габриэль, пожалуйста, подготовь все к походу в Тоннели. В этот поход мы возьмем мальчика. так будет лучше для всех.

— А вы, миледи, разве домой не пойдете? — удивленно спросил воин.

— Мне надо подумать, а это лучше всего получается в одиночестве, — грустная полуулыбка тронула губы Хранительницы, — не волнуйтесь за меня.

— Тайри, умоляю, тебе нельзя рисковать, — произнес Лоцман, — ты ведь безоружна.

— Маги не бывают безоружными, Дар, — покачала головой Хранительница, — не думаю, что в Городе мне что-то угрожает, даже сейчас.

Она провожала друзей взглядом, пока они не скрылись за поворотом, потом повернулась и пошла в противоположную сторону. Все вниз и вниз, по узким улочкам, уступами спускающимся к пустующей сейчас гавани.

**** *
**** *
**** *

Тем временем Герт все еще сидел в Храме, погружившись в свои невеселые мысли. Отец Грант не трогал его, спокойно занимаясь подготовкой к вечерней службе, отметив про себя, что юродивый, который всегда помогал ему, куда-то запропастился. Он хорошо понимал мага и сочувствовал ему — они оба возлагали слишком много надежд на Хранительницу еще с момента ее первого появления в Городе-над-Морем.

— Мне очень жаль, Герт, — наконец прервал тяжелое молчание священник, — поверь, мне бы очень не хотелось, чтобы и их, и наши труды пошли прахом. Слишком много черных нитей в узоре... Но мы ведь не могли тогда ошибиться?

Мудрый медленно поднялся со своего места, подошел к хрустальной чаше.

— Мы и не ошиблись, святой отец. Перечитайте последнюю главу Книги Установлений, — негромко ответил он, — там сказано: «Всему свое время под этим небом, и каждому назначено свое испытание». Путь к победе не будет простым и легким ни для кого из нас. Все уплатят свою цену, и никому она не покажется чрезмерной. А мальчик... Взгляните сюда, — Герт указал на прозрачную купель.

Молочно-белые завихрения прекратили свое неспешное движение, вода успокоилась. Сквозь исчезающие тонкие струи жемчужных пузырьков настоятель Храма увидел сотканную из опалового тумана королевскую корону.

— О Вседержитель... — прошептал священник.

— Теперь вы понимаете? — спросил Герт с легким торжеством в голосе.

— Но как это возможно? В городе не осталось почти никого из семьи...

— Не забывайте, они уплыли на материк, но это вовсе не значит, что они сгинули. Почти тысячу лет спокойно жили там, может быть, даже правили... Мы ничего об этом не знаем, и не узнаем, если потеряем мальчика.

— Скажи, Герт, как давно ты догадался?

— После попытки восстановить его память, найденьши заговорил на древнем наречии Города, ныне оставшемся лишь в книгах. И он откуда-то великолепно знал строение королевского дворца, первоначальную его архитектуру, которую мы сами знаем лишь по старым планам и рисункам. Этого не мог помнить даже рожденный и воспитанный в Городе мальчишка его возраста. Сложив два и два, я заглянул в королевскую портретную галерею. Безусловно, абсолютного сходства я не нашел, да его и быть не может. Но многие фамильные черты...

— Ну, допустим, ты нашел доказательства, хоть и косвенные. Допустим, я поверил, а теперь увидел еще и это, — отец Грант кивнул в сторону чаши, — нам с тобой этого достаточно. А остальные? Они ведь окончательно разуверились, и, боюсь, начнут действовать по своему усмотрению. Более всего я опасаюсь поспешных решений. Как бы они...

— Нас ведь пятеро, святой отец. Лиард слишком разумен, а Командор слишком боится ошибиться. Астор и Рода, безусловно, самые горячие, и могут натворить дел. Но они останутся в меньшинстве, — ответил маг, — совет ордена никто не отменял. Более того, наверняка они попытаются сначала выяснить, что случится в ближайшем будущем, чтобы иметь хоть какое-то оправдание принятым решениям. Ведь кроме подозрений у них ничего нет.

— А Хранительница? Как поступит она?

— Не знаю, — тяжело вздохнул Мудрый, — не знаю! Я попытаюсь убедить ее в том, что мы всецело на ее стороне. Но я не уверен, поверит ли мне Тайри. Что-то она придумает, конечно... Главное, чтобы Хранительница и ее друзья не решились покинуть Город. Навсегда.

Ледм Даллет остановилась на мосту, переброшенном архитекторами Города через узкую часть гавани, загляделась на эту необыкновенную красоту: тонкие высокие башни, маяк на мысу, далеко выступающем в море, факельные шпили — высоченные столбы с площадками наверху, где раньше поддерживался ночью магический огонь для освещения пирсов. Как долго суждено прожить всему этому? Ей с детства хорошо думалось в движении, и под мерный шум волн тоже, хоть она и бывала у моря реже, чем ей хотелось бы. Ясно, как белый день, что теперь Мудрые во главе с Командором будут противиться каждому шагу, а мальчика в лучшем случае заставят пройти через магическое очищение. И отец Грант, при всей привязанности к найденьшу, не станет его защищать. Никто не станет — кроме пришлых магов, которых вот-вот засунут в какой-нибудь подвал с крепкими решетками. Безусловно, думала Тайри, мы-то не собираемся бросать парня в беде, но это вот-вот превратится в открытую конфронтацию с властями Города, Мудрыми, и, наверное, даже с теми незримыми Силами, что его оберегают. По такому случаю в храме Танх Каар закатят торжественную мессу с плясками, не иначе. Если мы с Мудрыми начнем грызть друг другу глотки, можно спокойно брать Город голыми руками. Надо выиграть еще немного времени, исчезнуть ненадолго, заняться хоть тем же вторым Тоннелем, по которому, возможно, пробиваются воины из сопредельного Реона. Надо дать страстям утихнуть, пусть мысли о возмездии и наказаниях останутся только в головах магов, не народа. Не лучшее решение, но другого пока не видно. Разве что Даррен с Габриэлем что-нибудь придумают. Безусловно, свое слово скажет Смотрящий сквозь Время, но решать придется самим. Имя, мальчишке нужно истинное имя, да где ж его взять? Отыскать семью? Невозможно, даже если использовать все способности Даррена и ее собственные. Его родных просто может не оказаться среди живых. А взламывать память она не станет и другим не позволит. Ждать чуда? Это уж точно не выход.

**** *
**** *
**** *

— Любуется видами, светлая госпожа? — прозвучал прямо над ухом Тайри незнакомый хриплый бас, — когда-то здесь не протолкнуться было от кораблей. Вы не представляете себе, как это прекрасно: стремительный корвет, летящий под полными парусами. А сейчас вы не увидите даже захудалой рыбацкой лодчонки. Проклятые дети Тьмы! Я уже и забыл, когда последний раз выходил в море.

Леди Даллет обернулась: рядом стоял высокий, прямой, с военной выправкой человек. Темное обветренное лицо, аккуратная седая бородка, грива серебряных волос, схваченных шнурком на затылке... И совершенно молодые голубые глаза, пристально смотрящие из-под нависших бровей.

— Вы моряк?

— Да, когда-то командовал флотилией. Какое было время! Разведывали дальние острова, ходили там, где только рыбы да птицы ... Последние пять лет — сухопутная крыса. А вы — Хранительница, — уверенно заявил ее собеседник, ничуть не смущаясь. — сделайте же что-нибудь с этой нечистью, что развелась в море! Нельзя же так жить, моряки гибнут без дела, как и корабли.

— Мы уже делаем, почтенный, правда, пока не на море. Но сами видите...

— Я встречал ваш отряд вместе со всеми, когда вы из Арашамфа вернулись. Не страшно было в Тоннеле?

— Страх остался здесь. Его слишком тяжело с собой таскать. А в Тоннеле обнаружилось пара сюрпризов от старого врага, — Тайри пожал плечами, — вы же не боитесь штормов и течений?

— Да я не об этом, — нахмурился моряк, — я о том, что, вроде бы, к Сыну Ночи, будь он неладен, отношения и не имеет, а странно и непонятно до ужаса. Живет само по себе Всевышний знает, сколько веков, и никто не знает, когда оно появится на твоём пути и чего захочет. С темными тварями все понятно: бей их серебром да вспоминай молитву, а с этими как? Надо их к морским змеям на дно отправлять, или наоборот, ни в коем случае не трогать, а относиться со всем почтением? Ну, вот как к Морской Вестнице или Пенному Коню...

— Эти двое из области морских легенд?

— Для кого, может, и легенд, а я их своими глазами не раз видел и Вестницу даже на корабле привечал! — с гордостью заявил старик.

— В том Тоннеле, что мы очистили, ничего такого не было. Ничего, что было бы нам не понятно.

— И... Древлянин вам не попадался? — снизив голос до шепота, спросил седой собеседник.

— А это что еще за чудо?

— Да не знает никто толком, госпожа. Мой брат, который всю жизнь караваны туда-сюда водил, да так и погиб там, в Тоннелях, рассказывал... Многие странного старика в лохмотьях видели. Стоит и смотрит на проходящих, пристально так, будто ищет кого. Каждому чуть ли не в лицо заглядывает, а глазищи-то страшные! Другие зверя, на медведя похожего, видели, еще — змея, многими кольцами свитого. Поговаривают — древний волшебник это, который сам по себе, от того и Древлянин зовется. Может, это он и сотворил пути между соседними мирами...

— А ваши Мудрые? Что они об этом говорят? — рассказ старого моряка особо не заинтриговал леди Даллет, но некое предчувствие, слабый укол интуиции, заставил ее внимательнее прислушаться к его словам.

— Спрашивали мы. Даже Командор открыто плечами пожимает да руками разводит — не знаем, мол. Может, Смотрящего сквозь Время спросить надо было, да стало уж не до того, когда Тоннели закрылись.

— Этот ваш Древлянин может быть опасен?

— Может быть... А может, и нет, как попадешься. Говорили, отвечал только на открытое нападение, просто так не трогал никого. Я слышал от людей, вы второй Тоннель освободить собираетесь? Будьте осторожны, светлая госпожа, именно там его чаще всего видели. А нам вы нужны здесь! Я все еще надеюсь дожить до того времени, когда снова

встану на капитанский мостик...

Старый моряк поклонился и зашагал вниз, к докам, где до времени были спрятаны его любимые корабли. Тайри долго смотрела ему вслед. Ничего не бывает просто так, думала она, и странные истории не всплывают сами собой. Кем бы ни был этот Древлянин, надо расспросить о нем Герта. Вдруг это окажется та самая ниточка, которая нам так необходима?

**** *
**** *
**** *

До дома, отведенного маленькому отряду Тайри, Герт не дошел. Оставалось пройти пару кварталов, как перед ним, словно из-под земли, появился Лиард, Владеющий Пространством.

— Ты нужен нам, брат.

— С чего это вдруг? Разве может что-то решать предатель, или как вы там меня называли? Астор же сказал недавно, что Хранительница целиком подчинила меня своей воле, — невесело усмехнулся Смотрящий сквозь Время.

— Боюсь, что именно твое мнение и сыграло роль. Голоса разделились поровну, и я предложил спросить высшие силы, — спокойно и даже миролюбиво ответил Лиард, — Ты проведешь нас к Неугасимой Чаше?

— Это мой долг, — кивнул Герт. — а в данном случае это просто необходимо сделать. Половина из вас готова посадить непонятных пришельцев под замок или выдворить их из города, а лучше всего уничтожить... А вторая половина высказалась против этого только лишь из соображений личной безопасности. И ни один не видит, насколько ошибается.

— Получается, что ты давно знаешь ответы на все вопросы?! — вспыхнул Владеющий Пространством, — что же ты с нами не поделился?!!

— А вы меня слушали? Я говорил, и неоднократно. Но ведь это все тонкие измышления, чтобы прельстить сторонников. Я же играю на стороне Хранительницы, — язвительно ответил Герт.

— Разве нет? Рода говорит...

— Посмотрим, что она скажет после визита в Священную рощу, — невозмутимо ответил маг, поворачивая на неожиданно подвернувшуюся улочку — Город открывал самую короткую дорогу к Дому Мудрых. Значит, и ему было важно, чтобы противостояние прекратилось.

...Священная роща, Вечная роща, Лес у Источника, Место-вне-Времени... Сколько Герт себя помнил, она всегда выглядела одинаково: печально-торжественная осень, деревья в полном безветрии роняют багряные и желтые листья, и только в плоской чаше мечется в вечном танце неугасимый огонь. Мерцает отражение языков пламени жизни на глади маленького бассейна — истока Реки Времени. Здесь всегда можно было получить ответы на самые сложные вопросы, другое дело, что спросить можно было не всегда. Мудрые остановились у серого, с золотыми прожилками, бортика, глядя в спокойную воду. Налетел порыв ветра, зеркальная поверхность Источника подернулась рябью, и они увидели...

Висящие на стене парные секиры-лабрисы дивной работы. Найденыш, облаченный в королевскую мантию, с символами власти, скипетром и державой, в руках. Розовый камень в форме сердца, пульсирующий яркими вспышками на ладони юноши. Королевская корона на его челе...

— Мальчишка королевской крови?! Как это может быть? — воскликнула Рода.

— Вода в хрустальной купели Храма тоже показала корону, — произнес медленно

Герт, — но вы же поспешили уйти! Мальчик не только королевской крови, друзья мои. Я возьму на себя смелость утверждать, что это и есть наш будущий король.

— Допустим, — напряженным голосом сказал Командор, — можно поверить, что он прямой потомок исчезнувшего короля. Все предсказания сходятся, и звезды указывают на это. Кто-нибудь, кроме меня, наблюдал в последнее время за небом?

— Око Закона стоит в зените, — прошептал Лиард, — как и тысячу лет назад. Я сравнивал записи.

— Если он — король, то должен легко пройти все испытания, — надменно вздернув подбородок, проговорила Поющая Стихиям, — и те, что предписаны многовековыми традициями, и те, что преподнесет ему судьба. И не дай Всевышний, если он окажется самозванцем! Тогда не поздоровится не только всем этим бродягам, выдающим себя за героев Пророчества, но и тебе, Герт! Я первая отдам голос за твою казнь!

Рода ревниво следила за каждым шагом Хранительницы с момента ее возвращения в Город. Любимая ученица Командора, одаренная много больше множества своих предшественниц, злилась сейчас на все мироздание разом и на Герта в частности. Это все он со своим предчувствием и пророчествами! А теперь получается, что пришедшая волшебница владеет силами куда более мощными, чем она сама, и подчиняются они ей чуть ли не с радостью! С самого детства, выучив наизусть главу из Книги Установлений, Рода втайне надеялась, что роль Хранительницы отведена именно ей. Пророчества не обязаны сбываться слово в слово! Там было сказано: придет, а как и откуда — уже не важно. Она всегда считала, что на роль Лоцмана вполне годится Лиард. Последние семь лет Поющая Стихиям ждала пробуждения в себе новых сил, что способны сделать ее Хранительницей. Наступит этот момент, и тогда... Возвращение Тайри превратило в пепел ее честолюбивые надежды, и теперь Рода сопротивлялась всему, исходящему от Хранительницы, как только могла.

— Не сомневаюсь, что так и будет, Рода, — улыбнулся Герт, — мальчик не заставит нас сомневаться в нем. Момент истины неизбежно приближается, нужно только иметь мужество признать эту истину. И посмотрим еще, кто окажется на эшафоте.

Глава 5

Человек без имени не человек, ему не хватает самого существенного.

Павел Флоренский

Место, которое можно назвать домом — это то, где мы наконец можем быть теми, кто мы есть.

Декстер (Dexter), 7 сезон

Смотрящий сквозь Время застал маленький отряд Хранительницы завершающим сборы в дорогу. Лучшего решения проблемы все равно никто не предложил, а возвращение второго Тоннеля значительно оживило бы торговлю и, возможно, новых воинов. На этот раз они брали с собой и найденьша. Юноша уже пришел в себя после событий в Храме. Как заметила внимательно наблюдавшая за ним Одри, он заметно изменился — будто повзрослел в одночасье. Голос стал тверже, а взгляд — увереннее, движения, до того угловатые и неловкие, сделались красивыми и точными. Даррен, чтобы отвлечь подопечного от мрачных мыслей, устроил ему урок фехтования, и с радостью сообщил Тайри, что его новый ученик схватывает все приемы буквально на лету. «В нем пробуждается молодой тигр», — сказала Габриэлю Тила, — «И только слепец может этого не заметить».

— Вы все-таки решили сунуть голову в этот улей с ядовитыми пчелами? — с ноткой сожаления в голосе сказал Герт.

— Это самое разумное, что можно сделать в данный момент, — ответила волшебница, — Пока мы не придумаем, как узнать имя мальчика. Посмотрите на него — он меняется, становится сильнее, будто чувствует некую опору, которой раньше не было. И для полного завершения ему не хватает истинного имени. Знаете, как гласит легенда одного из народов на моей далекой родине: нет имени — нет судьбы.

— Если бы вы знали, Тайо, насколько правы, утверждая это, — согласно кивнул маг, — а для вашего подопечного принцип имени и судьбы важен вдвойне. Я уверен, что и нынешний поход окажется удачным, но хотел бы вас предостеречь. Второй Тоннель намного опаснее первого.

— Я слышала кое-что... — задумчиво проговорила Тайри, проверяя заточку своего любимого меча, — один старый моряк рассказал настораживающую легенду. Живет, мол, в Тоннелях неведомо сколько лет некто, к темной стороне вроде бы отношения не имеющий, но совершенно непонятный и загадочный. Древний, как сами пути между сопредельными мирами, потому называют его Древянином. Вы не эту ли опасность имели в виду?

— Об этом старике я слышал от караванщиков. Нет, там все гораздо банальнее. Во втором Тоннеле гнезда нетопырей, а они, как известно, темные твари. Не знаю, какие еще ловушки и преграды спрятал там Сын Ночи, но эта напасть начинается прямо за воротами, поэтому мы и держим их закрытыми все время. Зверюшки они немаленькие и очень сильные, к тому же охотятся весьма своеобразно — насколько мы сумели узнать у немногих выживших. Встанут на дороге, завернутся в крылья — вылитый человек в плаще. Караванщикам казалось — худой, изможденный, оборванный, надо бы помочь такому. Так

вот, один-двое внимание отвлекают, а остальные на благонаправного зазевавшегося сверху набрасываются. Если не разорвут тут же — в гнездо свое поганое утащат, детенышей кормить. Угадать прячущегося в скальных выступах нетопыря — дело практически безнадежное. Кому удалось, тот и жив остался...

— Понятно, — сказал, укрепляя на перевязи метательные ножи, Габриэль, — что-нибудь придумаем, не волнуйтесь. Как говорится, предупрежден — вооружен. И Тила с нами пойдет, а уж она их за милую почует.

— Герт, мы отправляемся завтра утром. Вы не могли бы посмотреть в своих книгах... Мне все же хочется узнать хоть что-нибудь об этом Древлянине, пусть даже это будут байки купцов и караванщиков, — попросила Тайри.

— Разумеется, тем более что мне самому интересно, — улыбнулся Мудрый, — жалею теперь, что раньше руки не дошли. Только боюсь, изыскания мои затянутся до глубокой ночи.

— Это не страшно, — Хранительница накинула на плечи плащ, — я иду с вами. Надеюсь, от моей помощи толк будет?

— Конечно, — пробормотал маг, пряча совершенно неуместную счастливую улыбку.

Они молча шли по улицам Города к Дому Мудрых, и Герт с удивлением, уже который раз, ловил себя на том, что ощущает крылья у себя за спиной — когда рядом Тайри. Он понимал, что сейчас не время и не место для подобных чувств, все это достаточно нелепо и бессмысленно, но... Разве Всевышний спрашивает нас, когда посылает нам испытания или награду, думал Мудрый. Так случилось, и теперь он, не самый молодой в ордене маг, чувствовал себя мальчишкой не старше найденыша. Не важно, что до сего момента его сердце молчало, и все знания, опыт, все, виденное им в Прошлом, вряд ли могли ему помочь. Изредка всплывала здравая мысль, что Хранительница никогда не будет с ним, но Герт гнал ее от себя. Ему нравилось думать, что судьба и будущее — их общее будущее — исключительно в его руках. В конце концов, он ведь Смотрящий сквозь Время, чьи предчувствия почти всегда сбываются!

Библиотека ордена, спрятанная под землей, потрясала своей грандиозностью. Смотрителем ее был крепкий старик, приземистый и широкоплечий. При взгляде на него Тайри невольно подумала о гномах из детских сказок. Именно такими подгорных жителей и описывали. Их отвели в один из дальних отсеков хранилища, где находились летописи тысячелетней давности и прочие, не столь достоверные свидетельства жизни Города эпохи последнего короля. Поиски, как и предполагал маг, затянулись не на один час, да и то, что удалось раскопать, мало проливало свет на фигуру Древлянина. Тайри уже совсем было отчаялась найти хоть что-нибудь полезное, и собралась возвращаться домой. Но тут Герт решительно убрал с ее стола очередные «Рассказы о невероятном купца...» и положил перед ней не слишком толстую книгу в почерневшем серебряном окладе.

— Это «Обычай Королевского Дома и Свод дворцовых уложений», труд Койрата Наставника. Он был Командором Мудрых при двух последних королях, — осторожно листая хрупкие страницы, сказал он, — посмотрите, что я здесь нашел...

«Король есть воплощение Закона на земле, так повелось от века и так будет, пока стоит лицом к лицу с Тьмой светлый наш Город. Первый Король пришел на этот остров вместе с основателями и горсткой избранных помощников, это известно доподлинно и сохранилось в веках. Тяжкими были труды его, и умер он, всего месяц не дожив до рождения сына. Почувствовав приближающуюся смерть, как это дано только королям, он

призвал одного из своих людей, наиболее твердого духом и одаренного Силой. И повелел ему наблюдать и помнить все, что говорит и делает Король, помнить все имена в королевском роду, дабы не расточилась королевская ветвь среди людей. Ревнителем королевского Древа был назван этот человек. Заповедано было ему и детям его, и детям его детей блюсти Древо королей светлого Города-над-Морем и хранить историю его. Мудрые, предвидя наступление Темных времен, сообща наложили на Ревнителя особое заклинание: не может он умереть, пока не передаст дело свое и знания преемнику. И только Король властен освободить его...».

— Вот он, наш Древлянин, — торжествующе улыбаясь, промолвил Мудрый.

— Вы уверены? — с надеждой спросила Тайри, — очень не хотелось бы ошибиться. Я возлагаю на встречу с этим уникальным человеком некоторые надежды.

— Я тоже, — согласно кивнул маг, — думаю, именно он подскажет вам имя мальчика. Судя по манускрипту, Ревнитель этот безумно стар. Видимо, он — последний, и ему некому было передать свое дело... А отпустить его мог только король.

— Если последний король покинул Город приблизительно восемьсот лет назад, значит, и магу этому что-то около того, даже чуть больше, — Тайри непроизвольно провела руками по лицу, — невероятно...

— Судя по всему, весь этот срок он прожил настоящим отшельником. Боюсь, вам трудно будет к нему подступиться, — вздохнул Смотрящий сквозь Время.

— Ничего, я найду, что ему сказать, — задумчиво барабаня пальцами по столешнице, ответила Хранительница, — я не великий дипломат, но приходилось договариваться с очень разными личностями. И у меня был хороший наставник.

— Только один? Вы говорили, что у вас там целая академия.

— Такой — один. И таких больше нет, — Тайри отвернулась. Герт понял, что задел самые горькие воспоминания волшебницы, еще слишком живые, чтобы не вызывать боль. Наверное, это и был тот самый маг, который погиб, и которого она так безнадежно любит до сих пор. И снова острая зависть овладела Смотрящим-сквозь-Время. Почему все её чувства достались мертвому, ведь есть же он — живой и рядом, только руку протяни...

— Что ж, я очень рад, что хоть чем-то помог вам, Тайо, — Мудрый только что светился заслуженной гордостью, а теперь вдруг погас и стал мрачнее тучи, — я провожу вас домой.

— Хорошо, только не забудьте наши записи. Лоцману тоже неплохо было бы изучить их.

**** *
**** *
**** *

На этот раз времени на размышление им не дали. Дикий визг на верхнем пределе слышимости ударил по ушам, едва отряд Хранительницы вступил под своды Тоннеля, а следом на него обрушилась серая, скрипящая кожистыми крыльями, воняющая падалью, живая и хищная волна. Одри понадобилось какое-то время, чтобы настроиться и поднять магический щит. Сосредоточиться никак не давали вопли нетопырей — видимо, совсем непростые были зверюшки. Завертелись в воздухе два меча Габриэля, образуя непроницаемый шелестящий круг. Рядом замерцал тусклым золотом клинок Даррена. С минуту промедлив, к ним присоединился и найденыш. Волшебницы, почувствовав себя в безопасности, быстро соткали надежный купол, прикрывший от нападений сверху весь отряд.

— А ты молодец, парень, — улыбнулся Габриэль, хлопнув найденыша по плечу. — только не зевай, а то съедят!

Юноша лишь кивнул в ответ и смущенно опустил глаза. От воина он слышал такую похвалу впервые.

— Тайри, а не выжечь ли нам здесь все, к лешевой бабушке? — недобро прищурившись, спросила Одри, — с детства нетопырей не люблю, а их тут видимо-невидимо, и здоровы, что твои лошади.

— А если там кто-то идет нам навстречу, и мы их поджарим? Твоя огненная волна не разбирает ведь, где свои, где чужие, — сказал Даррен, — хотя, если чуть-чуть точнее рассчитать усилие... Ты можешь послать волну на короткое расстояние?

— Попробую, — сдвинула брови девушка, — ох... Все твои премудрости, Лоцман, мне тяжело даются. Балансы — расчеты... Арифметика, а не магия.

— Математика, Одри, причем, зачастую, высшая, — зеленоглазый волшебник умолк, прикрыв глаза и соединив тонкие пальцы, потом сделал движение, будто резко подбросил что-то. Под сводом Тоннеля повис небольшой, но очень яркий шарик-светлячок, освещающий пространство шагов на пятнадцать вперед.

— Вот тебе результат точного расчета. Он расходует минимум моих сил при максимуме отдачи, кроме того, я сделал так, что он может чувствовать чужое колдовство и предупреждать нас об этом.

— Очень кстати, Дар, свет нам не помешает, — сказала Тайри, всматриваясь в уходящую в сумрак дорогу.

Вот уж кому совершенно не по вкусу пришелся «светлячок», так это нетопырям. Они подняли такой гвалт, который не смог приглушить даже купол.

— Если бы я умел, то создал бы им достойного противника, — робко сказал найденыш, — он бы с ними сражался, отвлекал от нас внимание. Да и напугал бы тоже. Может, тогда они и орать бы перестали?

Маги переглянулись удивленно: и как это им самим не пришло в голову?

— А малыш правильно мыслит, — согласился Даррен, — растет прямо на глазах. Хороший стратег из него получится.

— Еще бы вспомнить, кто у этих тварей считается естественным врагом, — проговорила Одри.

— Смеяться будете, господа маги, но мне отчего-то подумалось, что на летучую мышку нужна летучая кошка, — сказал Габриэль де Рейвен, почесывая за ухом только что не улыбающуюся во всю свою зубастую пасть Тилу.

— А это выход, дружище, — согласился Лоцман, — изобразим, Тайри? Тила, поможешь? Вспомни самого могучего вашего воина, покажи нам в мыслях, а мы постараемся его воплотить. Устроим нашим крылатым друзьям веселье. Только придется лепить полновесный фантом, вполне себе осязаемый. Простой иллюзией тут не обойтись.

Волшебники объединились в "кольцо", под защитным куполом сгустился серебристый туман, и вскоре рядом с Тилой стоял огромный тигр, расправляющий сильные крылья.

— Ох, и знатная же зверюга! — восхищенно выдохнул воин, — честное слово, кабы не знал, что это ваше творение...

— Ну, настоящий Мергар Непобедимый был куда внушительнее, — услышал он мысленный шепот крылатой кошки, — Правду сказать, с этих кровопийц и такого будет довольно. Скажи друзьям, пусть выпускают его. Над нами целая туча мерзких тварей висит, Мергар бы такого не допустил.

Стоило крылатому фантому покинуть купол, как среди нетопырей поднялась настоящая

паника. Наблюдать, как он расправляется со зловредными летунами, волшебники не стали: огонек Лоцмана почувствовал далеко впереди темное колдовство. Где-то кипел бой, и нешуточный. Хранительница и Лоцман ощущали чужое напряжение, боль и ужас умирающих, дикое необузданное ликование побеждающих, отголоски чьей-то леденящей душу волшбы и слабеющие с каждым разом попытки от нее защититься. Поворот, еще поворот, бегом — через обширный пещерный зал к освещаемой неясными багровыми всполохами арке... И маленький отряд вышел в тыл к тем, кто противостоял воинам из сопредельного мира. Спиной к замершим в зыбком полумраке спутникам Тайри стоял некто высокий, в тускло отблескивающем темно-лиловым шелком плаще. Длинные пегие волосы перехвачены на затылке в "конский хвост". Чуждые темные чары оплетали незнакомца плотным коконом, который ощущался физически, болью и холодом обжигая кожу. Владелец шелкового плаща виртуозно "дирижировал" атаками нетопырей совместно с нападениями нескольких десятков уродливых карликов, весьма неплохо вооруженных.

— Вот мерзость, — как от боли скривилась Тайри, — он что-то делает с камнем... Превращает его в змей, которые пьют силу и медленно убивают чародея-реонца.

— Да что тут раздумывать, прикончить главаря, пока он нас не видит, — сквозь зубы процедила Одри, покачивая на ладони заговоренный дротик с серебряным наконечником, — для такого красавца ничего не жаль!

Даррен чуть придержал ее за плечо, начертил над острием какой-то знак, на мгновение полыхнувший зеленым.

— Вот теперь — давай, — кивнул он.

Девушка легко метнула маленькое копьё, одновременно Тайри сняла защитный купол и пустила гулять по рядам карликов парочку ярких огненных вихрей. Низкорослые горе-вояки тут же сбились в кучу, жалобно подвывая и закрывая головы руками. Темный воин вздрогнул, когда заколдованный дротик впился ему в спину, и обернулся к нападавшим. Хранительницу пробрала дрожь, когда она разглядела его лицо. Гладкая белая маска, лишенная всякой подвижности, бледная кожа натянута, как у мертвеца, впалые щеки, тонкие губы, а глаза залиты чернотой. В главаре нападавших не было жизни, но и мертв он не был.

— Вот те раз, — зло сплюнул через зубы Габриэль, — а я-то был уверен, что Продавшиеся только в детских страшилках бывают.

— Кто такие? — не понял Даррен.

— Люди, добровольно отдавшие себя тьме в обмен на какое-то содействие или благо. За кучу золота, например. И чем больше и старательнее служит такой человек, тем сильнее становится похожим вот на это, — пояснила, ничуть не стесняясь быть услышанной противником, Одри, — и все-то у него заемное, не свое. И жизнь, которая не-жизнь, и сила, и воля. Зачастую, даже ум, и тот чужой.

— Кто?!?! Кто посмел здесь... — не голос — скрежет, режущий слух, — Женщина! Ты не знаешь...

— Знаю, — твердым голосом прервала его Тайри, — знаешь и ты, что пощады не будет. Убери своих прихвостней, или мы их уничтожим.

Продавшийся странно и страшно улыбнулся.

— Волшебница из Города... Не думал я, что мы столкнемся так скоро. Время близится, и противник стократно сильнее меня ждет своего часа. Полагаешь, что убила меня? Нет, всего-то лишила возможности колдовать на какое-то время. Моя королева вернет мне силы, и мы встретимся снова, чародейка, уже на стенах...

— Да что ты слушаешь этого болтуна, госпожа, — с досадой произнес Габриэль, и, почти без замаха, метнул нож — всего лишь обыкновенный нож-рыбку, не серебряный, не заговоренный.

Узкий клинок без звука вошел в незащищенную шею противника чуть пониже уха.

— Простой воин... Простой нож... Честная сталь... — просипел главарь, закрывая свои черные жуткие глаза, — как и обещали...

Его охватило багровое пламя, сразу всего, но тихий голос, что услышали стоявшие вокруг, уже совсем человеческий, не был страдальческим. В нем, скорее, звучало несказанное облегчение и надежда, в которую уже давно не верилось:

— Спасибо, воин....

— Что я сделал? — недоуменно спросил де Рейвен, разглядывая оставшуюся от колдуна горстку пепла.

— Не уверен, но, по-моему, ты принес ему желанную свободу, Габриэль, — задумчиво промолвил Лоцман, — Может, ему предсказано было, что смерть от честной стали освободит его от всех долгов сразу. Посмертный покой дорогого стоит, особенно для таких, как этот.

— Не знаю, как с Продавшимися, а одно доброе дело мы все-таки сделали, — сказала Одри, — вон тем бедолагам жизнь спасли, — она кивнула в сторону стоявших на почтительном расстоянии воинов в легких кожаных доспехах и островерхих шлемах. За их спинами неловко переминались с ноги на ногу человек пять в странной длиннополой одежде — то ли купцы, то ли лекари, на плечах сопровождавших их слуг висели тяжелые объемистые сумы.

— Эй, почтенные, помощь не нужна ли? — обратился к ним Габриэль, — раненых, там, перевязать, или другое что?

— Благодарствуем, светлый господин, нету у нас раненых, а убитым уже не поможешь. Мы в Город шли, — произнес громко, видимо, самый смелый.

— Да какой я господин, такой же точно солдат, как и ты, — хмыкнул де Рейвен, — Командира-то вашего, я гляжу, тоже убили... Ладно, так и быть. До Города сам вас провожу, а там разберетесь. А те вон, что за вас попрятались, они кто такие будут?

— Это наши лекари. А вон те трое, что со слугами — торговые люди, к Золотым Поясам с поклоном идут, старые связи восстанавливать, — отвечал тот же солдат.

— Понятно... Ну, собирайтесь, что ли, почтенные, и пойдем потихоньку.

— А господа волшебники тоже с нами пойдут? — бочком-бочком пробираясь поближе к Габриэлю, поинтересовался один из купцов.

— У господ волшебников здесь еще дела, — усмехнулся Лоцман, — тут все почистить надо основательно, чтобы вы могли беспрепятственно домой вернуться. Веди их вперед, Габриэль, мы позже догоним, — он весело подмигнул Одри, — вот теперь пускай свою огненную волну, девочка. Нетопырям и карликам здесь больше не место.

Тайри, спиной почувствовав чей-то тяжелый взгляд, оглянулась через плечо. У самой стены, почти загороженный скальным выступом, стоял старик в невообразимых лохмотьях. Серые волосы рассыпались по плечам, белая всклокоченная борода закрывала грудь. А с темного, покрытого сетью глубоких морщин, лица смотрели ясные глаза, лишь выражение которых выдавало бездну прожитых лет. Волшебница развернулась всем телом, хотела что-то сказать, но старик уже исчез, будто его и не было.

— Что там? — обеспокоенно спросил Даррен, видя, что Хранительница вдруг

побледнела.

— Древлянин, — хрипло ответила она, — посмотрел на нас и сгинул.

— Ничего, — отмахнулась Одри, — помани мое слово: появился раз, появится и второй. Это уж обязательно. Знаешь, я вперед пойду, проверю, как огонь пещеру почистил. Там дальше, кажется, дорога прямая — до самого выхода.

— погоди, я с тобой! — попросил найденьш, — Очень уж интересно.

Юная колдунья лишь коротко кивнула — пошли!

— Как думаешь, эти двое не нарвутся там на неприятности? Может, мы зря их одних отпустили? — спросила Тайри Лоцмана, когда юноша и девушка скрылись в полутьме Тоннеля.

— Ты заботишься о них, словно мать, — по-доброму усмехнулся Даррен, — ничего с ними не случится, во всяком случае, ничего плохого. От пары поцелуев еще никто не умирал.

— Это правда... Все время забываю, что они мне не дети. И жизнь у них своя.

— А где твоя жизнь, Тайри?

— Осталась по ту сторону звездной Тропы, Дар, — честно ответила леди Даллет.

— Тебе не кажется, что это...

— Неправильно? Умом понимаю, что так, но сердцем никак принять не могу. Знаю, что нельзя жить прошлым, что все меняется и не стоит на месте, но это знание пока никак не помогает мне. Может, просто пока не время для перемен?

— А когда — время?

— Не знаю, Дар. Наверное, только Создатель знает. Может быть, когда мы больше не будем здесь нужны...

— Если останемся живы, моя госпожа, — печально откликнулся Лоцман, — если останемся...

Одри и найденьш миновали средних размеров пещеру и уже собирались нырнуть в темноту последнего коридора, выходящего непосредственно в мир Реона.

— Вон там что-то светится, — указал юноша на слабое мерцание, пробегающее по друзьям хрусталя, — кажется, вода шумит. Там, наверное, водопад. Пойдем, посмотрим? Никогда не видел водопада в пещере.

— А не в пещере, значит, видел? — хитро прищурившись, спросила девушка. Найденьш теперь все чаще, по кусочкам, вспоминал свое прошлое, и она использовала любой шанс, чтобы ему в этом помочь.

— Видел, конечно. Амергел, соединяясь с океаном, низвергается с грандиозной высоты, но это огромная полноводная река...

— Ага, где это?

— Дома... Наш летний замок стоял немного выше этого места, с восточной террасы был замечательный вид. Любопытно, как это выглядит здесь.

— Ладно, уговорил. Правда у нас в деревне говорят, что любопытство сгубило кошку, — сдалась, наконец, колдунья, — Иди вперед, я сейчас второго светляка зажгу.

Найденьш, перепрыгивая через упавшие сталактиты, побежал на шум воды — и исчез. Одри, не глядя под ноги, опрометью кинулась за ним. В голове вертелось только одно: "Вот, накаркала, бестолочь деревенская... И зачем я его одного вперед послала...". Через несколько шагов она перестала ощущать под ногами твердую опору, началось медленное падение в столбе голубоватого света. Глянув вниз, девушка увидела утопающий в яркой

зелени белокаменный храм, который невозможно было не узнать. Юноша, удивленный, но вовсе не испуганный, приоткрыв рот, смотрел на идущую вдоль ручья высокую женщину в серебристых ниспадающих одеждах.

— Прости его, Милостивая, он никогда в твоём храме не был, вот и смотрит на все квадратными глазами, — с поклоном сказала Одри. Легонько надавила ладонью на затылок найденыша, — да поклонись же ты, невежа, башка-то не отвалится.

Двуликая улыбнулась, подошла к найденышу, легонько коснулась пальцами подбородка, заглядывая в его лицо. Тот не смутился и не отвел взгляд, смотрел все также прямо и уверенно.

— Королям ни к чему кланяться, Одри. Твоему другу много испытаний уготовила судьба, но и радостей не меньше. Есть такие люди, за которыми присматривает сам Создатель. Он вспомнит свое прошлое, уже скоро — сразу, как узнает свое настоящее имя.

— Скорей бы уж, а то я боюсь, как бы горожане чего не учудили с перепугу, — вздохнула девушка, — да и трудно с ним, безымянным...

— Мне нет нужды вмешиваться, ваша Хранительница уже нашла путь к решению проблемы. Запомни это, — Двуликая легко поцеловала юношу в лоб, — иди и ничего не бойся. И у тебя, девочка, все будет прекрасно, если останешься такой же мудрой и терпеливой. Наступают тяжелые времена, и только ты сможешь по-настоящему понять и поддержать найденыша, — хозяйка лунного храма коротко обняла юную колдунью, а потом протянула ей на ладони крупный безупречно ограненный рубин, — это тебе на память. Пригодится. Прощайте, дети мои...

В Тоннеле Тайри и Лоцман видели Древлянина еще дважды, и если первый раз тот мгновенно исчез, то в последующие позволил себя рассмотреть, да и сам будто изучал Хранительницу. Поняв, что поспешность только повредит делу, Тайри не торопилась задавать старцу вопросы, старалась лишь понять, какими силами он обладает и как к нему подступить. Последний вопрос был важнее всего остального. Город встретил вернувшихся с очередной победой волшебников настороженным молчанием, застыл, будто не зная, можно ли и дальше им доверять. Площадь перед Тоннелями была пустынна, только ветер гонял одинокие листья.

Какое-то время Тайри потратила на изучение входа в третий Тоннель. К огромному ее разочарованию, там ничего особенного не обнаружилось. За воротами — пустой арчатый коридор с резными колоннами, подпирающими потолок, шагах в двадцати от начала намертво перекрытый обвалившимися гранитными плитами. И никаких, даже крошечных намеков на то, где можно найти загадочного старца. Устав от бесплодных поисков, леди Даллет отправилась бродить по Городу, и дорога привела ее к Храму. Что ж, подумала она, пожалуй, нет лучше места для уединенных размышлений. Никто не помешает... Хранительница вошла, села так, чтобы видеть удивительную фреску над алтарным пределом и вдруг почувствовала спиной тот же взгляд, что и в Тоннеле: тяжелый, пронизывающий, изучающий. Она обернулась и встретилась глазами с юродивым — тем самым, что остановил процедуру наречения. Но ведь отец Грант говорил тогда, что юродивый почти слеп! Или все думают, что он слеп, а это совершенно меняет дело. Ну конечно, должен же Ревнитель Королевского Древа как-то следить за происходящим, тем более в такое переломное время, когда только и может появиться предсказанный молодой король. А личину можно и поменять. Может, он потому и следил за караванами в Тоннелях, что ожидал появления будущего монарха откуда-нибудь из сопредельных миров? Но ведь он

помнил, что последний король и его господин не покинул мир, а уплыл на материк. Тогда, кого же искал старик?

— Я знаю, — одними губами прошептала Тайри, не отводя взгляда от пугающе-внимательных глаз Древлянина, — вы поможете мне отыскать имя молодого короля. Больше это никому не под силу.

Старик едва заметно отрицательно качнул головой и заспешил, прихрамывая, прочь из собора. Древлянин не хотел разговаривать, и волшебница ночей не спала, пытаясь понять, почему? Несколько дней подряд Хранительница приходила то в Храм, то к заваленному Тоннелю, иногда ее сопровождал Даррен, но Ревнитель Древа ни в одном из своих образов больше не появлялся. Последний раз, поддавшись накопившимся эмоциям, Тайри крикнула, обращаясь к невидимому собеседнику, искусно прятавшемуся где-то рядом:

— Неужели ты хочешь так и остаться последним, Древлянин? Мальчика изгонят или уничтожат, и в Городе уже никогда не будет короля, потому что мы уйдем вместе с ним, а здесь будет править Тьма! Ты видел его и знаешь, как и мы, что он — истинный король. Ему нужно только имя, чтобы стать самим собой. Так ты готов пожертвовать будущим и подарить Город Сыну Ночи?!

Заскрипела невидимая в полумраке дверь, и оранжевый прямоугольник света протянулся под ноги волшебнице.

...В назначенный час они пришли в пещеру, где обитал Древлянин — собранные, напряженные, молчаливые. Каждый из троих, призванных старцем для сложнейшей магической процедуры, которую тот именовал Прорицанием Имени, готовился по-своему, но ни один не отступил от строгих инструкций, что передала им Тайри. Сама Хранительница последние трое суток изучала основу процедуры под руководством Древлянина, Даррен и остальные почти ее не видели. Сейчас она встречала их у входа в жилище старого волшебника. Габриэль, найденьш и Лоцман прошли вслед за ней в освещенную множеством свечей просторную комнату, всю мебель в которой заменяли несколько гладко обтесанных кусков гранита. Ревнитель королевского Древа проводил каждого на строго отведенное место: юношу — к центральному камню, Тайри поставил у камня напротив найденьша, а Даррена позади него, Габриэля — за внешним кругом свечей, у самого входа.

Старец что-то пробормотал себе под нос, и на полу бледным светом проступила сложная магическая фигура.

— Все ли знают, что обряд этот будет крайне тяжелым? — спросил он.

— Да, мы знаем, — ответил за всех Лоцман, — мы готовы.

— Воин, тебе придется оборонять нас, беззащитных во время обряда, от порождений мрака, — обратился к де Рейвену Древлянин, — ты уверен, что твоих мечей будет достаточно? Враги смертны, но их будет немало.

— Уверен, — спокойно кивнул Габриэль, обнажая клинки, становясь лицом к темному проему двери, — не впервой...

— Тогда начнем, и да хранит нас всех Всевышний!

Старец начал медленно, нараспев, читать заклинание на Древнем наречии. С каждым словом голос его креп, становился все более звучным. Вскоре всем присутствующим слышался не голос уже, а равномерный рокот, как от мощного водопада. Слов было не разобрать, но таинственный рваный ритм затягивал, не выпускал из своих сетей, заставлял даже сердца биться в такт. Вот погас первый круг свечей под порывом невесть откуда

взявшегося ледяного ветра, и плотная, тяжелая тьма подступила почти вплотную к людям. Тонко свистнули мечи Габриэля, рассекая нечто, невидимое во мраке, и слабеющие оранжевые блики заплясали на их зеркальных лезвиях.

В монотонный рокот заклинания вплелся чуть охрипший голос Хранительницы. Он то звучал в унисон, то откликался, будто эхом, ритм еще более усложнился. Даррен положил руку на плечо найденьшу — дабы он не заблудился в фантомах, рожденных его разбуженной памятью, потревоженным Временем и теми силами, что сплелись сейчас вокруг творящих обряд. Зеленоглазый волшебник почувствовал, как захлебывается сердце, пытаясь не сбиться с ритма заклятья, как воздух в легких будто превращается в мириады острых льдинок. Не оглядываясь, повторял про себя Лоцман, не смотри по сторонам, потеряешь и себя и других. Вокруг творилось нечто непостижимое — из темноты появлялись люди — близкие, просто знакомые когда-то, ушедшие навсегда. Они звали с собой, просили о помощи, и очень трудно было не пойти на их зов, потому что казалось, что в их гибели виновен как раз ты, потому что остался на месте...

Старик двинулся по кругу, и его шаги отдавались в голове, точно удары колокола. Встав между Тайри и найденьшем, Древлянин коснулся пальцами лба юноши. Найденьш, не дрогнув, послушно произнес положенную формулу, открывающую сознание, и замер.

Сердце Даррена тяжело ухнуло, потом еще раз, грозя вовсе остановиться. Он ощутил себя совсем другим человеком, что стоял, держа руку на плече маленького черноволосого мальчика. А некто величественный, в красно-золотой сутане произносил нараспев мощным поставленным баритоном: "Нарекаю тебя, младенец"... И в то же время, словно сквозь дымку, он видел Тайри, стоявшую с поднятыми руками — тонкие пальцы светились нестерпимо-ярким серебряным светом, она будто с усилием что-то удерживала над собой, над ними всеми. Старец содрогнулся всем телом, запрокинул голову и совершенно чужим, куда более молодым голосом проговорил:

— Имя тебе — Орданн, — уронил бессильные руки и мешком повалился к ногам найденьша.

Болезненно вскрикнула волшебница, лопнул кокон тишины, окружавший магическое действие, стали слышны чьи-то пронзительные вопли и звон мечей. Лоцман вдруг понял, что невероятно, нечеловечески устал, и без сил опустился на лежащий рядом камень. Поискал взглядом Тайри — она сидела на полу, прислонившись спиной к другой гранитной глыбе, из прокушенной губы сочилась кровь. Юноша, судорожно вздохнув, обернулся — его лицо было мокрым от слез, но губы кривила неуверенная улыбка.

— Ну что? — спросил Даррен шепотом.

— Я видел! Я вспомнил! — это была настоящая радость.

— Вот и славно, — сказал подошедший к ним де Рейвен, вытирая мечи обрывком собственного рукава. Куртка на нем была порвана в клочья, на щеках и лбу красовались несколько свежих царапин, но глаза смеялись, — я тоже справился. Скажу вам, та еще была работенка! Пойду, приведу помощь, вы посидите пока...

Помощь оказалась очень кстати: Лоцман и Хранительница не способны были пошевелить и пальцем, юноша пребывал в состоянии, близком к шоку — на него лавиной обрушились воспоминания, и он вряд ли смог бы позаботиться о потерявшем сознание старике. Когда магов, заботливо поддерживая, вывели из пещеры, оказалось, что наступила ночь, и с затянутого тучами неба немилосердно хлещет холодный дождь.

— Всех отнести в Дом Мудрых, — распорядился Герт, — и не перечь мне, Одри. Им

всем нужен уход. Подлечатся — пусть идут, куда захотят, а пока они под моей защитой...

После потрясений, испытанных во время процедуры Прорицания Имени, Тайри приходила в себя долго — видимо, очень много было отдано сил. Даже Древлянин успел не только поправить здоровье, но и найти себе учеников, из которых надеялся выбрать своего будущего преемника. Трех юных аколитов ордена он и наставлял теперь в премудростях королевской генеалогии и традиций Королевского Дома. Не забывал он давать уроки и Орданну, как будущему королю.

Прошло десять дней, а Хранительница все еще была слишком слаба. Ее перевезли в уютный особняк на Дельфиньей улице, где жил весь маленький отряд с момента возвращения, но она пока редко выходила из дома. Герт ухаживал за ней с трогательной нежностью, приходил каждый день, чтобы рассказать подробно обо всех событиях в Городе.

Освобождение Тоннелей отодвинуло угрозу голода и дало возможность горожанам вздохнуть спокойно. Купцы ликовали: уже третий караван вернулся из Арашамфа, и первый, за последние десять месяцев, отправился в Реон. Вместе с ним ушел и тот отряд, который бился с темными в Тоннеле. Тайри странно встревожило известие о том, что домой отправились не все реонцы. В Городе осталось трое воинов и один из купцов. У двоих, по сведениям, спешно собранным Одри и Дарреном, здесь была родня, а вот вторая парочка — офицер и странный торговец благовониями — совершенно пропала из виду.

Как и предсказывала Двудикая, память вернулась к найденышу, едва он обрел свое истинное имя. Орданн вспомнил почти все: своих родителей, безоблачное и беззаботное детство на Материке, пору взросления, когда его начали обучать, как главного наследника, военные походы, в которые его брал с собой отец — правитель богатого государства на берегу океана. Странное, невиданное землетрясение, которое случилось в столице и огромную волну, что обрушилась на побережье вслед за ним, рушащиеся дворцы и гибнущих в воде людей... Он не мог сказать, что стало с его родными, они потеряли друг друга в панике и суматохе стихийных бедствий. Орданн не понимал, откуда взялись в наполовину затонувшей столице странные черные с желтыми парусами корабли. Сначала они просто маячили в отдалении — ветер с берега не давал им приблизиться. А потом, видимо, устав ждать, корабли с жуткими фигурами на носу ошестинились длинными веслами — по двенадцать с каждого борта, и устремились прямо к полуразрушенным башням королевского дворца. Незнакомые воины с бронзово-красной кожей и холодными желтыми глазами, гибкие, как кошки, обыскивали все оставшиеся над водой комнаты, оставшихся в живых людей связывали и волокли на самый большой корабль. Пытавшихся оказать сопротивление безжалостно убивали на глазах у всех остальных — в назидание. Его не убили, лишь оглушили и держали в постоянном забытии при помощи каких-то зелий. О своем пребывании в плену, в Черном Храме, юноша рассказывать не хотел, и это было вполне естественно. К Орданну вернулось многое из того, чему его обучали, как воина и сына короля. Даррен с уверенностью утверждал, что юноша знает и основы магии, кроме того, обладает недюжинными к ней способностями.

— Он похож на бриллиант, — говорил Лоцман Тайри, — остается лишь немного отшлифовать его, и получится настоящее сокровище. Видимо, его обучение не было закончено, а по кое-каким дисциплинам, очевидно, успели преподать лишь азы, когда грянула никем не предвиденная катастрофа. Я подозреваю, что многие умения просто у него в крови, их только необходимо развить.

Однажды утром Орданн пришел навестить Хранительницу раньше обычного.

Почувствовав, что юноша не на шутку взволнован, леди Даллет спросила осторожно:

— Что-нибудь случилось? Осложнения с отцом Грантом, наверное?

— Нет, миледи... Настоятель теперь абсолютно спокоен, Бриан все ему растолковал, и теперь мне остается просто пройти процедуру Причастия в Храме, — покачал головой найденьш, — здесь другое. Мудрые хотят, чтобы я вместе с ними прогулялся сегодня по королевскому дворцу. По лицам вижу: они все чего-то ждут от меня, вот и волнуюсь. Вдруг я по незнанию наделаю ошибок.

Волшебница улыбнулась, успокаивающе погладила его по плечу:

— Дворец, конечно, удивительное здание. У него своя история, своя собственная память и магия. Но ты не должен его бояться — полагаю, он признает законного наследника своих хозяев. Разве тебе не хочется туда пойти?

— Хочется, — признался юноша, — конечно, я бы предпочел, чтобы меня сопровождали вы или Даррен, а не Мудрые. Я постоянно чувствую скрытую враждебность, исходящую от них... за исключением, разве что, Герта.

— С этим, к сожалению, ничего не поделаешь. У них в голове не укладывается, как ты мог оказаться прямым наследником здешних монархов, а кое-кому проще считать тебя замаскированным лазутчиком храма Танх Каар, — вздохнула Тайри, — их мнение изменится, но далеко не сразу, мой дорогой. Как видишь, дорога королей вовсе не усыпана розами... Но ты хорошо чувствуешь людей и сам поймешь, как себя следует вести с Мудрыми. Наверное, твой отец наставлял тебя в подобных вещах?

— Он говорил, что пока позволяют обстоятельства, надо как можно дольше оставаться человеком.

Хранительница улыбнулась не столько словам Орданна, сколько своим воспоминаниям. Она знала одного великого монарха, который не боялся быть человеком. Как же его порой не хватает! Вот сейчас, например, чтобы дать найденьшу пару настоящих императорских советов. Ну какие из них учителя для наследника трона? А вот Рикарт ор Льофф нашел бы много интересного в своей практике для будущей венценосной особы.

— Боюсь, что очень скоро жизнь вынудит тебя стать, прежде всего, королем, Орданн. Времена такие. Тебе понадобится все мужество и вся твердость, чтобы противостоять захватчикам с Кадарна. Иди и ничего не бойся — это твои владения.

...Какое-то время они молча шли, пересекая один роскошный зал за другим: Командор чуть впереди, Орданн и другие Мудрые — следом. Темно-алый гранит и тяжелые драпировки сменялись воздушными портиками лилового и розового мрамора. Огромный малахитовый зал с гербовыми щитами на стенах и длиннейшим обеденным столом следовал за просторным покоем с молчащими почти тысячу лет фонтанами, окруженными изваяниями людей и животных, выполненных с величайшим мастерством и изяществом. Узкая обсидиановая комната, с высоким инкрустированным переливающимися камнями потолком, казалась невиданной шкатулкой с драгоценностями, а следующий за ней зал напоминал перламутровые внутренности раковины и застывшую морскую пену... Широкая белокаменная лестница с массивными перилами привела их в сине-белые покои, где вдоль стен красовались золоченые, богато изукрашенные доспехи. Две высоких двери, справа и слева, вели в боковые коридоры второго этажа.

— Куда дальше? — спросила нетерпеливо Рода, — кабинет или оружейная?

— Кабинет, — как-то неуверенно ответил предводитель Ордена.

— Тогда, нам сюда, — указал Орданн на левую дверь, заметив немое удивление,

промелькнувшее на лицах магов. Буквально с первой минуты он совершенно перестал чувствовать себя чужим в этом огромном здании, в котором почти тысячу лет никто не жил. Правильнее было бы сказать — никто из людей. Юноша исподволь ощущал, как постепенно просыпается эта древняя громадина: по затылку пробегали мурашки от взглядов невидимых обитателей и охранников дворца.

Королевский кабинет не поражал роскошью, как помещения первого этажа, но своим строгим, почти аскетичным убранством удивительно настраивал на работу, заставлял сосредоточиться. Здесь ничто не отвлекало внимания, все детали были призваны служить делу. Единственным нарушением строгого стиля был небольшой портрет в потемневшей от времени золоченой раме: смуглая молодая женщина в меховой накидке. Волосы цвета меда, сдерживаемые надо лбом серебряной диадемой тончайшей работы — кружево и кровавые рубины... Легкая улыбка играет на красивых губах, под прямыми бровями — сияющие ярко-зеленые глаза. Орданн застыл перед портретом незнакомки. Удивительно, подумалось ему, ведь она похожа на Даррена, как родная сестра! Неужели среди королев города были уроженки его мира? Надо будет на досуге расспросить Бриана, может быть, он вспомнит, кто она. Мудрые тихонько стояли у дверей, с интересом наблюдая, что найденыш будет делать дальше. Юноша взглянул на них, недоуменно пожал плечами и уселся за массивный письменный стол. Ведь очень похожий был когда-то в кабинете его отца. Он точно знал, что и в какой последовательности необходимо сделать — так, как будто уже тысячу раз проходил по этим лестницам и залам, сам когда-то расставлял книги на полках.

Орданн провел пальцами по золоченой монограмме на столешнице, чуть надавил, и потайная дверца с тихим звоном ушла внутрь, а наверх выдвинулся на небольшом подносе золотой письменный прибор и резной ларец рядом с ним. Одно нажатие на изумруд в центре крышки — и взорам окружающих предстали Большая и Малая королевские печати. Кто-то из магов облегченно вздохнул, кто-то с сомнением хмыкнул, но Орданну было уже безразлично, что они думают по этому поводу. Он понял — дворец сам охотно раскрывает ему свои секреты.

Герт улыбнулся:

— Ты быстро осваиваешься, мальчик, но этот кабинет — только начало.

— Разумеется, — сказала с вызовом в голосе Поющая Стихиям, — это даже не испытание, просто легкая проверка. Мы еще не знаем, можно ли тебе доверять, можно ли тебя считать настоящим... — она осеклась, будто не могла заставить себя произнести дальнейшие слова, — про этот тайник тебе могли рассказать, да и не тайник это вовсе.

— Значит, мы пойдем в оружейную, — нимало не смутившись, ответил Орданн. О том, что потайной замок был магическим, и отозвался только на его, Орданна, присутствие, найденыш говорить не стал, наверняка она об этом знала, — наверное, там будет интереснее, — он встал из-за стола, провел пальцем по пыльным корешкам книг на полке: непорядок!

Стоило найденышу затворить за собой дверь, как из самого темного угла кабинета вылезло маленькое, лохматое, ни на что не похожее существо с огромными совиными глазами, вооруженное тряпкой и метелкой. Кряхтя и постанывая, оно принялось стирать пыль со стола, полок и прочих предметов...

Оружейная представляла собой огромное мрачное помещение с голыми каменными стенами и высоченным стрельчатым потолком, в котором, казалось, было собрано все оружие, какое только существовало. Многие были хорошо знакомы юноше, со многим он

умел обращаться, кое-что видел когда-то, о некоторых видах читал... Но десятки экземпляров, представленных в этом зале, Орданн видел впервые. Очевидно, эти орудия убийства были привезены из весьма далеких миров. Юноша медленно шел вдоль стены, на которой во множестве были развешаны мечи удивительной работы, всяческие диковинные топоры, копья и алебарды. За последнее время он неплохо научился владеть мечом и прочим сходным оружием, но особой любви к нему не испытывал. Постоянно возникало ощущение, что есть где-то другое, предназначенное для него свыше. А еще он часто с восхищением наблюдал, как тренируется с парными клинками Габриэль. Юноша помнил, что его отец сражался похожими, и то неизвестное оружие, что ждет его — тоже парное.

Маги, негромко переговариваясь, шли за найденьшем. Лиард и Герт даже азартно заспорили о преимуществах арбалетов различных систем, что увидели здесь. Орданн улыбнулся, глядя на них, обвел рассеянным взглядом зал, и увидел между двух, пожалуй, слишком далеко прикрепленных друг от друга копий, узкую дверь. Она была приоткрыта наружу, в темный боковой коридор или какое-то подсобное помещение.

— А что располагается там, господа маги? — спросил он.

— Где? — удивился Командор, — там ничего нет, просто стена, копья неровно повесили.

— Да? А я вижу дверь, — пожал плечами найденьш. — не хотите ли пройти со мной?

— Он видит! — с торжеством произнес Смотрящий сквозь Время, — и после этого вы мне скажете, что он не король по крови? Веди нас, — кивнул он Орданну, — мы-то не видим, эта дверь делалась только для королевских глаз.

После того, как юноша перешагнул порог, дверь сделалась видимой и для остальных. От нее узкая крутая лестница привела их в небольшую квадратную комнату с горящими на стенах факелами. Разумеется, факелы не чадили, давая уже бог знает сколько столетий ровный яркий магический свет. На первый взгляд комната была совершенно пуста, если не считать покрытого суконной скатертью стола посередине.

— Странно, — недоуменно озираясь, проговорил Астор, — это не комната заговорщиков, потому что вход в нее видит только король. Но и на комнату для тайных свиданий не похоже.

— Наверное, ее сделали для чего-нибудь подобного, а потом просто забыли за ненадобностью, — хмыкнула Рода, — мало ли что могло прийти в голову монарху.

— Мне здесь как-то не по себе, — нахмурившись, сказал Лиард, — эта комната будто отделена от всего остального. Не только от других помещений — от всего мира. Она точно висит неизвестно где, и мы прошли по одному из Тонких путей, чтобы попасть сюда. Скажу честно, я не уверен, что мы сможем вернуться обратно без мальчика.

Орданн не слушал их, он стоял, закрыв глаза, пытаясь понять свои ощущения.

— Тихо, братья, не будем мешать ему, — чуть повысил голос Герт.

Найденьш сейчас смотрел вокруг, как учила его Тайри. То, что предстало его магическому взору, могло бы напугать кого угодно, но Орданн с удивлением понял, что именно такую картину и ожидал увидеть. По сути, никакой комнаты не было. Все, что воспринималось обычными органами чувств, было лишь чрезвычайно правдоподобной иллюзией. Маги и он сам находились сейчас в центре туго сплетенного и великолепно сбалансированного клубка Сил. Одно неверное движение, одно злонамеренное чужое заклинание, и эти Силы придут в движение, сберегая то, что находилось здесь многие века — скрытое от посторонних взоров истинно королевское оружие. Орданн видел вплетенные в

общий узор разноцветных пульсирующих нитей парные секиры-лабрисы. Серповидные лезвия хищно выгнуты, изящные короткие древки так и просятся в руки... Рядом и чуть выше — нечто, похожее на копье, постоянно меняющее облик: то золотой жезл — символ королевской власти, массивный, изукрашенный драгоценными камнями. То недлинное копье с пульсирующим живым огнем на острие. То простой деревянный боевой посох, со стальным шипом внизу и тяжелым шариком в наверху... Секиры Орданн решил пока не трогать — чувствовал, что они не потерпят пустых демонстраций и хвастовства, и уверенно взялся за древко копья.

Тяжесть, мгновенно оттянувшая руку, и удивленные возгласы, прокатившиеся за его спиной, заставили юношу открыть глаза. Он держал королевский жезл — именно эту личину соизволило принять сейчас таинственное оружие.

— Вот вам и Скипетр Силы, считавшийся утерянным еще в те времена, когда правил отец последнего короля, — изрек Смотрящий сквозь Время. — Кто не помнит, может почитать древние хроники, там имеется прекрасное подробное описание сего артефакта.

— Но если здесь был Скипетр, то должны быть и секиры Грера, — произнес Командор значительно.

— Они здесь, — кивнул найденыш, — самое прекрасное оружие, какое я когда-либо видел. Гордое и могущественное, которое должно обнажать только для битвы, для смертельного боя.

— Ты прав, мальчик, — смиренно согласился глава Мудрых, — именно так и сказано в книге Установлений. Что ж, это испытание завершено. Знаешь ли ты о других?

— Самое сложное начнется, когда мы объявим горожанам, что ты первый претендент на престол, — сказал Лиард, с уважением глядя на юношу, который держал тяжеленный королевский жезл, точно пушинку.

— Да, таков закон, — подтвердил Командор, — твое право может оспорить любой, в ком есть хоть капля королевской крови. А таких найдется немало, хотя в каждом из них, действительно, лишь капля крови монаршего рода. Как-никак почти тысячу лет прошло...

Орданн гордо поднял голову и со спокойным достоинством взглянул в глаза старому магу.

— Я ведь и не говорю, что я единственный, — проговорил он, отчеканивая каждое слово. — Если я правильно понял, для всех испытания одинаковы?

— Верно. Но ведь кто-то может прийти и до этой комнаты, — заметил Герт, — и тогда нам будет крайне сложно определить истинного короля.

— Я должен сделать что-то еще?

— Вряд ли это возможно сейчас, — начал Командор.

— Секиры по легенде должны признать только одного хозяина, избранного свыше монарха. Покажи нам их! — Рода почти выкрикнула последние слова.

— Но это против Установлений...

— Они рушатся, Командор! И я не хочу, чтобы Городом правил самозванец!

— Хорошо, — Орданн положил Скипетр на стол, и тот исчез — вернулся на свое место в переплетении Сил, — я покажу вам секиры.

Юноша протянул руки к стене, уже точно зная, где находится королевское оружие, сомкнул пальцы вокруг удобных рукояток, показавшихся теплыми и шершавыми на ощупь, легко потянул секиры на себя и поднял над головой, скрещенными — как на гербе Города. Ослепительно-белое сияние затопило комнату, постепенно бледнея.

— Оружие Света, — прошептал благоговейно Астор, — вне всяких сомнений.

Орданн кивнул, разжал ладони, и секиры пропали.

— У тебя еще остались сомнения, Рода? — напряженным голосом спросил Командор, — Нет? Тогда нам лучше побыстрее уйти отсюда. Разве ты не чувствуешь, как нарастает гнев сторожей этого места, вызванный твоим неразумным недоверием?!

— Я всего лишь хотела убедиться... И потом, к секирам прикасался мальчишка! Может, это и есть наказание самозванцу?

— Если бы так было, от меня не осталось бы даже пепла, Поющая Стихиям! — тихо ответил найденьш, — поэтому, оставь свои мысли при себе, если не хочешь...

— Полюбуйтесь, он еще и угрожает мне! — запальчиво перебила его женщина, — посмотрим, что ты запоешь на костре...

Никто не понял, откуда ударил ярко-синий магический хлыст. Не подставь Орданн вовремя руку, Роде пришлось бы солоно. А так цепкая полоса синего огня успела лишь скользнуть по щеке волшебницы, оставив узкий пунцовый рубец.

— Тебе обязательно нужно было дразнить здешние Силы, Рода?! — рывкнул Герт на Мудрую, расширенными от удивления глазами наблюдающую, как магический «жгут», не причинив найденьшу ни малейшего вреда, послушно обвился вокруг его запястья.

Найденьш тряхнул рукой, и светящийся браслет легко соскользнул на стол.

— Возвращайтесь в оружейную, и чем быстрее, тем лучше, господа маги, — сказал он. Уходя, Орданн обернулся, ощущая, как успокаиваются невидимые стражи.

Глава 6

«— Значит, предавать — это убивать,
— догадалась мартышка-дочка,
— только не своими руками.

Фазиль Искандер "Кролики и удавы."

Казалось бы, судьба должна была дать передышку Хранительнице и ее помощникам, но как сказал бы отец Грант, Всевышний судил иначе. События понеслись со скоростью лавины с того момента, как Командор во всеуслышание объявил Орданна первым претендентом на королевский престол. Городское дворянство, несколько столетий жившее почти в забвении тише воды, ниже травы, взволновалось не на шутку. Моментажно вспомнились все старинные споры и претензии, обиды и долги. Нашлись и знатоки древних Установлений, оговаривающих условия восшествия на престол непрямого наследника, и родственники последнего короля Создатель знает в каком колене. Появились незамедлительно абсолютные противники какого бы то ни было монарха. Город гудел, как растревоженный улей, и самые разные мнения высказывались от придорожных таверн до богатых гостиных.

Мудрые почти поселились в королевском дворце. Посоветовавшись с Тайри и Дарреном, перебрался туда и Орданн, заняв небольшую, совсем не королевскую комнату на верхнем этаже жилого крыла. Юноша, с честью пройдя испытания, теперь старательно учился. Он осваивал основы боевой магии под руководством Одри, овладевал более тонким мастерством с помощью Лоцмана и Хранительницы. Габриэль учил его фехтовать на парных клинках, а вечерами юноша пропадал в библиотеке Мудрых или беседовал с Брианом. У будущего короля не оставалось ни одной свободной минуты, и все же он успевал и исследовать дворец, и внимательно следить за испытаниями своих соперников.

Первая дюжина, судя по результатам, ничего общего с королевской семьей не имела, не дойдя даже до кабинета. Последние оставшиеся высокородные претенденты под любым предлогом отодвигали день испытаний и всячески пытались выведать, что же такого сделал во дворце Орданн, что его безоговорочно объявили особой королевской крови. Найденыш не боялся конкурентов, но мудро предположил, что его открытые недоброжелатели среди Мудрых могут запросто поделиться тем, о чем по закону и обычаю должны молчать. Та же Рода могла выдать порядок действий в кабинете или расположение комнат. Кто знает, если соперник действительно имеет хоть каплю королевской крови, тайная оружейная могла открыться и ему. Только вот секиры уже признали хозяина и других рук, если верить легендам, не потерпят.

**** *
**** *
**** *

— Доброго тебе вечера, мэтр Райнар.

— Чего тебе, почтенный? Не видишь, поздно уже, мы закрываемся. Завтра приходи, — не глядя на посетителя, ответил один из двенадцати Золотых Поясов, богатейший в городе торговец провиантом, закрывая перед носом посетителя дверь конторы.

— Зазнался ты, Райнар, невежлив стал! На твоём месте я бы поостерегся, время-то

какое опасное...

— С чего это ты меня учить взялся, почтенный? — купец оторвал глаза от толстенной книги счетов и, чуть прищурившись, взглянул на настырного собеседника, — если дело какое, говори и уходи. А нет — так я охранников попрошу, чтобы до выхода проводили.

— Напрасно ты со мной так разговариваешь, едва через губу переплевываешь... А теперь вот на эту вещичку взгляни и подумай хорошенько, стоит ли тебе эдак себя вести, — по-стариковски сварливо проговорил посетитель и сунул купцу под нос цельноточенный тяжелый перстень из черного янтаря. На месте камня красовался вплавленный в янтарь золотой скорпион.

Торговец побледнел, как-то воровато взглянул на свою правую руку, на которой красовалось такое же точно украшение, тяжело вздохнул и спросил:

— Чего тебе нужно-то? Денег?

— Не будь так наивен, Райнар. Деньги мне ни к чему, — усмехнулся старик, — а вот тебе они очень скоро понадобятся. Пришло время отработать тот аванс, что ваше семейство получило восемьсот лет назад.

— Ха, опомнились, — буркнул купец, — вы бы еще к моим правнукам пришли.

— Не волнуйся, и к ним придем, если понадобится. Разве тебе неизвестно, что договор бессрочный, и касается всех потомков Гедона Райнара Первого? Ты — его праправнук. Поверь, от тебя не слишком-то много требуется. Всего лишь не дать этим самозванцам захватить власть в Городе.

— А что я могу сделать? Я не маг, чтобы противостоять им. В конце концов, их мальчишка полностью прошел все испытания.

— Ах, как мы боимся! Впрочем, смелость никогда не относилась к вашим фамильным чертам. Зато среди них присутствуют хитрость и наблюдательность. Вот и понаблюдай, дорогой мой, где надо — послушай, где надо — скажи правильное словцо. Народ недоволен, народ сопротивляется нововведениям, а ты ему помоги, раздуй пожар. Пошли надежных людишек, пусть распространяют слухи. Сколоти тайное общество, как сделал в свое время твой хитроумный предок. Толпа тупа, но если направить ее в нужное русло...

— Чтобы Мудрые или Хранительница выследили меня и отправили на эшафот? Нет уж!

— Не пойму, Райнар, то ли мне тебя уговаривать, то ли пригрозить, — покачала головой посланец, — ты, видать, до сих пор не понял: я с тобой не шутки шучу. Костра он испугался! Забыл, что ли, что наша кара страшнее смерти будет?

— Знаю, — опустил глаза купец, — да что толку. Интриган из меня, почтенный, как из тебя танцовщица. Не умею я козни строить! Вот надуть кого-нибудь, барыш левый себе в карман положить, выгодную сделку из-под самого носа у кого-нибудь увести — сколько угодно, хоть сейчас.

— Это у тебя сейчас выгодная сделка из-под носа уйдет! Город-то по-любому наш будет, Госпожа на ветер слов не бросает. И пойдешь ты, уважаемый, вместе со всеми на жертвенный костер, где нет разницы, Мудрый ты, купец или нищий.

— Ну, тут еще бабка надвое сказала, — огрызнулся мэтр Райнар, — наши тоже не лыком шиты, и Мудрые не зря свой хлеб едят!

— Ах, вот мы как запели? — хитро прищурился старик, — А не вспомнишь ли ты, откуда пошло все это великолепие? — он обвел руками роскошно отделанный кабинет.

— От отца к сыну передавалось и приумножалось, как и заведено в роду нашем, ибо нелегкими трудами заработано! — стукнул по столу тяжелым кулаком Золотой Пояс.

— Да ну? Скажи-ка мне, откуда у предка твоего, Гедона Райнара, младшего приказчика в третьесортной артели, вдруг завелся немаленький капиталец? А кто ему первых клиентов привел из Реона?

— Он и отработал все сполна.

— Тоже, кстати, по началу привычки к оному делу не имея. Но чего не сделаешь за волшебный дар? Задача-то у него была посложнее твоей: не дать вернуться королю! Понимаю, он был не один, так и тебе помощники найдутся.

— Не по мне это, почтеннейший, хоть на куски меня режь, — сказал купец, но голос его дрожал.

— Ладно, воля твоя, — посланец пошевелился в кресле, собираясь встать, — вот я сейчас прямо отсюда — и к Командору, и положу перед его ясны очи наш договорчик. Скажу, что счетоводом у тебя тружусь, случайно сия грамотка у хозяина из-за пазухи выпала... Или нет. Не стоит так сразу. Для начала следует заставить тебя вспомнить, что такое старость. Сколько тебе лет?

— Пятьдесят восемь, — выдавил из себя Райнар.

— А сколько тебе *действительно* лет? Сколько из них ты безбедно прожил в Реоне, развлекаясь в его городах? Не слишком ли зажился ты на этом свете?

— В нашей семье все мужчины таковы.

— Да. И первым был твой прапрадед.

— Он отслужил все.

— Но остальные-то получили даром. Просто я подумал, раз ты так молод, то не захочешь умирать, а? Да и обидно, только-только собрался жениться в четвертый раз, — ухмыльнулся старик, — Да тут и к Мудрым идти незачем, неинтересно получится — помучаешься чуток, и все. Лучше я расскажу твоей старшей дочери, что стало с ее первенцем. Или младшей — что она никогда не увидит того ребенка, что носит сейчас под сердцем. Потому что подходит очередной срок жертвоприношения во имя долголетия папочки.

— Ну, им ты ничего не докажешь, я для них святой, — ответил Золотой Пояс, но лицо его покрылось испариной, а руки заметно задрожали.

— Правда? Я думаю, Алмира быстро вспомнит ту ужасную сцену, что увидела лет в двенадцать.

— Сдаюсь, темный, твоя взяла, — обреченно опустил голову Райнар, — я все сделаю.

— Да куда ты денешься, — сварливо прокричал старик, — только чего ради надо было так долго ломаться, точно принцесса на выданье. Постарайся уж, будь добр! Да, и оставь в покое свою младшую с ее младенцем, на этот раз обойдемся без жертвоприношений.

В Городе как-то разом, появилось множество недовольных и возможным возвращением на престол монарха, и самим присутствием отряда Хранительницы. Время от времени, там, где стихийно собирался народ — на рынках, в тавернах, на площадях, мгновенно вылезали из толпы самодельные ораторы, и начиналось... «Жили — не тужили почти тысячу лет без короля, и сейчас не хуже проживем! А чужаков у нас испокон веку не жаловали! С какой такой радости мы сейчас их терпеть должны? От Сына Ночи и его воинства нас явились защищать? Знаем мы эти байки. Вроде как защищают, а короля своего норовят на престол посадить, а потом и править нами от его имени будут. Не нужны они нам, отбили же мы сами один штурм, и второй отобьем, и третий... Подумаешь, Тоннели освободили! Кто-

нибудь видел, что они там на самом деле делали? Может, договорились с темными, да и все, а расплатятся потом нашими жизнями. Да даже если дрались они там с кем-то, никакой в этом заслуги нет, кому охота в осажденном городе с голодухи-то помирать? Так что, эти маги заезжие все это для себя, а не для нас делали. Хуже всего, что они и купеческих старшин, и Мудрых околдовали, вон, как подпевают им — слушать противно! Есть, конечно, и там умные, ухо в остро держащие, они не поддаются. Плохо, что мало их...». Таких речей на улицах Города произносилось предостаточно. Подобные идеи, подогреваемые умело подготовленными людьми из числа обедневшей знати, умами овладевали довольно быстро. Этому помогали щедро раздаваемые денежки, а также обещания различных благ и послаблений. Кое-где хорошо срабатывали и угрозы: вот придет Король, поднимет налоги, перетрясет все ваши кошельки, поставит над вами приставов, что будут каждый ваш шаг контролировать, и ни вздохнуть вам тогда будет, ни лишней монетки заработать себе в карман. Пока все это не очень мешало, но Тайри по своей прошлой жизни хорошо знала, во что может вылиться такое брожение умов. В бунт и резню, что перед лицом расправившей крылья Тьмы было бы равносильно капитуляции Города.

Время шло, половина дворянских недорослей, претендовавших на королевский трон, отсеялась: кто сам испугался, кому-то не подчинился тайник в кабинете... Осталось трое — из наиболее знатных родов, видимо, действительно носивших в себе толику настоящей королевской крови. Все они вполне успешно дошли до Оружейной, но второе испытание, как наиболее опасное, Мудрые под давлением влиятельных семейств, вынуждены были отложить. Кто-то прознал, что Орданн часто бывает в библиотеке Дома Мудрых, и остальные претенденты зачастили туда же, надеясь раскопать в книгах возможные секреты его успеха. Один из них, молодой герцог Орсо, даже пытался вытрясти нужные сведения из хранителя книг, невежливо угрожая ему кинжалом. За что и получил награду в виде переливчатого фонаря под глазом вместе с дружеским наставлением никогда так больше не делать. А жаловаться он может кому угодно, вплоть до Всевышнего. Если захочет, конечно. Посрамленный отпрыск древнего рода удалился, бормоча себе под нос проклятья и судорожно соображая, что делать с двумя случайными свидетелями его позора, одним из которых оказался Орданн.

Незаметно окончилось здешнее лето — нежаркое, но сухое и солнечное. Наступила осень, и сплошная пелена тяжелых сизых облаков закрыла небо. Холодный ветер принес с собой и дожди. Город, такой красивый и праздничный летом, стал унылым и серым, и странно выглядел на этом мрачноватом фоне начинающий оживать королевский дворец. Мудрые постепенно приводили огромное здание в жилой вид, найдя для этого немало помощников. Не каждый день можно было так запросто полюбоваться на диковины королевского обиталища, а то, что приходилось убирать, выносить мусор и мыть огромные окна — так это дело десятое. Копившееся веками любопытство пересилило и древние предрассудки, и страх, нагнетаемый новоявленными возмутителями спокойствия. Страсти стали накаляться тогда, когда второй этап испытаний доказал, что Орданн — единственный полноправный претендент на трон. Оставшиеся трое, увы, своих притязаний подтвердить не смогли: один из желающих стать королем просто побоялся войти в потайную дверь в Оружейной, второй умудрился спуститься по лестнице, но уперся в глухую стену. Третий же, тот самый молодой герцог Орсо, дошел до конца. Его предупреждали, чтобы он не хватался руками за все подряд, опасаясь реакции Сторожей. Не мудрено, что как только юноша

попытался схватить посох, его и сопровождающих просто-напросто вышвырнуло из потайной комнаты в один из удаленных уголков дворца, а незадачливый герцог получил еще и серьезный ожог на ладони. После этих событий многочисленная родня не прошедших испытания дворянских детишек дружно перекочевала в стан недовольных.

**** *
**** *
**** *

— Ваша светлость, к вам посетитель, — дворецкий с поклоном протянул хозяину тисненый золотом кусочек картона на серебряном подносе.

Вельможа поднес карточку к глазам (он был близорук), прочитал вслух:

— Нигмар Гролф... Судя по эмблеме — профессиональный воин. Имя мне ничего не говорит.

— Осмелюсь доложить, господин, по виду он самый настоящий реонец, — сказал дворецкий, — смуглый, волосы смоляные, на затылке шнурком связаны. Глаза раскосые... Одет в дорогую кожу и бархат. Вооружен: перевязь с девятью метательными ножами, а под плащом прячет длинные клинки. Манеры, в общем, благородные...

— Может, Рыцарь ордена Мечей из Тимфала? У меня там есть пара знакомых, — скучающим тоном произнес герцог, — Пригласи его.

Герб, вышитый на левом плече гостя, герцог узнал сразу: виверн, проглатывающий солнце. Отец, умирая, строго-настрога наказывал ему как огня беречься носителей сего герба, а если придется столкнуться — выполнить их просьбы, иначе славе, чести и благополучию всего рода великолепных герцогов Орсо придет конец.

— Я полагаю, вы пришли не из праздного любопытства? — сразу взял «быка за рога» хозяин. Он давно привык управлять ситуацией, и ему было крайне неприятно, что носитель почти легендарного герба застал его врасплох.

— Конечно, ваша светлость, — спокойно ответил воин, чуть склонив голову, — дом герцогов Орсо — не музей, чтобы ходить ради любознательности. Хотя скоро так может случиться, судя по нынешней-то жизни... Я слышал, вам не нравится происходящее в Городе?

— Не нравится?! Да я просто в бешенстве!!! — герцог встал и сделал несколько нервных шагов по комнате, — Мудрые, открыв рты, слушают каких-то шарлатанов, невесть откуда заявившихся в наш благословенный небом Город. Какого-то сопливого безродного мальчишку считают единственным достойным претендентом на престол! Еще чуть-чуть, и мы все будем плясать под их дудку...

— Именно так, — поддакнул реонец, — Вы, герцог, как всегда, прозорливы. И кто, как не Вы и ваш сын вправе считаться единственными наследниками исчезнувшего короля, ведь ваш прапрадед был его двоюродным братом!

— Мой мальчик не прошел испытание...

— Я абсолютно уверен, что колдовство этих пришлых мошенников помешало ему! — медоточиво улыбаясь, произнес Нигмар Гролф, — не понимаю только, почему вы терпите это издевательство.

— У нас уже нет ни бывшего веса, ни бывшей власти...

— Ваш пращур желал власти и получил ее, — пожал плечами визитер, — все дело в том, насколько сильно Вы этого хотите. Способов много, не мне вас учить. А если добавить к вашей несравненной изобретательности солидный мешок с деньгами и умение манипулировать людьми... Может получится оч-чень даже неплохой результат,

господин мой герцог.

— Боюсь, что наших сил будет недостаточно, ведь половина Города верит новоявленной Хранительнице. И мальчишка у них больше не безымянный. Орданн — старинное родовое имя королей! Тьма побери, я и сам иногда начинаю верить им.

— А вот это плохо, потому что таит угрозу для вас и вашего рода. Вы не забыли, когда и при каких обстоятельствах герцоги Орсо стали в Городе некоронованными королями? Именно ваш хитроумный предок придумал всю эту историю с поисками Чаши Света, которая способна была исцелить горячо любимую супругу Его величества...

Орсо-старший улыбнулся растерянно и развел руками:

— Да, он знал, на чем можно сыграть, даже тогда, в эпоху расцвета и силы... Мне, увы, далеко до него.

— Бросьте прибедняться, — поморщился гость, — сейчас не время для рефлексий. Полагаю, вам пора действовать, и чем решительнее, тем лучше. Ибо вы уже стоите у края пропасти.

— Почему? Ведь мой сын теперь не претендует на трон.

— Герцог, Вы точно дитя... Во-первых, это вы полагаете, что ваш сын не претендует на трон. Неужели он откажется стать при случае королем? Законным королем, заметьте! А потом, временно предоставьте юношу самому себе и займитесь неотложными делами, иначе загубите и себя, и его. Разве вы не видите топора, висящего над вашей шеей? Хранительница нашла Древлянина, Ревнителя королевского Древа.

— Это всего лишь какой-то выживший из ума старик...

— Этот выживший из ума старик дал мальчишке имя, истинное имя — подумайте об этом! Поройтесь в Хрониках, если не помните сами! Это ТОТ САМЫЙ Ревнитель, что бы при последнем короле! А значит, он может вспомнить, как все было на самом деле!

— Тьма меня побери, — оторопело выдохнул герцог, — Вы правы. Иначе, только самому на меч...

— Вот именно. Нам стоит огромных усилий закрывать этот период прошлого от Смотрящего сквозь Время. Скоро мы вообще не сможем это делать. Если Вы не в курсе: и пришлые маги, и ваши Мудрые набирают силу день ото дня. Крайне трудно, знаете ли, утаивать в мешке такое шило.

— Я понял Вас, почтенный. Что ж, постараемся, чтобы мальчишка не стал королем.

— Мы надеемся на вас, Ваша светлость. Купец Райнар вам знаком? Вот и чудесно, две умных головы всегда лучше...

**** *
**** *
**** *

Между тем, жизнь в городе налаживалась довольно быстро — ведь по Тоннелям снова свободно курсировали караваны, продовольствия было вдоволь, торговля процветала, точно никакой осады и не было. Тьма затаилась, выжидая, и народ исподволь начал думать, что угрозы-то и нет вовсе...

Воинам маленького отряда Хранительницы стало опасно ходить по Городу в одиночку — особо рьяные крикуны уже не ограничивались брошенными вслед оскорблениями. Бывало, в спину летели камни. Случалось, мужчинам приходилось обнажать оружие — в основном, против темных личностей в капюшонах, периодически останавливающих их в переулках. На волшебников многие уже глядели с ненавистью, взбудораженные речами хитрых ораторов. Никто не хотел, чтобы хоть на песчинку изменился привычный порядок

жизни. Однако Тайри и все остальные стоически сносили все нападки горожан, даже посмеивались иногда в своем кругу.

— Удивляюсь я, на вас глядя, — признался однажды Герт, — и как вы все это терпите? Любой другой на вашем месте или сбежал бы давно, или устроил бы нечто показательно-магическое, чтобы привести злопыхателей в чувство.

— Мы не имеем права ни на то, ни на другое, — вздохнула Хранительница, — да и жаль тратить силы на представление. Мы, все-таки, не бродячий цирк.

— Честно говоря, мы на вас тоже смотрим и удивляемся, — криво усмехнулся Лоцман, — как вы собираетесь защищать город, когда в ваших собственных рядах согласия нет. Одна Рода чего стоит. Того и гляди вплавь к Кадарну отправится.

— Ну, это вы слишком строго судите, — Герт исподлобья взглянул на оппонента и снова сделался похожим на взъерошенного подростка, — да и невозможно такое. Никогда тот, кого удостоили носить синий плащ, не переметнется на сторону Сына Ночи. Установления не позволят!

— Так они же рушатся! — ехидно напомнила Одри, — Или пока еще стоят? Вы уж сами как-то разберитесь с этим, и нам рассказать не забудьте. А то мы больше на свой опыт и наблюдения полагаемся. Рода — ладно, она одна и на виду. У нас в деревне говорили: тот, кто лает — не кусает, так что пускай тьявкает себе. Лично меня куда больше бесят сплетни...

— Кто-то подогревает подобные настроения, не давая недовольству затихнуть, — поддержала ее Хранительница, — с герцогом Орсо все понятно и объяснимо, но ведь он явно не один в этом стане.

— Я уже думал об этом, — ответил маг, нервно теребя расшитый серебром пояс, — наши люди пытаются установить, откуда распространяется эта темная волна. Увы, пока безрезультатно. Слишком долго Город жил безоблачной, спокойной и сытой жизнью, все устоялось, и люди не хотят перемен. А еще никак не хотят верить в серьезность угрозы, ведь остров Кадарн многие столетия оставался лишь страшной сказкой, которой матери пугали непослушных детей. Между тем, жизнь наша давно дала трещину. Об этом не говорят, но в Городе за последние пять лет появилось множество проблем, о которых раньше никто и не заикался. Закон уснул, зато пробудились преступники, мошенники и шарлатаны всех мастей. Мы как-то запамятовали, что живем на перекрестке множества дорог, и народ здесь оседает всякий. Если так пойдет дальше, адептам Сына Ночи не потребуется штурмовать наши стены, Город умрет сам, точно пораженный неизлечимой болезнью человек.

— Вот вам и еще одно свидетельство разрушения Установлений, — сказал Даррен, — именно в такой момент и должен вернуться король, прежде всего, как олицетворение Закона и Порядка на этой земле. И чем скорее решится вопрос о восшествии его на престол, тем больше у вас шансов на победу. Иначе, и правда сами себя съедите, а что останется, то Отступник догрызет.

— Вы думаете, это будет по силам Орданну? Ведь он так молод!

— Уверяю вас, вполне по силам. Мальчика с детства воспитывали, как наследника престола. Безусловно, держать в узде такую стихию, как население вашего Города, да еще и искусственно взбудораженное, задача не из легких. Но ведь у него есть вы, орден Мудрых, — веско ответила Тайри.

— То еще наследство, — хмыкнул зеленоглазый, — ну уж чем богаты... Правда, я бы на его месте серьезно задумался над новым составом совета Ордена. Тяжелое время вам досталось, и новые Установления придумывать и укреплять вам.

— А вы? Разве вы не будете ему помогать?

— До определенного момента, — пожалала плечами Тайри, — как только минует опасность завоевания Города, наша миссия здесь будет завершена.

— И куда же вы направитесь? Просто я подумал, что... — произнес Герт и смутился.

— Мы могли бы остаться? Не знаю, — волшебница покачала головой, — вряд ли. Мы будем только мешать молодому королю. Кроме того, у каждого из нас есть дом, родной мир, и не исключено, что он позовет нас.

**** *
**** *
**** *

— Бриан, кто она? — спросил Орданн, указывая на портрет зеленоглазой красавицы, висевший на стене королевского кабинета. Древлянин выбрал для очередных занятий с будущим монархом именно это место, и юноше, наконец, представился случай задать наставнику давно интересующий его вопрос.

Старик, чуть прищурившись, взглянул на портрет и улыбнулся печально:

— Это Мирана, истинная королева. По счастливому совпадению — жена последнего короля. Она покинула Город вместе со своим мужем. Мне выпало счастье быть знакомым с нею.

— Странно. А почему истинная? Что, могли быть и ложные?

— Так уж повелось издревле, мой мальчик. Виной всему зачарованная диадема первой королевы острова. Далеко не все жены королей могли ее носить: кого-то эта реликвия признавала своей хозяйкой, кого-то нет. Это становилось ясно сразу, на коронации. С тех пор и пошло: истинные королевы и просто жены монархов. Не знаю, как и по каким качествам избирает себе хозяйку диадема, но уж точно не по магическим. Если заглянуть поглубже в историю Королевского дома, то становится понятно, что именно избранные жены королей становились лучшими помощницами, соправительницами и берегинями Города. Насколько я знаю, никто и никогда всерьез не пытался выяснить принцип действия диадемы, во всяком случае, в мое время, — пояснил Ревнитель королевского Древа.

— Ты заметил, Бриан, как она похожа на нашего Лоцмана?

— Их семья пришла в Город из Гил'Эллет — того мира, в который вел заваленный Тоннель. К сожалению, этот удивительно красивый мир не принадлежал к числу равновесных, и, кроме того, по странному желанию Всевышнего, сам по себе являлся источником Силы. Как ты теперь понимаешь — солидный лакомый кусок для Сына Ночи. Прискорбно, но уже во времена моей молодости он начал склоняться перед ним. Не сразу, исподволь, но... Печальный конец этой истории ты уже знаешь — Гил'Эллет был практически потерян, и что там теперь творится, нам не известно. Сразу оговорюсь, что Мирана и ее родня мало походила на элеттийцев, как внешне, так и внутренне. Так что ее происхождение остается загадкой. Мы так и не увидели королевских наследников или наследниц, поэтому я не могу сказать, унаследовали ли дети хоть часть материнской красоты и таланта.

— Наставник, а как получилось, что король покинул Город? — этот вопрос давно жег Орданну язык, но он никак не решался его задать. Рядом с Брианом он ощущал себя не будущим властителем, а маленьким мальчиком, — Неужели просто из-за того, что ему захотелось взглянуть на Материк, лежащий за морем?

— Легенда ошибается, Орданн. На самом деле все было совсем не так просто, — покачал головой Древлянин, — Мирана заболела — без всяких видимых причин стала слабеть и угасать. Мудрые не смогли ничем ей помочь, целители из Реона и Арашамфа тоже.

Ее родня в один голос твердила, что королеву хотят известить приспешники А'Деула, но Город в то время был защищен, как никогда ранее, и от этого предположения просто отмахнулись. Кто-то из ближнего окружения сказал королю, что на далеком Материке есть удивительное озеро — Чаша Света, купание в котором способно вернуть здоровье любому существу. Он хотел плыть один, но самые близкие и преданные люди, естественно, решили его сопровождать. Королю оставалось лишь выбрать корабль. Судя по тому, что я вижу перед собой его потомка, Мирану удалось вылечить, и род не исчез с лица земли.

— Тогда почему он не вернулся? Ведь должен был...

— Не знаю, мой мальчик. Я почему-то плохо помню события, последовавшие за отплытием королевского фрегата. Мы все будто потеряли часть нашей силы, перестали понимать друг друга, вели бесконечные споры... В общем, были заняты своими ничтожными дразгами, что совершенно недопустимо для Мудрых. Потом было несколько смутных лет, пока не сменился Командор, и купцы не взяли власть в свои руки, существенно прищемив хвост оставшейся аристократии. Как ни странно, несколько самых старинных родов сохранили свое влияние и даже упрочили его. Взять хоть герцога Орсо — двоюродного брата последнего короля. А спустя еще немного времени правление Королей как-то само собой переместилось в область истории, а существующий порядок все начали воспринимать как должный, — вздохнул Бриан, — кажется, что-то непонятное случилось через пару лет после отплытия, но увы... Я стар, и память меня уже частенько подводит. Тебе лучше спросить об этом у Смотрящего сквозь Время. Герт не может помнить, но может увидеть.

Орданн кивнул, мысленно дав себе слово обязательно попросить мага взглянуть через время на столь заинтересовавшие его события. Увлечшись изучением немногих документов времен последнего короля, найденыш обнаружил, что за окном уже стемнело. Ему отчаянно не хотелось оставаться сегодня одному в огромном пустом дворце, и он решил отправиться в свой старый дом на Дельфиньей улице, где его всегда ждали друзья, и, главное, Одри. Предвкушая встречу со своей милой колдуньей, юноша пробирался по непривычно многолюдным в этот час улицам. Даже в плаще с глубоким капюшоном его легко узнавали, кричали в след далеко не добрые слова. Можно было бы попросту попытаться отвести глаза, но он не умел еще работать с большим количеством людей сразу. Когда до дома на Дельфиньей улице оставалось пройти пару кварталов, его окружили несколько до зубов вооруженных личностей, за спинами которых сразу же начала собираться толпа.

— Не прячься, наследничек! Мы хотим лицезреть нашего будущего монарха! — издевательским тоном произнес здоровенный детина, явно игравший роль заводилы. Одновременно кто-то сзади бесцеремонно сдернул капюшон с головы Орданна.

— Какие мы хмурые! Мы куда-то торопимся? — продолжал главарь, подходя все ближе к найденышу, — не надо так на нас смотреть, мы же твои будущие верные подданные. Ну же, удели нам минутку! Ах, да, я же совсем забыл, тебя уже заждались, наверное!

Детина подошел почти вплотную, и Орданн по густому запаху понял, что весь кураж заводилы держится, в основном, на изрядном количестве выпитого рома. Главарь явно его провоцировал, с трудом отдавая себе отчет в собственных действиях. А вот те, что стояли поодаль, вовсе не были пьяны, и, в отличие от своего товарища, прекрасно контролировали ситуацию. Они производили впечатление хорошо обученных воинов, не слишком-то и скрывающих свои умения. Почти все стояли, положив ладони на эфесы, в любой момент готовые броситься в драку. Хорошо, что я послушался Одри и надел кольчугу, — подумал Орданн, — да и Габриэль оказался прав: с этой публикой надо все время быть настороже.

— К кому из них ты так летишь? К молодой? Или к той, что постарше? А может, ты обхаживаешь сразу обеих, а они в благодарность наколдовали тебе трон? Не много ли тебе одному, не перетрудишься? А то мы не прочь оказать посильную помощь, королек...

— Еще одно слово, и ты навсегда разучишься говорить, — очень спокойно произнес Орданн.

— Да что ты! Мы можем и впрямь испугаться! — детина гнусно заржал, обернувшись к публике, — да мы уже штаны обмочили от страха!! А ты готов покинуть нас, бедненьких, в такую минуту! Что, променяешь своих подданных, на какую-то девку? Ах, нет, прости, сразу на двух, такой знатной особе одной бабы мало!

— Не даром говорят, что все короли — предатели, — выкрикнул кто-то еще.

— А тебе никто не говорил, что к мнению народа недурно бы и прислушиваться? — сказал рядом третий голос, чуть «раскатывая» звук «р». В нем не было ни куража, ни наглости, одна лишь тихая ледяная угроза, основанная на абсолютной уверенности в своих силах. Найденыш понял, что это и есть истинный главарь, и именно его следует опасаться в первую очередь. Хотя, скорее всего, в драку-то он не полезет.

— Эй, парень, ты не стесняйся, проводи нас к твоим подружкам, мы тоже повеселимся, — здоровенный заводила, уже было, дал волю своей гнусной фантазии, как вдруг захлебнулся на полуслове. Он шевелил губами, точно рыба, вынутая из воды, не в силах произнести ни звука. Терпение Орданна лопнуло, и он пустил в ход одно из простейших заклинаний, которому научила его Одри.

— Смотрите, смотрите! — истошно заголосила какая-то женщина, — он навел порчу на Триффина! Он сделал его немым! Он всех нас скоро сделает немыми!!!!

Рядом характерно лязгнул вынимаемый из ножен меч, и парные клинки моментально оказались в руках найденыша. В спину ему больно ударил и отскочил тяжелый кинжал. Ох, не зря Тайри так долго колдовала над этой кольчугой!

— Заговоренный! Колдун! Бей его! — разноголосо завопили вокруг.

Разговаривать со взбесившейся толпой глупо, драться почти бесполезно — отчаянного одиночку просто втопчут в булыжник мостовой. Но и Даррен, и Габриэль учили его, что самое страшное в любой ситуации — это опустить руки. Пока ты жив, говорили они, у тебя всегда есть шанс. Кроме того, если нападающих больше трех, то они сами сделают половину твоей работы... Сейчас на найденыша наседали «ближний круг» — около десятка человек, и половине из них мозги затуманивало спиртное. Орданн завертелся в этом живом кольце, точно белка в колесе. Ему крайне тяжело было сохранять хладнокровие — так хотелось раз и навсегда проучить зарвавшихся наглецов. Поднырнув под руку ближайшему противнику и слегка толкнув того в спину, юноша позволил неосторожному громиле поймать грудью длинный палаш соседа. Третий из нападавших сам запутался в ногах упавшего друга и получил успокаивающий удар пониже уха. Четвертому, особо ретивому, найденыш перебил кисть, и тот уполз куда-то за спины зевак, прижимая к груди беспомощную руку и скуля что-то о несправедливости. Оставшиеся просто не владели собой, гнев застилал им глаза. Орданн быстро обезоружил их и по очереди заставил ретироваться, награждая обидными шлепками клинком «плашмя». Толпа роптала, но не расходилась, видимо, ожидая продолжения зрелища. Где-то там, среди этих людей, скрывался и главарь опозорившейся шайки, и в любой момент юноша мог остаться с ним один на один. Найденыш уже заметил, как люди начали расступаться перед крепким воином в годах, с презрением взирающим на будущего противника, как из переулка прогремел знакомый голос:

— Королевская стража! Всем разоитись!

Человек, в глазах которого читалась смерть, на полушаге развернулся, набросил неприметный серый плащ и исчез в толпе. Никто не хотел связываться с Королевской стражей. Несмотря ни на какие перемены, на протяжении последних восьмисот лет в этот отряд по-прежнему строго отбирали лучших и обучали их наравне с «Альбатросами» — элитной гвардией, набираемой исключительно из дворян. Эти последние превратились за время отсутствия монарха лишь в красивую декорацию для праздничных шествий и парадов. Слово «королевская» в названии отряда упрямо сохранялось, равно как и многие традиции. Как ни странно, сегодня патрульную группу возглавлял ни кто иной, как Габриэль де Рейвен.

— Ты в порядке, сынок? — по-отечески спросил воин, бросив беглый взгляд на медленно уползающую в переулки массу любителей зрелищ, — Мы проводим тебя до дома.

Только теперь Орданн ощутил, насколько все могло быть страшно.

— Спасибо, Габриэль, — сказал он, и дрогнувший голос показал, как он напряжен, — я перед тобой в долгу.

— Перестань, Орданн. Эти еще не так опасны, главарей-то мы и не видели. Знаешь, когда Герт сказал, что поиски разжигателей бунта ничего не дали, я решил заняться этим делом сам. Народ привык к Страже, и не считает солдат чужими. А в форме мы вообще все на одно лицо.

— Тебе идет, — слабо улыбнулся Орданн.

— Ага. Особенно капитанская. Понимаешь, сколько дома ни служил, а все в лейтенантах, — хохотнул де Рейвен, — ладно, пойдем. Тайри, поди, уже волнуется.

Как ни странно, в доме-башенке оказалась одна только Одри, что и обрадовало и обеспокоило найденьша. Вечерами все обычно бывали в сборе, частенько принимая у себя в гостях кого-нибудь из Мудрых или лояльно настроенных купцов.

— Куда все подевались? — удивленно спросил юноша.

— Да убежали куда-то, самую малость тебя не дождались, — ответила Одри, сосредоточенно помешивая деревянной лопаточкой ароматное содержимое огромной сковороды, — в Верхнем городе заболел какой-то малыш, и наши не смогли отказать, помчались... Ой, да ты весь в крови! Что случилось?

— Ерунда, — отмахнулся найденьш, — пришлось немного подраться. Габриэль вовремя подоспел. Это так, царапины.

— Дай-ка я поколдую над твоими царапинами, — ласково проворковала девушка, доставая кувшин с теплой водой и чистую ткань, — сядь сюда и не дергайся. Бальзам будет немножко щипать...

Орданн и не думал «дергаться» — он прикрыл глаза и блаженно улыбался, ощущая мягкие прикосновения ловких рук юной волшебницы. Он дал себе обещание, что отправится в сокровищницу королевского дворца и обязательно отыщет там диадему королевы Мираны. Хотя бы просто для того, чтобы увидеть, как играют рубины в иссиня-черных волосах его милой.

Одри внезапно замерла, будто к чему-то напряженно прислушиваясь. Найденьш поднял голову и встретился с мудрым и очень печальным взглядом девушки.

— Знаешь, я вдруг почувствовала, что... Наша относительно спокойная жизнь здесь заканчивается. Уже завтра все будет по-другому. Будто кому-то надоело ждать, и он нажал на невидимые рычаги.

— Ну, это неудивительно, — юноша нежно погладил подругу по руке, — мы же для

этого здесь...

— Будет очень страшно, Орданн. Если я на секунду увидела лишь тень будущего, то насколько же страшно бывает Герту, который видит его куда более отчетливо?

Планам, намеченным на следующий день, не суждено было исполниться.

Тайри готовилась к чему-то подобному после предупреждения Двуликой, но и она не ожидала, что болезнь поразит город так быстро и с таким размахом. Что уж говорить об остальных. К первому пациенту целительницу позвали в дом мастера-стеклодува, к его сыну. Леди Даллет и неизменно сопровождавший ее Даррен сперва подумали, что эта просьба о помощи запросто может оказаться ловушкой, но к больному пошли. На первый взгляд у мальчика была просто запущенная простуда. Тайри внимательно осмотрела ребенка, проверила и привела в порядок Потоки, оставила родителям настойку, снимающую жар, и простой оберег из старых заготовок. Ничто не вызвало ни тревоги, ни предчувствий.

Дома их ждал горячий ужин и Орданн, угрюмый вид и ссадины которого весьма красноречиво говорили о недавно произошедшей стычке. Одри постепенно, слово за словом, вытянула у него всю историю об этом происшествии. Особо беспокоиться старшие маги не стали — найденыш держался молодцом, да и Габриэль появился там очень кстати. Даррен дал себе слово, что с завтрашнего дня начнет обучать Орданна самым действенным приемам боевой магии, а еще удвоит занятия фехтованием. Ясно же, что все это в ближайшее время пригодится. Спать все улеглись довольно рано, и никого не потревожил ни кошмар, ни пророческий сон.

Утром магов разбудил многоголосый гул толпы под самыми окнами. Похоже, на тихой Дельфиньей улице собралась вся враждебно настроенная городская публика и почти столько же обыкновенных зевак.

— Выходи, гаденыш! — надрывались чьи-то луженые глотки, — попробуй справиться со всеми нами, Тьма тебя побери! Всех не заколдуешь, всем рты не заткнешь!

Орданн стоял у окна, скрестив на груди руки и мрачно глядя на происходящее снаружи.

— Эй, колдуны! Покажите нам мальчишку и покажитесь сами!! Кто вам сказал, что вы будете решать за нас?!!! Выходите, мы проводим вас всех до Моста... — бесновалась толпа.

— Еще чуть-чуть, и в окна полетят камни, — тихо сказал Орданн.

— Нашел, о чем волноваться, — откликнулась Одри, заплетающая в косу свои роскошные волосы, — я еще третьего дня хорошенький щит наколдовала.

— От их злобы твой щит не спасет, — пожал плечами найденыш.

— ...Испугались, твари? Забились, точно крысы в подпол? Выползайте! Сегодня вы ответите за все свои мерзости! Никому не позволим наводить на нас порчу! — звучало с улицы, — если так трясетесь за свои никчемные жизни, отдайте нам мальчишку и проваливайте восвояси!

— Видать, крепко ты вчера того малого припечатал, — подмигнула найденышу юная колдунья, — «молчанка», поди, до сих пор действует, вот остальные-то и вопят.

— Надо выйти и поговорить с ними, — задумчиво глядя на свое отражение в зеркале, сказала Хранительница, и Даррен удивленно повернулся к ней. Он уже начал обдумывать, как с наименьшей кровью проучить зарвавшихся горлопанов.

— Тайри, милая, ты же сама всегда нас учила, что разговаривать со взбешенной толпой — все равно, что целоваться с гюрзой в боевой стойке, — совершенно несвойственным ему вкрадчиво-ироничным тоном произнес Лоцман, — она же слов не понимает, не успокоится, пока не прольет чью-нибудь кровь. Нельзя идти на поводу...

— А мы и не пойдём. Толпа — зверь, а зверя умирят.

— Ну-ну, с голодным тигром шутки плохи. Ты знаешь, как не стать его завтраком?

— Показать, что мы сильнее, — дернула плечом леди. Ну, разумеется, что ж тут непонятного...

— Я не представляю себе, как это сделать, — сдавленным голосом проговорил Орданн, — мне стыдно признаться, но эта толпа страшит меня. Видимо, короля из меня все-таки не получится...

Тайри резко обернулась, подошла к юноше, взяла его за подбородок:

— А ну посмотри на меня, Орданн! И эти слова я слышу от выжившего в Черном храме? От пережившего землетрясения, пытки, сложнейшие обряды? Не верю. Чтобы я больше никогда не слышала подобных речей, иначе ты действительно станешь никуда не годным королем.

Даррен впервые видел ее такой: возмущенной, даже разгневанной, и не смог оторвать глаз — настолько она была прекрасна. Глаза сверкали, на бледном лице проступил румянец, выражение усталости и безразличия, появившееся в последние дни, исчезло вовсе.

— Это сама жизнь тебя испытывает, мальчик. Сейчас она каждого из нас пробует на зуб. И важно не сломаться и дойти до конца. Тем более, что главных испытаний мы еще и в глаза не видели. Желаете сдать уже сейчас? Чтобы все, что сделано, пошло прахом?

— По-твоему, я должен туда пойти? И что я им скажу?

— Поймешь сам. В любом случае, они не должны думать, что ты боишься их.

— Но я, правда... — Орданн медленно отступал спиной к балконной двери. Тайри, которая была ниже почти на голову, сейчас казалась выше найденьша, такой от нее веяло силой.

— Боишься?! Можешь бояться кого и чего угодно, но никогда не показывай это другим! И всегда иди навстречу своему страху, — Хранительница на секунду задумалась, чуть прикрыв глаза, потом крепко взяла руки Орданна в свои, и, четко чеканя слова, прочитала то ли заклинание, то ли молитву, а может и просто чьи-то мудрые наставления, уложенные в рифмованный, легкий для запоминания слог:

«Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех.
Верь сам в себя наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех.
Пусть час не пробил — жди не уставая.
Пусть лгут лжецы — не снисходи до них.
Умей прощать, и не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других...
Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив.
Равно прими успех и поруганье
Не забывая, что их голос лжив...».

(Редьярд Киплинг, «Заповедь». пер. М. Лозинского)

Лицо найденьша, на котором до этого блуждала болезненно-растерянная ухмылка, преобразилось, став решительным и жестким. В глазах заплясали отчаянные искорки — видимо, слова Тайри вернули ему если не самообладание, то хотя бы подсказали путь. Он повернулся и вышел на балкон, а вслед за ним и все остальные.

— Одри, сними щит, он нам больше не понадобится, — бросил найденьш через плечо и встал у самых перил, прямо над гудящей и изрыгающей ругательства толпой.

— Он навел порчу на Триффина! Тащите его сюда! — возопили несколько голосов, но уже не так уверенно, как раньше. С двух сторон к балкону полетели запущенные умелой рукой якоря-«кошки» с привязанными к ним крепкими тонкими тросами. Все, кроме одной, Орданн сбил еще в полете несложным волшебством. Один трехлапый якорек перелетел через перила и бухнулся прямо к ногам найденьша. Юноша бестрепетно поднял его и стал наматывать на локоть веревку, уходящую от «кошки» куда-то под балкон. Веревка несколько раз неуверенно дернулась и ослабла.

— Ваш Триффин получил по заслугам, все прекрасно это знают! — голос найденьша было не узнать. Он вдруг стал более низким, в нем проступили повелительные интонации. Маги переглянулись — это “проклянулся” голос будущего короля, — сами разойдетесь по домам, или мне заставить всех вас тоже помолчать с ним за компанию?

— Вот теперь он мне нравится, — тихонько сказала Тайри и торжествующе улыбнулась, — а то я начала думать, что ошиблась в нем.

— Тогда в нем должна была бы ошибиться сама судьба, — ответил Лоцман, — но если он и правда будущий король...

— Обязан справиться. И сделает это.

Глава 7

«И вспомнилось вдруг, как Эллис говорил: «С прошлого нужно не спускать глаз, только зазеваешься — и оно тяпнет тебя за ногу, как оголодавший волк».

Но будущее тоже зловеще щёлкает зубами вдали, а вся наша жизнь — узкая тропинка, что пролегает между двумя хищниками.»

Софья Ролдугина. «Кофейные истории-15: Терпкий кофе, сладкий жасмин»

Время тихо всё унесет.

И будут разные в жизни муки.

Вы можете абсолютно всё.

Только не опускайте руки.

Алексис Мар

Дом заполняла мрачная, тяжелая тишина. В маленькой «нижней» гостиной одиноко горела свеча, а на ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж, сидел, ссутулившись и обхватив голову руками, Лоцман.

— Творец милосердный, что еще случилось?! — Одри бросилась к зеленоглазому волшебнику, — Дар, что с тобой?!!

Даррен поднял голову, попытался улыбнуться, но вышла у него лишь страдальческая гримаса.

— Со мной — ничего. Творец эпидемии метил не в меня, а в Тайри.

— Она заболела?

— Нет, конечно, но то, что случилось, ничуть не лучше. Я не знаю, как этот Всевышним проклятый колдун узнал про наших “особых” пациентов... Ей ведь удалось! У них все было уже хорошо! А к нашему приходу им стало значительно хуже, и, — Лоцман сжал кулаки, — мы их потеряли. Тайри столько надежд возлагала на это исцеление, это ведь шанс для остальных! Они умерли у нас на руках — без слова, без укора или жалобы, настолько нам верили.

— А еще, наверное, наша Хранительница очень к ним привязалась, — вслух подумал Орданн.

— Этого я боюсь больше всего. Враг ударил наверняка, в самое незащищенное, в самое трепетное...

— Она очень переживает? — спросил найденыш.

Лоцман хмуро взглянул на него снизу вверх.

— А ты как думал? Одри знает ее дольше, но я нашу целительницу такой не помню. Даже после... после Ллира. Она буквально раздавлена, она в отчаянии, считает себя виновной в смерти этих детей, и во всех остальных смертях тоже. Боюсь, что Тайри теперь может разувериться в собственных силах, потерять надежду на успешное завершение всего начатого и опустить руки, — он покачал головой и снова спрятал лицо в ладонях.

Герт, удивленный подобной слабостью Лоцмана, недоуменно посмотрел на Одри: как мог самый сильный из когда-либо виденных им волшебников оказаться столь беспомощным,

как он мог дать такую волю эмоциям?

— Не вини его, — шепнула юная колдунья, — уж поверь мне, он делал и делает все, что в его силах. Дело в том, что они с Тайри связаны нитью, и Дар ощущает все ее эмоции как свои. А теперь подумай, зачем люди скрывают переживания, особенно от близких? Если бы мы знали, что в действительности творится в их душах, какая боль их порой разрывает, наверное, лишились бы рассудка.

— Но ведь можно же просто утешить, поговорить, — пожал плечами Мудрый.

— Она не хочет никого видеть, — глухо произнес Лоцман, — в том числе и меня. Думаешь, я не пытался? Тайри сидит в кресле, перебирает сердоликовые четки и смотрит сквозь меня сухими глазами. Знает, что я все чувствую, знает, что за эмоции испытываю, наверное, поэтому и не видит смысла разговаривать. Последнее, что я от нее услышал, была просьба оставить ее в покое.

— И ты, конечно, послушался, — не без издевки произнес Смотрящий-сквозь-Время. В глазах его загорелся азарт, он подобрался, точно кошка перед прыжком, — а вот я этой просьбы не слышал. Я пойду, и пусть она превратит меня в крысу, — Герт легко проскользнул мимо Даррена вверх по лестнице и скрылся на втором этаже.

— Может и превратит, почему нет? — раздался из кресла у камина знакомый, но уже подзабытый голос с обертонами далеких водопадов, — вообще-то, вы напрасно сдались, милорд.

— Рад, что ты с нами, Скайяр, — не поднимая головы, откликнулся зеленоглазый волшебник, — а этот... пусть попробует. Если ему удастся вернуть нашу прежнюю Тайри, я первый его поблагодарю. Парень влюблен, а любовь, как известно, самая сильная магия в мире.

Скайяр развернулся вместе с креслом, в котором сидел. Синие глаза бешено сверкали, а ухмылка была исполнена такой иронии, что Одри и Орданн поспешно отступили назад. Казалось, еще слово, и синий дракон начнет плевать пламенем.

— Какая такая любовь?

— Но...

— Где вы ее там увидели, мой князь?!

Несколько секунд Даррен и Скай смотрели друг другу в глаза, потом синеглазый расслабленно откинулся на высокую спинку, сцепил в замок сильные пальцы.

— Вы ее чувствуете сейчас, милорд? Чувствуете Тайри? Что происходит?

— Ничего не понимаю... Она закрылась? Хотя нет, щиты я вижу иначе, это что-то невероятное...

— Невероятное? — взвился синий дракон, — хотя, откуда вам знать, вас тогда с нами еще не было. Из всех, здесь присутствующих, наверное, один я и помню это. А Тайри, конечно, никому не рассказывала. Холод. Вы чувствуете наступающий холод, мой князь?

Уж Скайяр-то чувствовал. Более того, он прекрасно понимал, на что это похоже. То же самое творилось с его леди на Запретном континенте, когда она слишком далеко ушла по дороге чужой смерти, спасая умирающего Даля. Сейчас она, конечно, никого не пыталась вытащить из-за черты, но сильно переживая гибель пациентов, невольно оказалась чересчур близко к Серому Тракту. Отсюда и холод, и окутавшее её молчание... а заодно и куда большая уязвимость перед чужим колдовством.

— Да, Скай. Вокруг нее будто лютая зима...

— И вы по-прежнему думаете, что кто-то кроме вас сумеет ее... согреть? Где вы

углядели ту самую великую магию под синим плащом? Этот человек любит ее избранность, ее силу, ее стойкость, легенды, что возникнут потом вокруг ее дел, но только не ее саму! Себя он возле нее любит, это да. Вот поэтому и...

— Пойду-ка я чай с душистыми травами вам приготовлю, — Одри передернула плечами, — а то мне от ваших речей холодно, — идем, Орданн, пусть они поговорят откровенно.

Найденыйш хотел что-то возразить, но не успел. По лестнице только что не скатился Герт. Капюшон свалился на плечи, лицо было белее мела, а в серых глазах бился испуг.

— Так нельзя! Такого не может быть! Если кто-то глух и ничего не хочет слышать, то я бессилен! — выкрикнул он и пулей вылетел в дверь.

— Хвоссст подбери, замерзсссснет! — прошипел вслед Скайяр.

— Почему хвост?! — давя неуместный смех, спросил найденыйш.

— Ну, он же сам просил превратить его в крысу, — подмигнул ему синеглазый. Он повернулся к лестнице, только Лоцмана там уже не было.

— А и правда, завари-ка чаю, красавица, — лучезарно улыбнулся Скай деревенской колдунье. От такой улыбки невозможно было не растаять, — а печенье у тебя есть?

— Ореховое, медовое, с корицей...

— А сырное?

— Да где ж его купишь-то!

— Сами сделаем. Хочешь, научу? Пойдем-ка на кухню, там куда теплее, а тут пока еще протопится, — синеглазый заглянул в холодную пасть камина, что-то неслышно шепнул, и дрова занялись веселым пламенем.

Орданн бросил ревнивый взгляд на свою колдунью. Ишь, как разулыбалась, а все этот, змей синеглазый! И откуда только взялся! Ничего, он потом все про него расспросит — у Даррена или Тайри. А будет к Одри приставать...

Но змей не приставал. Он с крайне глубокомысленным видом натирал на терке сыр, что-то напевая себе под нос.

— Тайри! Тайри! — она не откликнулась, и Даррен, припомнив любимую присказку Одри про то, что молчание — знак согласия, вошел. И мгновенно угодил в зиму. Вроде бы ничего не изменилось, но лицо лизнул морозный ветер, отчего кожа на щеках мгновенно онемела. Сквозняк, которого здесь быть не могло, пробежался ледяными пальцами по спине, погладил по плечу и свернулся колючим клубком против сердца.

Хранительница сидела в кресле, прямая, как свеча, и неподвижно смотрела в темноту за окном. Она вряд ли что-то замечала вокруг. Перед ее мысленным взором было сейчас бесконечное снежное поле. Где-то там потерялись мальчик и девочка, будущий художник и волшебница, и найти их было уже нельзя — ветер замел все следы. Было пусто и холодно на душе, силы иссякли, как и желание куда-либо двигаться. Зачем? Для чего? Настоящее отдавало полынной горечью и безнадежностью, а прошлое все состояло из бесконечно яркой любви и непонятно как пережитой боли, и заглядывать туда было равносильно смерти. Хотя, какая разница? В настоящем все та же смерть ходит кругами, не желая отступаться, а будущего, в сущности, нет. И если внутри такой лютый холод, то пусть и снаружи он будет. Это оттаивать больно, а замерзнуть слаще сладкого...

Даррен понял, что видит наяву то, что происходило с Тайри “по ту сторону”. Подчиняясь странному, будто и не своему, наитию, он сбросил с плеч камзол, разорвал на груди рубашку и прижал бледную и легкую, как пушинка, целительницу к себе, пряча в

золотистом свете, затопившем кожу. Белые, без кровинки, пальцы казались настолько хрупкими, что к ним страшно было прикоснуться. Лоцман осторожно накрыл ладонь Тайри своей и тихо-тихо сказал:

— Ты не исчезнешь, птица моя серебряная, потому что я не позволю. Я всегда буду с тобой, что бы ни случилось.

Целительница не ответила, только прильнула щекой к его плечу. Зеленоглазый очень осторожно укутал ее в свой Огонь, заглянул в глаза.

— Горячо, — всхлипнула Тайри, — больно...

Даррен не выпустил ее, обнял крепче беззвучно вздрагивающие плечи. Пусть лучше плачет, чем тонет в пустоте и холоде. Вместе они справятся с чем угодно, и с этой заразой тоже, и больше никто не умрет — так... Недаром же в его родном мире говорят, что двоим открываются такие пути, которые не увидишь в одиночку.

Холод бежал, как и положено врагу, и о нем напоминал только жалко поникший цветок на окне.

— Спасибо, — хрипло сказала Тайри, — ты снова меня спасаешь, Дар.

— Извини, я никому не могу доверить такое важное дело, — ответил Лоцман, а сам подумал, что, если бы не Скайяр... — тебе уже лучше?

— Насколько это возможно. Похоже, я со своим самокопанием чуть все не загубила.

— Я тебя очень прошу, не надо больше копать так... глубоко.

— Обещаю. Надеюсь, в мою бездну никто, кроме меня, не провалился?

Даррен вспомнил лицо бесславно ретировавшегося Мудрого и ответил честно:

— Нет. Хотя, мог бы. Зато ты разбудила Ская.

— Что же я такого учинила... ой! — леди Даллет обнаружила разорванную рубашку Даррена, с ужасом взглянула на предполагаемое “дело рук своих”, — это... тоже я?

— Нет, — рассмеялся зеленоглазый маг, — это я сам. Так надо было. Не обращай внимания...

Тайри соединила края ткани вместе, провела рукой сверху вниз — и рубашка стала целой.

— Как это...

— Восстановление по подобию, школьный курс для юных леди, — рассеянно произнесла целительница и отстранилась мягко. Сказать честно, ей и вовсе не хотелось этого делать. — Странно, пустяковое ведь колдовство, а сил отняло...

— Тебе надо отдохнуть, хотя бы до утра. А лучше пару дней посидеть дома.

— Какой тут отдых, Дар, пациенты ждать не будут, — покачала головой целительница, — хотя, я теперь и не знаю, помогает им моя магия, или я просто убедилась в этом. Совсем недавно я сомневалась в силах нашего Орданна, — она нервно дернула уголок рта, — еще учить его вздумала. Следовало бы начать с себя.

Даррен подхватил с пола упавший плед, укутал Тайри от шеи до пяток, усадил в кресло и сам пристроился рядом, на массивном подлокотнике.

— Ты обещала не копать! — строго произнес он, — хочешь, отнесу тебя вниз? Там наши затеяли какое-то безобразие на кухне, нюхом чую. С другой стороны, что еще они могут затеять под руководством твоего дракона...

В дверь деликатно постучали. Лоцман издал тяжкий вздох, больше похожий на стон, и пошел открывать. На пороге стоял поднос с корзинкой печенья, двумя чашками и исходящим ароматным паром глиняным чайником — и больше никого не было.

— Вот, — обернулся он к своей леди, демонстрируя свежее испеченный ужин, — о нас уже позаботились. Печенье, если не ошибаюсь, твое любимое.

Тайри поднялась, чтобы пододвинуть ближе к креслам легкий столик, и ее взгляд упал на лежавший на нем лист плотной бумаги. Она так и застыла с ним в руках. Даррен водрузил поднос на подвернувшуюся тумбочку и заглянул целительнице через плечо.

— Они были такими талантливыми, Дар... Всевышний поцеловал их при рождении. Мальчику едва исполнилось шестнадцать. Какой был бы художник! Он писал не внешность, а душу. Да и пейзажи дышали у него необыкновенной жизнью, каждый рисунок, каждый эскиз... Сколько всего он мог бы создать! — сказала, наконец, Тайри, но в ее голосе уже не было опасного надлома.

— Это его последний эскиз?

— Да. Ему было лучше, и он рисовал. А я так радовалась, что мальчик выздоравливает, и что проклятая болезнь не тронула его дара.

С карандашного эскиза смотрела Тайри: задумчивая, но не печальная, с едва заметной улыбкой на губах. Художник уловил скрытую силу волшебницы, и глубоко спрятанную усталость, и даже то нереализованное, пока безымянное, чему еще только суждено сбыться. Он поймал ее любимую позу — леди сидела, положив подбородок на сцепленные «в замок» пальцы, а в волосах красовался диковинный цветок.

— Он нарисовал цветок севарги, — проговорил маг, когда к нему вернулся дар речи, — ты знаешь, что он хотел этим сказать?

Тайри лишь пожала плечами, тяжело вздохнув.

— Мне рассказывали, что этот цветок растет в горах, единственный из всех здешних цветет осенью, до самых сильных холодов. И он не приживается, если так можно сказать, «в неволе» — ни в садах, ни в горшках. Севарга — древний символ, означающий свободу и свободолобие. Тебя тоже нельзя ни подчинить, ни заточить...

— Зато можно легко придумать что-то другое.

— Тай-ри! — Даррен погрозил пальцем, — эта тема под запретом! Тебе чай налить?

— Спасибо, но... мне сейчас даже любимое печенье не хочется. Упала бы и заснула.

— Так и сделай! Помни, я буду рядом, — Лоцман с сожалением отступил к двери, — и... можно я заберу эскиз?

— Конечно, Дар. Спокойной ночи, и не волнуйся за меня.

Зеленоглазый еще раз печально вздохнул и шагнул за дверь. Дом спал, кругом было темно и очень тихо. Спать не хотелось, а вот заняться магическим поиском мерзавца, чуть не убившего, пусть и косвенно, Тайри, можно было с комфортом. Никто не помешает и не потревожит. Если этот колдун настолько уверенно себя чувствует, что, не стесняясь, бьет в болевые точки, он может потерять бдительность и раскрыться. Нужно этим воспользоваться, иначе... иначе они все могут и не пережить очередной удар. Лоцман не стал зажигать свечи, достаточно было слабого сияния кристалла, обостряющего чутье. Он уселся за стол, сосредоточился — и мир вокруг исчез.

Даррен очнулся от резкой боли в затылке. Не стоило так рисковать, наверное... Которая сегодня попытка, устало думал он, массируя затекшую шею, седьмая? Или уже девятая? Все плыло перед глазами. Им овладела такая слабость, что казалось, устаешь даже от того, что дышишь. Он ощущал чужой презрительный взгляд и мерзкую самодовольную усмешку: мол, трепыхайся-трепыхайся там потихонечку, только гляди, не надорвись. Противник, скорее всего, видит каждый его шаг, играет и водит по темным лабиринтам своего колдовства.

Колдун абсолютно уверен, что его никогда не достать, ему доставляет удовольствие сам процесс игры. Вот на этой-то самоуверенности и нужно его ловить. Ловить!!! Лоцман застонал, расправляя плечи. Всех его знаний может не хватить, чтобы распутать клубок черной порчи. Возможно, он смог бы вместе с Тайри... Но избавить Город от чародея всяко лучше и безопаснее. Есть принцип, работающий всегда и везде: нет колдуна, нет и его чар. Как же растормошить негодяя? Раскрыться самому, устроить на показ какую-нибудь бурю? Глупо, он только посмеется. Значит, надо попытаться мыслить, как Темный. Что бы сделал на его месте он, Лоцман? Попытался непременно закрепить успех, следовательно, срочно нацелился бы на новые жертвы. Кого еще в последнее время Тайри выделяла из общей массы и лечила особенно внимательно? Кто из ее юных пациентов может привлечь внимание колдуна? Тот молоденький менестрель из таверны «Три якоря». Во-первых, он из тех, кого Хранительница считает «зрячими», видящими не только глазами, но и душой. А во-вторых, этот мальчик тоже удивительно хорошо сопротивляется болезни, и его дар никуда не исчез. И, в-третьих, визит к нему назначен на утро. А теперь мы посмотрим, не тянутся ли к нашему пациенту жадные черные щупальца...

Есть! Вот след, яркий и отчетливый, его ни с чем не перепутать. Если же пойти по нему в обратную сторону, можно отыскать и самого колдуна. Да, зазнался ты, голубчик! Надеюсь, моя метка продержится до того момента, когда мы увидимся лицом к лицу, удовлетворенно подумал Даррен, закрепляя нехитрым приемом магический огонек, видимый только тому, кто его “прицепил” к противнику. Вот и пригодилась старая ученическая забава, — ее я увижу откуда угодно и узнаю тебя, где бы ты ни был. А теперь — спать, особенно, если Всевышний отвел на схватку только завтрашний день.

**** *
**** *
**** *

Ранним утром Орданн отправился во дворец с твердым намерением найти диадему королевы Мираны и разрешить загадку талисмана — если, конечно, ньягги не ошибался. Как он сказал? Победа над болезнью сидит в золотом шаре, а шар держат в руке короли? Что он имел в виду? Не державу ли? Он всегда удивлялся, зачем нужно держать в руке этот большой и, наверное, достаточно тяжелый золотой шар. Отголосок древности. Дань обычаям. «Ты как будто держишь в руке своей целый мир» — говорил Бриан. Юноша видел державу только на парадном портрете короля: тот едва удерживал в ладони золотой шар со знаком милости Всевышнего наверху и алмазным ободком. Очевидно, он находится там же, где и корона — в сокровищнице, и также бесполезен. Надо было спросить Древлянина, что еще может представлять собой шар в руках у королей, запоздало подумал найденыш, уже спускаясь по лестнице в глубокое подземелье. Хотя... Старик рассердился бы и сказал, что его ученик не должен слушать первого встречного. Байкам о королевском талисмани столько же веков, сколько и рассказам о секирах. Стоп! Секиры-то как раз настоящие, значит и талисман существует! Просто кому-то было выгодно, чтобы все эти вещи ушли в область малодостоверных слухов и легенд. Что-то подобное сделали и с событиями восьмисотлетней давности.

Лестница закончилась маленькой площадкой перед массивной каменной дверью. Орданн не увидел никаких рычагов, замков и прочих механических хитростей. Вход запирало несложное заклинание, которое он с легкостью распутал — ему уже встречались такие здесь, во дворце. Каменная плита с тяжелым скрипом уползла в стену, открывая не слишком длинный коридор, ярко освещенный магическими светильниками. По обеим его сторонам тянулись двери: некоторые закрыты, на каких-то висели огромные замысловатые

замки, а две или три снабжены серьезными заклинаниями, к которым и подступаться не стоило, не зная ключа. Внимание найденыша привлекла узкая деревянная дверь рядом со входом: ни затворы, ни волшебство ее не защищали. Орданну почему-то подумалось, что эта дверь очень похожа на ту, первую, в Оружейной... В маленьком помещении с низкими потолками, на столиках, обитых сукном и бархатом, под хрустальными колпаками находилось все, что интересовало сейчас найденыша. На королевскую корону — обруч белого золота, с красующимися вместо зубцов, ограненными в «каре», сапфирами и алмазами, юноша едва взглянул. Да, куча драгоценных камней невиданной чистоты, и только. А вот это действительно интересно: рядом лежала та самая диадема. Серебряные кружева и несколько вишневых капель сияющих живым светом рубинов. Он попробовал посмотреть на удивительную реликвию «третьим глазом», понять, что же в ней особенного, но не увидел ничего кроме слабого красноватого сияния. Наверное, мне не понять, — мысленно усмехнулся найденыш, — женская магия... А как красиво эта вещица будет смотреться в волосах моей Одри! Орданн отчетливо представил себе тронный зал дворца, толпу придворных и прекрасную колдунью в великолепном платье багрового шелка и с этой диадемой в парадной прическе. Размечтался! — оборвал он сам себя, — еще не король, а туда же! Не о приемах и балах думать нужно, а об эпидемии.

Найденыш осторожно поднял и отставил в сторону хрустальный колпак, взял в руки массивный золотой шар державы. Тот оказался неожиданно легким, точно полым внутри. Орданн провел пальцами по усыпанному бриллиантами «поясу», повертел шар так и эдак, несильно надавил сверху, и он раскрылся, точно раковина. Внутри, в выложенной бархатом выемке оказался прозрачный бледно-розовый кристалл. Руки ювелира явно никогда не касались его — грани были не слишком правильные, а ребра очень острые. Юноша аккуратно вернул державу в первоначальный вид, решив разобраться с таинственным кристаллом при ярком свете кабинетных светильников. С минуту он задумчиво смотрел на серебряную диадему, потом нашел какую-то достаточно вместительную пустую шкатулку, спрятал в нее оба предмета и спокойно отправился наверх, в свои апартаменты.

При первом же рассмотрении магическим зрением розовый камень показался коконом из сплетенных воедино Сил, скрепленных совершенно незнакомым заклинанием из давно запрещенной магии. Орданн только читал о таком колдовстве — оно обладало исключительной силой, но требовало для себя что-либо предметное: кость древнего животного, коготь дракона, плавник левиафана или попросту кровь жертвы, как правило, человеческой. «Магический глаз» различал на плотном овальном коконе некие следы, более всего похожие на отметины от снятых скреп. Оставался только один пылающий багровым тонкий обруч, что удерживал заключенную внутри сущность. Очевидно, пленник кристалла не раз помогал своим хозяевам, и, в конце концов, его ждала свобода. Камень никак не хотел выниматься из своего гнездышка. Пальцы найденыша раз за разом соскальзывали по граням, а при последней попытке извлечь артефакт Орданн глубоко порезал палец о бритвенно-острое ребро. Он отдернул руку, от резкого движения капля крови сорвалась с пальца, растеклась по бледно-розовой поверхности камня и тут же будто впиталась в нее. Талисман стал более темным и слегка засветился в том месте, где его коснулась кровь. У найденыша зазвенело в ушах, все окружающее на какое-то время стало расплывчатым и нереальным. И тут же возникло ощущение присутствия кого-то огромного, очень сильного, непонятного, но и не враждебного. «Если ты разбудишь душу камня...» Но разве возможно это сделать? Юноша почему-то вспомнил, как в детстве его приходила будить матушка. Она открывала

настежь окно, и влажный соленый ветер с моря врывается в комнату, принося с собой шум прибоя и крики чаек. Вот от этих-то криков он и просыпался. Помнится, ему всегда хотелось спросить: эти наглые птицы специально так развопились, чтобы не дать юному принцу досмотреть лучший в мире сон?

Где-то бесконечно далеко и совсем рядом некто могучий несколько раз вздохнул и после многих столетий сна снова взглянул на мир глазами очередного хозяина — Орданна. Найденыш будто увидел сквозь розовое стекло с высоты птичьего полета: Город, и горы, и море, и остров Кадарн, и волшебных существ, обитающих во дворце, и много всего другого... Сразу, с непривычки, и не запомнить. Город заволакивал грязно-бурый липкий туман, хотя кое-какие районы оставались чистыми — так пленник кристалла воспринимал эпидемию. Станным багровым пламенем наливалась полуразрушенная башня старого маяка, от нее тянулся узкий луч, постоянно ощупывающий дома и улицы. Эта картина висела перед мысленным взором найденыша настолько долго, что он почувствовал даже отголосок не вполне человеческих эмоций живущего в кристалле: сначала тревогу, потом возмущение и, наконец, гнев. Конечно, когда-то ты, наверное, был стражем этих земель, — подумал юноша, обращаясь к своему невидимому собеседнику, а теперь некий злоумышленник повсюду распространил свое гнусное колдовство... Сможешь ли ты уничтожить туман, что день за днем убивает горожан? Ответа не было, пленник будто думал о чем-то своем... Может, оценивал силы?

**** *
**** *
**** *

Был еще один человек, который ночью не сомкнул глаз. Герт, чтобы забыть о кошмаре, накатившем на него в комнате Тайри, и последовавшим за ним позорным бегством, пытался утопить переживания в работе.

Надо выполнить обещание, данное Орданну, заглянуть в далекое прошлое и понять, почему последний король так и не вернулся. События представились ему в не менее аллегорическом виде, чем в прошлый раз, но Смотрящий сквозь Время был готов к этому. Действовали все те же фигуры: черный с мантикорой и лабрисами в гербе и купец в двойственной маске. Но у них появился помощник — некто в сером балахоне, сгорбленный и тщедушный, с совершенно незапоминающимся лицом. Этот «некто» повсюду таскался за ними. Пока первые двое разговаривали с людьми, произносили речи на многолюдных приемах или витийствовали на площадях и в тавернах, он легонько, будто лаская, касался то одного, то другого наивного слушателя. И человек начинал повторять только что услышанные слова другим, да еще так убежденно, будто сам так всегда считал. Говорилось же и повторялось из раза в раз только одно: король предал их, король предал свой Город!!! Монарх испугался перемен, он не хочет делиться властью, он боится, что его потеснят набирающие силу Золотые Пояса? Может быть, но больше всего он испугался того, что его разоблачат! Король заключил грязную сделку с самой Тьмой, но хитроумный герцог догадался обо всем! Вот кто действительно печется о безопасности Города и благе народном! Поэтому король и бежал, используя болезнь красавицы-жены, как предлог. Да и кто знает, почему слегла Мирана? Может быть, не захотела жить, узнав о делишках своего муженька? А может, он сам и наслал на нее порчу?

Стоило ли удивляться тому, что случилось, когда на траверзе появился одинокий королевский фрегат. В порту собралось множество народу, и все как один вопили: «Не пустим на нашу благословенную землю короля-предателя! Пусть убирается за море!». Королевской шлюпке даже не дали причалить к берегу. Как только она приблизилась на

достаточное расстояние, в нее полетели камни. Одурманенным и обманутым не нужен был «король-предатель», зато герцог в ржавой короне мог торжествовать: толпа буквально боготворила его...

Герт с трудом выплыл из этого фантасмагорического кошмара и довольно долго пытался восстановить душевное равновесие. Заснул он только утром, предварительно записав на листке бумаги самые важные вопросы: кто из особ королевской крови имеет в гербе мантикору, кто из купцов внезапно разбогател после исчезновения короля, и в чьих руках сосредоточилась тогда власть. Все это, при известной доле настойчивости, можно было отыскать в хрониках.

Выспаться магу не удалось — около полудня его разбудил стук в дверь, сначала осторожный, потом весьма нетерпеливый.

— Учитель, откройте! У нас важные новости! — услышал Герт звонкий голос одного из своих учеников. Смотрящий сквозь Время с невероятным трудом оторвал голову от подушки:

— Минуту, я сейчас...

Новости действительно оказались важными: упорные и сообразительные ученики Герта неизвестно каким чудом отыскивали-таки логово темного мага. Мудрый склонен был им верить: они знали уже достаточно, чтобы правильно оценить обстановку и сделать необходимые выводы.

— Мы следили за домом герцога Орсо!

— И за людьми мэтра Райнара!

— Мы видели воина-реонца, что приходил к герцогу, и проследили его до старого маяка...

— Бронд и Айдала попробовали проникнуть в башню, а их так отшвырнуло...

— А Ногрин разглядел темный вихрь, он один не испугался смотреть через Призму Поток... ..

— Мы там оставили дозор...

Мальчишки и девчонки. Его ученики, его курс, его гордость — ведь все до одного пришли к нему сами. Золотые головы и море энергии, безудержная жажда действия и бесшабашная любовь к риску. А еще желание прославиться, стать кем-то из древних пророчеств, уподобиться героям прошлого. Надежды, амбиции и эксперименты совета Мудрых.

— Эвиор, и я, и Командор запретили вам ввязываться во все это! Тем более прощупывать врага магией, — как можно строже произнес Герт, — а если бы вас заметили? Если бы Ногрина сожгли? Что бы я сказал вашим родным?

— Но учитель, нам же все удалось, все целы и невредимы! Ну Айдала немного ушиблась, и все. Мы осторожно... — заговорили все сразу, а самый старший из аколитов добавил:

— Вы же сами нам всегда говорили, что мы должны стать главной опорой Ордена. Вот мы и стараемся.

— Да я все понимаю, Эвиор. Честно признаться, вы меня впечатлили. Но и напугали тоже. Риск был совершенно непростительным, — смягчился маг, — поймите, друзья мои, вы нужны и Ордену, и Городу живыми. Живыми! Мы не можем себе позволить потерять вас, нашу смену! А теперь будьте добры, расскажите все как можно подробнее и по порядку.

Выслушав своих любимцев, Герт не стал терять времени даром и немедленно

отправился на Дельфинью улицу. Наконец-то, — думал он, — хоть что-то полезное будет исходить от Ордена, хоть в чем-то мы облегчим задачу Лоцмана и поможем Тайо. Конечно, это не победа, это только первый шаг к ней и рано радоваться, но... Так хочется надеяться на благополучный исход. И так не хочется выглядеть бесполезным и слабым рядом с Лоцманом. Всевышний, дай сил всем нам, думал, шагая по промозглым улицам Смотрящий сквозь Время, а еще терпения. Ведь эпидемией противостояние не закончится. Дальше будет только война, и исход ее неизвестен.

В доме Хранительницы Мудрого встретил бледный после бессонной ночи Даррен. По тому, как изменилось его настроение, по азартному блеску в глазах, Герт догадался, что и у Лоцмана поиски сдвинулись с мертвой точки.

— Что-то получилось? — вместо приветствия спросил Мудрый.

— Мне все-таки удалось зацепить этого колдуна, — негромко сообщил Даррен магу, — повесил на него особую метку, теперь где угодно найду.

— Отлично. Я тоже не с пустыми руками. Мои ученики накопили кое-что важное. В принципе, можно сказать, рассекретили логово, — едва сдерживая торжествующую улыбку, ответил Герт.

— Поздравляю! — ничуть не смутился Лоцман, — это настоящая удача.

— Похоже, колдун засел в старом маяке. Ребята засекали там темный вихрь и концентрацию магических потоков, а когда попытались проникнуть в полуразрушенную башню, их просто отшвырнул магический щит.

— Скорее всего, это и есть наш противник. Больше некому. Жаль, совсем нет времени подробно его изучить. Я молю Создателя, чтобы он как можно позднее заметил мою метку, иначе затаится. Вся надежда на его наглость и самоуверенность.

— Полагаешь, он считает, что победа у него в руках и, прежде всего, попытается окончательно раздавить Тайри, а уж потом ляжет на дно?

— Я надеюсь, что он думает именно так. Боюсь, что мы можем рассчитывать только на то время, которое Хранительница проведет у пациента.

— Она давно ушла? — забеспокоился Мудрый, прикидывая, как быстрее им добраться до места.

— Она еще здесь, — мягко улыбнулся Лоцман, — мы с Одри решили не будить ее рано. Так что наша Хранительница, скорее всего, пока спит. Надо воспользоваться этим маленьким преимуществом.

— Разумеется. К маяку придется топать пешком, Лиард сказал, тонкие пути будто взбесились. Кругом туман и тьма. Мои ученики расскажут тебе по дороге обо всем, что увидели там.

Лоцман удивленно взглянул на Герта:

— Мальчишки? Им-то туда зачем? Не терпится сунуть голову под вражеские мечи?

— Они хотели помочь нам, и помогли. У меня не поднялась рука отослать их по домам, — виновато развел руками маг.

— Ладно, сегодня помощники нам нужны, как никогда. Только одна просьба: когда начнем действовать, пусть не суются под руки, потому что мне некогда будет их спасать. Пожалуй, нам пора...

— И далеко вы собрались? — на лестнице стояла Тайри — свежая, бодрая, спокойная, точно накануне ничего не было.

Мужчины переглянулись и одинаково отвели глаза. Даррен с независимым видом

проверил, хорошо ли выходит из ножен меч, Герт срочно заинтересовался рисунком на ковре.

— Ну, так кто-нибудь из вас соизволит ответить мне, господа волшебники?

— Мы отправляемся на охоту, госпожа моя, — ответил Герт, — как выяснилось, сейчас самое время.

— Именно так, — кивнул Лоцман, — и, если нам повезет, мы поймаем самого крупного хищника в округе.

Леди Даллет без улыбки взглянула на своих собеседников:

— Если повезет... Решили идти без меня, так?

— Тайри, ты окажешь нам неоценимую услугу, если займешься именно тем, чем собиралась, а именно отправишься сейчас к твоему пациенту. Возможно, ему на какое-то время станет хуже, но это ненадолго. Я надеюсь, мы успеем вовремя, — Даррен подошел к Хранительнице, взял ее за руки, заглянул в лицо, — прошу тебя, будь сегодня очень осторожна.

— Хорошо, — волшебница крепко обняла сначала Лоцмана, потом, чуть помедлив, и Герта.

— Берегите себя. Если я управлюсь раньше, я вас найду. Все, идите, — она резко отвернулась, чтобы скрыть подступившие к глазам слезы. Сердце дернулось и зануло от страха, который один лишь и имел над ней власть. Страх потери. Очень может статься, что хищник успеет первым, и зеленоглазого волшебника ей больше не увидеть...

Мужчины, молча поклонившись, скрылись за дверью.

— Темного мага пошли ловить? — раздался сверху голос Одри, — Знаешь, это правильно, что они без нас отправились.

— Не знаю... Никогда себе не прошу, если с ними что-нибудь случится, и я не успею помочь.

— Не учи судьбу плохому, — строго произнесла деревенская колдунья, — во-первых, у них все получится, а во-вторых, мы обязательно успеем. Может быть, своим ожиданием и надеждой мы поможем им гораздо больше, нежели мечами и колдовством. Иди-ка лучше позавтракай.

**** *
**** *
**** *

Всю ночь найденьшу снились странные и страшные сны. Просыпаясь, он с трудом осознавал, где он, и снова проваливался в залитые розовым светом кошмары. Лишь поздним утром, окончательно стряхнув с себя сон, вспоминая сохранившиеся в памяти обрывки неведомо когда происходивших событий, он понял, что Талисман пытался таким образом что-то сказать ему. В таком случае, он ведь тоже может попытаться что-то сказать талисману! Орданн легко извлек камень из бархатного гнездышка внутри Державы. Интересно, почему вчера у меня это так долго не получалось? — подумал он, разглядывая кристалл на свет. Мгновение, и найденьш будто погрузился в толщу тягучей жидкости. Все предметы стали выглядеть искаженно, чувства обострились, зрение точно раздвоилось — поверх некоторых вещей проступили иные контуры. Отчетливо стали видны и магические следы: вон от тех двух книг явно пышет чем-то злобным, опасным; в шкапулке притаился уже знакомый невидимый охранник; хорошо видны все заговоренные замки и потайные дверцы. А вот и старинные обитатели дворца, добрые соседи — домовые, тиххи. А если спросить, что происходит снаружи?

Отклик пришел не сразу и носил некое подобие чужих эмоций: заточенному в камне

существо не понравилось увиденное, оно явно питало отвращение к чьим-то действиям и сильно беспокоилось. Город, действительно, выглядел удручающе. Коричневый липкий туман эпидемии по-прежнему окутывал четыре пятых города, что-то неладное творилось на побережье, кажется, там и находится само средоточие болезнетворной волшбы. Наверное, Даррен уже отправился на поиски этого чародея. Собственно, почему бы не попытаться что-то сделать самому? Каменную душу он, очевидно, разбудил, и пленник кристалла не против поговорить. «Согласен нам помочь?» — спросил мысленно Орданн живущего в Талисмане, и получил в ответ волну горячего согласия и жажды действия.

— А что мы сможем? Чары эти поганые уничтожить сумеешь?

Согласие.

— И колдуна?

Эмоциональный отклик Орданн перевел бы на человеческий язык словом «Непрененно!»

— А больным помочь, тем, что уже пострадали?

Сомнение...

— Ага, нужно больше времени. Ничего, пусть так, постепенно. Все вместе заберет почти все силы? Рискнем?

Сущность, упрятанная за прозрачные грани Талисмана, очень давно ждала достойного дела, и задание-просьба найденыша пришлось ей очень по вкусу. Правда, кроме горячего согласия читалось еще и некое условие.

— Ты хочешь свободы после выполнения задания?

Ответ был скорее отрицательным. Юноша очень удивился: свобода — не главное? Два образа проявились перед его мысленным взором: яркое солнце на безоблачном небе и капля крови — та самая, что так жадно впитал кристалл. Это насторожило и даже несколько напугало Орданна. Он поспешно «вынырнул» из розовой глубины и надолго задумался над увиденным. Ну, с солнцем все понятно, в старину Тьму всегда изгоняли при помощи самой понятной и доступной ипостаси Света. А вот то, что кристалл потребовал крови... Надс вспомнить, что Тайри рассказывала о подобных случаях. Издревле использовали естественные источники магии: магических животных, их кости и кровь, природные места концентрации потоков и, как ни странно, кровь магов. С помощью магии крови обуздывали и подчиняли сущности довольно высокого ранга. Хотя на это способен был далеко не каждый. Подобная магия давала хозяину практически абсолютную власть над пленным существом, важно было не перегнуть палку, иначе хозяин и раб мгновенно менялись местами. Вот почему магию крови в свое время запретили под страхом смерти. Появилось множество честолюбивых магов-недоучек, совершивших подобные ошибки и выпустивших на волю отказавшихся становиться рабами демонов, и прочую нечисть помельче.

С кристаллом, видимо, та же история. Неведомого помощника связали с помощью крови, а заодно и сделали ее источником дополнительной силы для него. Хватит ли сил у нового хозяина? Сумеет ли Орданн угадать ту меру добровольной жертвы, что лишь усилит его связь с Талисманом, а не порвет все оставшиеся скрепы? Да, страшновато и очень рискованно, но, похоже, что больше никому и не под силу с этим справиться.

— Ведь ты хочешь только моей крови? — вслух спросил найденыш своего невидимого собеседника.

— *Кровь королей дает мне новые силы... Кровь королей имеет надо мной власть...* — прошелестел в мозг ответ.

— Вот оно как, — юноша поймал себя на том, что криво усмехается собственному отражению в зеркале, — стало быть, еще одно подтверждение королевского происхождения. И почему это меня совсем не радует? Ну, кровь тебе будет. А вот солнце... — он посмотрел в окно и не увидел там ничего, кроме затянутого низкими снеговыми облаками неба.

Одри, прекрасная колдунья! Его будущая королева! Вот кто знает, как разогнать тучи, она сама рассказывала, что в этом умении нет ничего особенного. Можно, конечно, попросить Поющую Стихий, но что-то подсказывает, что помощи от нее не дождешься.

Орданн еще несколько минут размышлял, составляя в уме план действий, затем аккуратно завернул Талисман в кусок плотной ткани и спрятал в нагрудном кармане. Он облачился в свою «счастливую» легкую кольчугу, накинул поверх подбитый мехом плащ и отправился на Дельфинью улицу.

Глава 8

Неизвестность — хреновая штука. Можно гадать до бесконечности, но обычно все догадки рушатся прахом, потому что ты всё равно не готов к тому, что тебя ждёт.

Алексей Пехов "Страж"

**Когда миф сталкивается с мифом,
столкновение бывает весьма реальное.**

Станислав Ежи Лец

Даррен и Герт вышли на улицу, и их мгновенно окружили ученики Смотрящего сквозь Время: мальчишки лет шестнадцати от роду, и единственная девушка с тонким одухотворенным лицом настоящей волшебницы. Маг окинул взглядом свое воинство, вздохнул и сказал:

— Нам потребуется серьезная помощь. В такой охоте чем больше загонщиков, тем лучше. Хотя, где их, по нашему времени, взять, все же боятся. Чем, в сущности, располагает сейчас Орден? Вот этими мальчишками, да ребятами Лиарда. Есть еще несколько проворных людей мэтра Логара... Всего-то человек пятнадцать.

— И большинство из них слишком молоды, и не имеют необходимого опыта, — вздохнул Лоцман, — мне кажется, я знаю, кто нам нужен. Габриэль и его Королевская Стража. У них есть подразделение сыскарей с собаками и соколами.

— Мудро, — кивнул Герт, — там народ все огни и воды прошел. Тогда, как говорится, бегом в казармы, благо они по пути. Я бы, конечно, послал человека с весточкой, но где гарантия, что его не перехватят...

Маги свернули на боковую улицу, зажатую между двумя длинными приземистыми зданиями без окон — видимо, купеческими складами. Из-за ближайшего поворота появились несколько человек в одинаковых коричневых плащах, с трудом удерживающих рвущихся с поводков огромных псов. Мускулистые, с короткой глянцевой шерстью и круглыми лобастыми головами, животные злобно рычали, роняя из пастей клочья пены. Широкие лапы царапали землю окованными металлом когтями, а длинные прямые хвосты были снабжены шипами на манер скорпионьих. От одного взгляда на этих тварей становилось холодно под ложечкой. С собачьих морд смотрели по-человечьи умные и недобрые глаза. Казалось, животные гораздо сообразительнее и агрессивнее всех своих четвероногих сородичей, вместе взятых.

Лоцман быстро осмотрелся: обратная дорога была отрезана таким же образом, и кто-то из учеников Герта тут же не очень умело попытался выстроить магический щит через всю улицу.

— Вседержитель милосердный, — выдохнула Айдала, — это же реонские смурги!

— Это что, какие-то особые собаки?

— Да уж, особые, — мрачно проворчал Герт, — да и собаками их можно считать с

большой натяжкой. Такая боевая тварь стоит как минимум троих обученных воинов, хитра, как демон, и почти не поддается действию магии. Во всяком случае, большинство наших щитов для них препятствием не является.

— Плохо дело.

— Это наш колдун решил подстраховаться? — спросил Ногрин, самый юный из аколитов.

— Вряд ли, — покачал головой маг, — иначе Даррен не дожил бы до утра. Хотя... Вы же пытались проникнуть внутрь маяка, и щит потревожили. Возможно, просто не заметили слежки, когда, довольные, бежали сообщить мне. В любом случае, это враги. Реонцы. Друзья герцога Орсо.

Зеленоглазый досадливо дернул уголком рта:

— Да хоть демоны из преисподней! Мы не рассчитывали на подобное препятствие, а времени у нас нет. Твои ученики меч-то хоть держать умеют?

— Я всех поголовно обязал ходить на уроки Габриэля, с самого первого дня. Да и сам ни твоими, ни его советами не брезговал. Конечно, мы весьма посредственные фехтовальщики, но мы стараемся, — ничуть не обидевшись, усмехнулся Герт.

— Довольно, — оборвал его Лоцман, заметив, что противники перестали выжидательно их рассматривать и построились в боевом порядке, — оружие к бою!

В дворцовом парке спешащий, и потому почти ничего вокруг себя не замечающий, Орданн чуть не сбил с ног шедшего ему навстречу Древлянина.

— Прости, Бриан, у меня крайне важное дело...

— Знаю, мальчик. Похоже, наступают времена, когда любое твое дело станет важным. Будь осторожен, у меня плохое предчувствие.

Смутное беспокойство, возникшее еще ночью, усилилось, и Орданн с трудом удержался от того, чтобы не взглянуть через розовый кристалл на весь путь до дома Хранительницы. Взаимодействие с Талисманом давалось ему с каждым разом все легче, но пока еще требовало времени. А его-то как раз было в обрез. Юноша решил сократить дорогу и пошел, пересекая квартал наискось, через узкие дворы-колодцы, ныряя из арки в арку. Он понял, что зря это сделал, когда в проулке, стиснутом несколькими домами-башенками, перед ним появилась троица неприметных коричневых плащах: два воина и чародейка, уже перебрасывающая из ладони в ладонь сгусток темно-багрового пламени.

— Ну что, щенок, посмотрим, на что ты способен без своей своры, — сказал молодой наемник, а тот, что постарше, просто взглянул на Орданна в упор.

Юноша узнал его, хоть видел всего лишь один миг в толпе. Он и сам не понял, как парные сабли оказались в его руках. Короткая фраза полусшепотом — и по лезвиям зазмеился бледно-синий огонь.

— А вы, похоже, на щенка боитесь выйти в одиночку, — бросил Орданн презрительно, — даже бабу с собой притащили. Наверное, чтобы было, за чью юбку спрятаться...

Молодой вспыхнул до корней волос и очертя голову кинулся в бой. Старший лишь осуждающе покачал головой и попытался зайти найденьшу за спину. Увы, проулок был слишком узким, и тыл Орданна надежно защищала стена. Главарь молча указал на что-то колдунье, и сгусток огня с резким хлопком врезался в каменную кладку повыше голов дерущихся. Брызнувшие во все стороны раскаленные осколки должны были, как минимум,

отвлечь внимание найденьша, но выставленный вовремя щит свел на нет весь маневр.

— Взломай! — прорычал старший, глядя, как его ослепленный гневом напарник пропускает удар за ударом. Но вот, казалось бы, удача улыбнулась ему — Орданн застонал и упал на одно колено. Наемник сделал выпад, чтобы добить противника, но юноша извернулся, и усиленная магией сталь отсекла руку нападавшего чуть ниже локтя. Найденьш вскочил, как ни в чем небывало, а главарь с проклятиями отшвырнул раненого назад, за спину:

— Я всегда говорил твоей матери, что война из тебя не выйдет. Однако, ловок, щенок...

Орданн слышал его, как сквозь вагу — сражаться и одновременно удерживать щит было трудно, тем более, сейчас, когда чародейка пыталась взломать его грубой силой. Надо было выбираться на людную широкую улицу, она находилась всего-то в нескольких шагах, но... Сделать эти шаги можно было лишь по трупам нападавших. А если напали не только на меня? — мелькнула совсем не к месту отчаянная мысль, — вдруг Одри дома одна? Только бы продержалась до моего прихода...

Они встали намертво: ни одному из противников не удавалось одолеть другого. Старый наемник был хитер и опытен, но силы найденьша удесятостили решимость и отчаяние. Он должен был как можно скорее добраться до дома на Дельфиньей улице!

Правда, была еще колдунья... Один на один он скрутил бы ее в два счета, но сейчас, когда все его внимание поглощал бой, шансы на победу были достаточно малы. А девушка продолжала попытки взломать его щит. Именно поэтому он и поступил так, как подсказывала ему интуиция: потянулся к той стихии, что была доступнее и лучше всех слушалась его. Воздушное копье, наколдованное наспех, получилось слабеньким, но все же сбilo чародейку с ног и проволочло почти до конца проулка. Она издала нечленораздельный визг и изогнулась в судороге. Контуры ее тела поплыли, началось превращение. Оборотень, — тоскливо подумал Орданн, едва успевая отражать очередную серию ударов, — а это уменьшает шансы минимум на треть, как учил Даррен. Где взять силы и время для правильной магической атаки? Главарь мастерски обвел правую саблю найденьша, и лезвие его узкого обоюдоострого меча, вспоров легкую кольчугу на боку, вскользь прошло по ребрам, чуть пониже руки. Боль обожгла найденьша, но она же и подстегнула его к новой атаке.

**** *
**** *
**** *

Одри не хотела отпускать Хранительницу к пациенту одну, но выбора не было. За домом тоже кто-то должен присматривать, иначе жди незваных гостей от заклятых друзей. Магия-магией, а живого человека некоторые больше боятся. Деревенской колдунье скучно не было — дома всегда найдутся дела, да и Орданн должен был скоро вернуться. Надоеет же ему когда-нибудь сидеть во дворце в обнимку с пыльными фолиантами!

Странно, будто балконная дверь скрипит... Одри своими руками ее утром закрывала! Надо пойти посмотреть, решила она, только кинжал прихватить на всякий случай, а то мало ли что. Эх, ступеньки-то деревянные, не выдали бы, если кто чужой там наверху. Ну что за жизнь такая пошла! От любого шороха за оружие хватаемся... Так и есть, дверь балконная настезь, двое гостей непрошенных за гардинами спрятались. Ну и птичка у них, аж мороз по коже, такое страшилище. С людьми-то я как-нибудь слажу, спокойно подумала деревенская колдунья, а вот с тварью этой... На бестолковую курицу она совсем не похожа, вон глазищи-то какие злые да умные. Было бы неплохо, если бы она трусливой оказалась. Может, и уберется сама куда подальше, пока я гостей дорогих потчевать буду по-нашему, по-

крестьянски, чтобы знали, куда лазить можно. Ну как, милые, хорошо ли вам, когда каменный пол прямо под вами в вязкую смолу превращается? А вот я вас еще занавесочками спеленаю, чтобы не было охоты руками размахивать и слова разные говорить. Погрузились по пояс? Ну и хорошо, пусть камень застынет. После с вами разбираться буду. Что ж ты не летишь отсюда, птица, а ну кыш! Чего клюв-то разинула...

Одри ничего не услышала, но в голове будто ударил огромный колокол, голос которого буквально разрывал, разламывал кости черепа. Последним усилием она сотворила «дыхание зимы», швырнула его в крылатую тварь, и потеряла сознание. Нашли ее Габриэль и Тила, вернувшиеся с ночного дежурства. Их весьма удивили непонятные находки у себя дома: две замотанных в портьеры, глухо мычащих фигуры, по пояс вмурованные в пол, неизвестная птица, превращенная в кусок льда, и беспомощная колдунья. Крылатая кошка быстрым взмахом лапы отбила замороженной твари голову.

— *Немые грифы чрезвычайно живучи и очень опасны. Их крик не слышен обычным ухом, но он причиняет боль и от него мутится разум,* — пояснила она.

— Значит, эта птичка все же успела спеть свою последнюю песенку, — сказал Габриэль, ласково глядя Одри по голове, — ничего, сейчас мы спросим, кого это принесло по наши души. Эй, вы, слышите? — обратился он к плененным лазутчикам.

— Я думаю, допросить этих мы всегда успеем, никуда они не денутся. Боюсь, что не только на меня они напасть решили, — тихо сказала очнувшаяся Одри, — понимаешь, я, бестолочь деревенская, Тайри одну к пациенту отпустила. Тут, конечно, два шага до таверны ступить, но мне следовало бы догадаться...

— Что за таверна?

— «Три якоря». Летим?

— Может, все-таки, пару слов спросим сначала? А если их тут без нас свои уберут, мы так ничего и не узнаем. Или ты умеешь допрашивать трупы?

Одри подошла к одному из лазутчиков, сорвала с его головы ткань и увидела стремительно покрывающееся черными пятнами лицо. Пленный умирал, глаза уже подернулись дымкой, а из уголка рта бежала тонкая струйка темной крови.

— Поздно, Габриэль. Мы и так ничего не узнаем. Только вот... — она сорвала с шеи умирающего медальон с каким-то странным знаком и сунула в карман, — потом разберемся. Тила, тебе не тяжело будет нести двоих?

Кошка лишь презрительно фыркнула в ответ.

**** *
**** *
**** *

Улицу точно вылизали, и это настораживало. Здесь обычно бывает многолюдно даже рано утром, но сейчас куда-то подевались двое вечно пьяных нищих, денно и ночью околачивающихся возле «Трех якорей», исчезла свора бродячих собак, постоянно столовавшаяся у мясной лавки напротив. Даже птиц, и тех не слышно! А вот тому серому-полосатому, кажется, все нипочем. Хорош, хорош котяра, упитан и вальяжен, Тайри таких уважала. Надо же, и уселся прямо у нее на пути. «Милейший, вы не скажете, что означает эта тишина и ваши многозначительные взгляды? — вслух спросила кота целительница. Нет, свежей рыбы для вас у меня нет...». Предупредить, что ли, меня пришли, ваша лохматость? Ну спасибо, спасибо. Как говорит наш Габриэль, предупрежден — значит, вооружен. Кот зевнул и принялся вылизываться, как будто ничего и не было, а Тайри на всякий случай сотворила круговую защиту — «кокон», спрятала в рукаве серебряный стилет — один из тех, что принадлежал когда-то Гаю. Она ведь так и не смогла расстаться с его любимым

оружием — метательными ножами, и взяла его с собой, когда уходила на Ллир.

В полутемном зале таверны было почти пусто: прятался за стойкой, стараясь сделаться невидимкой, хозяин, да сидели за столиком против входа четверо весьма подозрительных господ. Тот, что оказался лицом к двери, резко поднялся и выбросил вперед руки, будто что-то толкая от груди. Леди Даллет не понадобилось творить чары познания, эту волшебку узнал бы и младенец. К ней летел шевелящийся сгусток тьмы, похожий на медузу. Десятки тонких и цепких щупалец тут же оплели защитный «кокон». Они не разорвали его, но темная тварь неведомым способом просто просачивалась сквозь защиту, жадно тянулась к ее силе и, пусть по капле, но поглощала ее. Ни стряхнуть, ни уничтожить эту мерзость Тайри не могла, оставалось только одно решение, рискованное — потому что оставляло ее без щита, но действенное. Она стала «заворачивать» темную тварь в кокон собственной силы, выворачивая его «наизнанку», будто перчатку. Получилось это довольно быстро, но болезненно, а еще неожиданно для противника. Тело само вспомнило одну из наук, преподанных мастером Гайдиаром, и серебряный стилет оборвал жизнь растерявшегося колдуна. А теперь время для «доброты» подарочка остальным. Старое верное заклинание Пустынника, когда маленький песчаный смерчик превращает всех, до кого дотянется, в высохшие мумии. Ясно же, что кроме сообщников почившего злодея, в зале никого нет, а этих жалеть незачем. Вот и все, пожалуй, и можно уже, мелко встряхивая, спрашивать хозяина, кто такие были его гости, упокой Создатель их души...

Ударили в спину — расчетливо и сильно. Потом Тайри никак не могла понять, почему осталась жива. Наверное, потому что у нападавшего в последний момент все-таки дрогнула рука. Чей-то длинный кинжал ужалил чуть ниже старого шрама под левой лопаткой и отдернулся. Хранительница повернулась, чувствуя, как толчками вырывается кровь из раны, по привычке сотворив огненный бич, скользнула им по лицу человека с кинжалом, но невыносимая боль затопила все ее существо. Странно, но сознания она не потеряла. В глазах было темно, чужие голоса доносились, точно издалека, но вполне отчетливо.

— Поделом тебе, бестолковый, — произнес высокий, с капризными нотками, женский голос, — хозяин же приказал не убивать. Теперь вот ходи с обожженной физиономией, красавчик!

— Ну не надо, Кьярра, не усложняй. Риф ударил не в полную силу. Видишь, как все просто, даже зверюшек твоих не пришлось выпускать, — ответил вкрадчивый баритон, — колдунью мы отвезем хозяину, а остальных просто уберут.

— Какой красивый сапфир у этой стервы, — промурлыкала женщина.

— Можешь взять его себе, детка. Он ей уже не понадобится. Ей теперь вообще ничего не понадобится, — обладатель бархатного голоса рассмеялся.

Тайри, несмотря на боль, стало весело. Ну-ну, подумала она, попробуй, возьми. Посмотрим, что будет. Пелена перед глазами исчезла, и целительница увидела красивую, с кукольным личиком, блондинку, протягивающую руку к Драконьей Слезе. Полыхнула яркая голубая вспышка, и старинный друг и защитник — синий дракон — взвился к потолку. Скайяр в боевом воплощении был прекрасен и смертоносен. Девицу он впечатал в каменную стену, походя раскроив ей грудь бритвенно-острым хвостовым гребнем. Мужчинам повезло еще меньше. Дракон просто разорвал их в клочья и исчез в своей капсуле. Хозяин и его помощники, увидев, что опасность миновала, бросились поднимать Хранительницу и звать на помощь лекарей со всего квартала.

Габриэль и Одри прибыли к самому концу событий. Вокруг раненой уже хлопотали аж

трое лекарей, наперебой предлагая чудодейственные мази и бальзамы.

— Не волнуйтесь, почтеннейшие, мы ее сами вылечим, — сказала деревенская колдунья, убедившись, что повязка наложена правильно и кровь остановилась.

Молчаливый хозяин трактира и такие же неразговорчивые помощники, брезгливо морщась, таскали на телегу то, что осталось от напавших на Тайри злоумышленников.

— Вы, это... Может, взглянете? — обратился трактирщик к Габриэлю, — они в подвале двух тварей каких-то спрятали. Я не обижусь, если там стены малость пообгорят.

Одри кивнула и прошла за ним в дальний конец зала — разбираться с колдовскими штучками было больше по ее части.

Орданн уже решил, что состязаться в фехтовании со стариком, как он про себя именовал противника, придется до скончания времен. Сил пока хватало, но перехитрить этого воина было практически невозможно. Помогла, сама того не понимая, девушка-оборотень, когда, превратившись в некое подобие нетопыря, попыталась сверху напасть на найденьша. Проулок оказался для нее слишком узким, она задела кожистым крылом стену и неловко рухнула прямо на голову своего командира. В последний момент ей удалось-таки выровнять полет, но на какое-то время колдунья-перевертыш совершенно лишила старика обзора. Этим и воспользовался Орданн, ему как раз было все прекрасно видно. Одной саблей он наотмашь рубанул по открывшемуся плечу и шее противника, второй снес кусок крыла зазевавшейся ведьме. Плечо старика спас доспех, а вот на незащищенной шее, под ухом, зияла рана.

— С-стервец, задел-таки, — прошипел тот, стараясь зажать хлещущую кровь. Он рванулся вперед, во что бы то ни стало, пытаясь достать найденьша, но юноша ловко отступил, пропуская его за себя. Путь был свободен, но не оставлять же за спиной таких противников. Ясно как день, что старик его в покое не оставит. Колдунья получила серебряный кинжал в глаз, как только попыталась подняться. Главарь нападавших еще какое-то время пытался сражаться, а затем рухнул и не подавал больше признаков жизни. Секунду подумав, Орданн начертил в воздухе знак, и в переулке, как только он его покинул, вспыхнуло пламя.

— Однако, шутки, похоже, кончились, — сказал он вслух самому себе, возвращая сабли в заплечные ножны, — это война. Только вот не мы ее начали.

**** *
**** *
**** *

Поняв, что со смургами колдовством не справиться, Даррен пустил в ход все свое искусство, отбиваясь одновременно и от собак, и от их хозяев. За его спиной отчаянно рубились ученики Герта, а сам Смотрящий сквозь Время виртуозно орудовал посохом. Оба мага изо всех сил старались защититься от стали и зубов неумелых мальчишек, но получалось плохо — слишком много людей и собак на них наседали, а ведь были еще и те, кто из-за спин нападавших методично бросал в окруженных заклинание за заклинанием. Почти никто из учеников не умел удерживать магический щит достаточно долго, поэтому Лоцман, ценой больших усилий, делал это сам. Но даже ему приходилось время от времени снимать его, бой требовал все внимание без остатка.

Вот, жалобно всхлипнув, осела на землю девушка, не сумев отразить заклятие-удавку, вот отчаянно рванулся вперед Ногрин, пытаясь сбить чью-то прицельную волшбу. Подставляется, глупый, погибнет ведь! Лоцман быстро переглянулся с Гертом:

— Прикрой меня на минуту... — и Мудрый молча заступил на его место.

Зеленоглазый волшебник сосредоточился, мысленно касаясь каждой из стихий. Вода далеко, Огонь не годится, здесь ему нет пищи, а вот Земля... Брусчатка под ногами нападавших зашевелилась, раздвинулась, и в образовавшиеся каверны угодило сразу с десяток человек. Не минули этой участи и смурги. Магия-магией, но когда у тебя под ногами по-настоящему разверзается земля... Оставалось лишь закрепить успех, но враги быстро возвели новую мощную защиту, объединив усилия всех оставшихся чародеев. Такую пробить было совсем не просто.

— А теперь позволь мне поколдовать, — произнес Мудрый, — полагаю, они не рассчитывали свою защиту на мое оружие, да и вряд ли есть способы закрыться от такой атаки.

— Что ж ты так долго держал свой козырь в рукаве, — укоризненно сказал Даррен.

— Думаешь, легко решиться применять запретные чары? Я никогда не пробовал тревожить время для таких целей. Установления строжайше нам это запрещают, но теперь все меняется. И еще — эти заклятия первым делом бьют по применившему их. В лучшем случае, я просто какое-то время не смогу колдовать и сражаться. А в худшем... Я не знаю, когда и где потревоженное Время попросит вернуть долги.

Герт всмотрелся в сапфировый шар своего посоха, беззвучно произнес какую-то короткую фразу. Золотые искры, что вспыхивали в этом шаре, закружились и стали серебристо-пепельной метелью, вырвались наружу и окружили Смотрящего сквозь Время. Лоцману стало не по себе, такие непривычные, неумолимые и невообразимо мощные силы призвал сейчас Мудрый. Герт попросил у них займы лишь малую толику, хотя они способны были поглотить, не оставив следа и памяти, не только этот мир — вселенную! Смотрящий сквозь Время указал посохом на сбившихся в кучу противников, видимо, уже осознавших опасность. Ледяной порыв ветра понес серебристо-пепельное облако к закутавшимся в коричневые плащи людям. Дико и тоскливо взвыли оставшиеся в живых псы, и улицу накрыл на несколько бесконечно длинных секунд непроницаемый серый туман. Наступила абсолютная тишина, каждый слышал только удары собственного сердца. Глухо стукнул о землю посох мага, и туман рассеялся. На грязном снегу копошилось несколько пухлых младенцев. Жалобно пища, расплзались в разные стороны слепые лопухие щенки.

— Творец всемогущий, — прошептал Лоцман, — ведь ты также легко мог и состарить их. Воистину, Время — самая великая из Сил.

— Мог, — кивнул Герт, вытирая струящийся по бледному лицу пот, — но это тройне опасно. Опасно толкать Время под локоть, потому что можно потерять контроль. Опасно, потому что со временем они могли стать сильными магами. Опасно, потому что наше будущее напрямую могло быть связано с ними...

— Это каким же образом?

— Да очень просто. Если они остались живы и состарились, значит, мы, скорее всего, мертвы, — просто пояснил Мудрый, — а у младенцев есть еще шанс вырасти нормальными людьми.

— Ну, надо же, даже об этом ты позаботился, — не удержался от иронии Лоцман.

— В последнюю очередь... Меня больше всего волновали наши жизни, — маг пропустил мимо ушей колкость Даррена, — У нас много раненых. Помоги им.

Из шестерых учеников Герта трое были серьезно покалечены, а девушка убита. Мудрый тяжело вздохнул, и, опустившись на колени, закрыл ей глаза.

— Бедняжка... Да примет Всевышний ее душу. Бронд, позови кого-нибудь, пусть

займутся малышами, отнесут их в приют при Храме. Айдалу отнесите в наш дом и позовите отца Гранта, пусть все будет как должно.

— Раненых мы заберем к нам, на Дельфинью, — сказал Даррен, поднимая на руки Эвиора. Юноша не мог идти — его ноги были буквально растерзаны смургами, — думаю, Тайри быстро всех вылечит. О, смотрите, это Габриэль и Тила. Вы почти вовремя. Как там дома?

— Да приблизительно, как и у вас, — мрачно сдвинул брови де Рейвен, — на Тайри напали, и, наверное, убили бы... Хозяин таверны утверждает, что ее спас синий дракон.

Герт удивленно воззрился на Даррена.

— Кто спас? Что за бредни...

— Тебе никто не рассказал? У нашей Тайри есть старый друг и защитник, который всегда появляется в самый нужный момент. Самый настоящий дракон и отличный собеседник в придачу, — зеленоглазый довольно улыбался, наблюдая реакцию Мудрого, потом, сменив тон, спросил, — она ранена?

— Да, но Одри сказала, что быстро поправится. Мы не смогли даже уговорить ее лежать в постели. Морщится от боли, но ходит.

Смотрящий сквозь Время тяжело вздохнул. Их всех сегодня чуть не перебили поодиночке... Они глупо и самонадеянно оставили без охраны Тайри. Никогда нельзя сбрасывать со счетов простых исполнителей, ведь не один же колдун действует в Городе, если не на стороне Тьмы, так против Хранительницы.

— Знаете, я чувствую себя виноватым, — сказал он, — понадеялся на благость небес, оставил Хранительницу одну, никого не поймал... Даррен, жива ли еще твоя метка?

— Живехонька, — ответил смущенно Лоцман. Он-то был виноват не меньше, — я прекрасно это чувствую. Такое впечатление, что наш подопечный просто не двигается с места. Тем лучше...

— Господа маги! От того, что мы здесь воду в ступе толчем, раненым лучше не становится. Дома решите, кто прав, кто виноват, и что дальше делать, — поторопил их Габриэль.

Дома потрепанные, но весьма довольные собой победители смургов столкнулись с Орданном, который после схватки выглядел ничуть не лучше.

Выслушав рассказ юноши, Даррен только покачал головой:

— Позор-то какой. Расслабились, решили, что нас оставили в покое. Подумаешь, злодея за хвост притащить! Раз, два — и готово, нам и дорожку к старому маяку подмели...

— Да уж, господа, хороши из вас стратеги, слов нет. Забыли, что береженого Творец бережет, — отозвался де Рейвен, — и я со своей Стражей вас проглядел.

— Ну, раз обошлось, не стоит так уж сильно горевать, — улыбнулся найденыш, — конечно, мы схлопотали пару оплеух и не поймали колдуна, но все, слава Всевышнему, живы. И... кое-какие козыри в рукаве все же имеются. Вот, посмотрите, — он развернул бархатный лоскут, открывая взорам друзей бледно-розовый крупный кристалл.

— Королевский Талисман? Тот самый? — шепотом спросила Одри.

— Именно. Я, собственно, спешил сюда, чтобы показать его и спросить у вас совета. Тайри, ты не посмотришь?

Хранительница кивнула, начертила в воздухе руну сна над измученным забинтованным Эвиором и подошла к Орданну.

— Не скажу, что мне часто попадались подобные вещи, но пару раз приходилось иметь дело с похожими. Странно, его сдерживает всего одна скрепа. Ты собираешься отпустить пленника, Орданн?

— Не знаю, наверное... Меня волнует другое. Пленник кристалла способен избавить город от эпидемии. Правда, ему требуется для этого некая подпитка. Моя кровь.

— Это древнее существо и заточили, наверное, потому, что сила его основывалась на крови. Очевидно, побоялись, что после очередной подобной «жертвы» он перестанет подчиняться.

— Повторяю, мы можем справиться с болезнью. Насколько я понял, с того момента, как Талисман начнет действовать, больше никто не заболеет, а заболевшие станут быстро выздоравливать. Не велика жертва ради такого результата, — ответил Орданн, — а еще для этого волшебства нужно солнышко, прямые солнечные лучи.

— Да где ж его взять-то? — с тоской глядя на серый пейзаж за окном, спросил Габриэль.

— Тоже мне, проблема, — хмыкнула Одри, — тучи разогнать можно, это вам любой ребенок скажет. Не знаю как здесь, а дома у меня это нехитрое колдовство лучше всех получалось.

— Не спешите, — остановил их Герт, — здесь иной подход нужен. Талисман — артефакт легендарный, все о нем слышали, но почти никто не верил в его существование. Безусловно, нашелся он очень вовремя, но... Мы не должны забывать о других вещах, куда более прозаических, но крайне необходимых. Мне кажется, что это событие надо представить с наибольшим блеском, что ли... Чтобы весь Город знал: лекарство найдено, болезнь будет побеждена. И, естественно, надо на всех площадях кричать, КТО нашел Талисман.

— Зачем?! — удивленно поднял брови Орданн.

— Да затем, мой мальчик, что тебе пора уже стать настоящим королем. И если горожане поймут, что именно ты принес исцеление им и их близким, они сами возведут тебя на престол. Тогда уж точно никаких сомнений не возникнет, и распространителям слухов останется только повеситься на собственных языках. Король, взошедший на трон по праву — хорошее решение, но король, ставший любимцем народа — гораздо лучше. Особенно в нашей ситуации.

— Но ведь чем скорее мы задействуем кристалл, тем больше людей успеем спасти!

— Я понимаю. И все же, поспешность здесь куда опаснее промедления. Поверь мне, понадобится один день, не больше, для того чтобы о твоей находке узнали в самых дальних уголках Города. Да, кто-то еще умрет за это время, но тут уж ничего не поделаешь...

— Хоть это и жестоко, но Герт прав, — сказала Тайри, — а если Талисман попытаются похитить?

— Пусть попробуют, — хищно оскалился Габриэль, — уж я найду, чем ответить.

— Полагаю, что все гораздо проще, этот механизм защиты древен, как мир. Орданн, Талисман ведь просил только твоей крови? О, он недаром зовется Королевским...

Мудрый попытался взять розовый камень и тут же болезненно отдернул руку: глубокий порез на ладони кровоточил, кожа вокруг вздулась волдырями.

— Это он меня только предупредил. Безусловно, полностью полагаться на собственную защиту кристалла не стоит, мы уже получили урок. Пожалуй, пора рассылать глашатаев и просто распускать слухи. Покажем нашим противникам, что не только они это умеют.

К вечеру мало кто не знал о том, что Орданн нашел Талисман и с помощью него готов победить эпидемию. А утром следующего дня Город залило яркое, почти весеннее солнце. Множество народу собралось на Королевской площади и близлежащих улицах — все хотели увидеть чудесный камень и то, как найденьш будет водружать его на главную башню дворца. Целая делегация прибыла на Дельфинью улицу: Золотые пояса, самые родовитые аристократы во главе с небезызвестным герцогом Орсо, главы цехов и мастерских, высшие флотские чины и Мудрые в полном составе. Они выражали покорность и верноподданнические чувства, на все лады восхваляли «юного воина и мага», громогласно требовали скорейшей коронации... Но выражение лиц многих из них не насторожило бы лишь слепого, и поэтому Даррен и Одри глаз не спускали со всей этой раззолоченной публики.

— Меня гораздо больше волнует то, что будет после коронации, — говорил Орданн, готовясь к церемонии, — я больше чем уверен, что наши хитроумные враги вряд ли успокоятся. Преимущество будет лишь одно — появится реальная власть.

Найденьш хотел идти до королевского дворца пешком, но Тайри настояла на том, чтобы его везла на себе Тила. Крылатая кошка предложила это сама. Нет, лететь она вовсе не собиралась — на тесных улочках тяжело расправить крылья, но всем было как-то спокойнее видеть Орданна сидящим на ее спине. Люди с почтением расступались перед необыкновенным эскортом: Одри и Тайри впереди, а Даррен с Габриэлем чуть позади величественно выступающей крылатой хищницы, за ними — пятеро Мудрых, возглавляемые Командором. Замыкал это маленькое шествие взвод Королевской Стражи в полном вооружении. Тайри почти физически ощущала ненавидящий взгляд Роды, буравивший ее спину. Не натворила бы чего, — обеспокоенно подумала Хранительница, — с ее амбициями можно запросто и на темную сторону переметнуться. Придется глаз не спускать с Поющей Стихиям.

Площадь была забита народом настолько, что маленькая процессия поневоле остановилась. Двойной магический купол надежно защищал Орданна и его друзей, но никто из них не был уверен в том, что Тьма не преподнесет очередной сюрприз. Найденьш извлек из бархатного кошелья, висящего у него на груди, Талисман и поднял его над головой, подставляя солнечным лучам. Грани заискрились, преломляя свет, и по толпе заплясали розовые блики. Юноша ощутил, как кристалл вибрирует, наполняясь новой энергией, он точно держал в руке птицу, готовую к полету. Орданн дал своим спутникам знак расступиться, и Тила, расправив мощные крылья, легко взмыла в воздух. Щит пришлось снять, и поэтому друзья напряженно всматривались в небо, держа наготове взведенные арбалеты. Белая кошка устремилась к маленькой площадке на главной башне королевского дворца. Конечно, туда можно было подняться и по лестнице, но Герт настоял, чтобы люди видели и камень, и своего будущего короля. Подумав, найденьш решил рискнуть.

Казалось бы, можно уже вздохнуть с облегчением: Орданн ступил на огражденный низким парапетом балкончик, повернулся лицом к солнцу и начал ритуал. Толпа восторженно шумела внизу — все было вполне спокойно, но... Две каменных горгульи из скульптурного пояса, окаймляющего самый большой купол дворца, зашевелились и тяжело взлетели, сверкая на солнце гладкими, точно из полированного обсидиана, крыльями. Почти одновременно — полыхнул сапфир у Тайри на шее, а в доме на Дельфиньей улице дымный вихрь выбил окно и устремился к площади. Синий дракон бросился наперерез ожившим чудовищам. Рядом с ним из ниоткуда появился такой же алый,

чуть меньше и изящнее, и, судя по всему, успел вовремя. В воздухе завязался отчаянный бой, люди на площади, открыв рты, взирали на это невиданное действо.

— Почему они не спяют эту погань? — спросила Одри.

— Боятся задеть Орданна. Балкон слишком близко, — ответила Тайри, не отрывая глаз от сражения, — и хотела бы я знать, откуда взялся красный. Если мы все правильно поняли, в этом несчастном мире не осталось древних защитников.

Между тем, одна из горгулий с располосованными крыльями, дико вопя, камнем, как ей и положено, рухнула вниз, в дворцовый парк. Вторая же с невероятным усилием стряхнула с себя синего дракона и прыгнула к стоящему на балконе найденышу. Что произошло дальше, разобрать было невозможно. Сначала тварь заслонила балкончик своими огромными крыльями, затем синий и алый, словно опомнившись, просто отбросили ее подальше от башни. Драконы дружно дохнули огнем, и едкий дым на несколько секунд накрыл площадь.

Если бы не Тила, найденыш был бы уже мертв. Когда здоровенные когти задних лап горгульи вцепились в руку и плечо юноши, белая кошка совершила невозможное. Она, точно молния, метнулась вперед, одновременно отталкивая Орданна к стене, к открытой маленькой дверце, и что было сил, вцепилась в морду летучей твари, которая только с виду была каменной. *«Да где же эти бестолковые хвостатые»*, — уловил юноша ее мысль, и тут подоспели драконы. Тила буквально свалилась на пол, и, несмотря ни на что, тут же принялась вылизывать лапы. *«Поразвели тут всякую мерзость...»*.

Орданн сел, прислонившись к стене. В ушах гудело, перед глазами плавали какие-то серебристые хлопья — видимо слишком сильно ударился. Рука, еще не зажившая после ранения, а теперь еще порванная когтями горгульи, висела плетью. Розовый кристалл лежал рядом, в лужице натекшей крови, которая на глазах становилась все меньше и меньше. Найденыш дотянулся до камня здоровой рукой и чуть подтолкнул его туда, где тень от карниза не заслоняла солнышко. Он снова увидел весь окружающий мир сквозь розовую дымку. *«Все ли условия выполнены?»* — спросил он пленника кристалла. В ответ пришла волна удовлетворения и благодарности, затем последовала вполне понятная фраза: *«Я начинаю!»*. Лужица крови высохла совсем, а розовый самоцвет будто вплавился в гранитный пол балкончика. Орданн чувствовал: невидимые мягкие волны расходятся от Талисмана кругами, быстро достигая самых дальних пределов Города, наполняя его исцеляющей силой. Будущий король улыбнулся недовольно ворчащей белой кошке и подумал, что победа над эпидемией стоила таких жертв. Завтра уже больным станет лучше, еще день-два, и болезни конец. Хорошо бы еще получить хоть пару дней передышки, — с грустью подумал он.

А внизу Даррен всматривался магическим зрением в происходящие изменения. Нити колдовской паутины, пока самые тонкие, содрогнулись от соприкосновения с силой Талисмана и поползли назад, к невидимой отсюда точке, где прятался их создатель. Лоцман уже знал, что нет надобности разыскивать темного колдуна. Кристалл, очищая город от скверны, обратил чары против их хозяина, и его ждала теперь неминуемая страшная смерть.

— Талисман работает! Молодчина, Орданн! — чуть не подпрыгивая на месте, радостно воскликнула деревенская колдунья.

— А жив ли он? Камню-то нужна кровь... — с сомнением произнесла Тайри.

— Жив, я чувствую, — с легкой обидой отозвалась Одри, — я же его всегда чувствую.

— Он ранен, горгулья порвала ему руку, — сказал Габриэль, — Тила сейчас спустится за Хранительницей. Да и драконы ваши возвращаются.

Синий и алый зависли над толпой. Люди в испуге отпрыгнули, и, на образовавшемся

пятакче, через несколько мгновений стояли двое: невысокий худощавый мужчина в странных синих одеждах и молодая женщина в ярко-алом блестящем плаще. У обоих были острые, хищные черты лица, необычного цвета волосы — жемчужно-белые у него, темно-багровые у нее; резко оттенявшие смуглую кожу, и удивительные глаза с вертикальным «змеиным» зрачком: синие у мужчины и цвета охры у женщины. Они переглянулись и молча склонились в глубоком поклоне перед Дарреном и Хранительницей.

— Спасибо вам, крылатые, — ответил на поклон Лоцман, — жаль, что мы раньше не были знакомы. Я полагал, что этому миру не так повезло, как другим.

— Правильно вы думали, милорд, — сверкнул глазами Скайяр, — Фаэ, покажем им правду?

Драконница рассмеялась, и у синего на ладони появился крупный ограненный рубин.

— Откуда этот камень? — удивленно спросила Тайри.

— Я и забыла про него, — прижала обе ладони к щекам Одри. Сейчас она более всего напоминала ту самую деревенскую колдунью, которой когда-то была, — это ведь подарок. Дзулика подарила, спроси у Орданна, если хочешь...

Леди Даллет и Даррен обменялись тревожными взглядами. Про встречу хозяйки Лунного храма с найденьшем и Одри они, конечно же, знали. А вот подарков ее опасались вполне обоснованно, хотя именно этот пришелся явно на пользу, если не им — так миру.

— В любом случае, я рада тому, что нашего полку прибыло, — сдержанно улыбнулась Хранительница, — мы можем и в дальнейшем рассчитывать на вас, Скайяр?

— Безусловно, — ответил синий дракон, — вы не будете против, если мы с Фаэ останемся пока в таком обличье? Очень уж не хочется возвращаться обратно в капсулы, почувствовав крыльями настоящий ветер.

— Скайяр из дома Танцующих с Волнами совершенно прав, — алая драконница снова воплотилась в очаровательную женщину, — требуйте что угодно, только не возвращайте нас в кристаллы.

— Как вам будет угодно. В нашем доме достаточно свободных комнат, — ответил Даррен, — если только Орданн не захочет поселить вас где-нибудь во дворце.

— Так этот юноша — король?

— Еще нет, но станет им в ближайшие дни. Он законный наследник.

— Значит, мы успели к самому интересному, — мелодичным голосом произнесла алая.

— Боюсь, что не только к самому интересному, но и к самому опасному, Фаэ, — вздохнул Лоцман, — вот-вот грянет война.

— Война уже идет, милорд, — прищурился на солнце синий, — это просто затишье.

**** *
**** *
**** *

Подготовка к коронации заняла совсем немного времени. В сущности, все или почти все было подготовлено заранее — Мудрые давно поняли, что у Орданна нет достойных конкурентов. Однако, за эти несколько дней резко проявились все острые углы в отношениях, что ранее скрывались или намеренно сглаживались. Многие из тех вельмож, что приходили к Хранительнице просить помощи и изъявляли в день возвращения Талисмана свои верноподданнические чувства, теперь во всеуслышание заявляли, что власть найденьш получил незаконно из рук пришлых колдунов, и теперь-то Городу наверняка не выстоять против Тьмы. Такие речи слышались повсюду, потому как произносящие их были уверены в своей полнейшей безнаказанности. Ну не начнет же молодой король свое

царствование с казней и арестов? А если и начнет, то поймает лишь исполнителей, мелкую сошку, главные же подстрекатели, как всегда, будут вне подозрений.

Тайри в эти дни совсем не видела найденыша — он проводил все время во дворце с Брианом и Командором ордена Мудрых, пытаясь освоить все премудрости особого этикета, присущего таким церемониям, как коронация. Но у нее появились два новых интереснейших собеседника — воплощенные драконы. Эти двое частенько приводили Хранительницу, да и всех остальных, в замешательство своим поведением. Если Ская Тайри хотя бы немного изучила раньше, то Фаэ из дома Зимних Костров была полна сюрпризов и тайн. Оказалось, что драконы прекрасно ладят между собой только в боевой ипостаси. Оставаясь же в человеческом облике, они без конца пререкались и спорили, награждая друг друга весьма неласковыми прозвищами и яркими эпитетами, едко друг над другом подшучивали и вообще, жили хуже, чем кошка с собакой. Люди сначала смотрели на это поведение с некоторым беспокойством, потом попытались примирить драконов, и, ничего не достигнув, махнули на все рукой. Тайри деликатно расспросила Ская о причинах столь необычных отношений, и узнала, что сколько себя помнит Драконий Род, так было всегда. Алые вечно спорили с остальными кланами, вечно всех задирали и вечно над всеми смеялись. Их не изменила даже эта полу-жизнь в крошечных мирках Живых Камней. Радовало одно: все выпады вмиг прекращались, если алый решил завести семью.

— А вы, стало быть, пока не собираетесь? — как бы невзначай поинтересовалась Хранительница.

Синеглазый моментально насторожился, и улыбочку он соорудил совершенно змеиную.

— Пытаетесь сбить меня с рук, моя леди? — он уселся, скрестив ноги, прямо перед Тайри, посмотрел наигранно обиженно снизу вверх, — ну и зря. Где вы еще возьмете хорошо обученного дракона с такими положительными рекомендациями?

— Вот еще! Я потому и спрашиваю, что ты мне самой нужен. Стало быть, ответ отрицательный?

— Ррразумеется! Скажите, моя леди, разве я давал повод подумать иначе?

— Ну, мало ли... тем более Фаэ настоящая красавица.

— Фаэ, прежде всего, алая драконица. А я пока еще в своем уме, чтобы связываться с алым кланом на всю оставшуюся жизнь. Она прекрасный боевой товарищ, соратник... И уж точно не моя пара.

— Ты говоришь об этом так спокойно...

— Понимаете, госпожа, у нас все несколько иначе, чем у людей. У Драконов не существует проблемы выбора, они всегда почувствуют ту единственную, с кем должны связать свою жизнь. Фаэ — не для меня, — с железной уверенностью ответил Скайяр.

— Жаль, у людей так не бывает.

— Бывает, только крайне редко, — утешил ее синий дракон, — и слава Творцу. Иначе вас было бы так же мало, как и Крылатых. Мужчины гибнут в войнах, остаются их женщины, которые больше никого не встретят. Много ли родится детей?

Глава 9

У истинного избранника — нет выбора.

Станислав Ежи Лец

Отступить уже было некуда, сомневаться и беспокоиться — бессмысленно, теперь мне оставалось только одно: как-то жить дальше, что бы ни случилось.

Макс Фрай. "Тёмная сторона"

Сказать, что тронный зал королевского дворца был великолепен — не сказать ничего. Круглый, накрытый полусферой купола, опирающегося на изящные, стоящие по периметру колонны, зал был светел и полон воздуха. Строгая и одновременно роскошная отделка поражала не мишурным блеском позолоты и обилием драгоценных камней, хотя и их было достаточно, а тонким подбором оттенков, изяществом инкрустаций и вдохновенной чистотой линий. На балконе, опоясывающем зал изнутри и снаружи, негромко играл королевский оркестр. Где-то там же, невидимый снизу, располагался и хор, который должен был исполнять во время коронации торжественную песнь.

Трон находился точно против широких парадных дверей: старинное кресло белого дерева с прямой резной спинкой, инкрустированное серебром и горным хрусталем. По одну сторону от него стояли семь обитых синим бархатом кресел, по другую — дюжина красных. То были места для Мудрых и Золотых Поясов.

Зал вмещал множество народу, но тесно не было никому. Знать, купцы, главы цехов и гильдий, военные и моряки, приглашенные гости из Реонской и Элеттийской диаспор, главы родов, жрецы и волшебники с Арашамфа... Однако, собравшееся здесь общество единодушием не отличалось. Даже посторонний заметил бы сразу несколько обособившихся группировок, что-то увлеченно, даже временами громогласно обсуждающих. Родовитое дворянство и главные «кошельки» Города окружали герцога Орсо; гвардейские и флотские чины держались, как ни странно, Габриэля де Рейвена. Менее знатные и богатые, но куда более многочисленные, собрались вокруг мэтра Логара — главы Золотых Поясов, не примкнувшего к группировке Орсо.

Даррен, сопровождавший сегодня Тайри, и Одри, был просто переполнен гордостью за своих спутниц. Обе сегодня были невероятно хороши. Чтобы не ударить в грязь лицом, дамам пришлось изрядно побегать по магазинам, а потом озадачить аж четырех знакомых швей. Зато наряды удалась: голубой с серебром для леди Даллет и темно-вишневый с жемчужно-розовым для юной колдуньи. Одри, как всегда, из всех украшений предпочла кроваво-красные рубины, оттенявшие ее темные глаза и смуглую кожу, а Хранительница, не изменяя привычкам, выбрала любимые ею сапфиры. Лоцман, как никто другой, понимал, насколько Тайри устала от вечной войны, походов, сражений, от необходимости помнить лишь о долге. Такие праздники, как этот, давали ей редкую возможность вспомнить себя прежнюю, из тех беззаботных времен, когда жизнь была понятнее и куда проще. Он знал, что бал закончится, и вместе с ним не исчезнет, но глубоко спрячется тот милый образ, что ему случалось видеть и раньше, по ту сторону Звездной тропы. Останется лишь Хранительница, сдержанная и строгая, не дающая воли чувствам, не делающая поблажек ни себе, ни другим, никогда и ни на что не жалующаяся. Трепетная птичка снова спрячется в стальной перчатке. Ему была дорога и воительница, и волшебница, но более всего он любил

Тайри-женщину, деятельную и остроумную, нежную и отзывчивую. Именно поэтому Даррен молил все Высшие силы, чтобы праздник этот продолжался подольше.

Обеих волшебниц провожали кто восхищенными, а кто и полными неприкрытой зависти взглядами, но еще больший интерес, если не сказать ажиотаж, вызвала другая пара. Люди перешептывались и откровенно разглядывали драконов, так непохожих на всех остальных гостей. Особенно привлекала всеобщее внимание Фаэ — и своей невероятной прической, удерживаемой, казалось, одним лишь гребнем красного золота, и своим вызывающе открытым алым платьем. Даже самые смелые модницы Города не решились бы облачиться в подобный наряд. Правда, немногие из них обладали столь точеной фигурой.

Наконец, на широкой ковровой дорожке, тянувшейся от входа к самым ступеням трона, появился герольд, одетый в цвета короля — синий, белый и золотой, ударил в пол замысловатым жезлом, и в зале моментально воцарилась тишина. Все присутствующие быстро заняли места по обе стороны, чтобы видеть, как будет идти к трону Орданн. Тайри знала от найденыша и Бриана, что в последний момент возникло множество вопросов, упирившихся в вековые традиции и символику. Орданн формально не являлся прямым наследником престола и принцем крови, хотя и доказал все это на испытаниях. Как прикажете провозглашать его имя герольдам? В конце концов, было решено объявить его признанным наследником, облачить в положенный дофину белый наряд и короновать по всем правилам.

— Благородные дамы! Благородные господа! Наследник престола благословенного Города Орданн ан Греар!

Естественно, все короли Города были «ан Греар», потому что вели свой род от Греара Созидателя — того, что и основал на острове поселение вместе с величайшими магами прошлого.

Из распахнутых дверей двинулась небольшая процессия, предводительствуемая отцом Грантом в тяжелой от драгоценных вышивок парадной ризе. За ним шел Орданн — почти неузнаваемый, белый с золотом наряд сделал его каким-то далеким и отчужденным, а лицо превратилось в неподвижную маску. Недаром же Бриан столько времени внушал ему: на церемонии — никаких эмоций, ты выполняешь долг, возложенный на тебя твоей древней кровью, и только. Отстав на положенное по этикету количество шагов, за юношей следовали Мудрые во главе с Командором, как всегда, в глубоко надвинутых капюшонах.

— ... После нескольких сотен лет безвластия Всевышнему было угодно дать нам нового властителя, доказавшего свои права на престол не только в традиционных испытаниях, но и своими деяниями на благо всех своих подданных, — заканчивал длиннейшую церемониальную речь Командор, — так возблагодарим же Вседержителя и возложим на чело признанного наследника корону его предков.

Вступил хор, зазвучала на Древнем наречии торжественная песнь, неспешная и многоголосая. Тот, кто в незапамятные времена создал ее, знал о волшебной силе музыки и был великим талантом. Тайри видела, как заблестели у многих глаза, как распрямились плечи, как просияли и исполнились гордостью лица. «*Орли-он-Тана*, древний Город-над-Морем — это страж и хранитель, стоящий над Миром, у границы Света и Тьмы. Здесь сходятся неведомые пути, здесь находят приют потерявшие дом, здесь решаются судьбы вселенной. Даже само Время относится к благословенному Городу бережно и осторожно. Да будет милостив Всевышний к Королю — хранителю устоев, защитнику слабых, светочу сильных! Да бежит от него Тьма! Да пребудут дни его долгими, правление справедливым! Да

осияет его победа в любом начинании! Да пребудут с молодым властителем все силы Света!»).

Под эти торжественные звуки Орданна подвели к трону, он преклонил колени, и настоятель Храма Всех светлых Сил увенчал его королевской короной. Было видно, что найденьшу стоило больших трудов удержаться прямо: тяжеленная золотая корона, усыпанная сапфирами и бриллиантами, со сдвоенными обручами, в перекрестье которых красовался огромный, чистейшей воды голубой алмаз, немилосердно давила ему на лоб. Требовалась немалая сноровка, чтобы не дать ей окончательно сползти на нос или съехать на затылок.

— Его величество король Орданн! Слава королю! — провозгласили герольды, когда юноша стал медленно подниматься по ступеням трона. Их было всего четыре, но преодолеть сие препятствие с короной на голове — это вам не шутки...

— Слава королю! — ответствовали сотни голосов в зале, и все присутствующие на мгновение застыли в глубоком поклоне.

Молодому монарху подали Державу, а Скипетр Силы сам оказался у него в руке. Теперь Орданн стал настоящим правителем Города, и уже никто не мог этого оспорить.

Тайри переглянулась с Дарреном и прочла в его глазах свои собственные чувства: гордость за найденьша, торжество и облегчение — еще одно дело сделано, еще один шаг преодолен. Будет ли после этого легче? Едва ли. Но в мир пришло нечто новое, и они оба к этому причастны.

Далее все пошло обычным для многих и многих миров и стран чередом: главы родовитых семейств, высшая знать, по очереди были представлены королю. Купцы и главы гильдий преподнесли дары, специально для такого случая заготовленные. Мудрые заняли свои места по правую руку от трона, Золотые Пояса степенно уселись по левую. Маленький отряд Хранительницы в представлениях не нуждался, Орданн просто протянул к ним руку, приглашая:

— Ваше место здесь, друзья мои, я очень прошу вас, поднимитесь, — сказал он, и толпа, недовольно зароптав, расступилась перед Дарреном и Тайри, за которыми последовали и остальные. Возмущение родовитой знати было вполне понятно — каждый видел себя если не на троне, то всего лишь на одну ступеньку ниже, в «ближнем круге» короля. А тут их вожделенное место заняли пришлые колдуны, неизвестно какого роду-племени. От Хранительницы не ускользнуло, какими взглядами провожали дамы юную Одри, которая и вовсе не скрывала своего деревенского происхождения. Более того, наиболее пронырливые бестии уже успели нашептать по всему Городу, что будущий король неразлучен с нею. Скорее всего, многие матроны уже воображали своих дочек в роли королевы. Что ж, им предстоит пережить и это разочарование. Конечно, у Одри сразу появится множество недоброжелательниц, но тут уж ничего не поделаешь.

...Музыка, непринужденные разговоры, пары, неторопливо движущиеся в соответствии с прихотливыми фигурами придворного танца. Это казалось эпизодом из другой жизни, почти невозможной, почти забытой. Бал был в разгаре, и Тайри с удовольствием растворилась в его шумной стихии. Одно приглашение, второе, павана с королем... Она утомилась, нашла уютное кресло у открытого окна и уже собралась полюбоваться в одиночестве на первые вечерние звезды, как Орданн снова удивил всех. Оркестр смолк по мановению его руки, и в тишине прозвучал его уверенный, спокойный голос:

— Сегодня мне хотелось бы сделать подарок моей будущей королеве. Подарок, по-

настоящему достойный ее!

Леди Даллет подошла ближе, чтобы увидеть, как темную головку Одри увенчает изящная диадема с удивительными сияющими живым светом рубинами. Что ж, это только подтверждает, что мальчик умен и знает вкусы своей избранницы. Разговоры смолкли, какое-то время все в напряженном молчании взирали на удивленно оглядывавшуюся, смущенную и счастливую Одри, а потом по залу прокатилось громким восхищенным шепотом: «Истинная! Истинная королева!!!»

— Невероятно, — услышала Хранительница голос стоящего чуть позади Лиарда, — как ему это удалось?

— А никак, — ответил оказавшийся рядом Герт, — просто она и есть истинная королева, диадема лишь подтверждает это.

— А что случилось бы, не окажись Одри истинной королевой? — обернулась к ним Тайри.

— Да, в общем-то, ничего страшного... Испытала бы сильную головную боль, может, на пару минут потеряла бы сознание. И больше никогда не смогла даже прикоснуться к этой реликвии. Таких было множество в нашей истории, — ответил Смотрящий сквозь Время, — удивительно, но последняя королева, леди Мирана, тоже по праву носила диадему.

— Ну, диадема там или нет, но уж точно рядом с Орданном будет хотя бы один по-настоящему преданный человек, — улыбнулась волшебница.

— Королю необыкновенно повезло с невестой, — задумчиво проговорил Лиард, — хотел бы я, чтобы и со мной произошло также.

— Разве это невозможно? — удивленно приподняла одну бровь Тайри, — разве что вы уже кого-нибудь безответно любите...

Лиард отрицательно покачал головой.

— Тогда есть ли повод для печали? Поверьте, судьба не станет оглядываться назад, и ей все равно, война вокруг или мирная идиллия. Она просто приведет к вам нужного человека.

Маг внимательно выслушал Хранительницу, хотел что-то ответить, но знакомая смуглая рука легла ему на плечо, а бархатный голос произнес вполне ожидаемое:

— Леди, я украду у вас этого мужчину на пару танцев?

Тайри только рассмеялась в ответ, а Владеющий Пространством был несколько обескуражен, но вполне счастлив.

— Тайо, я рад, что мы можем спокойно побеседовать, — беря волшебницу под руку, негромко произнес Герт, — мне надо кое-что рассказать вам. Недавно Орданн попросил меня заглянуть в прошлое, дабы узнать подробности отплытия на материк последнего короля... — Мудрый запнулся, что-то напряженно рассматривая в толпе разряженных гостей.

— Что вы там увидели?

— Еще одно подтверждение моим догадкам. Странно, никогда не обращал внимания на то, что у герцогов Орсо на гербе мантикора. Значит, один из предков этого достойного родственника королей и стал восемьсот лет назад во главе прелюбопытнейшего заговора. Король ведь не по собственной блажи отправился путешествовать, он повез к целебному озеру внезапно заболевшую жену. А самое главное, он вернулся, но стараниями герцога Орсо и еще кое-кого, чьи потомки сейчас живут в богатстве и почете, был объявлен предателем, продавшимся Тьме. К счастью, занять трон ветви Орсо так и не удалось. Тогда, наверное, побоялись, а теперь — сами знаете...

— Честно говоря, нечто подобное я и ожидала услышать. Зная, что тогдашняя жизнь Города была строго регламентирована Установлениями, невозможно себе представить короля, легкомысленно оставившего трон ради забавного приключения или захватывающего путешествия. Потомки бывших заговорщиков могут быть не менее опасны и сегодня. Не удивлюсь, если именно они и составят в ближайшем будущем оппозицию. Очевидно, что все покушения и стычки последних дней — их рук дело.

— Именно так, моя госпожа. Тайо, мне иногда становится до боли жаль, что я не знал тебя с детства, — Герт решил и сменил почтительное «вы» на более подходящее, как ему казалось, «ты». Думал он при этом о чем-то совершенно отвлеченном, поэтому не заметил, что волшебница раздраженно поморщилась. Что поделать, она вовсе не считала разумным такой «переход», — ну, или хотя бы со времени учебы в Академии. Помнишь, ты говорила мне о своем наставнике? Ему повезло куда больше...

Хранительница дернулась, как от пощечины и отстранилась от Герта.

— Если ты считаешь везением полную невозможность построить свою жизнь так, как хотелось, долг перед целым народом и мучительную, окончательную смерть... Если ты хочешь сохранить хоть сколько-нибудь нормальные отношения между нами, никогда больше не касайся этой темы. А что касается Академии... Не знаю, не знаю. Я-тогдашняя вряд ли бы тебе понравилась. Сначала — ветреная девица, с головой окунувшаяся в веселую жизнь, да еще и отхватившая самого завидного и самого ревнивого кавалера. А потом, когда роман сгорел, как тополиный пух, появилась типичная отличница, вдохновленная некой целью, и посвятившая все свое время только учебе.

— А чему тебя учили в магистратуре?

— Тому, как правильно ходить по Сокрытым Тропам, творить порталы и не пройти мимо нужного мира. А еще целительскому искусству и боевой магии. Самое ценное, что я приобрела за годы учебы — это люди, Герт. Удивительные, сильные, честные, любящие жизнь и родной мир, и готовые всегда, в любой момент, встать на его защиту. Или броситься спасать кого-то из своих... Вам знакомо это удивительное чувство, когда находишь не просто друзей — единомышленников? Счастье быть равной среди равных?

— Вполне... Дело в том, что я никогда не знал, что такое тепло семьи, а о доме мог только мечтать. Меня воспитывали дальние родственники, для которых я был просто лишним ртом. Я мало походил на моих троюродных братьев, родившихся истинными наследниками своего папаши-купца. Их с детства интересовал барыш, а меня книги — единственное, что осталось мне от отца, сгинувшего где-то в Гил'Эллет. Поэтому, когда опекун, заметив кое-какие мои способности, отвел меня в Дом Мудрых, я был благодарен ему — там, по крайней мере, никто не смеялся надо мной. Вскоре у меня появилось то, что навсегда заменило семью — наш Орден. Поначалу нас было больше, и относились мы друг к другу намного теплее. Настоящие братья и сестры, которые оберегают и заботятся друг о друге, старшие наставники... А потом словно что-то сломалось. Отсеялись менее сильные, откуда-то вылезло соперничество, зависть, взаимные претензии и неприязнь. После гибели Стоящих-на-Грани стало заметно, чего мы все стоим — избранные в синих плащах. Нам бы одуматься, а мы нянчили свои амбиции, плели интриги. Теперь же некоторые удивляются, почему у них не получилось самостоятельно справиться с эпидемией. Результат всем известен. Скажи, Тайо, ты совсем не скучаешь по старым временам, по родному миру?

— Я скучаю по людям, Герт. Я не знаю, когда вернусь, но мне очень этого хочется. И... эта тема тоже неправильная.

— Прости, — Мудрый снова смутился, отвел глаза, — тогда вот. Жаль, что я не умею танцевать. Всегда немного завидовал тем, кто умеет...

— Честно говоря, я уже устала от танцев, друг мой, — усмехнулась леди, — мне гораздо более по душе спокойная беседа. Подумай сам, часто ли мы можем позволить себе такую роскошь? — мимо беседующих, едва не задев их ворохом алых шелков, в быстром кружении танца пронеслась леди-дракон в паре с Лиардом, — полюбуйтеесь-ка на них! Кажется, у Фаэ уже полно поклонников, а вот Скайяр совершенно равнодушен к вашим светским львицам.

— Да, зато у него нашлось множество тем для разговора с элеттийскими волшебниками. Они просто не отходят от него. А вот Лиард, похоже, совершенно потерял голову от вашей алой драконицы. И это кое-кому очень сильно не понравится.

— Ты о Роде? Последнее время она ведет себя все более и более странно. Мне кажется, она что-то задумала, — сказала Тайри.

— В другое время я бы с пеной у рта доказывал всем, что Мудрый никогда не может замыслить что-то злокозненное, хоть сколько-нибудь опасное для Города... Но не сейчас. Рода действительно опасна, потому что ее чувства постоянно подогревает огонь неутоленного тщеславия. Она всегда считала себя первой среди нас, и действительно была на редкость сильной стихийной волшебницей. А тут появились Вы, умеющая обращаться с Силами так, как ей и не снилось. На тщеславие наложилась еще и зависть — а это уже слишком опасная смесь. Теперь и в отношениях с Лиардом, судя по всему, наметилась трещина... Надо будет проследить за ней. Как это ни печально, теперь она способна на любую безумную выходку.

Оркестр заиграл карьятту — быстрый бравурный танец, считавшийся простонародным, но пользовавшийся огромной популярностью у всех сословий без исключения. Мелодия была столь зажигательна, что к толпе танцующих присоединились многие почтенные купцы со своими женушками. Вдруг, точно порыв ледяного ветра пронесся по залу, и все окружающее показалось Хранительнице нереальным, будто ожившие картинки из старой книги. Мгновение — и это закончилось, но Тайри успела заметить и тревожно оглянувшуюся через плечо Фаэ, и синего дракона, застывшего на полуслове, и Габриэля, склонившегося к самому уху короля. Одри тоже что-то почувствовала — вон, как помрачнели ее глаза, а у губ залегла страдальческая складка. Смотрящий сквозь Время сжал тонкую ладонь Хранительницы:

— Это Весы, госпожа моя. Положение чаш изменилось. Это было неизбежно, но я надеялся, что не так скоро...

— Мы нарушили Равновесие? Но в чем?!

— Еще не знаю. Так сразу смогли бы ответить разве что Стоящие на Грани, но их нет. Я могу только предполагать. Скорее всего, мы получили серьезное преимущество — молодого короля, способного извлечь на свет божий как минимум три величайших артефакта древности. Видимо, чаша Света стала слишком тяжелой, и где-то сорвался тот камешек, что потащит за собой всю лавину... Лавину нашей последней войны.

Габриэль, сколько себя помнил, никогда не любил все эти великосветские сборища. Сказать по правде, он и видел их не слишком много, но ему хватило. Де Рейвен всегда остро чувствовал ложь и лицемерие, а этого добра на балах и приемах было более чем достаточно. Прием в честь коронации его величества Орданна исключением не стал. Капитан, несмотря на парадную форму, ощущал себя неуютно. Смотрят на тебя — ну просто сама любезность, — раздраженно думал он, — раскланиваются, улыбаются елейно, речи говорят

сладкие, что твоя патока. А у самих каменюка за пазухой и кинжал в рукаве, потому что глазки-то выдают, истинные мысли из них, точно из окон, нет-нет, да и выглянут, и тогда уже будь готов ко всему. Хотя сегодня, безусловно, грех жаловаться, потому как и людей искренних среди прочих хитрецов достаточно, и вообще о такой чести можно только мечтать. Капитан Королевской Стражи! Личная охрана его величества. Все чин чинном, и патент, и замысловатые значки на мундире... Нашлись доброхоты, которые просветили Габриэля: дескать, на это место раньше только самых родовитых герцогов назначали, а то и родственников короля, а новый король молод еще, видимо, не все обычаи знает... Эх, сказал бы им Орданн! Де Рейвен же ответил, что его величеству, безусловно, виднее, кто ему более полезен в качестве Капитана, особенно сейчас, когда того и гляди, за настоящее оружие братья придется, а не парадными шпильками размахивать. Видели бы его друзья злобные взгляды “Альбатросов”...

Верная Тила наотрез отказалась торчать где-то на балконе тронного зала «на всякий случай». Сказала, что ее тонкий нюх будут раздражать запахи парфюма и кушаний, и вообще, она терпеть не может закрытых помещений.

«Я буду поблизости, Гром», — пообещала она, и Габриэль, действительно, заметил ее пару раз, демонстративно пролетающей мимо окон. «Я хочу полетать над морем, Гром!» Тут уж пришла пора удивляться Капитану королевской Стражи. Как истинная кошка, летунья гуляла, где вздумается, и не признавала запретов, а тут попыталась спросить разрешения. Кроме того, все по тем же кошачьим причинам, она очень не любила большие водные пространства, и над морем ей было всегда, мягко выражаясь, неудобно.

«Хочешь свежей рыбы? Так слетай на рынок, тебя там с удовольствием накормят, не заставляй меня волноваться».

«Рыба здесь ни причем. Я тут кое-что услышала, и это мне сильно не понравилось».

Если Тила говорит «услышала», это может означать что угодно. В частности, случайно (или не случайно) подслушанные мысли. Что же могло взволновать ее настолько, чтобы страх перед большой водой был отодвинут на второе место?

«Тила, ты уверена, что стоит лететь?»

«Я уже над океаном. Дорогу домой я найду, не волнуйся. К тому же слишком далеко от суши мне летать не нравится. Гром, а этот остров, который вы называете Кадарн, похож на растревоженный муравейник. Людишки так и бегают! А на берегу стоят три высоченных столба с большим огнем на верхушках. И внизу, в заливе, много кораблей...»

«Понятно. Что ты еще видишь?»

«Погоди, я же не могу различать предметы, которые очень далеко от меня. На горизонте море усеяно темными точками. И с восхода движется какая-то туча, похоже на стаю здоровенных птиц, на очень большую стаю... Все, Гром, я возвращаюсь, ведь плавать я не умею».

Минуту поразмыслив над словами летуньи, де Рейвен составил весьма настораживающую, но вполне ожидаемую картину. Темные, видимо получив сообщение о коронации Орданна, готовились к нападению, что называется, в силах тяжких, стягивая к своему острову флоты подвластных им держав. Иначе и быть не могло, но... Ему стало искренне жаль найденыша, чье пребывание на троне со дня на день превратится в настоящую муку, потому что все удачи будут общими, а все поражения — его личными, людей-то не переделаешь. Война — это вам не балы-приемы. Лучше уж ему узнать о надвигающейся опасности сразу. Пусть времени мало, но это лучше, чем ничего. Мы успеем

подготовиться, должны успеть!

Что ж, простите за печальные вести, но они не терпят отлагательства, — думал Габриэль, пробираясь сквозь толпу веселых гостей к трону, — воспользуемся нашим привилегированным положением и сообщим срочные вести, можно сказать, на ушко. Чтобы не было паники.

— Простите, ваше величество, есть очень важные новости.

— Габриэль, я все понимаю, но можно без этих церемониальных словес? Ты мое имя запомнил? — улыбнулся молодой монарх. И уже серьезно, совсем другим тоном, — Что случилось?

— Тила заприметила в море множество движущихся объектов. Судя по всему, Темные собирают огромный флот со всех подвластных государств. Корабли еще достаточно далеко, так что подробностей никаких... Еще к острову со стороны восточного архипелага летит огромная стая, судя по всему, достаточно крупных птиц.

Мальчик недаром был рожден королем. Ни один мускул не дрогнул на его лице, лишь взгляд темно-карих глаз стал жестче и мрачнее, да сильные пальцы сжали резные головы грифонов на подлокотниках трона. Он думал несколько секунд, потом сказал также тихо:

— Позови-ка мне наших драконов. А кошку свою попроси вернуться. Будем действовать осторожно. Не нравится мне все это.

— Да кому ж понравится такое известие посреди праздника!

— Не в этом дело, друг мой, совсем не в этом. Меня волнует, почему они дали так легко увидеть себя, свои корабли? Неожиданность нападения — половина победы, ты ведь сам учил меня! А Темные подставляются, хотя у них полным-полно уловок, чтобы скрыть свое присутствие на море. И еще, я уверен, что они заметили Тилу.

— Она говорит, что уже близко, почти дома.

— Хорошо, Габриэль. Пока никому о кораблях ни слова. Возможно, это последний мирный вечер... Пусть танцуют.

Даррен замер, боясь вдохнуть, пытаясь унять ухнувшее в непонятную пустоту сердце. Это было похоже на подземный толчок, когда пол на секунду уходит у тебя из-под ног. Или на резкое пробуждение, когда еще не понимаешь, где сон, где реальность. Мир дрогнул, поплыл перед глазами едва уловимо и изменился. Лоцман поймал тревожный взгляд леди Даллет и двинулся к ней, ловко обходя веселящихся придворных и купцов. Для него все вокруг потускнело и стерлось, точно тень чьих-то мощных крыльев нависла над пестрой толпой. Кто-то непредставимо мощный, стоящий не только над этим миром — над всем сонмищем обитаемых миров, обратил на Город свой взор — оценивающий, строгий и беспристрастный. Сразу бросилось в глаза, как склонился к королю собранный и строгий Габриэль, как через минуту к трону чуть не бегом кинулись драконы, а потом мимо раскрытых окон пронеслись в начинающем темнеть небе два стремительных крылатых силуэта.

Ему не было нужды говорить Тайри о своих подозрениях. Она и так все понимала.

— Интересно, далеко они? — осведомился Герт, имея в виду Крылатых.

— Судя по всему, полетели куда-то в сторону гавани, — глядя в окно, ответила Хранительница.

— Его величество прав. Как-никак, лучшие на сегодняшний день разведчики. Самые быстрые, самые защищенные...

— От людей и кое-какой магии. Но не от всей мощи Тьмы, Герт. Видимо, наши враги

зашевелились, — Тайри задумчиво перебирала кисти шелкового палантина, — сдается мне, наша «белая полоса» закончилась.

— Стоит ли сразу отчаиваться, Тайри? Мы никого не потеряли, мы сильны, как никогда. Город укреплен, и местная армия усилиями нашего лейтенанта стала вполне боеспособной. Кроме того, король...

— Не спешите с выводами, Герт, — остановил его Даррен, — слишком у вас все гладко. Не дразните судьбу. Вы ведь не хуже нас понимаете, что произошло. Если очень нейдет, вспомните Книгу Установлений, которую так любите цитировать направо и налево. «Всему свое время под небесами, и каждый заплатит свою цену...».

— Но разве мало жертв уже принесено?

— Герт, ты удивляешь меня, — покачала головой Тайри, — только что ты говорил совершенно правильные и разумные вещи, а теперь, точно одна нелетающая птица, прячешь голову в песок. Нам еще не предъявляли счет. Только Единый знает, сможем ли мы заплатить по нему и выжить. И захочется ли нам жить после этого.

Смотрящий сквозь Время мгновенно растерял всю напускную уверенность, смутился и опустил глаза, снова становясь самим собой — мальчишкой, притворяющимся взрослым. Не нужно было читать мысли, тут и без всякой магии очевидно, насколько ему хотелось стать сильнее, увереннее, опытнее... Хранительница в который раз удивилась про себя, каким странным оказался выбор такой силы, как Время. Ее носитель должен быть спокойным и цельным, так говорили каноны родного мира, и подтверждала Книга Установлений. В руках разрываемого амбициями и противоречиями человека эта сила становилась опасной. Справится ли Герт? У Тайри не было ответа.

По крайней мере, с эмоциями Мудрый совладал.

— Я могу заглянуть в будущее, но делать этого не стану, — совершенно спокойно сказал он, — если вы... если мы каким-то образом поколебали весы, расплата последует неминуемо. Уверен, жрецы с острова Кадарн воспользуются преимуществом со свойственным им размахом, и может случиться, что равновесие придется восстанавливать уже не нам.

По тому, каким голосом Орданн попросил их задержаться после бала, Хранительница поняла: произошло, действительно, нечто серьезное. На самом первом Королевском совете остались Мудрые, мэтр Логар, как глава Золотых Поясов, капитан гвардейского отряда «Альбатросов» граф Крейт и оба адмирала: моложавый герцог Лейтел и древний старикашка-маркиз, имя которого не запомнилось. Чуть в стороне от всех держались элеттийцы — близнецы, брат и сестра, маги наивысшего посвящения. Они были облачены в серые туники, значит, изучали и темную сторону магии, следовательно, способны увидеть и разгадать природу вражеских действий лучше других. Даррен отметил, что Орданн повел себя очень мудро, с первых шагов привлекая на свою сторону сильных союзников. Да, элеттийцев немного, но их опыт бесценен.

— Наши наблюдатели сообщили, что две группы кораблей движутся к точке рандеву у Черного острова, — голос молодого монарха был тверд и спокоен, ни один мускул на лице не дрогнул, — видимо, после провала всех попыток устроить в Городе смуту, слуги Сына Ночи изменили тактику.

— Насколько велик их флот? — спросил герцог Лейтел. О нем отзывались, как о весьма талантливом стратеге.

— Сейчас разведчики все нам и доложат.

Крылатые вернулись быстро и рассказали совершенно неутешительные вещи. К острову приближается сто четырнадцать кораблей, разглядеть их в подробностях не представилось возможным. Туда же следует огромная стая довольно крупных хищных птиц, похожих на очень больших грифов. На двух или трех из них замечены всадники, которые умело управляют с помощью своих птиц всей стаей. В заливе, расположенном на противоположной Городу стороне острова Кадарн, тоже собрано около десятка кораблей — тридцативесельные галеры, способные взять на борт большое количество воинов, а может, и что другое. Настораживало отсутствие вооружения на многих судах. Или оно надежно спрятано, или Темные приготовили горожанам какой-то злокозненный сюрприз. Вокруг храма Танх Каар все затянуто серой дымкой, разглядеть ничего невозможно, но, судя по отголоскам творимых заклятий, происходит там что-то отвратительное. Фаэ высказалась более определенно — пахло жертвенной кровью и чужими Тварями.

— Порт — наше самое уязвимое место, — после минутного раздумья сказал король, — Все баллисты и орудия следует перенести на стены, портовые ворота замуровать, оставить только тайные двери для вылазок. Пирсы без сожаления сжечь. И вот еще что... Затопить в самой узкой части гавани корабли, чтобы тяжелые суда наших противников не смогли бы там пройти. Собрать все старые и наиболее массивные. Боны и цепи-перетяжки, естественно, никто не отменял. И не надо так на меня смотреть, адмирал. Сколько лет ваши корабли не выходят в море? Военная необходимость диктует. Если выживем — новый флот построим. Подготовьте все, прошу вас. Рода, Астор, ваша задача — ускорить затопление флотилии и спрятать наши действия от вражеских глаз.

— Тьма все равно разгадает любые наши замыслы. А не разгадает, так просто проглотит и не поморщится, — мрачно сверкнув глазами, ответила Рода.

— Я запрещаю и вам, и кому бы то ни было, подобные речи, — резко оборвал ее Орданн. — И в дальнейшем буду считать распространение подобных настроений пособничеством врагу и преступлением. Делайте, что от вас требуется! Герцог Лейтел, проследите, чтобы был оставлен фарватер для наших разведчиков. Даррен, я хочу, чтобы вы с Лиардом подробно изучили все доступные Тонкие Пути. Тайри, попросите драконов пока не покидать Город, это может быть крайне опасно для них. Господа, я объявляю осадное положение.

— Но их еще и на горизонте-то не видно, — пробормотал себе под нос старикашка-маркиз.

— Когда они появятся, будет поздно. Уверен, что предыдущее нападение не пойдет ни в какое сравнение с нынешним. Приступайте, господа Королевский совет!

Военные и Мудрые, деловито переговариваясь, покинули зал. Рядом с молодым монархом остались только самые близкие люди, да еще настоятель Храма.

— Вот и все, — устало прикрыв глаза, произнес Орданн, — нечего сказать, хорошее начало правления.

— Я бы сказал, своевременное, — ответил отец Грант, — с королем у Города гораздо больше шансов не только выжить, но и победить.

— Мы с тобой, Орданн, — Одри нежно обняла найденьша за плечи, — что бы ни случилось. Ведь так? — она посмотрела на Тайри и Даррена.

— Пока мы живы, так и будет, — серьезно ответил Лоцман, — держитесь, мой государь, наступает ваше время — тяжелое, кровавое, но...

— Как однажды сказал мой наставник, «времена не выбирают, в них живут и

умирают», — грустно улыбнулась Тайри, — а вы, ваше величество, должны в них побеждать и править.

— Спасибо, — Орданн вздохнул, — это так важно — знать, что не один...

— Простите, но нам тоже пора, ваше величество. Время не ждет, — сказал Даррен, — боюсь, что у нас остались считанные часы. А сделать предстоит много.

— Ну вот, теперь даже они называют меня «ваше величество», — шутливо пожаловался король своей невесте, когда остальные отправились выполнять его поручения.

— А чего ты хотел? — улыбнулась колдунья, — Привыкай, теперь всегда будет так.

**** *
**** *
**** *

Дингра стояла перед прозрачной с одной стороны завесой, отделявшей ее покои от Пурпурного зала, и наблюдала за находившимися там людьми. Это были ее лучшие головы, ее полководцы, ее штаб, ею лично отобранный, выпестованный и тщательно охраняемый.

У окна спорили двое: оба очень смуглые и высокие, увешанные странными амулетами. Их абсолютно лысые головы покрывали сложные, отливающие перламутром татуировки, а запястья и щиколотки украшали гладкие золотые браслеты. Ки Хон и Зу Вон, ее первые, добровольные и абсолютно безотказные союзники — верховые шаманы с островов Анга, именуемых также Птичьим архипелагом. Именно они первыми привели свой многочисленный народ под знамена Тьмы. Последние, кто владел в совершенстве древним знанием предков: подчиняли своей воле диких животных и птиц, умели смотреть их глазами. Также, они неплохо управлялись с погодой и могли одним заклинанием сделать из любого воина слепо подчиняющееся, не знающее страха орудие убийства.

За столом, привычно потягивая вино, расселись четверо самых известных на материке полководцев. Двое из них — уже убеленные сединами воины, в прошлом главы армий двух вечно враждующих государств. Что ж, здесь им пришлось отбросить давнюю неприязнь и объединить усилия для достижения общей цели... Ее цели. Третий, князь Гайрэ — молод, горд, смешлив и циничен. И уже успел прославиться, завоевав все Полуденное побережье, объединив под своей рукой восемь воинственных держав. А вон тот с виду вовсе уж немощный старикашка с копной взъерошенных седых волос, притворяющийся вечно дремлющим — самый лучший стратег, рожденный среди людей за последние пятьсот лет. Маршал Свиз. Может, телом он и слаб, но такому острому, цепкому уму и такой развитой наблюдательности позавидовал бы любой молодой. Верховная жрица была просто счастлива, когда ей доложили, что маршал, давно забытый своими соотечественниками, жив, и, кроме того, крайне увлечен идеей продления собственной жизни.

Невысокий, худой, очень белокожий, подвижный, как ртуть, человек, одетый в легкий кожаный доспех, вовсе не казался дикарем-туземцем. Хотя, еще лет сто назад, народ несхитов считали именно дикарями — за их своеобразные, ни с чем не схожие обычаи, за диковинный жизненный уклад и древнюю веру. Они не строили городов, разделялись на многочисленные касты и свято чтити богов давно забытого пантеона. Темных богов. Иро был последним в роду магов-жрецов. Последним — потому что несхиты практически вымерли. Сначала из-за частых землетрясений и извержений вулканов, без конца терзавших их земли, а потом дело завершили завоеватели — предки маршала Свиза, сотнями сжигая соплеменников Иро на кострах — ведь они поклонялись демонам... Несхитов почти не осталось, а те несколько сотен, что умудрились сохранить себе жизнь, ушли в подземелья и затаились, но веры своих отцов не предали. Именно верой, ее древними ритуалами и был ценен для Дингры этот удивительный человек. С его помощью Верховная надеялась найти

давно забытую дорожку к его божествам.

Как гласила легенда, Неспящие во Тьме в древние времена были так могущественны, что силы Света забеспокоились и решили пойти на них войной. Но мощь этих существ оказалась столь велика, что уничтожить их не смогли, а всего лишь погрузили в некий полусон в особо созданных для них Коконах, на границе Тьмы и Света. Дингра надеялась вернуть Неспящих и направить их гнев на Город, ибо все светлое для них изначально враждебно. Иро, как последний маг-жрец пытался отговорить госпожу, но мощь Неспящих была для нее столь вожделенна, что никакие уговоры не помогали. А рассказы о великих человеческих жертвоприношениях, ценой которых умиротворяли в древности разбушевавшихся божеств, только раззадорил ее. Кровь и жертвы? А что есть война, как не гигантское жертвоприношение? Темные божества будут довольны....

И последнее ее приобретение. Двое, в одинаковых черных с золотом плащах жрецов, жрецами, по сути, не являющиеся. Ею, Дингрой, лично отысканные, подготовленные и оберегаемые маги. На материке оба были в свое время гонимы и ненавидимы куда больше несчастных несхитов за свое темное колдовство, от которого не было спасения. Оба стали значительно сильнее здесь, в храме Владыки мрака. Оба были весьма равнодушны к своей спасительнице и покровительнице: и основательный, больше похожий на какого-нибудь мастерового, нежели на мага, Джемед, и поджарый, легкий на подъем Тги'Рон. Дингра надеялась извлечь выгоду и из этих симпатий. Когда человек ради одного твоего взгляда способен на любое безумство, это совсем неплохо! Хуже другое: оба ожидают ее выбора, и, не будь строжайшего запрета, давно решили бы дело поединком. Пришлось сказать, что ее руку получит тот, кто найдет и принесет ей некий артефакт. А где его искать и что он собой представляет, она расскажет им не иначе как в захваченном и приведенном к покорности Городе.

А что, если и вправду кто-нибудь из них добудет для нее Ключ? Дингра тоскливо поморщилась. Ни одного из своих магов она не считала себе ровней и ни малейшей симпатии к ним не питала. Ну, разве что совсем чуть-чуть... Ей иногда нравилось слепое поклонение Тги'Рона. Горец готов был молиться на нее, а когда они оставались наедине, его пристальный, колющий взгляд хищника наполнялся восхищением и нежностью. Но сейчас перед ее мысленным взором встало совсем другое лицо. То самое, что увидела она сегодня глазами одного из своих лазутчиков, от созерцания которого она с таким трудом оторвалась, чтобы прийти на военный совет. Светлые волосы до плеч, красиво оттеняющие смуглое, очень правильное, будто вырезанное талантливым скульптором, лицо, сияющие зеленые глаза и мягкая, едва заметная улыбка. Лоцман, верный спутник Хранительницы. Как сообщали разведчики: маг, каких единицы во всем мире, да что там, таких и нет вообще... Вот, кто ей действительно нужен!

От этих мыслей Дингру оторвал весьма громкий и эмоциональный разговор, завязавшийся в зале Совета. Островитяне, да и не только они, поносили свою госпожу, на чем свет стоит. Маги и молодой князь-южанин отчаянно ее защищали. Древний маршал Свиз только хитро поглядывал из-под кустистых бровей на спорщиков. Интересно, подумала Дингра, он действительно догадался, почему я так поступаю, или только делает вид? Понимания происходящего она ожидала, скорее, от шаманов и магов — они-то чувствуют колебания великих Сил куда тоньше остальных. Еще минуту-другую послушав пререкания противных сторон, постепенно переходящие в личные нападки, жрица решительно развеяла завесу и вошла в зал.

— Госпожа, мы со дня на день должны обрушиться на город всей нашей мощью, а вы позволяете их разведчикам разглядывать наш флот! — тут же подскочил к Верховной несхит, — Мы что, роем себе могилу?

Острые черты невысокого воина ничего не выражали, а вот в необычных фиолетовых миндалевидных глазах плясали задорные огоньки — он просто разыгрывал непонимание.

— Не торопись с выводами, Иро. Я знаю о разведчиках из Города.

— Так почему вы их не спалили ко всем демонам преисподней?! Не было ничего легче! — возмутился один из полководцев, князь Мегравт.

— Можно было хотя бы спрятать наши корабли, а не давать этим драконам целый час на них пялиться, — поддержал его шаман Ки Хон.

— Именно так и было... Сейчас драконы преспокойно вернулись домой. Что в этом страшного?

— Как же...

— Разве ты ничего не почувствовал, Ки Хон? А ты, Зу Вон? Groш вам цена, шаманы, — Дингра повысила голос. — Что скажут мои маги?

Тги'Рон и Джемед молчали — то ли не догадывались, то ли скрывали знание друг от друга.

— То, что вы оба защищали меня, даже не будучи уверены в моей правоте, приятно. Но не похвально! Должны были бы проверить. Куда вы подевали свое чутье и Силу? Даже простейшее колдовство должно было бы... — Верховная с трудом сдерживала раздражение: насколько же они все-таки тупы! Понятно, что все эти люди должны беспрекословно подчиняться и доверять, но...

— Я стар, и, как люди считают, мудр, — проскрипел маршал Свиз, — но до мудрости нашей госпожи, вдохновляемой самим А'Деулом, мне далеко. А между тем, объяснение всему найдет даже ребенок. Нам всем с детства вбивали в голову: каждый поступок имеет свой вес, каждое слово и дело — это капля, упавшая на чашу весов, — старик закашлялся, — вам известно, что произошло в Городе. И вы знаете, что произошло сейчас. А теперь немного пошевелите мозгами и сложите два и два!

— Маршал, вы гениальны! — Дингра со значением пожала сухонькую лапку стратега, оказавшуюся неожиданно сильной и горячей, — может быть, мне выгнать их всех, а вам прямо сегодня вернуть молодость?

— Не стоит, моя госпожа. Они вам еще пригодятся, а я не люблю жить в долг. Пусть все будет так, как мы с вами решили. А если я не доживу до нашей победы, что ж...

— Как пожелаете, — Верховная жрица отлично понимала, что старый лис, при всей своей верности Властителю, хитрит. Стоя одной ногой в могиле, он не хочет подвергать риску единственное, что у него осталось — посмертие. Что ж, это лишний раз подтверждает многочисленные рассказы о его дальновидности. — Ну, что теперь скажут мои маги и полководцы?

— Равновесие! Город получил слишком много всего и сразу, а значит, компенсация на нашей стороне, — первым среагировал, как всегда, Тги'Рон.

— Именно. Появление разведчиков было последней каплей, подтолкнувшей весы в нашу сторону.

— То есть теперь мы возьмем Город...

— Не смещайте меня. Вы уже один раз просчитались, полагая, что легко разделаетесь с Хранительницей и ее свитой. И получили мальчишку на престоле, — Дингра нахмурилась,

вспоминая неприятные дни поражения, — никогда нельзя считать противника легкой добычей, господа. Иначе сами же ею и окажетесь. Да, мне удалось рассчитать наши действия так, чтобы Весы сыграли нам на руку. Теперь мы должны тщательно продумывать каждый шаг, чтобы это преимущество сохранить. А когда Город будет наш, Весы уже ничему не смогут помешать.

— Мне все понятно, госпожа, — сказал молодой южанин, — я только жду свой флот и ваш приказ о наступлении.

— Ну разумеется...

Дингру заставил прерваться громкий стук в двери. Досадливо поморщившись, она кивнула несхиту:

— Открой, Иро, что там еще стряслось!

— Госпожа, госпожа! — молоденький послушник рухнул перед Верховной на колени, — Властелин внял нашим молитвам, и Врата Полуночи, наконец, открылись.

Дингра торжествующе улыбнулась. Вот и еще одно подтверждение действия Весов! Теперь через Врата Полуночи она приведет помощников — не людей, не могущественных волшебников и не созданий ее повелителя. Всего лишь несколько десятков полуразумных существ, подчиняющихся только своему голоду. Главное — успеть их использовать, вне своего мира долго они не проживут. Да это и не нужно...

— Ки Хон, что с птицами? Стигги уже прибыли?

— Да, госпожа. Мои люди привели сюда почти всю стаю.

— Почему так поздно?

— Это всего лишь птицы, госпожа. Пока они не убедятся, что их птенцы достаточно выросли и им ничего не грозит, они не тронутся с места, — ответил островитянин.

— Они по-прежнему способны нести на себе людей?

— Да, если всадники не слишком тяжелые. Допустим, такого, как я, да еще в полном доспехе, не поднять ни одной птице.

— Значит, посадим мальчишек. Джемед, отправляйся в малый храм, отбери вместе с Ки Хоном учеников младшей ступени, все равно это расходный материал. Выбирай самых отчаянных.

— С вашего позволения, госпожа, после отбора всадниками займусь я, — сказал Зу Вон, — у нашего народа практикуется особый ритуал, соединяющий воина и его птиц. Так вашим юношам будет намного легче...

— А нам — спокойнее. Действуйте, а нас с Иро ждут в подземелье.

Глава 10

Судьба всегда предлагает тебе два альтернативных варианта — тот, который тебе следовало бы выбрать, и тот, который ты выбираешь.

Грегори Дэвид Робертс "Шантарам"

Незачем выдумывать чудищ, когда имеешь дело с людьми.

Мэри Рено "Тесей. Царь должен умереть"

Вражеский флот появился в пределах видимости через три дня. Армаду можно было хорошо разглядеть в подзорную трубу со сторожевых башен, и, надо сказать, она производила впечатление — как своей численностью, так и разнообразием судов. Каких только кораблей там не было: и знакомые уже длинные черные галеры с косыми желтыми парусами, и крутобокие четырехмачтовые галеоны, ощерившиеся открытыми люками оружейных палуб, и изящные фрегаты родом с материка, и какие-то совсем ни на что не похожие, массивные и высокие, без мачт и палубных построек, зато с двумя рядами мощных весел с обеих сторон. Они еще были достаточно далеко, невооруженному глазу виделись и вовсе крохотными точками на горизонте, но малый флот Города уже затопили в устье гавани. Опасность оказалась не просто реальной — она стала осязаемой, и те, кто не хотел верить в нападение до самой последней минуты, теперь в ужасе пытались успеть все и сразу.

Орданн не полагался на милости судьбы и делал, что мог. Обсудив с Габриэлем и самыми здравомыслящими военачальниками возможность вражеского прорыва в Город, он собрал самых знающих фортификаторов и велел начать восстановление стен древней цитадели. Ее стены, возведенные, наверное, задолго до последнего Короля, проходили полукругом в нескольких кварталах от королевской площади, упираясь все в те же нерушимые скалы. Конечно, они местами обветшали и даже обрушились, горожане пристраивали к ним склады и сараи, но их можно было восстановить достаточно быстро. Чего-чего, а уж камня в округе имелось предостаточно. Многие генералы гордо задирали головы и заявляли на каждом шагу, что король перестраховывается, и враг никогда не ступит на благословенную землю Города. Простой люд слушал их в одно ухо и делал по-своему, возводя новые укрепления и ремонтируя старые. Сразу нашлись и нужные мастера, и умелые каменщики. Хозяева ближайших к старым стенам лавок и харчевен кормили работающих до седьмого пота людей почти бесплатно. Даже ночью, при свете факелов и костров работа продолжалась.

Лиард и Даррен, тщательно исследовав Тонкие пути, принесли совсем неутешительные новости. На любой, даже самой незначительной тропинке, ведущей вовне, плескалась Тьма. Любой путь просто вел в ничто, в жадный, дышащий жаром и кровью мрак. Это была осада, и осада грамотная. Теперь надежды на то, что Лоцман, в случае необходимости, сможет вывести из Города хотя бы часть жителей, практически не было. Пока еще свободными оставались Тоннели, но последний караван из Реона пришел неделю назад, а из мира лесов они приходили все реже и реже. Что будет дальше? Не придется ли Мудрым самим закрыть Тоннель в Арашамф? Король с самого начала не рассчитывал ни на чьи силы кроме

собственных: было доподлинно известно, что и в Реоне, и в Арашамфе тоже идет война. Конечно, внешние стены города, старательно укрепленные после предыдущей попытки штурма, смогут выдержать любую атаку, если только противник не придумает что-то совсем уж безумное. Ибо, как сказал отец Грант, на свете нет ничего нерушимого, кроме веры и надежды людской.

Габриэль, получивший чрезвычайные полномочия, формировал уже второй полк из валивших валом молодых и не очень добровольцев. Маршалы и генералы, у кого родословная была длиннее Белого Моста, презрительно кривили губы и отпускали в адрес бывшего капитана Королевской Стражи едкие шуточки, коих он, впрочем, совершенно не замечал. Те же из дворян, кто был умнее и дальновиднее, шли помогать «плебейскому полковнику» де Рейвену. Из них-то и составлялся обновленный костяк армии Города.

Его величество весьма беспокоили огромные птицы, что частенько стали появляться над бухтой и городом. Прилетали они, как правило, небольшими стаями, и одна из тварей обязательно несла седока. Покружат-покружат, да и улетят восвояси. Дальше прибрежных районов их не пускали, отпугивая мушкетными выстрелами, но сбить пока ни одной не удалось. Солдаты же утверждали, что такой громадине мушкетные пули нипочем, а бить по ним из мортир глупо. Повезло, как ни странно, арбалетчикам, дежурившим на городской стене. Птичка, видимо, сочла одиноко стоящего воина за легкую добычу и спустилась пониже, но вместо ужина получила пару тяжелых болтов из стационарного арбалета. Смотреть знатную добычу сбежались все, кто не спал и был свободен от несения службы, после чего ее доставили во дворец, а точнее, в Арсенальный двор. Трофеем оказался столь внушительным, что его еле увезли на длинной телеге. Командору достаточно было бросить один взгляд на огромные распростертые крылья с жесткими, очень упругими перьями и хищно загнутый массивный клюв птицы:

— Стигги. Давно их здесь не видели. Последняя запись о нападении стиггов на корабль сделана около сотни лет назад. Выжили только те, кто успел запереться в трюме.

— То, что стигги — хищники, очевидно, — сказала Тайри, — они еще и людоеды?

— Да, человеческое мясо для них самое лакомое. Хотя они не брезгают любым животным, которое способны унести. Такая вот взрослая самка спокойно вытаскивает из воды тюленя или уносит с пастбища годовалого бычка.

— Понятно. Скажите, они ведь раньше просто охотились, как и другие их птички сородичи, верно? Или и тогда ими управляли маленькие всадники? — спросил Даррен.

— Моряки, плававшие на Птичий архипелаг, рассказывали что-то подобное. Местные племена утверждали, что их шаманы умеют договариваться со стиггами и даже летают на них с острова на остров. Но собственными глазами наши путешественники этого не видели, посему рассказы эти проходили по разряду легенд и баек.

— Что ж, теперь мы воочию убедились, что островитяне не врали им. Видимо, последнее время их шаманы не дремали и подготовили немало наездников, — подвел итог присутствовавший на осмотре трофея король, — управляемые хищники — крайне... неприятный противник.

— Управляемые летающие хищники, способные мгновенно убить или искалечить человека, — уточнил Габриэль, — да в придачу к ним всадники, которые успешно могут стрелять или сбрасывать на нас, скажем, какую-нибудь горючую или едкую гадость.

— Что мы можем противопоставить им, кроме стрелков на крышах и городской стене? Щит?

— Боюсь, что у нас не хватит сил держать его над Городом постоянно, мой король, — ответил Астор, — нас слишком мало.

— Совершенно верно, — кивнула Тайри, — мы уже обдумывали это. По самым оптимистичным расчетам, возможно удерживать купол четверть суток, не более.

— Даже если задействовать Талисман? — поднял одну бровь Орданн.

— Талисман?! — удивился Командор, — А разве его пленник не освободился после эпидемии?

— Да я его и не держу, — тонко улыбнулся молодой монарх, — может, ему так хочется.

— Пусть с Талисманом мы продержимся вдвое дольше, даже вчетверо... Все равно это не выход, ваше величество, — сказал Габриэль, — птиц могут быть полчища. Уверен, что одними стиггами наши заклятые друзья не ограничатся, выпустят еще что-нибудь подобное, не говоря уж о нечисти.

— У вас есть драконы, — презрительно скривив губы, точно говорила о чем-то мерзком, произнесла Рода, — пусть отрабатывают свой хлеб.

— Их всего двое, Рода, — покачал головой Лоцман, — а птиц сотни, если не тысячи! Они могут просто растерзать их, вот и все, и никакой огонь не поможет. Вы ничего лучше не придумали, чем пожертвовать такими ценными союзниками в самом начале войны?

— Мы все кого-то теряем на войне. Что им сделается? Малость пообщиплют их роскошные прически? Они же одним дыханием могут спалить с десятков стиггов за раз!

— Рода, боюсь, что вы имеете весьма отдаленное понятие о военных потерях и их целесообразности, — резко произнес король, — и, тем не менее, беретесь судить. Займитесь тем, в чем вы действительно разбираетесь, или молчите.

Орданн сдвинул брови и холодно взглянул на зарвавшуюся волшебницу. Поющая Стихиям опустила голову и тихонько отступила за спины остальных. О Вседержитель, едва сдерживая бешенство, думала она, теперь меня ставит на место какой-то безродный мальчишка, только что напяливший корону!

— У меня есть одна идея, ваше величество, — сказал задумчиво де Рейвен, — не знаю, насколько она хороша... А что, если попросить Тилу привести родственников? Крылатые кошки могут быть нам полезны.

— Стоит попытаться. По крайней мере, мы получим своих летающих всадников. Тоннель с Арашамфом еще действует? — обратился найденыш к Лиарду.

— Да, мой король. Буквально пару часов назад прибыл небольшой караван с заказанными лекарствами и медом.

— Тогда действуй, Габриэль. И передай Тиле мою глубочайшую благодарность, каким бы ни был результат ее похода. Ведь ее соплеменники могут и не согласиться.

— Тила говорит, что отправится немедленно и постарается привести с собой как можно больше крылатых. Она будет очень спешить, — произнес Габриэль медленно, будто к чему-то прислушиваясь. Он всегда так разговаривал, когда приходилось одновременно общаться и с людьми, и с крылатой кошкой.

— Хорошо. Что у нас с гаванью?

— Все сделано, ваше величество. Старые галеоны и каравеллы, четыре совсем уж древних барка, плюс еще целая флотилия барж и всякой мелочи, груженной шипастыми шарами и абордажными якорями. Если начнут вдруг разбирать завалы, найдут для себя много приятного, — мрачно улыбнулся Астор, — Надеюсь, это поможет нам хоть немного выиграть время.

Король лишь покачал головой, осторожно проводя пальцами по крылу убитой птицы:

— Не уверен... Флот Темных все ближе. Габриэль, пусть удвоят количество стрелков на стенах, также установите арбалеты на самых высоких башнях в Городе. Пусть нещадно отстреливают птиц, а того, кто собьет всадника, ждет награда. Тайри, я понимаю, щит — дело сложное. Нельзя ли, опираясь на Талисман, создать нечто вроде сигнальной сети, чтобы ни одна тварь не попала в Город незамеченной?

— Это гораздо проще, ваше величество. Определим по плану города, в каких точках необходимо разместить опорные камни, настроим их на розовый кристалл...

— Двадцать четыре точки, — уверенно сказал Орданн. — Двенадцать по периметру Города и еще двенадцать внутри. Понимаю, это непросто — подготовить такое количество берегов.

— Мы справимся, мой король, — лучезарно улыбнулась своему суженому Одри, — если приступим прямо сейчас, то к завтрашнему вечеру они будут готовы. Правда, еще останется настройка.

— Настройку я беру на себя. Подожди, — брови найденьша удивленно поползли вверх, — готовы завтра вечером? Это же невозможно! Да вы замертво свалитесь после такой работы! Нет, не нужно...

— Не волнуйтесь, мой король, у нас есть помощники: Астор, Герт, их ученики, драконы, наконец.

— Я смотрю, вы с Тайри зря времени не теряли! Ладно, ларец с камнями вам сейчас принесут. Только очень прошу вас всех, берегите силы. Мне совершенно не хочется потерять лучших моих волшебников.

К вечеру следующего дня, когда почти все камни-обереги были готовы, над городом вновь закружились стигги. На этот раз пожаловало целых три стаи, и, соответственно, столько же всадников. Их встретили прицельным огнем, и не только из арбалетов. Повезло охотникам за наградой — двух седоков им удалось сбить. Первый получил длинную стрелу в горло (кто-то по-старинке стрелял из большого лука), и упал на землю, а его стая мгновенно ретировалась. Во втором случае убили птицу, а всадника, хоть и с переломанными костями, представили перед светлы очи Королевского совета.

— Мальчишка, — с горечью произнес Орданн, разглядев щупленького и смуглого птичьего наездника, — наверное, один из послушников храма. Я видел таких...

— По-моему, его чем-то опоили перед полетом, — сказала Тайри, глядя в неестественно расширенные зрачки пленного, — или околдовали, что вероятнее. Посмотрите, он почти не чувствует боли, и лицо его ничего не выражает, хотя он в полном сознании. Поверьте мне, это не шок.

— А если попробовать его... освободить?

— Можно попытаться, — ответил, склоняясь над всадником, Даррен, — тут даже сил много не понадобится. Тайри, видишь, где пульсирует темный кокон? Попробуем отсечь его и...

Юный пленник выгнулся дугой, забился в судорогах. Хранительница постаралась по возможности снять боль и заживить самые тяжелые раны, но дело было не в них. Контроль неведомого хозяина над своим рабом-всадником был слишком силен. Мальчишка зажмурился, а когда открыл глаза, на окружающих его людей смотрел уже совсем другой человек. Взгляд был осмысленный, цепкий и надменный — взгляд полководца, а не солдата.

— Вы все умрете... Хозяин выпьет вашу силу, и вы будете вымаливать у него смерть!

Вам никогда не победить — таким благодушным... из ваших женщин шаманы сделают послушных марионеток, танцующих на потеху солдатам, — произнес пленный чужим, каким-то рычащим низким голосом. Видимо, мозг раненого не выдержал подобной нагрузки — его использовали и выбросили, как сломанную деталь. Из ушей и носа мальчишки хлынула темная кровь, по телу еще раз прошла судорога и он умер, прошептав обычным, высоким ломающимся голосом: мамочка...

— Да не отвергнет Вседержитель душу его, — хрипло проговорила Хранительница, закрывая умершему глаза.

— По крайней мере, кое-что мы узнали, — тихо сказал король. Уголок рта у него заметно дергался. — Это боевые механизмы, увы. Значит, их колдуны умеют делать людей такими. Кто-то посмотрел на нас его глазами, произнес несколько угроз и убил.

— Стало быть, брать живьем их бессмысленно, — спокойно сказал Габриэль, — все равно ничего не скажут. Но награду за сбитых надо оставить. Видели, как ведет себя стая, лишенная всадника? Нет? Я сегодня видел. Если жива его птица, то стая во главе с вожаком быстренько сматывается, а вот если вожак убит... Оставшиеся просто с ума сходят. Сначала кружат оторопело над одним местом, а потом попросту вцепляются друг в дружку и рвут в клочья.

— Значит, прикажите целиться в птиц, — сдержанно кивнул молодой монарх. — Что с берегами?

— С минуты на минуту подвезут последние, — ответила Одри. Она выглядела очень уставшей, под глазами залегли темные тени — сказывалось ночное бдение над королевским заданием.

— Чья работа?

— Герта и учеников. Они включили в общие свойства что-то особенное, связанное со временем, поэтому все несколько затянулось, — пояснила Хранительница.

— Понятно. А где те кристаллы, что сделали наши друзья-драконы?

— Вот, — протянула Орданну четыре крупных, слегка светящихся изнутри рубина скучавшая у окна Фаэ, — они, конечно, кое-чем отличаются. Во-первых, мы их видим, точнее, ощущаем в любой момент времени. Во-вторых, при малейшей надобности, сигнальная «нить» может стать боевой, и стигга просто разрежет пополам.

— Дивные камушки, — усмехнулся Габриэль, — то-то вчера Скайяр так долго вокруг подбитой птицы хлопотал...

— Мы старались как можно точнее рассчитать силы, — пояснила драконица, — мой король, в следующий раз, когда прилетит стая, разрешите нам поохотиться, — скромно опустив очи долу, попросила она. — Скай сказал, мы засиделись без дела.

— Я бы не хотел... Хотя, посмотрим по ситуации, — ответил Орданн, — скорее всего, Темные учтут свои ошибки и изменят тактику. А теперь посмотрите, где я хочу разместить береги, — все собрались вокруг объемной модели Города и со вниманием стали слушать пояснения короля.

Отпустив магов, его величество собрался было отдохнуть, но вспомнил, что именно на сегодня назначил еще одну встречу. В кабинете его ожидал мэтр Логар и двое купцов помоложе, владевших самыми крупными рыбацкими флотилиями. За их спинами скромно обретался кто-то еще, явно не знавший, как себя вести перед монархом. Орданн с интересом присмотрелся к загадочному посетителю: вроде бы ничего особенного. Одет небогато, но добротнo, лицо неприметное, а вот глаза внимательные и колючие, с хитрым прищуром. И

руки, не в пример другим, затянуты в тонкие кожаные перчатки. Глава Золотых поясов говорил, что приведет не совсем обычного просителя, который и вовсе никогда ничего не просил. Вот ему, видимо, и неловко, он и слов-то нужных не знает. А если и знает, то они не выговариваются никак. Интересно, это кем же надо быть, чтобы ничего просить не приходилось? Не иначе, королем. Короли, они разные бывают...

— С чем пожаловали, достойные господа? — осведомился молодой монарх.

— Идея тут у нас появилась, ваше величество. Пока враг не запер нас внутри стен окончательно, выпусти ты наших рыбаков в море. Пусть наловят рыбы побольше, сколько успеют. Тем более, погода вроде установилась, да и зимний лов как раз сейчас бы начался, не будь всего этого. Зеркальница косяками идет, чернохвост, опять же. Хорошая рыба, крупная, ее что засолить, что закоптить можно в запас. Мало ли, что случится...

— Дельная мысль, уважаемые. Только вот не помешают ли рыбакам наши притопленные сюрпризы?

— Не извольте беспокоиться, ваше величество. Плоскодонки и фелуки везде пройдут, а для судов побольше, вроде шебеки у нас, вроде, тропинка незаметная оставлена. Так ведь? — спросил один из молодых купцов.

— Так-то оно так только после того, как ваши кораблики там пройдут, какая же она незаметная будет? Любой ленивый разглядит и запомнит. Хотя... Пусть. Может, это больше пользы, чем вреда принесет. И рыба в городе будет.

— Государь, а ничего если там некоторые суденышки будут не совсем рыбацкие? — вкрадчиво произнес четвертый посетитель из-за спин своих товарищей, — пусть уж ваши стражники не сильно пристально в их сторону глядят. А мы добра не забудем...

— Интересно, чего такого особенного и где заждались ваши покупатели, — усмехнулся Орданн. Главарь контрабандистов пожаловал, не иначе, хоть и был представлен, как мелкий судовладелец.

Собеседник его величества сощурился, отчего стал окончательно похож на какого-то зверька — не то енота, не то лиса.

— А оно вам надо, знание это, ваше величество? Ну, товарец из Реона, давно его ждали, длинной дорогой на запад пойдет...

— Да абсолютно мне оно ни к чему, уважаемый. Мне пригодилось бы другое. Если ваши парни что подозрительное в море или в городе увидят, услышат — пусть стражникам сообщают, хоть и самому капитану Габриэлю. Ну и плату вам лучше брать продовольствием, надеюсь, понятно, почему.

— Не младенцы мы, государь, понимаем. Если уж край настанет — так он всем настанет, и вашим, и нашим. Город — он и наш тоже. Что сможем — не только для себя сделаем. Муравейник вас не забудет.

Его величество многозначительно кивнул. Хитрый посетитель знал себе цену и не таился. Стало быть, даже Муравейник желает вступить в игру. Вот уж чего нельзя было ожидать от странного анклага, города в городе, где обретались контрабандисты, воры, торговцы всевозможными запретными удовольствиями, содержались веселые дома и самые низкопробные притоны, притягивавшие к себе все городское отребье. Но жить хотят и они. Ничего, если вдруг кого из «муравьев» не в ту сторону понесет, разговор с ними будет короткий, и главари это знают.

На том и порешили. Обсудив еще кое-какие детали с купцами, король отпустил их. Сомнения, конечно, оставались, но иногда слово такого вот «Муравьиного короля», стоит

больше, чем фальшивые клятвы якобы не способных замыслить измену Мудрых и вельмож. Вся эта суэта вокруг фарватера была затеяна в большей степени, как наживка для предателей. Орданн спать спокойно не мог, пока не выловят всех, кого возможно.

**** *
**** *
**** *

Рода покинула Совет, выждав ровно столько, чтобы ее ухода не заметили. Она просто кипела от злости: ну почему, почему этой самозванке вечно все удается! Почему все вокруг нее вертятся, все с ней раскланиваются и рассыпаются в бесконечных благодарностях! Ах, Тайри — величайшая целительница, которую только знал Город! Ах, если бы не она, Город был бы обречен! Ах, она нашла истинного наследника престола! Тьфу, и слушать-то такое противно! Да откуда только эта мошенница свалилась на ее несчастную голову? И за какие такие заслуги ей так везет? Наверное, вовремя свою душонку Темному продала. Все, буквально все вокруг околдованы и одурманены, и вовсе не замечают, что она, Рода, сделала для Города ничуть не меньше. Это она, Поющая Стихиям, должна была стать Хранительницей!

Так нет же, мало этой самозванке незаслуженной славы, она, вдобавок, невесть из какой преисподней выгащила проклятых драконьих оборотней. И теперь Лиард — ее Лиард, как последний идиот, попался в сети к красноглазой ведьме-перевертышу! Он теперь и слышать ничего не хочет об их совместных планах, даже не смотрит в ее сторону, будто не было между ними ничего. А ведь они вместе с той самой минуты, когда зелеными аколитами ступили под сень Дома Мудрых! Да и можно ли было ожидать от Владеющего Пространством чего-то иного, если он последнее время только и делал, что слушал, раскрыв рот, этого зеленоглазого колдуна Даррена! Что ж, они отняли у нее все: надежды, любовь, славу. Рода найдет способ постоять за себя, и наглые проходимцы, явившиеся неизвестно откуда, поплатятся. И поплатятся жестоко!

С такими мыслями Поющая Стихиям какое-то время бесцельно бродила по улицам. В конце концов, утомившись и несколько успокоившись, она решила заглянуть в одну из своих любимых ювелирных лавок. Сие почтенное заведение, как и несколько подобных ему, принадлежало старшему сыну мэтра Райнара. Вид драгоценных безделушек всегда приносил ей облегчение и радовал душу. Как на зло, в лавке уже кто-то был: услужливый хозяин выставлял перед высоким широкоплечим гостем в добротном суконном плаще одну шкатулку за другой. Тому то ли не нравилось, то ли он никак не мог выбрать, все разглядывал тяжелые, литого золота, украшенные ониксом и черным турмалином браслеты, широкие серебряные запястья с чеканным узором...

— Госпожа волшебница, может быть, вы поможете мне выбрать подарок? — неожиданно

обернулся к ней покупатель.

Реонец, машинально отметила про себя Рода, надо признать, очень красивый реонец. И настоящий воин — вон, на щеке красуется цветная татуировка Ордена Мечей.

— Для кого он предназначен, мастер?

— Для одного из моих учеников. Он покидает Орден, и я хочу, чтобы у него осталась от меня памятная вещица, желательно, такая, которую не найдешь у реонских ювелиров.

— А почему не оружие? Ведь это так естественно в воинском ордене, — Поющая Стихиям откровенно любовалась собеседником.

— Оружие у нас не дарят, его изготавливают особые мастера, для каждого отдельно. Один из постулатов Ордена гласит, что твое оружие — не просто вещь, это такая же часть

тебя, как рука, голова или сердце, ты должен не просто научиться владеть — ты должен сжиться с ним! Поэтому я предпочитаю украшения, единственно достойные мужчины — запястья или браслеты.

— Он молод, ваш ученик?

— Не старше вашего короля, совсем мальчишка, — сверкнул белоснежными зубами реодец, — ничего не скажешь, повезло же вам с правителем!

Что и говорить, зерно упало на подготовленную почву.

— Ну так его подручные-колдуны только что не из шкуры вон лезли, чтобы доказать всем истинность его происхождения. А наши Мудрые и поверили, — не выдержала Рода, — глаза бы мои на них не глядели. Не известно теперь, чем все это для Города кончится.

— Да уж ничем хорошим, поверьте мне. Но вам, моя прекрасная госпожа, следует быть осторожнее — говорят, и у стен есть уши. Хотя я бы с превеликим удовольствием вас выслушал, ибо тоже не разделяю восторгов... Конечно, я не горожанин, мне должно быть все равно, но у меня здесь старые связи, налаженная торговля...

— Торговля?! Вы же воин!

— У моих братьев здесь магазины, торгующие специями, тканями и вином. У меня в них доля. Я обычно занимаюсь охраной их же караванов, — ничуть не смутился реодец, — может быть, госпожа волшебница согласится посетить мой скромный дом? Там нас никто не сможет подслушать и не помешает. Даже муха не влетит в мое жилище незамеченной, его охраняют специально обученные смурги.

И она пошла, потому что обида, ревность и злость требовали хотя бы выговориться. Пошла, потому что красивый воин был вежлив и обходителен, осыпал ее изящнейшими комплиментами, а тщеславная натура Роды требовала признания и поклонения. Тем более, что благородный собеседник ей понравился — в конце концов, ну не плакать же ей вечно по Лиарду, который и в подметки-то не годится статному мастеру мечей!

Дом, снаружи самый обыкновенный, изнутри уступал разве что королевским чертогам. Роду всегда восхищал реонский стиль, сдержанный и роскошный одновременно. Так было и здесь: мягчайшие ковры; низкие, покрытые шкурами диких зверей, диваны; множество изящно вышитых шелком подушек; маленькие столики из драгоценных пород дерева, добытого во всех сопредельных мирах, уставленные яствами и напитками... Никакой пестроты, все выдержано в бежево-зеленой традиционной гамме, ничего лишнего. Хозяин предложил Поющей стихиям располагаться, налил в тончайший высокий бокал изумрудного густого вина («Уверяю вас, вы такого никогда не пробовали, его уже тысячу двести лет производят в нашем фамильном имении и поставляют только ко двору кесаря...»), и куда-то исчез. Вернувшись, он выглядел более «домашним» — без оружия, если не считать родового ритуального кинжала за поясом, в темно-зеленом, шитом серебром колете, открывающем красивые мускулистые руки.

— Я хочу подарить вам кое-что, госпожа Рода, — реодец держал на ладони небольшой бархатный футляр, — эту вещицу мне принесли в счет долга, но она женская. А женщин в моем доме нет... надеюсь, она вам понравится.

Подвеска была восхитительной. Три чистейших бриллианта, величиной с крупную горошину каждый, были вплетены в нечто воздушное, сплетенное из нитей белого золота. И гладкая широкая цепь оказалась в самый раз.

— Вот видите, точно для вас делали, — лучезарно улыбнулся хозяин, — кстати, это работа одного из лучших придворных мастеров.

— Но я не могу принять столь дорогой подарок, — попробовала изобразить смущение Поющая Стихиям, — ведь мы с вами даже не знакомы. Что скажут люди?

— Пустяки, прекраснейшая. Я-то вас знаю, вас все знают. А меня зовут Нигмар Гролф, и я действительно мастер Ордена Мечей. Теперь, можно сказать, практически на покое — караваны редко ходят в Город.

— А почему вы не вернетесь? — любуясь на себя в зеркало, спросила Рода.

— Мне скучно в Хартале... Вы бывали там?

— Один раз. Как там может быть скучно?! Такое великолепиие!

— Вот именно. Столица кесарии Морего слишком помпезна, слишком богата, и жизнь в ней течет слишком медленно для меня. Понимаю, что Хартала — не единственный город на Реоне, но мне проще пройти Тоннелем, чем пересечь пески Сухого моря.

Разговор тек, как ручей, свободно перескакивая с одной темы на другую. Нигмар Гролф оказался умелым и благодарным слушателем, не забывал вовремя наполнять бокал гостьи и время от времени с восхищением отмечать то глубину ее ума, то прозорливость, то сочувствовать вместе с ней судьбам города. Рода и сама не заметила, как рассказала радушному хозяину и о своих обидах, и о том, что в ордене Мудрых у нее не осталось единомышленников, и о том, что Город уже на осадном положении, о затопленных кораблях и секретном фарватере... прощаясь с любезным собеседником, она помнила только его комплименты. Вино приятно шумело в голове, и ей стоило большого труда отказаться от предложенного ночлега.

— Сегодня был самый чудесный вечер, Рода, и я благодарю вас за него, — коснувшись губами обеих ее рук, сказал Нигмар, — вы самая замечательная женщина в двух мирах, клянусь своими мечами! Я никогда не встречал столь гармоничного слияния всех достоинств в одном человеке. Смею ли я надеяться на следующую встречу?

— Может быть... Если все будет благополучно, я пришлю записку, — Рода на секунду задумалась и добавила нерешительно — наверное, будет лучше, чтобы нас никто не видел вместе.

— Моя госпожа благоразумна и осторожна. Согласен и подчиняюсь, — смиренно поклонился реонец, — буду ждать, и с большим нетерпением...

Рода спустилась по ступенькам высокого крыльца, не дрогнув, прошла мимо недобро заворчавших смургов и растворилась в темноте улицы. Позади задумавшегося Гролфа тихонько скрипнула дверь, ведущая в комнаты слуг.

— Все прошло отлично, — маленький толстенький старичок встал рядом с хозяином, довольно потирая руки, — Верховная жрица будет довольна.

— Надеюсь, — воин досадливо поморщился, — ты ведь все слышал?

— Да, и избранница А'Деула слышала моими ушами, — голос у толстяка стал совсем ележным, — господин — мастер своего дела.

— Знаю, знаю... Отправляйся спать, Бирум.

— Мой господин, ты сердисься?

— Бирум, я не привык повторять дважды, — ворчливо проговорил воин.

Толстяк пожал плечами, шумно вздохнул и убрался восвояси. Гролф еще какое-то время постоял, глядя на возню смургов во дворе, и сказал едва слышно:

— Мне жаль этот Город, если у него такие маги...

**** *
**** *
**** *

Полуночные Врата представляли собой высокую — в два человеческих роста и узкую,

позеленевшую от времени бронзовую дверь в одном из подземелий храма. Несколько сотен лет назад она была запечатана верховным жрецом, испугавшимся чуть не до смерти того, что он за ней увидел. Запечатана дверь была столь тщательно, что все предпринимаемые до сего дня попытки открыть ее были безуспешны. Да и не мудрено было испугаться! Если верить описаниям тех, кто осмелился там побывать, за бронзовыми створками жил своей жизнью отдельный мирок: удушливое, теплое, бурлящее смрадными горячими гейзерами болото, из которого торчали редкие островки голого гранита. В болоте кишела жизнь, и почти любая тварь, взятая оттуда, была смертельно опасна для человека, хоть и жила вне своего болота совсем недолго. Самыми смертоносными были хищники, похожие на змей: длиной не более локтя, с лобастыми крупными головами и раздувающимся под нижней челюстью пузырем. Пасть у этих созданий была полна острейших, загнутых внутрь зубов, а по бокам тела располагались сложенные перепончатые не то крылья, не то плавники. Твари умели очень точно и далеко прыгать, помогая себе в полете этими самыми крыльями-плавниками. Кроме всего прочего, болотные прыгуны были весьма хитры и сообразительны, а запах свежей крови удваивал их силы.

«Ну чем не оружие? Сначала немного потрепать противника, так сказать, пустить кровь, а потом выпустить из огромных глиняных чанов милых летучих змеек. Конечно, их хватит всего на один бросок, зато ни единая не промахнется!». Дингра обдумывала это, пока спускалась с верным несхитом по лестницам, а потом и вовсе по древним пандусам в нужную пещеру. Их встретил один из жрецов, низко поклонился госпоже.

— Мы послали на разведку маленький отряд, — сказал он, — опытного мага и двух послушников.

— Как давно?

— Пару часов назад. Им пора бы уже вернуться...

В это время из-за со скрипом приотворившейся двери не вышел, а вывалился послушник, волочащий на себе мага.

— Что случилось? — в ужасе воскликнул жрец.

Из многочисленных ран на лице и руках юноши сочилась кровь, а маг, судя по всему, не мог двигаться и только глухо стонал.

— Там все не так... Болота почти нет, все заросло жестким колючим кустарником. Змеи голодны и никого к себе не подпускают. Одно счастье — они настолько слабы, что не способны прыгать. Гарон оступился и его тут же разорвали в клочья. И нас со Старшим разорвали бы, не сотвори он заклинание... Только оно ему боком вышло... — послушник совсем по-детски хлюпнул носом и бережно уложил на скамью очнувшегося в прохладе пещеры мага.

— Там провал... — просипел спекшимися губами белый, как мел, волшебник, — провал на такие горизонты Тьмы, которые мне не по зубам... Может, ты увидишь, что там спрятано, Верховная...

— Отнесите обоих к лекарям, — приказала Дингра, — они заслужили жизнь. Ну, что будем делать? — обратилась она к несхиту.

— Ты сумеешь смирить зубастых змей, госпожа?

— Да, Иро, мне это нетрудно.

— Тогда я хотел бы посмотреть, что там на самом деле. Как утверждают наши священные свитки, Неспящие ближе всего к бодрствованию, когда Весы раскачиваются. Как сейчас...

— Полагаешь, что это один из путей, ведущих к Коконам?

— К ним нет путей, госпожа. Можно подобраться более или менее близко, к одному из трех поясов, охраняющих их покой. Но чтобы достичь того места, где многие тысячи лет пребывают Неспящие, надо стать на одну ступень с богами, — пояснил маленький воин, — даже величайшие из наших жрецов никогда не проникали дальше второго пояса.

— И что они там видели? Кто-нибудь говорил? — жадно спросила Верховная.

— Первый пояс для каждого выглядит по-своему, моя госпожа. В начале — душная, жаркая тьма окружает тебя, ты слышишь чье-то размеренное дыхание, неясные звуки, шепот... Твои ноги ступают по чему-то теплому и упругому, глухо содрогающемуся от равномерных ударов. Будто идешь по коже гиганта, и под тобой бьется его сердце. А потом каждый видит и испытывает свой ужас, свое отчаянье. Сколько бы человек ни пришло с тобой вместе, все равно ты будешь там совершенно один... Многие не выдерживали — и возвращались, это довольно легко. Многие сходили с ума. Единицы, сильные духом, шли вперед и достигали следующего пояса. Там их ждал совершенно иной морок. Место потрясающей красоты и покоя — так мне рассказывал прадед, которому посчастливилось оттуда вернуться. Потому что отказаться от счастья обрести покой, остаться в мире, сотканном из дивных сполохов света, прекрасной музыки и девственной природы, приносящих умиротворение в душу, может далеко не каждый.

— Как же это удалось твоему прадеду?

— Он уже нашел умиротворение здесь, среди родных и близких, очень сильно любил свой дом, детей и внуков... Это оказалось сильнее.

— Ну, за первый пояс я не очень волнуюсь. С Тьмой мы как-нибудь поладим. А вот второй... — с сомнением произнесла жрица.

— В вашей душе нет мира. Но ведь наверняка есть сильные желания, какие-то еще не достигнутые цели, — глядя на Дингру снизу вверх своими удивительными фиолетовыми глазами, сказал Иро, — это те якоря, что смогут вас удержать.

— Да... Есть цели и желания, — задумчиво произнесла женщина, глядя поверх головы маленького горца на закрытую дверь в скале, — и одно из самых больших — это привести в наш мир кого-нибудь из твоих Неспящих, Иро. И тогда Город будет нашим.

— Тот единственный, кому удалось пройти дальше всех, сказал, что за вторым поясом никакого волшебства нет, просто пещеры и тоннели в толще древнего камня. Но стоит переступить некую границу, и охранник последнего рубежа, невидимый в темноте, издает невообразимый крик, обрушивая стены на твоём пути.

— Может, им нужны жертвы, их надо задобрить?

— Жертвы они с благодарностью принимали, но... Не людям нарушать покой великих богов.

— Разве несхиты не собирались когда-либо освободить их?

— И собирались, и пытались, пока не поняли, что человеку это не под силу. Заточили их не люди, не люди и освободят. Главное, чтобы дети не забыли заветов своих отцов и не навлекли на себя гнев проснувшихся...

— Ладно, будем считать наш поход очередной попыткой. Ты готов?

— Готов, госпожа. Мои желания гонят меня вперед и заставляют действовать.

— Какие, Иро? Может, расскажешь, — почти ласково спросила жрица. Она пообещала несхиту исполнить два его желания, когда придет время расплачиваться за помощь. То, что он не назвал их, ее несколько не волновало — мало ли что может случиться на войне...

— Когда придет время, я все расскажу тебе, госпожа. Поверь, они весьма скромны и полностью в твоих силах. Тебе даже не придется ни о чем просить Властителя, — Иро лукаво улыбнулся.

— Хорошо, — пожалала плечами Дингра. — Тогда — в путь? Нам нужна подмога?

— Нет, госпожа. Только твои и мои силы, только твои и мои знания...

**** *
**** *
**** *

— Ваше величество! Вражеские суда в гавани! — запыхавшийся молодой офицер, казалось, сам не верил своим словам.

— Сколько и каких, капитан? — найденыш остался внешне спокоен, только краешек рта едва заметно дернулся.

— Четырнадцать галер, из которых шесть тяжелых, тридцативесельных. Еще восемь полугалер и полтора десятка туземных корокоров. Это такие длинные лодки, очень шустрые. Поначалу их было вдвое больше, но сработали ловушки, устроенные нашими артиллеристами на затопленных кораблях. Ко дну пошли две тяжелые галеры и половина мелочи. Оставшиеся упрямо лезут вперед, точно знают фарватер. Они сбрасывают в воду что-то живое. Мы пытались рассмотреть, но эта нечисть так быстро ныряет... А по прошествии получаса полугалеры вполне спокойно продвинулись до середины гавани. Стреляли — да все без толку, их колдуны держат надежную защиту. Правда, мелочевку они не прикрывают, но стрелять по корокорам — все равно, что по воробьям.

— Астор и Даррен...

— На главной портовой башне, ваше величество. Они с Лиардом еще с ночи там, но сломать защиту Темных им пока не удалось. Правду сказать, и наши не оплошали — противник встал, как мертвый.

— Не лучшая новость с утра. Я думаю, адмиралы знают, что делать. Ни одна лодка не должна проникнуть за старую линию цепей.

— Но ведь здесь их легче будет потопить, они попадают под сплошной огонь наших пушек...

— Полагаю, что это напрасный риск, капитан. Флот Кадарна очень велик, и на этом этапе они не станут скупиться. Хотя, возможно я ошибаюсь, и галеры не полезут так быстро за ближний оборонительный рубеж. Мин было заложено предостаточно, и вряд ли их капитанам захочется выстлать дно гавани своими кораблями.

К счастью, король оказался прав: основная часть вражеской армады встала на якорь, едва достигнув середины гавани. Темные вели себя уверенно и деловито: крупные корабли были вне досягаемости крепостных пушек и катапульта, а малые умело защищали маги. По зрелом размышлении Астор, посоветовавшись с моряками, приказал прекратить бесполезный огонь и дожидаться более удобного момента.

Орданн же только и думал, сработает ли расставленная на предателей ловушка. У него не было опыта в подобных делах — впрочем, как и у многих других. Приходилось опираться на интуицию. В другое время и при других обстоятельствах он разработал бы более глубокий и детальный план, но сейчас для этого не было ни людей, ни возможностей. Оставалось только с неизменным вниманием следить за подозреваемыми — Родой и остальными «ненадежными»: семейством Орсо и мэтром Райнаром. Уж кто-то из них или их подручных должен себя проявить, и тогда... А что тогда? С предателями всегда был разговор короткий. Кого-то придется показательно казнить, а кто-то обязательно признается и позволит раскрутить клубочек измены до конца. Вот только его величество мог по пальцам

пересчитать тех, кому мог доверять полностью и кому мог поручить самое сложное — поимку вражеских прихвостней. Лоцман, Габриэль, Тайри. Ну, может, еще драконы — если не будут охотиться в это же время за птицами или кораблями.

Спешно созванные особо доверенные союзники не только согласились с планом его величества, их охватил настоящий охотничий азарт.

— Мне нужно знать каждый шаг мэтра Логара и господ Орсо. К сожалению, я могу доверить наших заклятых друзей только вам. Даже Мудрые теперь вызывают у меня подозрение, — молодой монарх изо всех сил пытался выглядеть спокойным и даже безразличным, но получалось у него из рук вон плохо, — я более чем уверен, что секретный фарватер выдала Темным Рода, но прямых доказательств у нас пока нет. Больше всего меня тревожит не она. Наверняка Мудрая — просто пешка, выполняющая чужие указания. Хорошо бы изловить тех, кто отдает ей приказы.

— Разумеется, ваше величество. И допросить их с пристрастием. Но и о простых исполнителях не стоит забывать. В крепости ни к чему пособники любого уровня, кем бы они ни были, — ответил Лоцман.

— Я поставлю у Морских ворот роту моих гвардейцев, ваше величество. В нужный момент они сделают все, что необходимо. Ну и сам я буду там каждую ночь. — сказал Габриэль, — Орсо-младший в свое дежурство не отличит своих солдат от моих. Для птицы такого полета все они на одно лицо.

— Прекрасно, капитан, но, боюсь, этого мало. Даррен, я слышал, вы с Гертом ни на день не бросаете занятий с молодыми магами? Есть ли среди них те, на кого вы можете положиться, как на самого себя?

— Таких наберется человек пять — полагаю, вполне достаточно для непрерывной слежки за нашими подопечными. Родой я займусь сам, — Лоцман был не на шутку встревожен. — Только вот не потребуется ли наша помощь на стенах?

— В ближайшие сутки я не жду серьезной атаки с моря. Темные пока осторожничают, осматриваются... И ждут сигнала от своих. Разве только птицы могут доставить беспокойство, но драконы прекрасно справятся и без вас.

— Что-то интересное привезли наши знакомые...эээ. моряки? — хитро улыбнулся Габриэль.

— Увы, почти ничего. На кораблях пушечное мясо, на трех галерах прячут что-то важное, и к ним не подобраться. Разве что рыбаки отловили несколько образчиков вражеской фауны, что плещется теперь в наших водах. Как по мне, так слишком много щупалец, — поморщился Орданн, — но я жду доклада хитрецов, забравшихся дальше всех. Может, у них получится притащить пленника.

— Вспомните мальчишку-всадника, — покачал головой Даррен, — боюсь, что и с этим будет, приблизительно, то же самое. Темные предусмотрительны...

— Мы с Одри раскопали один старый метод. Будем пробовать, — ответил король, — а с родными нашими предателями разговора не будет. Казнить, по закону военного времени.

— Разумно ли? Может, из них удастся что-нибудь вытрясти, — возразил де Рейвен.

— Если они не дураки, то постараются расстаться с жизнью еще до того, как их доставят в каземат. В остальном же... посмотрим по обстоятельствам.

Габриэль и Лоцман молча переглянулись. Приказ Орданна был суров — он предполагал ни больше, ни меньше, чем позорную публичную казнь через повешение для всех без исключения участников заговора.

— Ваше величество, князья Орсо принадлежат к королевской семье и могут потребовать публичного суда, — осторожно напомнил де Рейвен.

— Предатель не имеет ни сословия, ни происхождения, капитан, — отрезал найденьш, — веревка — лучшее украшение для изменников всех мастей.

— Будет исполнено! — и Лоцман, и Габриэль могли сколько угодно спорить с Орданном — своим учеником и другом, но когда на первый план выходил Король, лучше было не перечить.

— Все. Мальчик вырос, — вздохнул капитан, когда они покинули королевский кабинет.

— И слава Создателю. Сейчас не время для мягкосердечия, — печально улыбнулся Лоцман, — как бы нам этого ни хотелось... — он не закончил, болезненно закусив губы и прижав пальцы к вискам.

— Птицы, будь они неладны, — понял Габриэль и сразу подумал о Тиле. Без своей крылатой кошки он чувствовал себя весьма неуютно, точно ослеп и оглох. Тила была совершенно незаменима в Городе с его узкими улочками и их странным свойством порой выводить совершенно не туда...

— Сеть сработала. Боюсь, что сегодня нам всем придется несладко.

— Пойду-ка я к моим арбалетчикам, — сказал де Рейвен тихо, наблюдая, как меняется в лице зеленоглазый волшебник, — там от меня толку больше будет.

Глава 11.

Давай просто будем. Не надо обещаний.

Не надо ожидать невозможного. Ты будешь у меня, а я — у тебя.

Давай просто будем друг у друга. Молча. Тихо. И по-настоящему.

Эрих Мария Ремарк

**Сменилось место, обстоятельства,
система символов и знаков,
но запах, суть и вкус предательства
на всей планете одинаков.**

(И. Губерман)

На этот раз все было намного серьезнее и страшнее. Темные показали Городу, что могут сотворить под умелым управлением несколько сотен стиггов. Безусловно, и стрелки, и маги были на высоте, но никто и подумать не мог, что птиц окажется так много. Да и всадники, наученные горьким опытом, облачились в легкие, но прочные доспехи, а их крылатые помощники были снабжены стальными нагрудниками. Задача арбалетчиков сразу усложнилась, хотя Сеть очень выручала. Там, где стиггов скапливалось больше всего, поднимали небольшой временный щит, давая стрелкам возможность сменится и пополнить боеприпасы. Там же, где можно было не опасаться, что кого-то заденут падающие и горящие птичьи туши, в дело вступали драконы. Хуже было другое: несмотря на полную неразбериху в воздухе, всадники, похоже, успели осмотреться. На Город прицельно полетели глиняные ядра с мгновенно воспламеняющейся жидкостью. Запылали цеха и мастерские оружейников, продовольственные склады, а от них занялись и жилые дома. Быстрее всего загорались кварталы бедноты, ютившиеся у портовых стен, но огонь с не меньшим аппетитом пожрал и несколько богатых башен. Птицы, то ли почувствовав уверенность, то ли подстегнутые недоброй магией, действовали вдвое наглее прежнего, пикируя прямо на стрелков, выхватывая людей не только с крыш, но и с улиц, и тут же, в воздухе, разрывая их в клочья. Конечно, потерявших чувство самосохранения стиггов беспощадно отстреливали, но на смену убитым прилетали все новые и новые. Над Королевской площадью небо оставалось чистым, но стоило выйти за стены Старой цитадели, становилось понятно истинное положение вещей. Узкие улочки местами просто завалило трупами стиггов, кое-где пестрели черно-желтые плащи сбитых всадников. Жирный бурый дым стелился над крышами, а над ним, мерно взмахивая крыльями, висела грязно-белая, клекочущая туча.

Кто из волшебников не выдержал и первым нарушил приказ короля не вмешиваться в сражение, так потом и не выяснили. Да и к чему, если эта цепь самовольных решений привела к необходимой в этот день победе и полному изгнанию стаи. В вышину с разных концов Города почти одновременно метнулись два стремительных ярких крылатых тела, будто ножом рассекая воздушные порядки Темных. Чуть запоздав, закрутился над одной из уцелевших вблизи порта башен огненный бич, с легкостью разрубая все, что под него попадалось. Наводил на размышления и взявшийся неизвестно откуда сильный ветер, постоянно меняющий направление. Он сбивал стиггов в плотные стайки, которые драконы

ловко «поджаривали». Предприняв еще пару неудачных попыток прорваться вглубь Города, изрядно потрепанное пернатое войско убралось, наконец, восвояси. Когда последние стигги исчезли где-то за линией вражеских кораблей, жители города покинули свои укрытия, занялись разбором завалов на улицах, тушением того, что не полностью сгорело, и первыми печальными подсчетами. Тех, кому еще могли помочь лекари, отправляли в один из больших домов, отданных мэтром Логаром под госпиталь. Предложений было несколько, но король выбрал здание, расположенное внутри стен Старой цитадели. Естественно, что вечером у большинства лучших лекарей, оставшихся в Городе по просьбе его величества знахарей-травников из Арашамфа, и, разумеется, Тайри, был непочатый край работы.

Хранительница только-только закончила колдовать над двумя обожженными ребятишками, успокоив боль и смазав нешуточные волдыри каким-то пряно пахнущим снадобьем. Она устало брела по длинному коридору, заглядывая в большие и маленькие комнаты, где на аккуратных матрасах, на диванах и кушетках, да просто на чистой соломе, застеленной полотном, лежали раненые. Четыреста с небольшим человек, считая пострадавших от пожаров детей и женщин... И это только начало. Около ста погибших — почти всех их разорвали птицы. «Создатель, если так пойдет и дальше, то эпидемия покажется просто мелочью. Рано отчаиваться, еще рано, — одернула себя мысленно Тайри, — и не такие люди выдерживали. Хорошо, что утром можно быть на стенах, а вечером — здесь, успевая урвать пару часов для сна. Жаль, что толковых помощниц мало, а на обучение и вовсе нет времени. Есть ведь случаи, когда без волшебства не обойтись, чаще всего — когда жизнь человека висит на волоске, или когда помощь нужна ребенку. Сегодня удалось сделать практически все, но, если раненых будет больше... А их будет больше с каждым сражением.»

Тайри задумалась и не сразу заметила тихонько стоявшего в сторонке Даррена.

— Что ты здесь делаешь? — удивилась волшебница, потом, спохватившись, быстро добавила, — Извини... Ты в порядке?

— В полнейшем, даже не поцарапан. Просто сопровождал тяжелораненых с Привратной башни, узнал, что ты здесь и решил дождаться. Ты уже свободна? — с надеждой спросил зеленоглазый.

— Да, на сегодня, пожалуй, все, — кивнула Хранительница, придерживая у горла подбитый мехом плащ, — иначе завтра от меня не будет никакого толку.

— Огненный бич, конечно, твоих рук дело?

— Моих... Хоть король и не велел лично в драку лезть. Ну не могла я спокойно смотреть, как эти клювастые твари одного за другим рвут людей на части. И щит, увы, одна долго держать не могла тоже, — виновато развела руками волшебница.

— Почему одна? А рядом кто кристалл контролировал?

— Да мальчишки из ордена, Ногрин с компанией. В башне через три квартала.

— Они бы помогли.

— Не сомневаюсь. И сгорели бы, как свечи, у них ведь ни сил еще, ни навыков. А чтобы такие туши щитом удерживать... Мы ведь договорились их беречь.

— Ладно, не сердись, все правильно, — примирительно улыбнулся Лоцман, — сам не без греха, не удержался. А что драконы?

— Довольны собой и похожи на сытых котов. Им все это пока вроде забавы. Король попробовал было их приструнить, но Фаэ промурлыкала что-то вроде «да мы и не размялись даже...», и Орданн махнул на них рукой. В конце концов, тогда надо и меня, и Одри

приструнять, ветер-то по ее части был.

— Я провожу тебя, — уверенно взяв волшебницу под руку, сказал Лоцман.

— Спасибо. Честно говоря, после всех сегодняшних событий мне совершенно не хочется в одиночестве тащиться по темным улицам. Имею я право на маленькие человеческие слабости? — Тайри чуть прижала к себе руку спутника. Тот кивнул и счастливо улыбнулся. Даррен очень любил редкие минуты, когда суровая и холодная Хранительница становилась совсем другой — прежней, той самой, что он помнил. Вот и сейчас он шел не спеша рядом с волшебницей, слушал ее голос (ну, наконец-то, знакомые, живые искренние интонации, а не этот, сдержанный и ровный, совсем чужой тон) и запоминал каждое мгновение, точно знал, что их будет все меньше. Странные мысли о разлуке все чаще посещали его — достаточно долгой, чтобы каждое воспоминание стало драгоценностью.

Узкая улочка была едва освещена редкими фонарями, и в полосе их желтоватого теплого света медленно кружились пушистые хлопья снега.

— Люди говорят, такой снежной зимы давно не было, — произнесла Тайри задумчиво, наблюдая, как тает на ладони особенно крупная снежинка, — а ведь сейчас только ее начало.

— Здесь так всегда. Первый месяц зимы обманчиво нежен и сонлив. Он укутывает город белыми мехами, обещая спокойствие и мир до самой весны, — задумчиво глядя на свет, ответил зеленоглазый волшебник, — но ему нельзя верить. По-настоящему похолодает недели через три-четыре. Так мне сказал Лиард.

— Жаль, я думала, что зима останется мягкой. Достаточно было осени с ее ледяными ветрами.

— Странно, я полагал, что ты привычна к суровым зимам.

— Во мне течет половина уккабской крови, а значит — память о теплых лесах и солнце. Я не люблю холод.

— Тогда зачем носишь его внутри?

Тайри опустила глаза и помолчав, ответила:

— Замерзать не страшно. С куском льда вместо сердца не страшно даже... терять близких. Я знаю, насколько это больно, и не хочу снова.

Она поскользнулась на припорошенной снегом наледи и упала бы, не подхвати ее на руки спутник. В другое время и в другом месте целительница немедленно припомнила бы свои любимые присказки про то, что надо поставить, где взял, но сейчас только удивленно взглянула на Лоцмана. Тот хитро прищурился, разбежался и легко заскользил по замерзшей луже. Как был — с прекрасной дамой на руках.

— Дар, ты с ума сошел?

— Можно подумать, ты только заметила.

— Брось, а то уронишь!

— Ни за что. Может так ты хоть немного оттаешь.

— А если я не хочу...

— Хочешь. Но почему-то боишься, — грустно вздохнул Даррен и осторожно опустил леди Даллет на землю.

Тайри замерла под взглядом очень внимательных и таких теплых глаз.

— Как недавно говорила одна знакомая волшебница одному неуверенному отроку, надо идти навстречу своему страху. А я добавлю: нужно взглянуть ему в глаза и назвать по имени.

И он уступит дорогу. Или рассеется, как туман, — Лоцман быстро спустился по узкой, покрытой коркой льда, крутой лесенке и подал руку Хранительнице.

Та взглянула на него сверху вниз, с высоты четырех ступеней. Желтоватый свет фонаря выхватил из темноты лицо мага: четко очерченные скулы, ясные зеленые глаза, печальную улыбку на обычно твердо сжатых губах, и едва заметную крохотную ямочку на подбородке. Ветер сбросил с его головы капюшон, и несколько снежинок таяло в золотистых, слегка вьющихся волосах. Знала ли Тайри, что потом, сколько бы ни прошло времени, она всегда будет помнить его именно таким?

— Я уже назвала.

— Не полным именем, моя госпожа. И, мне кажется, не в ... твоём горьком опыте тут дело. Знаешь, мой учитель говорил: произнесешь вслух — станет легче.

— Пусть... — Тайри спустилась на две ступеньки и оказалась лицом к лицу с помрачневшим взволнованным магом. — Да, я боюсь... сильных привязанностей и потерь. Я понимаю, это неизбежно, и нельзя иначе, но смириться выше моих сил. В самом начале мой мастер сказал мне: тот, кто выбирает Дорогу, должен знать ее закон. Как бы осторожен ты ни был, Дорога заберет самое дорогое. Ты не хуже меня знаешь это. Увы, она не разбирает попутчиков и истинных спутников, просто крадет одного за другим, пока сердце не разорвется от боли — или не окаменеет. Я бы хотела отменить этот закон, но подобное не под силу смертным. Проще замерзнуть. Или окаменеть.

— Не вышло, и не выйдет, — Даррен слушал свою собеседницу внимательно, ловя каждое слово, точно это был последний их разговор, и завтра они уже не увидятся, — много бы у тебя получилось сделать, с камнем в груди? А еще, скажу тебе по секрету, есть одно правило. Законы существуют, чтобы их нарушать. Если послать подальше этот твой закон, это уж точно никак на Весах не скажется.

— Ты так уверен...

— Уверен. Сама же говорила, что маг без сердца — подарок для Отступника.

— Это не я, это Одри.

— И она права. Ну что, теперь ты больше не боишься?

— Боюсь. Боюсь потерять тебя, — покачала головой леди Даллет. Сказала, и сама испугалась сказанного.

— Даже не думай об этом, — маг обнял ее крепко, точно пытаюсь спрятать от всех опасностей и бед, — пока мы живы — мы вместе, даже если между нами миры, — он осторожно поправил выбившийся из-под капюшона светлый локон Тайри, стер с ее щеки каплю растаявшего снега, — Пойдем, ты совсем замерзла.

Последний отрезок пути они шли молча, и Город изо всех сил старался не нарушить эту хрупкую тишину.

**** *
**** *
**** *

— Как обстоят дела, дражайший Гролф? — маленький пухленький старикашка, вальяжно расположившийся на хозяйском диване, раздражал реонца неимоверно, но ничего поделать было нельзя. Ехидный и дотошный мэтр Федлимид был старшим эмиссаром в Городе не один десяток лет, и Госпожа во всем ему доверяла. Гролф его терпеть не мог, но приходилось подчиняться и выполнять все приказания этого человека. Хотя, теперь похожий на растолстевшего кота, Федлимид уже не так сильно действовал на нервы воину — ведь был еще и мерзкий соглядатай Бирум, совсем недавно приставленный к нему личным приказом Верховной жрицы. Этот последний настолько надоедал Гролфу своими советами и

указаниями, что тот сам себе иногда удивлялся: почему до сих пор не отправил эту пиявку в человеческом облике к праотцам? Так что в данный момент мастер меча лицезрел меньшее из двух ниспосланных ему Дингрой зол.

— Все готово, почтеннейший. Как только поступит сигнал, мы предпримем попытку открыть потайную дверь.

— Что значит «предпримем попытку»? Неужели так сложно перерезать глотки двум десяткам стражников, снять заклинания и открыть створки? Коль скоро вы уже охмурили эту... как ее... Роду?!

— Если все будет спокойно, то не сложно. Тем более, что в ближайшую ночь на дежурство заступает рота молодого Орсо. Но я уже убедился, что наш король не по годам умен, не говоря уж о его помощниках. Они, конечно, поняли, что секретный фарватер не с неба упал к нам в руки, и сейчас усиленно ищут предателя. Конечно, у меня тридцать человек отборных головорезов, послушный отпрыск герцога и готовая на все ради мести магичка, но... Я бы все-таки выждал какое-то время.

Старикашка перестал насмешливо щуриться и отставил в сторону тарелку с реонскими сладостями. Лицо его стало серьезным и усталым, лишь губы кривились в саркастической ухмылке:

— Ты бы выждал. И я бы не рисковал. Но Дингра считает иначе. Послезавтра наши корабли подойдут как можно ближе к крепостным стенам. Посреди сражения никто не заметит притопленные спрутами лодки с десантом. Посмотрим, что смогут сделать наши кракены с бонами и цепями. Главная задача десанта — дожить до берега, а в город пробраться — это так, пустяки. Это должны обеспечить вы.

Гролф вздрогнул. Он прекрасно знал, что в гавани хрупкие и сложные заклятия «воздушных пузырей», обеспечивающих воздухом хитрые лодки десанта, слабеют и разрушаются. Скольких же солдат Госпожа обрекла на мучительную смерть от холода и удушья? Да и своих людей в Городе явно не пожалела.

— Забери меня Тьма, это же настоящее самоубийство, — не выдержал реонец, — я же еще не совсем спятил... Наверняка, за нами следят, да и гавань напичкана сюрпризами.

— Знаю, знаю, милейший. Но приказы не обсуждаются, тем более — ее приказы. Мой вам совет — держитесь в тени, а при малейшей опасности немедленно уходите, хоть назад в Реон, — мэтр Федлимид встал с дивана, прошелся по комнате, разглядывая развешанное на коврах и разложенное на всевозможных подставках и столиках дорогое оружие, — Хорошо вы тут устроились. Мы все здесь хорошо устроились... А теперь вот озабочены вопросом, как не сгинуть в начинающейся мясорубке. Впрочем, всегда есть выбор, а?

— Проверяете, почтеннейший, не побегу ли я к молодому королю менять свою жизнь на вашу и наших людей? — сдвинул брови реонец, — Будьте спокойны...

— Я спокоен, сынок, — надтреснутым, совсем старческим голосом произнес эмиссар, — я абсолютно спокоен. Потому что ни той, ни другой стороне наши жизни не нужны. Им нужны наши смерти.

— Поздновато же вы спохватились, мэтр Федлимид.

— Увы... — развел руками старик, — До свидания, милейший Гролф. Или лучше прощайте?

Нигмар хлопнул дверью и вышел в перемешанную со снегом темноту. Заявившаяся сразу после Федлимида Рода совершенно вывела его из равновесия, и он счел лучшим лекарством завуалированное бегство. Да тут и предлог искать было не нужно — имелся прямой и

недвусмысленный приказ Госпожи, требовалось подготовить нанятых с большой опаской людей. Грольф собирался отправиться в назначенную для встречи таверну ближе к ночи, но эта колдунья, и без того уже надоевшая ему до тошноты, сегодня превзошла сама себя. А он чуть не нарушил приказ Верховной жрицы и не вышвырнул ее псам на растерзание. Хорошо, что Бирум не умеет читать мысли, иначе бы уже донес, что надёжа-командир наотрез отказывается нянчиться с изменницей и выслушивать ее бредни. Конечно, это же не ему пришлось битых три часа купаться в чужой ненависти, зависти и самолюбовании. Да, Нигмар и сам далеко не невинный младенец, и человеческие страсти ему не чужды: случалось и мстить, и ненавидеть, и предавать ради выгоды. Но чтобы так?! Он честно пытался умерить пыл изливающей черную злобу Роды, призывая ее к осторожности. Не ровен час, сболтнет лишнего в запале, а с плеч полетит его голова, но где там... Поющая Стихиям сейчас пела оду будущим захватчикам и в подробностях предвкушала, как проклятую свору пришлых шарлатанов будут жечь на костре. Его намек, что предателей не жалуют нигде, и саму Роду Верховная может отправить следом за ненавистными ей волшебниками, натолкнулся на мутный от злобы взгляд и крайне нелогичный ответ: "Плевать. Главное, что они сгорят первыми". То, с каким выражением лица и каким тоном это было сказано, вызвало у реонца настолько сильное отвращение, что он едва сдержался. Безусловно, на его родине чтит законы мести, особенно кровной, но это! С подобной злобой и фанатизмом можно мстить за семью, поруганную честь, за любимого человека, но уж никак не из-за не исполнившихся фантазий, выдуманной силы и славы. Если уж тебя лично так задела, решай это поединком или подошли убийц, а не втягивай в омут твоих грязных помыслов целый город! Тем более, если в нем жил еще дед твоего деда...

Нигмар переговорил с молодым Орсо, прочистил мозги главарям головорезов, что умудрился набрать для будущего дела мэтр Райнар. И где он только раздобыл таких? При других обстоятельствах Грольф предпочел бы вздернуть весь этот сброд на ближайших деревьях, но уж никак не нанимать в помощники. Такие напоедают! Мэтр при разговоре печально кривился, смотрел в пол, точно юная барышня, и разводил руками: мол, чем богаты... Даже в Муравейнике вкрадчивых вербовщиков с туго набитыми кошельками не слишком вежливо слали подальше, а некоторые так и сгнули в его лабиринтах. Вот и пришлось подбирать тех, кого даже преступная обитель к себе не подпустила.

Мастер Мечей ушел с постоянного двора, набитого самым отборным отребьем, еще более злым и мрачным, чем был. Погрузившись в свои мысли, он, не замечая прохожих, шагал по засыпанному снегом городу, не имея ни малейшего желания возвращаться домой к хитрецу Бируму и вызывающей омерзение Роде. Стоило только вспомнить, какую беспредельную радость вызвал у нее приказ Госпожи открыть десанту тайный ход из гавани в Город. Нет, лучше уж он будет бродить по улицам или заночует в самой паршивой таверне, чем останется с этой коброй под одной крышей и, хуже того, в одной постели.

Грольф окончательно решил, что будет делать, развернулся и направился к Торговой улице. Переулками будет короче, хоть в них и темно, как в преисподней... От чего-то вспомнилось, как провожал его в Город старый наставник, один из Отцов ордена Мечей. Говорил мало, смотрел осуждающе — знал, чем его последний ученик увлекся, знал и то, кто ему в этом потакает. Сухо попрощался, как с чужим, а вместо ожидаемого "Ожерелья младшего сына" подарил на память кривой кинжал-руф, который у диких народов использовался только для одной цели — ритуального самоубийства. Сказал: "Когда поймешь, что натворил и куда пришел — сделай все сам. Лучше душу в Колодец

Безвестности уронить, чем этим отдать. А я буду молиться, чтобы ты что-то светлое перед смертью сделал. Может, и зачтется...” Молодой дурак, избалованный женщинами, богатством и удачей, ни слова не понял, но хотя бы запомнил. Сколько-то лет он вообще об этом не вспоминал, а теперь вот... поздно. Наверное. Хорошо, хоть семью так и не удосужился завести, некому его будет оплакивать. И бояться не за кого. Следующей ночью Рода усыпит стражников и впустит солдат Госпожи, заварится кровавая каша, и ему останется только тихо и незаметно нырнуть за реонские Врата. В тоннеле его вряд ли догадаются искать.

Реонец так увлекся обдумыванием побега, что чуть не загремел с какой-то лесенки, аккуратно выводящей из темного переулка на хорошо освещенную площадь. Неожиданно сильная маленькая рука остановила его падение.

— Ох, Тьма на мою голову, совсем я зазевался, — Гролф сделал вид, что смутился, — простите меня, госпожа!

Впрочем, благодарность-то получилась самая искренняя. Не хватало еще сломать себе что-нибудь перед важным делом.

— Ничего, бывает, — отозвалась женщина. Высокий спутник за ее спиной стоял молча.

Голос какой-то странно знакомый у леди. Где он мог слышать его раньше? Надо срочно что-нибудь изобразить, пусть подставит лицо свету. Нигмар переступил с ноги на ногу, и придумывать ничего не пришлось. Сустав отозвался резкой болью. Реонец глухо ругнулся.

— Ничего страшного, боль сейчас уберем... — леди присела, коротко коснулась пальцами щиколотки страдальца, потом колена. — На пару часов хватит, дойдете до госпиталя, там вам дадут мазь и наложат повязку.

— Спасибо вам, госпожа. До дома доберусь, а там у меня все есть.

Леди взглянула на случайного пациента снизу вверх. Усталые серые глаза с залегшими вокруг них тенями, впалые щеки, серебряная прядь в медовых волосах. Хранительница — собственной персоной.

— Вот и хорошо. Удачи вам, — женщина плавно поднялась, взяла под руку спутника и скрылась за углом ближайшего дома.

Ничего себе встреча, мысленно усмехнулся мастер мечей. Это, выходит, она домой возвращается так поздно. Ну да, тут же до Дельфиньей улицы всего два квартала... Нигмар был прекрасно осведомлен, как живет главная причина зависти Роды. Прознатчики поработали отменно. В бою — на стенах или на башне, наравне с воинами и боевыми магами, а потом, до глубокой ночи — раненые, обожженные, умирающие... Куда уж веселее! Интересно, выдержала бы Рода хоть день такой жизни? Это вам не валяться до обеда на бархатных подушках, перебирая дорогие побрякушки и заедая деликатесы сладостями. Реонец аж плюнул с досады. Воспитанному в традициях уважения к чужим трудам воину было стыдно — не за себя, за Поющую Стихий. Она, поди, и не задумывалась, на чем держится такая желанная для нее слава Хранительницы. Хотя, когда это завистницы с куриными мозгами думали о чем-то, кроме себя, любимых! Видит Тьма, он готов на многое ради дела, но находиться рядом с Родой — это уж слишком противно. Гролф плотнее запахнул теплый плащ и направился к постоялому двору с единственным желанием — запить неприятные мысли, чем покрепче, и уснуть.

**** *
**** *
**** *

Флот Кадарна подобрался к первой линии защиты и встал плотно, едва оставляя кораблям пространство для маневра. В первом ряду — крутобокие потрепанные галеоны, во

втором галеры. Вода между судами так и кипела: спруты рвались с невидимых цепей. Поначалу слабая магическая защита сдерживала хорошо если треть долетавших из крепости ядер. Астора и адмиралов это насторожило: собственные корабли противник явно не жалел. Команды, спрыгнувшие с горящих судов, немедленно подбирали соседи, спруты шустро растаскивали обломки, и на место погибшего тут же становился новое корыто, нагруженное, в лучшем случае, пушечным мясом. Все это крайне не нравилось королю, и он отправил на разведку драконов. Они успели увидеть, что в самом центре вражеского флота спруты и касатки тащат два крайне странных судна, узких и длинных, гладких — без мачт и палубных надстроек, практически полностью скрытых под водой. Плотный туманный купол спрятал все, что было дальше первой линии кораблей. Сквозь серое марево не просачивались даже звуки, а тратить на него боеприпас было абсолютно бессмысленно — маги и жрецы Танх Каара сделали защиту непроницаемой.

Горожанам осталось лишь одно — раз за разом пытаться ее взломать. Король, следуя древним предостережениям, не решался пока пускать в ход один из мощнейших своих артефактов — Скипетр Силы. С одной стороны он боялся окончательно сломать Весы, а с другой полагал, что волшебники могут справиться и сами. К Астору, Лиарду и Тайри присоединился десяток элеттийских магов, и дело пошло быстрее. Видимо, изгнанники давно и тщательно готовились к подобной схватке, до того красиво и слаженно у них все выходило. Даже Хранительница с трудом улавливала нить их волшбы, восхищаясь умением работать одновременно с несколькими, казалось бы, совершенно несовместимыми составляющими: со стихиями, потоками Силы, древними морскими сущностями, Тьмой и Светом. Лучшее всего это получилось у тех магов-близнецов, которых Тайри видела на коронации. Но к ночи им лишь удалось ухватить основную нить вражеской волшбы. Атаковать в темноте военачальники сочли бессмысленным, и обе стороны затаились до рассвета. Точнее, сделали вид, что затаились.

День — на стенах, вечер — в госпитале, а к ночи появился Даррен, которого Тайри не видела с прошлого вечера, когда они вместе с Габриэлем разрабатывали детальный план операции. Все указывало, и подслушанные издали разговоры доподлинно подтверждали: именно этой ночью враги должны попытаться проникнуть в Город. Именно этой ночью защитникам, малыми силами, предстояло поймать и уничтожить предателей. Лоцман лишь молча кивнул, и Хранительница, быстро облачившись в боевой доспех, последовала за ним.

— Надеюсь, нам не понадобится твоя помощь, но мы обязаны предусмотреть все. Рода будет не одна, реонец наверняка снабдит ее охраной, и непростой. Кроме того, у них там целый отряд головорезов, я уверен, они тоже не будут сидеть в сторонке. Придется постараться, чтобы не упустить никого, — напряженным шепотом произнес Даррен.

— За меня не волнуйся, Дар. Все сети и заклинания я еще сегодня утром насторожила и проверила. Все дома вокруг Приморской площади запечатаны.

— Мало ли что эти хитрецы могут выкинуть... Я предпочел бы, чтобы все произошло тихо и бескровно, но уверен, будет совсем не так. И я не хочу, чтобы ты пострадала.

— Не учи судьбу плохому, — припомнила Тайри любимую поговорку Одри, — а наши подопечные никуда не денутся. Даром что ли мы всех солдат во главе с Габриэлем снабдили отводящими магию амулетами. Вряд ли Рода по началу будет швыряться боевыми заклятиями, скорее всего применит сонные или сковывающие чары. Да и то, чтобы усыпить всех, ей придется наизнанку вывернуться. У нее просто не хватит времени.

— И выдержки. Но надеяться на чужие ошибки нам нельзя. Как и совершать

собственные...

Лоцман выбрал для Тайри достаточно удобный наблюдательный пункт — выступающую над вторым этажом башенку торгового дома, стоящего аккурат против Морских ворот. Из широкого, затененного нависающим карнизом, окна великолепно просматривались все до единого выходы с площади. Жители окрестных домов были заранее предупреждены, двери и окна их домов, а также всех близлежащих магазинов, лавок и харчевен были накрепко запечатаны заклинаниями.

Время ползло, как улитка, и ничего не происходило, только было видно, как в глубокой арке Надвратной башне мигает фонарь. Почти неузнаваемый в военной форме надменный отпрыск Орсо старательно, точно напоказ, обходил посты. Хранительница ощущала, как напряжен и сосредоточен Даррен, притаившийся где-то в глубокой тени. Спустя еще час Хранительнице доставили короткую записку, гласившую: «Рода с двумя спутниками направляется к порту. Реонец движется по Рыбачьей улице. С ним три десятка вооруженных людей». Очевидно, такое сообщение получили все остальные — тотчас же в темном окне соседнего дома мелькнул и погас огонек: кто-то пытался зажечь свечу или прикурить. Возле Надвратной башни промелькнул такой же. Сигналят, негодяи. А вот и долгожданные гости! Знакомая фигура в синем плаще, сопровождаемая двумя с виду пожилыми слугами, несущими в руках какие-то свертки, спокойно, не скрываясь, как и полагается члену Королевского совета и ордена Мудрых, прошествовала напрямик к посту. Тайри уловила знакомое плетение чар: Рода, как она и предполагала, попыталась усыпить сержанта и солдат, что были с ним. Когда заклинание не сработало в третий раз, Госпожа быстро переглянулась со своими подручными и шагнула ближе, оказавшись чуть ли не нос к носу с одним из дозорных. Леди Даллет сотворила «чуткое ухо», чтобы слышать весь разговор в подробностях.

— Добрая ночь, служивые! Все ли спокойно? — Рода, надо признать, держалась великолепно.

— Благодарствуем, госпожа. Пока все спокойно, и здесь, и по ту сторону.

— Откройте калитку. У меня королевский приказ, — ах ты, стерва... наверное, и печать мало чем от подлинной отличается! Будь здесь не гвардейцы Габриэля, небось и мысли ни у кого не возникло бы проверить.

— Командира позвать надоть, госпожа. Король, он, конечно, король, а нам только командир указ.

— Да, конечно, зовите... — спокойно и даже как-то рассеянно ответила Поющая Стихиям.

Пришел молодой Орсо, довольно долго разглядывал при свете факелов приказ и печать, потом сказал небрежно:

— Все в порядке. Допустить за ворота госпожу волшебницу! — и уже вежливо обращаясь к Роде, — Я прошу вас, как можно быстрее. По ту сторону опасно.

— Ваша светлость, а господина Астора звать не будете? Леди там, поди, помощь понадобится, да и положено так, — пробасил высоченный сержант, — как-то оно странно — ночью да за ворота...

— Р-разговорчики! — рявкнул герцог, — Что еще за... Три дня у меня сортиры чистить будешь!

— Так мы можем пройти, — занервничала Рода, — Время дорого. Если к утру не управимся с повреждениями, его величество мне первой голову отрубит. Лично, своими

любимыми секирами.

А тут уж, как ни поверни, головы тебе не сносить, подумала отстраненно Хранительница. Кто-то тебе ее оторвет. Или как изменнице, или как провалившей задание.

— Проходите, — махнул рукой Орсо, — я сейчас Астора позову, хоть это и лишнее...

Тайри заметила, как на самой границе падающего от костров зыбкого света замелькали чьи-то стремительные тени с обеих сторон Надвратной башни. Вот и помощнички наших заговорщиков подоспели, — отметила она, — сейчас начнется. Головорезы-то ждут, что все солдаты спят давно, а выйдет по-другому. Хранительница дождалась, когда последний из наемников пересек невидимую сигнальную линию, мысленно пожелала удачи всем своим и насторожила расставленную ею защиту. Все улицы, переулки и лазы, выходящие на Приморскую площадь, оказались перегорожены сплошной стеной из кружащейся в воздухе снежной крупы. Ловушка захлопнулась. Преодолеть такую преграду можно было только убив сотворившего ее мага.

Рода направилась прямо под своды высоченной арки, скрывающей створки ворот и внутренний ход к потайным калиткам. Одновременно с этим стал слышен лязг оружия и шум драки с самых удаленных от башни постов. Дальше все происходило очень быстро. Того, что творилось в комнатах охраны и в здании, Тайри видеть не могла, лишь догадывалась по долетающим до нее через нить эмоций Даррена. Видимо, зеленоглазому волшебнику пришлось столкнуться с чем-то неожиданным, потребовавшим от него всех сил и быстрых решений. “Слуги” швырнули под ноги последовавшим за ними солдатам пару подозрительных свертков. Тускло полыхнуло оранжевым, но амулеты работали исправно: магическая волна разметала снег и какой-то мусор. Бравые ребята из роты Габриэля даже не шелохнулись. Зато подозрительная парочка с корзинками явно растерялась — за что и поплатилась. Пришлось срочно ретироваться под крылышко к Мудрой, отбиваясь от гвардейцев. Сеть, реагируя на увязших в ней людей тяжелыми толчками где-то под черепом, позволяла подсчитать, сколько человек уже не способны никому навредить. Конечно, часть наемников останется лежать на площади, а другая еще орудует в здании, но упускать никого нельзя.

Молодой Орсо заметался, пытаясь спрятаться или сбежать, но у него за спиной возник Габриэль с гвардейцами. Герцогский сынок схватился за меч, но был позорно разоружен и связан. Через какое-то время под аркой бесшумно полыхнуло хорошо знакомое Хранительнице ярко-зеленое пламя, а потом появился и сам Лоцман, ведущий опутанную огненным лассо Роду. Одновременно на стене протрубили тревогу, мелькнули в свете факелов сработавшие катапульты, глухо содрогнулась под ногами земля от сработавшей мощной магической ловушки. Прорбил ночную тьму голубоватый отсвет за стеной, что-то гроыхнуло так, что посыпались стекла — вступили в бой элеттийские маги.

— Где остальные? — будничным тоном спросил де Рейвен, имея в виду помощников Поющей стихиям.

— Один убит, второй умирает. Оба весьма опасны... были. Она, — Даррен кивнул в сторону побелевшей от бешенства Мудрой, — пыталась открыть ворота Темным. Сняла запирающее заклятие, а двое ее подручных подали сигнал. Свидетелей более чем достаточно.

Рода с ужасом глядела не на Капитана гвардии, а на Лиарда и Командора, которых вовсе не ожидала здесь увидеть. Видимо, Габриэль позаботился о том, чтобы главу Ордена предупредили и препроводили к месту ареста изменницы.

— Ты низложена, лишена имени и стерта из памяти Ордена, женщина. Никогда еще в истории Города не было Мудрых-предателей, — камень-сердце на шее Командора вспыхнул багровым, точно ставя точку на судьбе волшебницы.

— Прекрасно, — де Рейвен оглядел ночной "улов", — трупы колдунов обыскать и сжечь. А этих... Как говаривали на моей родине, отправить плясать с длинной тетушкой.

— Как это? — не понял один из конвоиров.

Габриэль криво усмехнулся и пояснил:

— А так. На рассвете на рыночной площади публично повесить. По законам военного времени.

Тайри спустилась вниз, на площадь. Им с Дарреном теперь предстояло доставить изменников к месту казни. Король не исключал, что их попробуют отбить, и одного армейского конвоя будет недостаточно. Поющая Стихиям, увидев Хранительницу, зашипела, точно змея:

— Все из-за тебя, проклятая! И откуда ты только взялась...

Лоцман лишь едва заметно повел бровью, и гневная филиппика арестованной превратилась в беззвучное шевеление губами.

— Вы не имеете права! Вы нарушаете Установления! — причитал бледный, трясущийся от страха отпрыск надменного герцога, — я требую королевского суда!

— Его величество уже рассудил. Он приказал вешать всех пособников Тьмы, особенно тех, кто пойман с поличным, — веско сказал де Рейвен, — Госпожа Хранительница, я полагаю, для охраны преступников двух десятков гвардейцев хватит?

**** *
**** *
**** *

Нигмар Гролф скользил по темным улицам, ныряя из тени в тень. Он был очень доволен тем, что уболтал главаря наемников поменяться ролями, а заодно и одеждой. Благо, они оказались одного роста и сложения. Поэтому на площади сейчас размахивал кривым пиратским мечом одноглазый головорез в его добротном реонском доспехе, а к тоннелям пробирался бродяга в рваном выцветшем плаще. Холодно, но это пустяки. Он и не такое терпел. Зато его не размажут магией по брусчатке и не повесят утром на рыночной площади. Мастер мечей был почти уверен, что десант не высадится и не проникнет в Город. Еще бы понять, почему он так этому рад, ведь сам способствовал изо всех сил обратному... Жаль, конечно, бросать дом, но в Хартале он не останется, а на скромную жизнь где-нибудь на окраине его обширной родины припасенного в тайнике золота должно хватить. Главное — до него добраться.

Площадь перед Вратами по ночному времени пустовала, что несказанно обрадовало Гролфа. Патрули были где-то вдалеке, а ему, уже посчитавшему себя невидимкой, оставалось несколько быстрых шагов до заветной цели.

— Куда это собрался среди ночи Мастер мечей? — спросили из темноты низким насмешливым голосом, и над головой беглеца засиял, заставляя щуриться, яркий магический огонек. Перед реонцем стоял невысокий, щуплый с виду человек в странном синем одеянии. Жемчужно-белые волосы заплетены в тугую косу, синие глаза смотрят цепко и холодно. Не повезло — так уж не повезло. Нигмар знал, кто перед ним. Этот синеглазый был личным стражем Хранительницы и, по докладам верных людей, очень сильным воином.

— Домой. И вам лучше меня не задерживать, — играет, мерзавец, как кошка с мышью. Думает, что поймал, и ошибается. Не так прост Нигмар Гролф, как о нем думают разные белобрысые нахалы.

— У меня приказ короля доставить вас живым или мертвым.

В следующую минуту реолец уже летел вперед, намеренно загоняя себя в состояние “вспышки”, позволяющее воину его уровня намного быстрее реагировать на происходящее. Увы, ему это не помогло. Сверху упал сгусток рыжего огня, и Нигмар Гролф превратился в пепел. Фаэ с предателями не церемонилась.

Глава 12

**Судьба сильнее даже богов. Но судьбу каждого,
бога или смертного, определяет тот выбор,
который он в переломный час делает сам.
Елизавета Дворецкая "Дар берегини. Последняя заря"**

**Кто-то должен погибнуть, чтобы не погибли все.
Не утратив — не сохранишь!**

Дж. Р.Р. Толкиен "Властелин Колец"

— Иро, что это? Нас никто больше не удерживает? Ни страхом, ни чудесами?

— Да, моя госпожа. Похоже, мы достигли Заповедных пещер. Вы все еще хотите добраться до коконов?

— Больше, чем когда-либо. Я уже ощущаю отголоски мощи твоих богов.

— Никто не знает и не может знать, как изменились Неспящие за прошедшие тысячелетия. Может быть, заточение породило злобу и ненависть, и они просто уничтожат наш мир в порыве ярости. А может, им пришелся по вкусу покой, и они уничтожат тех, кто попытается его нарушить. Вы не задумывались над этим, госпожа? Даже если они остались прежними, их силы слишком опасны. Поэтому мы чтим наших богов, но никогда не беспокоим понапрасну. Память о том, что высшие иерархи света не смогли их уничтожить, заставляет несхитов трепетать! Кроме того, наши пророки утверждали, что их время вернется, поэтому надо лишь хранить память и ждать.

— Хватит разглагольствовать, Иро! Я не хочу ждать, потому что Властелин этого тоже не хочет. Пока позволяют Весы, я получу все, что возможно. Пойдем, мне уже надоело ползать по этим норам..

Дингра и несхит долго шли, то пробираясь между каменных глыб и обрушившихся сталактитов, то бегом пересекая гладкие, точно вылизанные языком, площадки, то протискиваясь в узкие щели. Путь им освещали два созданных жрицей магических огонька — обычные факелы мгновенно гасли, и пришлось от них отказаться. Чем глубже они спускались, тем тяжелее было идти, хотя переходы стали заметно шире и почти не встречалось ощутимых препятствий. Неожиданно длинный и сырой коридор вывел их в обширный зал с низким нависающим потолком, увешанным гирляндами светящегося мха. Несмотря на непрерывно капающую сверху воду, там оказалось значительно теплее и чувствовалось довольно сильное движение воздуха. И маленький воин, и Дингра, отчетливо ощутили границу: все, дальше — смертельно опасно, дальше людям не место. Нечто давило на сознание, заставляло чувствовать себя ничтожными червяками, расплюснутыми огромной толщей камня, абсолютно беспомощными и бесполезными.

— Госпожа, стоит нам сделать еще несколько шагов, демоны-охранники просто обрушат на нас потолок. Неспящие уже слишком близко, — предупредил несхит, с трудом унимая дрожь.

— А нельзя ли как-нибудь обойти или обмануть этих охранников? — Дингра, если и боялась, то очень умело скрывала это. Она заставила один из освещавших им путь огней

разгореться как можно ярче и послала его вдоль стены, чтобы в подробностях рассмотреть пещеру.

— Я не знаю такого способа. Они слышат не шаги и не биение сердца, просто чувствуют чужих...

— Не для того мы так долго шли сюда, чтобы взять и все бросить! Смотри, вон там есть какое-то отверстие. Если мы постараемся и быстренько до него добежим... — всматриваясь в темноту обнаруженного в боковой стене проема, громким шепотом проговорила жрица.

— Какая разница, в какой щели умереть, госпожа. И там, и здесь нас завалят с одинаковым успехом, — криво усмехнулся Иро, — если только вы сможете удержать над нами падающий потолок?

— Во всяком случае, попробую, — пальцы женщины сжали запястье маленького воина, — бежим!

Низкий, почти не воспринимаемый человеческим ухом, но вызывающий животный ужас рев сотряс подземелье. Видимо, неведомые охранники здешних мест решили, наконец, избавиться от нарушителей вековечного покоя.

В подземном коридоре позади них градом посыпались камни, с оглушительным грохотом падали известковые натеки. Заросший мхом свод пещеры еще держался, и Дингре ничего не осталось, как тащить за собой несхита к боковому лазу. Едва они, согнувшись в три погибели, протиснулись в отнорок, как по зальному потолку пробежала широкая трещина, и огромный кусок гранита рухнул, перекрывая обратную дорогу.

— Теперь можно идти только вперед, госпожа, — слабым голосом проговорил Иро, — возможно, одна вы пройдете дальше.

— Что с тобой? Ты ранен? Нет? — обеспокоенно спросила жрица. Не хватало еще лишиться такого полезного спутника в двух шагах от цели!

— Нет... Я никогда не думал, что мне, впитавшему магию Неспящих вместе с молоком матери, свято соблюдающему всю жизнь древние заповеди, будет так тяжело рядом с их обиталищем. Я считал, что близость богов моего народа сделает меня сильнее и укрепит мой дух, но ошибся.

— Пожалуйста, успокойся, и иди за мной. Твои Неспящие здесь ни при чем. Это обычный страх замкнутых пространств, такое бывает, а сейчас на тебя еще давит этот невыносимый рык. Потерпи... — попыталась успокоить его Дингра.

— Я вырос в пещерах, у меня не должно быть...

— В пещерах, а не в норах под невообразимой толщиной камня. Подожди, я попробую кое-что сделать, — Верховная собрала все силы и сотворила вокруг себя и своего спутника непроницаемый кокон тишины. Конечно, дрожь скал под ними ощущалась, но все-таки стало значительно легче.

Какое-то время они ползли в полной темноте по узкой длинной норе, явно уходящей под уклон. Неожиданно впереди забрезжил тусклый свет, а стены заметно разошлись, давая двум отчаянным возможность сначала свободно вздохнуть, а потом и встать в полный рост. Ход закончился большим полукруглым отверстием в стене огромной пещеры, на высоте человеческого роста от ее дна. Внизу тек довольно широкий извилистый ручей ярко-оранжевой лавы, местами образовавший маленькие озерца с тускло-багровой коркой. В отдалении слышалось чье-то мощное дыхание, скрипы, шорохи, негромкое рычание.

— Это логово охранников, — несхит уже пришел в себя, и, осмелев, выглядывал из лаза наружу, придерживаясь за выступ скалы, — вон, посмотрите, один выполз!

Дингра послала в преисподнюю осторожность и зажгла яркий магический огонь, осветивший ближнюю к ним часть пещеры. Возле оранжевого ручья копошилась огромная бесформенная туша. Ног у нее не наблюдалось, она, скорее, перетекала с места на место. А вот руки, точнее щупальца, были — целых четыре штуки, снабженные цепкими когтями. Чуть выше располагалось некое подобие головы: крохотные отблескивающие алым глазки под массивным нависающим лбом, плоский нос с хищно вывернутыми ноздрями и длинный рубец огромного рта.

— Иро, посмотри, оно же еле двигается, — шепотом сказала верховная, — такое впечатление, что большинство в спячке, а бодрствуют одно-два, не более.

— Наверное, так и есть. Просидеть здесь столько времени, — пожал плечами маленький воин.

— Забери меня Тьма, я не вижу в них ничего демонического! Они очень древние, в них есть крохи какой-то изначальной магии, как и у многих первых жителей этого мира, но... Это не создания Властелина! — удивленно воскликнула Дингра.

Существо внизу подняло голову и обвело взглядом пещеру. На секунду несхита и жрицу накрыл мутный поток его примитивных мыслей и чувств: звериная тоска, дикий голод, ощущение собственной слабости. Удивительные обитатели Заповедных пещер были почти разумны, а их нехитрые мысли мог «слышать», наверное, любой — в свое время этим гигантам просто некого было бояться, они не имели соперников, и потому, наверное, сохранились.

— Они чудовищно голодны, — сказал Иро, — Ведь этих хищников когда-то сюда загнали, потом они питались теми, кто искал в пещерах древние тайны и клады. А когда Неспящих поместили в коконы, и возникли охранные пояса, пищи практически не стало. Теперь бодрствуют только самые сильные из них.

— Вот так и развенчиваются древние мифы, — разочарованно скривила губы Дингра, — знаменитые демоны глубин, ревущие Рудры, о которых упоминают далеко не только ваши легенды, оказались почти животными. Хотя... В этом есть свое преимущество, и немалое. Если их выманить на поверхность и привезти под стены Города, долго ли он устоит?

Иро не смог скрыть восхищения:

— Госпожа моя мыслит лучше всех стратегов современности! И ведь никакой магии не будет применено, чтобы рухнули городские стены! И Великие Весы останутся в прежнем положении, а может, мы получим еще большее преимущество, ведь горожане вряд ли смогут противопоставить нам что-то кроме магии.

— А потом нам уже ничто не сможет помешать. Как только мы войдем в Город, Властелин пришлет на помощь своих детей.

— Но как мы сумеем заставить Рудр подняться на поверхность? — засомневался несхит.

— Раз мы слышим их мысли, значит можем заставить услышать наши. Я кое-чем владею, не забывай об этом, — усмехнулась жрица. — Я покажу им замечательную приманку: горы теплого человеческого мяса, что находятся за белыми стенами.

— А они не начнут свою трапезу прямо с нас или с наших жрецов там, за Полночными Вратами?

— Любой, помеченный Тьмой станет для Рудры запретным, разве не так? Иначе — немедленная смерть, — женщина мрачно улыбнулась, открыла висящую на шее маленькую коробочку и достала оттуда плоский, черный с зелеными искрами камень, — А сила вот

этой реликвии поможет мне их в этом убедить.

— А выход?! Мы найдем выход?

— Полагаю, они сами его нам покажут, Иро.

Как хорошо, что не надо идти дальше! Несхит только кивнул в ответ и вздохнул с облегчением. Госпожа больше не хотела искать коконы Неспящих, чтобы вытащить их из полудремы и забвения. Он радовался скорому возвращению, как ребенок. Чутьем потомственного жреца маленький воин ощущал: его боги и без того близки к пробуждению. И это его пугало.

Они осторожно спустились вниз по предусмотрительно припасенной Иро веревке, уже несколько не опасаясь ревунов. Даже единственный бодрствующий Рудра, видать, совершенно обессилел от собственного крика. Дингра нашла более-менее ровную площадку, встала, сложив руки как для молитвы и зажав между ладонями артефакт, и негромко запела низким гортанным голосом. От этого напева, в котором чередовалось всего несколько фраз, несхита била крупная дрожь. Он, конечно, оставался последним адептом древних богов, более того — богов темных, но его Тьма была чаще всего пассивна, а временами милостива и даже спасительна. То, что ему пришлось узнать и испытать на себе, вступив под знамена А'Деула, в корне отличалось от постулатов его веры. Тысячелетиями поклоняясь древнейшим сущностям, маленький народ превратил свою религию в точно сбалансированное учение с особой философией. Несхиты считали себя детьми Тьмы Изначальной, праматери всех сущих Сил, а потому не то, чтобы не признавали Царя Бездны, но считали его вторичным, а следовательно — неопасным. Теперь Иро понимал, что они недооценили возможность А'Деула копить силы, его всепоглощающее стремление получить власть над всем Сотворенным. Для Иро ритуалы и методы воздействия Дингры были противоестественно жестоки. Безусловно, он знал, на что шел, заключая с ней договор, и даже иногда восхищался изворотливым умом и прозорливостью своей хозяйки, но временами отвращение к происходящему едва не заставляло его бросить все и вернуться домой. Останавливало маленького воина только одно: в случае победы новых соратников (с каждым днем она казалась ему все более вероятной, а теперь и подавно), Дингра уничтожила бы не только самого Иро, как дезертира, но и весь его народ без остатка. Он видел, как Верховная поступила с правителем одного государства на Материке, и этот печальный пример убеждал куда лучше любых слов.

Разбудить удалось лишь троих Рудр, один из которых был едва жив. Прочие пребывали в спячке, мало чем отличавшейся от смерти, и расшевелить их могла бы, разве что, гора свежего мяса. Тот ревунок, что был наиболее силен, тяжело вздыхая, пополз куда-то в сторону, ведя за собой остальных. Вскоре и люди, и подземные чудовища вступили под низкие своды странного извилистого коридора, стены которого были частью изо льда, частью из плотно слежавшегося песка. Каким образом этот коридор пронизывал толщу камня так, что путь сократился втрое, несхит так и не понял. Довольно быстро они очутились у внешней границы первого охранного пояса.

Как ни странно, но чем ближе Иро и Верховная жрица подходили к Полночным вратам, тем тяжелее им становилось. Ревуны еле ползли, их то и дело приходилось успокаивать. Тот, что был совсем слаб, упал и остался недвижим у самого змеиного болотца. Дингра послала несхита вперед, чтобы предупредить ожидавших ее возвращения жрецов и подготовить для Рудр временные, но вполне надежные обиталища. Обычные узилища вряд ли смогли бы удержать существо, наделенное столь разрушительным голосом. Маленький воин очень

кстати вспомнил рассказ шамана Зу Вона о сетях Нигу, что плетут его соотечественники из особых лиан и змеиных кож. Такая сеть вполне годилась для подземных чудищ. Кроме того, надо было рассадить по прочным глиняным сосудам обездвиженных заклинанием до поры, до времени болотных прыгунов.

Ни маршалу Свизу, ни молодому князю Гайрэ не требовалось дополнительных разъяснений и приказаний. С момента возвращения Иро все имеющиеся в наличии войска готовились к штурму. Командующие были уверены, что большого сражения не миновать. Маг Джемед и генерал Тарвинг, напротив, ожидали, что вместо штурма будет лишь победное шествие по Городу — особенно, если завершится успешно столь долго разрабатываемая ими операция. Этой ночью, если ничто не помешает, верные люди распахнут Темному десанту ворота неприступной крепости. Второй шаман и князь Гайрэ смотрели на все это скептически и никаких надежд не питали, но тем не менее, торопить события не собирались. Каждый день флот Кадарна пополнялся новыми кораблями, пришедшими с материка, увеличивая численное превосходство над силами Города.

Маршал Свиз, узнав от несхита о новом «приобретении» Дингры, лишь усмехнулся в седые усы.

— Ревуны, говорите? Это, конечно, неплохо. Только вот кто-нибудь подумал, сколько наших кораблей потонет, разрушенных их воплями, и сколько наших солдат бесполезно погибнет под обвалившимися стенами?

— Вы гениальный полководец, маршал, и просчитываете все на несколько шагов вперед, — сказал маленький воин, — но поверьте мне, Дингра на этом этапе уж точно не станет считать потери. Войск у нас более, чем достаточно, а ей важно не сбересть солдат, а захватить Город. Даже, если после битвы вокруг нее останется сотня человек. Или десяток... Знаете, Рудры — еще наименьшее из зол.

— Полагаете, ей бы удалось разбудить ваших богов?

— Не разбудить — они же Неспящие, — терпеливо пояснил Иро, — скорее, извлечь из коконов. Думаю, это ей было вполне по силам. Но дальше...

— Дальше не осталось бы ни Света, ни Тьмы, а наш мир вернулся бы в состояние первобытного хаоса. Нет, меня такая перспектива не устраивает, — маршал покачал седой лохматой головой, — мне хотелось бы еще немного пожить.

— Вы ведь уже решили, когда потребуете выполнения своей части договора? — спросил Иро, задумчиво глядя на руки старика, почти нежно перебирающие механизм маленького старинного самострела. Движения точны и уверенны — ни одного лишнего, ни одна, даже самая крохотная шестеренка не выпала из не по-старчески ловких пальцев. И никакой дрожи! Свиз искусно играл роль немощного старца, но, Иро был уверен, прекрасно мог при надобности постоять за себя.

— Разумеется, мой молодой друг. Как только наш отборный десант окажется в столь возжеленном для Дингры Городе. Ведь и я обещал ей всего лишь взять крепость. А ты? Разве ты еще не выполнил свои обещания?

— Не знаю... Ведь Коконов мы так и не достигли, хоть и были близко. Правда, прихватить с собой Рудр и вернуться назад было ее решением. Есть еще кое-что... — несхит замялся, не зная, стоит ли посвящать маршала в свои планы.

— А... Ты попался на ту же удочку, что Джемед и Тги Рон? Напрасно.

— Вовсе нет. Я хочу узнать, что ей действительно нужно в Городе, что за древняя реликвия ее привлекает.

— И, по возможности, заполучить вещь самому? — старик сухо рассмеялся, — а ты подумал, какие неприятности могут свалиться на твою голову? Полагаю, что за артефактом охотится вовсе не Дингра, а ее Хозяин. И окажешься ты между молотом и наковальней...

— Но с этим артефактом не буду ли я сильнее и тех, и других?

— Боюсь, что нет, мой молодой друг. Я долго думал над этим, и пришел к выводу, что создан он далеко не людьми и не для людей. Ни ты, ни Дингра, ни молодой король Города-над-Морем не сможете им воспользоваться. Это по силам лишь высшим иерархам Сил.

— Понимаю. А Властелину совершенно все равно, из чьих рук он получит желаемое потому что исполнившее свое назначение оружие он уничтожит, — фиолетовые глаза маленького воина потемнели, а губы сжались в прямую линию, превращая его лицо в древнюю маску. Такую несхиты вешали над порогом дома для охраны от злых духов, — и все же я попытаюсь. Может, другая сторона окажется щедрее? Я читал ваши священные книги, и если верить им, то ни Дингра, ни даже ее Хозяин не в силах исполнить мое желание. Жаль, что я поздно это понял.

— Чего же ты хочешь, хитрец?

— Всего лишь вернуть тех, кого потерял, и иметь возможность защитить их, что бы ни происходило, — пожал плечами несхит, — а ради этого я готов почти на все.

— Неприкосновенность... Это много, очень много, Иро. Хотя всегда остаются слепые силы, что действуют даже в изначальном хаосе: случайности и судьба, — старик тяжело вздохнул и, отбросив плед, встал из кресла, разрушая еще один тщательно оберегаемый им самим миф. — Я-то всего лишь хочу стать лет этак на пятьдесят моложе.

— Ха! А все уверены, что маршалу Свизу давным-давно отказали ноги. Сколько же вам лет? — удивился Иро, любуясь прекрасной военной выправкой своего собеседника.

— Восемьдесят два, юноша. Но, готов побиться об заклад, я без труда одержу над вами победу в любом поединке, будь он на мечах или коротких кинжалах-роха, что так любят ваши соотечественники.

— Не сомневаюсь, — развел руками маленький воин, — и даже пробовать не буду с вами драться. А что вы будете делать потом?

— Смешной вопрос... Скажем так, отправлюсь путешествовать. И буду делать то, на что честолюбивому маршалу Свизу не хватило этой жизни, потраченной не зря, но на другое. Доживешь до моих лет, поймешь. Единственное, что теперь меня волнует — под силу ли такое Верховной жрице.

Утром в храме и военном лагере только и разговоров было о том, что генералу Тарвингу Госпожа лично оторвала голову на глазах у всех остальных своих советников, а маг Джемед чудом остался жив. Десант так и не проник в Город, а зачарованные с огромным трудом особые суда, способные почти целиком погружаться под воду, разбиты и потоплены. Из отборных воинов никто не спасся. Гневу Дингры не было предела, а он, как известно, плохой советчик. Но перечить Верховной никто не посмел, когда она велела атаковать стены Города. Иро, как и престарелый маршал, считал, что стоит, наоборот, затаиться и выждать, пока Рудры наберутся сил. Только вот их мнение никого не интересовало.

**** *
**** *
**** *

Казнь изменников не вызвала у горожан ни интереса, ни протестов. Ее вполглаза наблюдали лишь несколько бездомных зевак, обитавших на площади, да те торговцы, чьи лавки открывались с восходом солнца. Большинство жителей города предпочло сладкий сон, и было право, потому что к полудню ситуация резко изменилась. Войска Темных начали

штурм, и благословенный Город-над-Морем был вынужден забыть обо всем и обороняться.

Корабли передней линии — а из них семь восьмых были галеры — начали всерьез прицельно обстреливать крепостные башни, особенно уделяя внимание Надвратной. А на заднем плане показался штурмовой флот. На нескольких судах красовались мрачного вида конструкции, обитые сырыми кожами — осадные башни, другие везли закованных в броню воинов, совсем не похожих на матросов с галеонов и галер. Ко всему прочему, появились еще несколько широких, низко сидевших в воде кораблей — судя по всему, брандеров. Наверное, хотели при случае попытаться взорвать Морские ворота.

Маги Кадарна пока не спешили защищать своих воинов. То ли не считали нужным, то ли готовили что-то особо неприятное для Города. Люди смотрели со стен на то, как гибли, в сущности, такие же, как они, и не понимали вражеских полководцев. Те гнали на смерть свои отряды с непредставимой, невиданной жестокостью. Их солдаты спокойно меняли десятерых на одного, упрямо лезли на стены, получали отпор, падали на камни, горели заживо, но на смену убитым тут же вставали новые. Новички продолжали сражаться, будто и не видели гибели предшественников, а за их спинами уже маячили следующие. Защитники города просто захлебывались яростными атаками, старались закрывать образовавшиеся в обороне бреши, а отряды обеспечения не успевали подавать снизу на стены смолу, ядра, снаряды для катапульт, арбалетные болты. Те, что были запасены наверху, давно кончились. Через пару часов бои кипели кое-где уже на самой стене и в одной из второстепенных башен. Прорыва удалось избежать только ценой огромных усилий и немалых жертв.

Не спрашивая разрешения короля, рядом с солдатами становились элеттийские маги. Многие из тех, кто был в тот день на стенах, говорили, что эти хрупкие на вид чужаки сражались не менее самоотверженно, чем солдаты, и во многом благодаря им враг в тот день вынужден был остановиться. Если для того, чтобы дать передышку солдатам короля и хоть ненадолго отбросить противника, требовалась жизнь, элеттийцы бестрепетно жертвовали ею — с улыбкой и словами благодарности тем, кто их приютил. А ведь множество горожан считали беженцев из обреченного мира ни на что не годными нахлебниками, замкнутыми, надменными и опасными. Теперь война заставила и тех, и других понять многое. Светлый Защитник и Хранительница решили воспользоваться бездействием чужих магов, и зачарованные наспех ядра и сосуды с горючей жидкостью полетели куда дальше, чем могли бы, жадное пламя добралось-таки до штурмовых башен и вражеских баллист. Командующие разномастным флотом спохватились, и изрядно потрепанные корабли прикрыла плотная магическая стена. В ней намертво вязли и ядра, и все попытки Даррена с помощниками хоть немного ослабить ее. Между тем, хорошо защищенные противники быстро избавились от пострадавших судов с помощью спрутов и перегруппировались. А потом щит исчез, но защитникам крепости вместо контратаки пришлось срочно поднимать купол — на Город выпустили огромную стаю стиггов.

**** *
**** *
**** *

— Ваше величество, за сегодняшний день мы потеряли шестнадцать магов, из них только четверо — ученики Мудрых, остальные элеттийцы, — офицер, прибывший с вечерним докладом, выглядел измученным, — и по самым первым подсчетам убито больше тысячи человек.

— М-да... — хмуро вздохнул король, — Благодарю вас, можете быть свободны, маркиз. Не спали ночь?

— Так точно, был в конвое у Морских ворот.

— Мой король, — в дверях кабинета показался Габриэль, а рядом с ним исхудавшая, потерявшая снежную белизну меха Тила. На полу, жалобно попискивая, копошились два крошечных котенка. Крыльев у них еще не было, рядом с лопатками смешно и нелепо торчали покрытые густым серым пухом отростки. — Племя Крылатых не сможет нам помочь.

— Почему? — новость, похоже, не слишком обрадовала молодого монарха. Видимо, он рассчитывал на шерхов, как на серьезную силу. — Тилу уже не считают своей в племени?

Кошка презрительно фыркнула, де Рейвен сдвинул брови, выслушивая ее мысленную речь, а потом сообщил:

— Ваше величество говорит так потому, что ему не известны взаимоотношения и законы Крылатых. Поэтому Тила не станет считать слова короля оскорблением. На самом деле все гораздо хуже. Кто-то напал на селение шерхов в горах. Напал, судя по увиденному Тилой, подло, ночью, когда многие спали, утомленные дневной охотой. Или же кошки сами пустили врагов в дом, считая их своими и доверяя им. Тила обнаружила покинутые и разоренные жилища и обгоревшие трупы соплеменников. Видимо, хозяева оборонялись, пока было возможно, а потом вожак увел оставшихся в тайное убежище. Как правило, оно находится достаточно далеко от старого поселения, и путь к нему известен только вождю и его преемнику. Этих малышей оставили вынужденно, ведь они еще не способны летать, а враги их попросту не заметили. Племя не вернется, пока не появится достаточное количество защитников. Поэтому Тила забрала с собой этих котят. Если о них правильно заботиться, то года через два они будут летать не хуже своих родителей.

— Вот оно как... Прости меня, Тила, и прими мои соболезнования, — сказал король виновато. Крылатая кошка лишь заворчала в ответ и опустила лобастую голову.

— Значит, придется справляться самим, — продолжил Орданн, — я молю Вседержителя, чтобы нам хватило сил.

— Вы надеетесь, и я тоже, а вот люди уже начинают роптать, — сказал Габриэль, — они прекрасно видят, насколько превосходит нас числом противник. Я многое повидал, но и у меня мороз по коже, когда я вижу нашу гавань, забитую галеонами, полными свежих, готовых к бою воинов. Они ведь не считают потерь, мой король...

— Я знаю, Габриэль. Если бы нас с трех сторон не окружали неприступные скалы, город был бы уже у них в руках. С их мощью не справляется даже мой Талисман, несмотря на постоянную... — Орданн запнулся, подбирая слово, — подпитку. Впрочем, я благодарен его пленнику уже за то, что он позволяет мне видеть достаточно далеко... У Кадарна много отлично вышколенных боевых магов, совершенно не стесняющихся в средствах. Похоже, им абсолютно плевать на Весы, в отличие от нас. Мы же можем противопоставить им троих Мудрых с учениками и несколько десятков элеттийцев.

— Во-первых, есть еще Даррен и Хранительница. Во-вторых, ваше величество недооценивает собственные силы, — веско промолвил де Рейвен. — Король — это главная опора Города.

— Хотел бы я... — найденыш подошел к Тиле, осторожно взял на руки одного из котят — черного, с белой грудью, — хотел бы я оправдать надежды моих подданных, мой друг. В конце концов, в моем распоряжении есть артефакты. И есть страх, что применив их, я собственными руками окончательно разрушу Весы, и тогда Город погибнет.

— Великое Равновесие, закон законов... Я, конечно, не маг, об этом вам лучше поговорить с Тайри или Гертом. А как солдат скажу вам: чаша Темных давно

переполнилась. Теперь все зависит от вас.

Разговор прервал неясный шум в коридоре. Де Рейвен выглянул за дверь: там стояли несколько его гвардейцев, пытаясь отдышаться. Пот стекал по щекам, оставляя светлые дорожки на пропитанной копотью и пылью коже.

— Где?

— На Слепой Стене, командир. Прорыв... Темные у самой Орлиной башни дерутся... — пряча глаза, ответил самый старший из них, в чине сержанта.

— Так, — взгляд Орданна потемнел, брови сдвинулись, проявив две упрямые вертикальные морщинки на лбу, — Лиарда ко мне, живо! — крикнул он своим адъютантам, — А вы с Тилой отправляйтесь отдыхать. Это приказ.

Габриэль кивнул, но не подумал сдвинуться с места.

Король взял со стойки старинный боевой посох, задумчиво взвесил его в руке, посмотрел на капитана своих гвардейцев. Тот ободряюще улыбнулся своему ученику, отдал честь и вышел, уводя за собой крылатую кошку. "Вот так и принимаются трудные решения", — думал он.

Слепой Стеной назывался сравнительно небольшой участок городских укреплений, тянувшийся от Орлиной башни, высеченной прямо в скале до Первой закатной сторожевой. Слепой — потому что в нем не было ни единой бойницы или окна, и обороняться можно только сверху, с гребня. Сегодня утром — Габриэль это знал — в Орлиную башню заступил на дежурство отряд, где среди волшебников была Одри. Король наверняка не хотел ее отпускать, но деревенская колдунья была единственным в городе человеком, способным послушаться монарха.

Те, кто выжил во время первого натиска на Слепой стене и дождался помощи, рассказывали потом о молодом короле нечто, похожее на сказку. Многие лишь посмеивались и кривили презрительно губы: с таким оружием любой будет чувствовать себя Греаром-защитником. И лишь немногие понимали, с каким трудом и осторожностью Орданн учился обращаться с древним Посохом, впервые пустив его в дело. Сначала он просто сражался, пробиваясь вместе с ротой гвардейцев в Орлиную башню. Легенда о том, что силы владеющего Скипетром многократно умножаются, тоже оказалась правдой. Король спокойно и в считанные минуты уничтожил полтора десятка темных, хотя те не были обделены ни боевым умением, ни экипировкой. Опытные рубаки лишь качали головами и уступали дорогу найденьшу. Им оставалось только сбрасывать со стены трупы врагов.

Очистив Орлиную башню, Орданн решил на следующий шаг, и теперь уже ударил магией. Он хотел просто отбросить тех, кто снова, повинувшись приказам своих командиров, лез на стену по приставным лестницам и подкатывал новые башни. Многократно усиленный Скипетром, эффект удивил даже самого короля. Все ближние порядки врага будто выбило мощнейшей невидимой волной. Кого-то забросило на тыловые корабли, кого — вообще в открытое море... Как известно, Сила захватывает, и молодой монарх решил закрепить успех. Увы, удар по кораблям чародеи Кадарна не только выдержали, но и парировали. Первая линия галер затрещала под весом невидимых жерновов, вторую же мгновенно окутало черное бархатное облако. Оно будто спружинило, и Орданну, еще не очень хорошо овладевшему древним артефактом, стоило огромных усилий остановить свое собственное волшебство, чуть было не обернувшееся бедой. Едва король перевел дух, как последовал направленный ответный удар. Отвратная вражья волшба, даже будучи смягчена Скипетром, заставила обороняющих стену корчиться от невыносимой боли. Орданн едва устоял на ногах

— по его нервам будто прошлись огненным бичом. На секунду он увидел того, кто это сделал — Талисман показал ему красивую женщину с царственной осанкой и надменным лицом, которое, впрочем, показалось найденышу знакомым.

Тем не менее, осаждавшие вынуждены были, хотя бы на время, оставить Слепую Стену в покое. Враг откатился на старые позиции, Город принялся латать прорехи и зализывать раны. Среди всего этого и наступил последний день года, который, не случись войны, был бы самым веселым и желанным праздником. Тем не менее, народ не забыл о нем. На дверях появлялись венки из сосновых смолистых веток, перевязанные красными и серебряными лентами. Выставлялись прямо на улицу столы со скромным угощением, то там, то здесь звучала музыка. Все, кто хоть как-то держался на ногах, изо всех сил стремились к этим островкам мира и благополучия, чтобы пожелать друг другу победы и встретить новый год с песней и улыбкой. Горожане твердо верили — иначе удачи не будет. Грядущее, что стоит на пороге, не любит жалоб и нытья. Оно дарует свою благосклонность смелым и честным, тем, кто защищает любимых и не сдаётся.

Мудрые, элеттийские маги и сам король праздновали вместе со всеми. Сидели за общим столом на площади, ходили от костра к костру, разве что не танцевали — не было сил. Тайри с удовольствием слушала, как поют у огня двое совсем молодых офицеров. Слова сами ложились на сердце, и через пару минут они с Дарреном уже подпевали, как и многие другие.

Сдвинем с мёртвой точки дело,

И оно вперёд пойдёт.

Жизнь закатом догорела,

Ожидается восход.

Бег времён без остановки.

Мир не терпит пустоты.

Побеждает сильный, ловкий.

Почему бы и не ты?

Хватит глупых колебаний.

Миг приходит — выбирай!

Ведь Фортуна ждать не станет.

Выпал шанс, не упускай!

Иль родившийся в сорочке

Всем на свете не рискнёт?

Сдвинул дело с мёртвой точки —

Сделал самый главный ход.

И работа закипела.

Будет плата велика.

Всё же, в выигрыше смелый,

Чья не дрогнула рука...

/Елена Соколова/

Они смеялись, с кем-то обнимались, с кем-то пили, говорили мало — о войне не хотелось, о будущем было страшно, а настоящее не нуждалось в словах, по крайней мере, в обычных. Здесь и сейчас говорили глаза, улыбки, руки. Цепляли за душу песни, откликался в сердце простой и четкий ритм танца. И все чаще звучало, все увереннее: мы выстоим! И не просто выстоим, еще и в шею погоним, будут помнить, как рот на наш Город разевать! Кто-

то, по-хмельному совершенно бесстрашный, вещал Орданну заплетающимся языком:

— Мы с вами, ваш величество! Мы — сила, будь их хоть бесова прорва, не победить им!

Так все говорят, а народ врать не будет!

Лоцман, стоявший рядом, даже не думал сомневаться. Ночь сегодня такая, добрым словам можно и нужно верить. А утром... утром все может повернуться, страшнее, больнее и безысходнее, сейчас же страху не место здесь. Наверное, поэтому он так смело обнимает Тайри, а она и не думает отстраняться, и счастливый Лиард, глядя на парящий над площадью золотисто-алый силуэт, кричит прямо в небо, раскинув руки: “Фаэ, я люблю тебя! Просто знай это!”. И молодой король смеется и кружит над землей свою прекрасную невесту. Всему под вечными звездами свое время, и сейчас было время для счастья.

После полуночи наступило время «горькой чаши» — в память о тех, кто уже никогда не вернется домой. Черное поминальное вино обожгло губы горечью в полном молчании и было, по древнему — древнее Храма — обычаю выплеснуто в огонь. Люди смотрели в небо и вспоминали тех, кого уже не вернешь. Тех, кто навсегда останется рядом — пока стоит Город. Сначала тихо, потом громче зазвучал откуда-то непривычно-низкий, чуть надтреснутый голос флетты — здешней длинной свирели, заставляя мысли и сердца тянуться еще выше, нырять в память еще глубже. Поминальная мелодия, невыразимо-светлая, хрустально-печальная и неповторимая, как все, созданное человеческим гением в минуты истинного вдохновения, останавливала время и рассеивала Тьму. Даррен утонул в ней не меньше прочих. В его жизни не было потерь — Создатель миловал, но ведь это не навсегда. Поэтому он мысленно присоединял к плачу флетты слова молитвы о тех, кто дорог. Пусть смерть не посмеет коснуться их — сейчас и в ближайшем будущем. Пусть придет к нему, но не к ним, не к его Тайри, королю, его невесте, драконам. Не к тем, кто остался по ту сторону Звездной тропы. Как получилось, что все они стали ближе и дороже остальных? Кто знает...

Запрокинув лицо к звездам, тихо плакала Тайри. «Прости, Гай, я не узнала тебя тогда, на смертной тропе, не осталась и не бросилась следом... Не решилась на многое, пока мы еще были вместе. Проиграла бой, позволила тебя забрать, позволила жизни затянуть себя в омут других дел, вместо того чтобы искать и найти тебя... Что мне делать, Гай?!». Ответ давно был — в его прощальном письме. Не было сил решиться. Невозможно — как отказаться от памяти. Как перестать дышать.

**** *
**** *
**** *

Город проснулся и не увидел не то, что солнца, даже тяжелых серых облаков над крышами. Все небо заполнили стигги. На этот раз их было столько, что казалось, между ними вовсе нет просветов, птицы парили буквально "крылом к крылу". Маги держали купол шесть часов — гораздо дольше, чем рассчитывали сами при такой плотности атаки. К сожалению, не у всех хватило сил, да и на стенах постоянно требовалась помощь. К полудню сплошную магическую оборону неба пришлось снять, оставив только Сеть. Правда, драконам было настоящее раздолье, да и Огненное лассо, которым мастерски владели Даррен и Тайри, собирало обильную кровавую жатву. Однако, вскоре горожанам показалось, что со стиггами сегодня и вовсе не удастся сладить. С каждым часом и птицы, и их наездники становились все умнее и изобретательнее, невозможно было предугадать, какой следующий сюрприз они преподнесут. Неожиданности оказались куда более смертоносными, чем все предыдущие. Свежие птицы несли в лапах какие-то свертки. При малейшей опасности они просто разжимали когти, и на головы обороняющихся сыпались

небольшие, но очень прожорливые змеи, которых в Городе никогда не видели. Эти твари мгновенно вгрызались в человека, и уже ничто не могло его спасти. Болотные прыгуны были столь быстрыми, что многие просто не успевали заметить бросок хищной рептилии. Они умудрялись нападать даже на драконов, хотя их чешуя явно оказалась им не по зубам. Тем не менее, с десятков отчаянно работающих челюстями прыгунов порвали-таки крыло Алой драконице и вынудили ее покинуть поле боя. Рана была небольшой, но крайне болезненной, кроме того, Фаэ не могла поменять облик, пока не залечит ее — у людей ведь нет крыльев. Одри упростила ее спрятаться в одном из обширных залов королевского Дворца и принялась лечить старинными деревенскими снадобьями, от которых, как говаривал дед Одри, заживет что угодно. Стоило невесте короля оставить беспокойную крылатую пациентку, как рядом с ней тут же объявился Лиард. Он откровенно побаивался свою возлюбленную в боевом облики, но старался проводить с нею любую свободную минуту.

Габриэль и Тила отправились в восточную часть города. Там, в основном, были жилые кварталы, и достаточно зажиточные, но оставались и склады с не вывезенной провизией, и два оружейных цеха, наспех построенных совсем недавно. Нельзя было позволить стиггам пожечь их. Крылатая кошка, обладавшая поистине невероятной реакцией, ловко уходила от птичьих атак, и де Рейвен не уставал восхищаться ею. Однако, силы его помощницы были не беспредельны, она начала уставать. Арбалетный болт с черным оперением, видимо, на излете, несильно ударил в кованое плечо кирасы, и Габриэль, почти не целясь, бросил в нагло сунувшегося вперед всадника тяжелый дротик. Мальчишка вскрикнул и свалился вниз, а стигг выронил сверток. И почти тут же в голос закричала Тила. Габриэль будто в собственной груди ощутил чьи-то острые зубы, жадно вырывающие клочок за клочком. Он извернулся, как мог, чтобы посмотреть, что же случилось. Две змеи с какими-то перепончатыми отростками по бокам и заостренными крупными головами стремительно вгрызались под окровавленную шкуру его любимицы. Воин попытался избавиться от них крылатую кошку. Одну он вытащил, но вторая достигла цели.

— Прости, Гром, мне не донести тебя до земли... — мысленный голос кошки был слаб из-за захлестывающей сознание физической боли, — прощай, воин, и помни — я дождусь...

Капитан королевской гвардии только крепче обнял Тилу, которая уже едва могла судорожно взмахивать крыльями. Еще немного, и воздух перестал ее держать — похожая на ущелье улица устремилась им навстречу. Неожиданная боль заставила де Рейвена разжать руки и изогнуться в пронзающей все тело судороге. Он не сразу понял, что это не ощущения его умирающей летуны, это вражеский тяжелый дротик, усиленный кровавой магией, пробил его легкую кирасу. Белой крылатой кошке с золотистым треугольником на лбу не придется долго дожидаться своего всадника. На Серый Тракт они ступят вместе.

Тайри никогда в жизни не смогла бы объяснить, что вдруг на нее нашло. Она замерла, опустив руки, посреди боя, и только милостью Создателя ее не разорвали стигги. В ставшем мгновенно серым мире исчезли все звуки, только плыл из невообразимой дали печальный голос колокола по имени Черный вестник — так звонили в храмах, когда отпевали усопшего. И болела пустота, зияющая в сердце, образовавшаяся от потери кого-то родного. Секунду спустя, крики птиц, стоны, лязг железа снова обрушились на Хранительницу: командир арбалетчиков немилосердно тряс ее за плечи:

— Госпожа, очнитесь же! Нас сейчас растерзают ко всем морским демонам!

Тайри вздрогнула, резко провела ладонью по лицу, размазывая кровь, и снова раскрутила Огненное лассо. Действуя совершенно механически, она думала только об

одном: кто? Кто из ее друзей ушел за Грань, так и не успев попрощаться? Не было ни секунды на призывы и поиски, оставалось полагаться на интуицию. Перебирая одно имя за другим, волшебница нашла наиболее вероятный ответ и содрогнулась. Создатель милосердный! Он ведь был самым незащищенным из них перед магией, самым преданным другом и лучшим наставником. Он был всего лишь солдатом, а его летунья — всего лишь кошка, хоть и разумная...

— Сержант! Гонца к Восточной сторожевой! Я хочу знать, что там происходит, и не нужна ли помощь капитану Гвардии.

Она опоздала. Тела Габриэля де Рейвена и Тилы нашли на одной из улиц восточного квартала. Оба погибли не от удара о землю: над Тилой поработали зубастые прыгучие змеи, а Капитана настиг вражеский зачарованный дротик. И ничем нельзя было помочь — увы, магия Гарды не умеет воскрешать мертвых. Их так и привезли вместе к королевскому Дворцу. Гвардейцы, ценившие и любившие своего командира, как никого раньше, посоветовавшись, перенесли Габриэля в Капеллу Капитанов. Эта древняя усыпальница находилась на первом подземном уровне Храма. Говорят, она была вырублена в скале еще во времена короля Греара и служила местом упокоения достойнейших из достойных.

Тилу вскоре предали огню, как она и просила когда-то. А в освещенный множеством свечей подземный зал поодиночке и группами шли люди — прощаться. Хранительница попрощалась с ушедшим по древнему уккабскому обычаю — попросив прощения и поцеловав в остывший лоб, а вот сразу уйти не смогла. Осталась стоять у изголовья, глядя сухими глазами на бледное, навеки спокойное лицо друга. Рядом с ней в немом горе опустился на одно колено блестящий молодой офицер. Тайри знала его — граф Раррок, отпрыск одной из знатнейших фамилий Города. Он с самого начала восхищался Габриэлем, стал в Гвардии самым преданным и самым деятельным его помощником, да и чисто человечески привязался к нему. Говорили, что молодой граф с детства не был избалован отцовской любовью: глава семьи Раррок отличался крайне жестоким нравом. Более того, когда сын остался служить в Гвардии под началом де Рейвена, отец и вовсе отлучил его от дома.

Орданн спустился в Капеллу в сопровождении Одри, Лоцмана и Мудрых, долго вглядывался в благородный восковой профиль самого лучшего своего наставника и друга, сразу и безоговорочно поверившего в силы тогда еще безмянного, лишеного памяти найденьша. Король низко поклонился, Одри беззвучно плакала, стоя рядом с ним.

Счастливая, — подумала Тайри, глядя на подругу, — она еще может плакать... А ведь это я виновата в смерти Габриэля, это за мной он пошел в чужой мир. Наверняка дома все сложилось бы иначе, ведь император умеет ценить настоящую преданность и смелость...

Приглушенный перекрытиями, зазвучал низкий гул зауспокойного колокола.

— Каково бы ни было наше горе, мы должны уступить сейчас место служителям Вседержителя, — тихо проговорил король, — пойдемте, друзья. Тайри, вас очень ждут в госпитале. А вы, граф Раррок, принимайте командование Гвардией.

Офицер удивленно взглянул на Орданна. Он не был ни самым старшим, ни самым опытным из гвардейцев, и вовсе не думал претендовать на освободившееся место.

— Я думаю, вы очень многому научились у Габриэля, граф. Вы лучше прочих сумеете сохранить и дух, который он воссоздал в Гвардии, и продолжить его дело. Мне необходима сильная, боеспособная и преданная Гвардия, умеющая действовать, как один человек, и вы сделаете ее такой. Де Рейвен начал это нелегкое дело, а вы закончите.

— Как же мы теперь будем... — совсем по-детски всхлипнула Одри.

— Это я виновата, я должна была позаботиться, — Тайри комкала в руках ненужный платок.

— Мы все виноваты. Но дело даже не в магии. Габриэль ставил магию не выше прочих боевых искусств, да и чего она стоит против чести, верности и мудрости. Он умел каждому подарить частицу своей души, да упокоит ее Вседержитель во Свете...

У самого выхода из Капеллы король столкнулся с запоздавшими посетителями: скромно одетой женщиной и мальчиком-подростком. За ними в дверях уже маячили рясы монахов, готовых начать последний обряд. Женщина сделала пару шагов и остановилась, закрыв лицо руками. Сын, совсем по-взрослому обнял ее, успокаивая.

— Пойдем, мама. Они все равно не позволят нам, кто мы такие...

— Почему же, сын мой. Никто не посмеет нарушить ваше уединение и помешать проститься с близким человеком, — ласково сказал отец Грант, — братья подождут.

— Вы знаете, кто это? — обратился король сразу ко всем, поднимаясь по ступеням вверх, в Храм.

— Можно сказать, это его семья, ваше величество, — ответил граф Раррок, — они вместе почти с самого начала. Мальчик часто появлялся у нас в полку, капитан обучал его... Он называл Габриэля отцом, хоть тот им и не был.

— Какие мы эгоисты, — удрученно покачала головой Одри, — думаем только о себе и считаем, что наши друзья принадлежат только нам. И ничего-то о них не знаем.

— Увы, это так, — кивнул молодой монарх, — мы все время забываем, что любой из нас нуждается в человеческом тепле и любви, и сами слишком мало отдаем взамен. Будьте добры, граф, принесите клинки и плащ капитана. Они по праву принадлежат этому мальчику.

Мать и сын, вернувшись в Храм, с удивлением обнаружили там ожидающего их короля и почтительно стоящую поодаль свиту. Орданн сам подошел к растерявшемуся подростку, протянул ему тяжелый сверток:

— Возьмите, юноша. Это боевые клинки Габриэля де Рейвена, и я рад, что у него есть достойный наследник. И еще, через пару лет я хотел бы видеть вас в Гвардии, мне понадобятся толковые офицеры. Вы и ваша матушка не будете ни в чем нуждаться, как семья капитана.

— В-ваше величество, мы даже не были обвенчаны... — прошептала женщина.

— Так ли это важно теперь? Самое малое, что я могу сделать в память о моем друге — позаботиться о его близких. Представьтесь, юноша. Возможно, у меня будет для вас одно интересное поручение. Тилы больше нет, но вы ведь наверняка знаете, как ухаживать за детенышами шерхов?

Мальчишка молчал, прижимая к себе завернутые в плащ мечи, губы его дрожали — видимо, сдерживал давно копившиеся слезы.

— Его зовут Герран, Герран Эври, ваше величество.

— Я запомню. Ваши подопечные будут ждать во дворце, не забудьте. Ступайте, и берегите вашу матушку...

Глава 13

**Мы — лишь точки мироздания, чья-то тонкая резьба,
Наш расцвет и угасанье называется — судьба.
Мы в лицо друг другу дышим, бьют часы в полночный час,
А над нами кто-то свыше все давно решил за нас.**

Валентин Гафт

С наступлением темноты стигги, по своему обыкновению, убрались на остров, но сражение на стенах и не думало прекращаться. Раненым уже не хватало места в старом госпитале, пришлось занять соседнее здание. Тайри и Одри едва успевали помогать самым тяжелым пациентам, и только там, где лекари были бессильны или их снадобья действовали слишком медленно. Об отдыхе и не вспоминали, сейчас работа была лучшим средством от мрачных мыслей. Иногда Одри казалось, что потеряв Габриэля, Хранительница будто пытается искупить свою вину, спасая другие жизни. Даррен, Герт, Скай, Лиард — все они находились сейчас там, в самом пекле, и обе волшебницы не могли не думать об этом.

Как только распространилась весть о гибели капитана Гвардии, в войсках наступила некая растерянность. Сколь бы ни были почтенны и уважаемы другие полководцы, солдаты и офицеры привыкли доверять тому, кого постоянно видели рядом с собой в бою. Король делал, что мог, но замешательство и рассогласованность в действиях давали плачевные результаты.

Была уже глубокая ночь. Хранительница, едва не падая от усталости, собиралась немного поспать, когда очень низкий — на грани восприятия — двухголосый рык потряс город от флюгеров до подвалов. От этого звука со звоном полопались стекла в окнах, по стенам побежали трещины. Волна тяжелого животного страха заставила буквально всех сжаться и замереть. Рык неизвестных монстров повторился с новой силой. Тайри чувствовала, что многие из тех, кого они с Одри с таким трудом отвоевали у смерти, погибают: открываются только что заживленные раны, разрушаются кости, лопаются кровеносные сосуды, не выдерживает мозг... Что это, что за новый ужас притащили Темные к стенам Города? И живы ли те, кто на стенах? Что творится теперь в приморских кварталах? Тайри, стряхнув оцепенение, попыталась всеми доступными ей способами "докричаться" до своих соратников. Вот точно крылом перед глазами махнули — Скайяр, жив и невредим, где-то в небе. Орданн глухо отозвался через все еще послушный кристалл и остатки охранной Сети. Герт... тоже где-то в самой гуще, злой и растерянный. С Дарреном, как всегда, было проще всего, и все же какой камень упал с души! Тайри на секунду представила его, лежащего на мостовой с арбалетным болтом в груди, и чуть не застонала. Нет, так нельзя, одернула она себя, нельзя хоронить человека раньше времени... Волшебница присела на подоконник и замерла, глядя на подсвеченное багровыми

всполохами ночное небо. Минуту спустя к ней не вошел — ввалился Астор: весь в пыли и каменной крошке, кольчуга разорвана, нагрудные пластины помяты, правый рукав грубой кожаной куртки располосован от плеча до запястья и насквозь промок от крови. Рука, видимо, сломана и висит плетью. На щеке свежая ссадина, кровь каплями сбегает к подбородку, и Белый Защитник все время вытирает ее тыльной стороной ладони. Вот уж действительно Белый — белее простыни. Хранительница быстро уложила его на единственную в маленькой комнатухе кушетку и принялась колдовать над раздробленной рукой. Важно было остановить кровь и не дать сдвинуться осколкам кости. Ей очень хотелось спросить, что же там произошло и жив ли Лоцман, но Астор потерял много крови и ослаб настолько, что впал в полузабытье, едва его голова коснулась подушки. Когда боль отступила, и магия Гарды вернула раненому силы, Мудрый заговорил сам:

— Милостивый Вседержитель, видела бы ты, что там творится... Просто в голове не укладывается. Мы так привыкли к абсолютной нерушимости наших стен... Ха! Была защита, почти две тысячи лет, а теперь... — маг хрипло и неестественно рассмеялся, потом тяжело закашлялся.

— Неужели Темные пробрили стену?

— Еще проще. Они ее обрушили. Приволокли из какой-то преисподней парочку огромных демонов, от рева которых камень просто рассыпался. Представляешь наш ужас и нашу растерянность, когда рухнул сплошной кусок шириной с улицу? А потом еще один, в другом месте. Они... они даже пыли не дали осесть, полезли в проломы. Огромные, бесформенные туши, возле пасти какие-то щупальца, которыми они хватали людей. Я думал, что нет ничего отвратнее стиггов. Теперь знаю, что нет ничего ужаснее орущих голодных демонов.

— Ты уверен, что это именно демоны, создания А'Деула? Я не почувствовала ничего инородного или сверхъестественного, — тревога нарастала, и Хранительница с трудом скрывала это.

— Да, я тоже ничего подобного не увидел, хоть и был рядом. Демонами я их для удобства назвал, уж больно они омерзительны. Старик сказал — они из древнейших, первые жители нашего мира.

— Кто сказал?

— Прости, это мы так Командора между собой называем. Скорее всего, жрецы из Танх Каара выкопали их в какой-то давно забытой норе, продержали в удаленном убежище до нужного времени, чтобы они бед не наделали, а потом... — Астор вяло махнул здоровой рукой и отвернулся к стене, — А мы... Мы были похожи на беспомощных младенцев, никто не знал, что делать, все растерялись. Самые отчаянные бросались с оружием на этого зверя, но он сожрал их, как и многих других. Десятки, если не сотни людей остались под обломками стены, элеттийцы умирали от невыносимого рева этих тварей у нас на руках: кровь из ушей, из носа, две минуты — и все... Как же нам не хватало Габриэля, он всегда умел думать быстрее наших командиров. Если бы не Лоцман, меня бы здесь не было. Пожалуй, он один успел сориентироваться и поставить купол, чтобы людей не расплющило камнями. Кучу жизней спас.

— погоди, Астор, — Тайри закончила перевязывать раненую руку Мудрого и присела рядом с ним на краешек кушетки, — если бы ревуны были у Темных с самого начала, им не понадобилась бы осада. Нет, их свеженьких к нам под стены приволокли, да и вряд ли долго можно удерживать таких монстров, тем более голодных. Правда, от этого ничуть не легче, —

она глубоко вздохнула и задала, наконец, давно мучивший ее вопрос:

— Лоцман точно цел?

— Да что ему сделается... Его Скай на соседнюю башню перенес, где Герт с солдатами застрял. А потом темные в пробоину поперли, получилось, что несколько кварталов отсекли. Так что он там, где-то.

— Значит, вы бросили его на окруженном врагами участке?

— Тише, тише... Нам же пришлось оборону держать, пусть худо-бедно... Важно было не пустить вражеский десант внутрь Города. Мы сделали, что возможно — продержались до прихода подкреплений. И никто его не бросал. Командор с Лиардом сейчас пытаются туда пробиться. Просто врагов много... слишком много, — последние слова маг произнес шепотом.

— Ладно, — хранительница потянула через голову зеленый балахон, под которым оказалась тонкая посеребренная кольчуга, — выздоравливай, лежи смирно. Принесут поесть — ешь, еще чуть, и помер бы от потери крови. Тебе осколком кости вену перебило.

— Куда ты?

— А это ты мне скажешь, куда. Где их окружили? — спросила Тайри, закрепляя поудобнее перевязь с любимым мечом.

Астор тяжело вздохнул и принялся рассказывать.

**** *
**** *
**** *

Армия Кадарна, хлынувшая через два проделанных Рудрами проема, встретила самое отчаянное сопротивление. Каждый дом стал обороняющейся крепостью. Каждый, кто хоть на йоту умел колдовать, устраивал закованным в вороненую броню захватчикам неприятные ловушки и сюрпризы. Кроме того, нашлись и те, кто помнил о хитрых приспособлениях, давным-давно спрятанных под улицами и в стенах домов именно на случай вторжения. Куски мостовой во мгновение ока превращались в хищно распахнутые створки подземелий, стены домов сдвигались, образуя непроходимые тупики там, где этого меньше всего ожидали. Каменные своды галерей и крытых переходов по мановению чьей-то невидимой руки рушились на головы врагов. Да и древняя магия самого Города-над-Морем никуда не исчезла, его улицы усердно запутывали чужих и, как по заказу, выводили своих куда надо наикратчайшим путем. Дойдя до Водяного пояса — красивейшего сооружения, состоящего из каналов, водопадов, маленьких водоемов и многочисленных фонтанов, войска захватчиков уперлись в глухую оборону горожан и встали. За их спиной остались обезлюдевшие, разграбленные и сожженные кварталы дальнего периметра, впереди ждала собравшаяся с силами и преодолевшая замешательство первых часов вторжения армия короля Орданна.

Самые кровопролитные бои кипели вокруг двух окруженных, но не сдающихся кварталов. Враг явно не ожидал такого бешеного отпора, но волею случая ему достался крепкий орешек. В кольце оказались Оружейный Двор — сам по себе маленькая крепость, и примыкавшие к нему богатые резиденции маркизов Теффано и графов Ческа. И те, и другие всегда умели постоять за себя, кроме того, сослужил добрую службу малый арсенал, который гильдия Оружейников всегда любовно пополняла. Наскоком взять укрепленные районы не удалось, и Темные сочли за лучшее измотать защитников. Хорошо бы, если бы застрявшему в башне Даррену и тем, кто с ним, удалось пробраться туда, но... Быстро сообразив, что небольшой отряд чем-то очень важен для короля — к нему на помощь постоянно пытались пробиться, военачальники Дингры отрядили к полуразрушенной башне отборную роту

пехотинцев, стаю стиггов и одного из лучших магов.

**** *
**** *
**** *

...Город был враждебен, он сопротивлялся всем своим непонятым древним существом — Джемед кожей чувствовал это. Здесь каждый булыжник таил в себе смертельную опасность, каждое дерево, каждый полутемный переулок. Маг видел, как из-под уличных бордюров, из подвальных окошек пополз едва заметный туман, и несколько десятков его солдат попадали замертво. Он не сумел ни предотвратить это, ни понять, какое волшебство было пущено в ход. Потом его отряд повернул на соседнюю улицу и оказался в тупике, которого там не могло быть. С крыш домов на головы солдатам полилось что-то вязкое, как мед, мгновенно растекающееся по доспехам и превращающее их в труху. Это не на шутку испугало даже бывалых командиров, пришлось приводить их в чувство. Джемед велел отступать — и остатки роты были взяты на копья королевскими кирасирами. Спасибо князю Гайрэ, он умудрился-таки выйти в тыл наседавшему на солдат Джемед отряду и позволил магу двигаться вперед. Вот тут для Темного началось, пожалуй, самое интересное. Двое в синих плащах, видимо, до времени не показывающие своих возможностей, продолжали упрямо пробиваться к полуразрушенной башне, где был замечен дракон. Может, это первые достойные противники?

Они столкнулись на безлюдной улице, ответвлявшейся от той, где кипел сейчас бой. Очень скоро Джемед понял, что любой из этих магов и четверти часа против него не продержится, но вместе старый и молодой представляли серьезную силу. Сначала Темный просто забавлялся, испытывая различные приемы и заклинания, но ни разу не добился сколько-нибудь значительного успеха. Зато сам дважды с трудом вырвался из сплетенных Мудрыми чар. Молодой оказался мастером пространственных ловушек, Джемед спасло только то, что все окрестные Сокрытые Тропы были заняты послушной ему Тьмой. Старик с огненно-красным камнем на шее знал всякой волшбы понемногу, но применял ее в таких немислимых сочетаниях, что поначалу и вовсе сбивал противника с толку. Когда нераспознанная под умелой маскировкой Водяная Плеть бешеной змеей прыгнула из ближайшего фонтана и оплела руки и ноги Джемед плотными кольцами, подбираясь к горлу, Темный решил, что шутки кончились. Он ударил всей мощью данной ему силы. Невидимое лезвие рассекло водяные путы, разрубило стихийные связи заклатья и уже на излете, едва заметно, черкнуло по самому слабому месту старика — давно подтачиваемым болезнью легким. Седой волшебник, только что бодрый и полный сил, задышал хрипло и тяжело, закашлялся, сплюнул кровью. Джемед демонстративно замер, скрестив руки на груди: пусть осознают, все равно уже оба побеждены...

— Командор, я же говорил вам, нельзя так выкладываться, — заботливо, точно сын, сказал молодой, усаживая старика в сторонке, — вот видите, надорвались...

— Нет, Лиард, это он. Он что-то сделал, и мои легкие будто взорвались, — хватая ртом воздух и делая длительные паузы между словами, ответил тот.

Джемед наслаждался агонией противника и спокойно ждал продолжения. Молодой не опасен, да и заготовленное заклятие Праха ему не по зубам.

— Потерпите, я чувствую, наши где-то близко. Тайри вас вылечит.

— Боюсь, что нет, мой мальчик... Возьми, — Командор протянул Лиарду камень-сердце, — теперь он твой. Продержись.

Молодой маг отпустил руку и повернулся к стоящему на другой стороне улицы Джемеду.

— Прощай, Мудрый, — сказал Темный так, чтобы его услышали, — Старик не угадал, ты не сможешь его заменить. Что ж, по крайней мере, я славно размялся тут с вами...

Они ударили одновременно. Джемед дунул на горстку пепла, лежавшую на ладони, и Лиард оказался в потоке горячего ветра, наполненного песчинками и тонкой черной пылью. Владующий Пространством, подчиняясь мгновенному наитию, задержал дыхание и грубо разорвал на пути темного вихря ткань мира. В образовавшуюся брешь и попало создание Джемед. Провались оно туда целиком — и Лиард был бы обречен, Тьма безболезненно вернула бы живой смерч обратно. Но Мудрый быстро стянул края отверстия, и вихрь, дышащий неведомой смертоносной пустыней, застрял и забился, точно в судорогах. Темный маг, очевидно, вложил в это заклятие слишком много сил, чрезмерно связал себя со своим творением. Безуспешно попытавшись несколько раз вытащить смерч и оборвав, наконец, все нити волшебства, Джемед выглядел весьма жалко. Но и Лиард был далеко не в лучшей форме. Оба собирались с силами для решающей схватки, когда из-за домов послышался победный клич королевских войск. Темный, видимо решившись на последний шаг, потащил из ножен, висевших на груди маленький чудной кинжал, но из возникшей внезапно арки в него ударила знакомая ярко-зеленая молния. Даррен, сопровождаемый Гертом и тремя гвардейцами, склонился над лежащим ничком магом:

— Мертв, — констатировал он, и произнес с совсем иной интонацией, обращаясь к Мудрому, — Прости, Лиард, мы не успели...

Тот лишь молча кивнул и шаркающей старческой походкой подошел к телу наставника.

— Доставьте его в Дом Мудрых, пожалуйста. Пусть все будет, как должно... Он умер, как и хотел — в бою.

— Слушаемся, Командор, — ответил пришедший с Дарреном лейтенант, и Лиард не сразу понял, что Командором назвали его.

Широкие крылья на мгновение загородили солнце, и рядом с Лоцманом опустилась Алая драконица.

— Все-таки не усидела, — вздохнул Мудрый, — тебе же еще нельзя летать.

— Ничего, она уже вполне здорова, — мягко улыбнулся Даррен, — Да и кто смог бы ее удержать, когда она почувствовала, что ты в опасности.

Герт же не мог произнести ни слова. Он прикипел взглядом к камню, который так и держал в руке Лиард. Как так получилось? Ведь Владующий Пространством не самый старший, не самый сильный и не самый послушный из учеников, почему Старик отдал ему артефакт? Это несправедливо, камень-сердце должен был перейти к нему, ведь он так старался... Смотрящий сквозь Время чуть не потерял осторожность и не выдал своих чувств. Им не понять, им не нужно было никому ничего доказывать, не нужно никого завоевывать... Вот зачем этому мальчишке власть и почести Командора? У него и так есть его драконица. Ничего, все еще будет, и кое-кто поймет, где редкий бриллиант, а где лишь стекляшка, обкатанная морем... Время, что так послушно ему, расставит все на места.

**** *
**** *
**** *

Астор закончил свое повествование, и Тайри встала, собираясь уходить. Надо не забыть сумку со снадобьями, она может пригодиться...

— Как, опять куда-то без меня собралась? Это честно, по-твоему? — Хранительница узнала в изящном воине невесту короля только по голосу. Легкие латы, украшенные строгим традиционным узором: синие на белом морские волны; шипастые, искуснейшей работы, перчатки; высокие сапоги с бритвенно-острыми боевыми шпорами и окованными сталью

носами, шлем с изображением какой-то мифической птицы: клюв закрывает переносицу, чеканные перья обнимают лицо.

— На заказ делали? — восхищенно спросила целительница.

— Да если бы. Дворцовые оружейники на днях принесли, подогнали под мой рост. Сказали, стыдно им, что будущая королева в кожаной кирасе бегает, а на магию надежда плохая. Теперь вот принарядилась, для выхода, — Одри недобро усмехнулась. — Когда-то боевые упражнения с мечом и копьем тоже танцами называли...

— Точно! Что ж, посмотрим, понравится ли темным танцевать с нами, — Тайри подмигнула подруге, — Идем!

Граница вторжения, по крайней мере здесь, проходила по кольцевому каналу — самой широкой части Водяного пояса. С одной стороны стояли тяжеловооруженные панцирники под знаменами Танх Каара и лучники-островитяне во главе с шаманами. С другой, за стенами покинутых домов, засели ударные части армии Города, которыми сейчас командовал сам король. Собственные полковники и офицеры рангом помладше, не говоря уж о солдатах, смотрели теперь на Орданна, как на легендарного паладина. Совсем недавно он, в сопровождении лишь двух элеттийских магов, предпринял немисливо рискованную вылазку в стан врага и уничтожил одного из Ревущих демонов. Собственно, превратить полусонное и неимоверно отяжелевшее от обильной пищи древнее животное в груды зловонного мяса было несложно. Но все подступы к выполнившему первую задачу Рудре тщательно охранялись, и понадобился точнейший расчет и знания союзников, зрение Талисмана и невероятное везение, чтобы выбраться живыми из этого котла. Кроме того, безумная вылазка короля отвлекла основные силы противника и позволила Герту с отрядом выбраться из окруженной башни. Правда, этого преимущества хватило ненадолго, и им снова пришлось сражаться и пробираться сквозь самые бедные районы Города, ютившиеся у стены. Отхлынувшие на старые позиции вражеские войска, подгоняемые крайне озлобленными потерей ревуна командирами, быстро загнали два десятка отчаянно отбивающихся горожан в самый неудобный угол.

Одри с Хранительницей появились на передовых позициях почти одновременно с возвратившимся из рейда Дарреном, от которого и узнали скорбную весть о гибели Командора. Убит один из темных колдунов, но сколько их еще...

— Если Герт не отыщет по дороге какое-нибудь убежище, ему придется солоно, — сказал король, — их обложили так плотно, что даже при помощи Талисмана я с трудом различаю его. Хуже всего, что Скай не может сейчас сменить человеческий облик на драконий. Едва он взлетит, его тут же изрешетят.

— Изрешетят — полбеда, он бы наколдовал щит. Боюсь, что причина в другом, — задумчиво произнесла Тайри.

— Мы должны им помочь! — Одри выглядела воинственно, но короля это не вдохновило.

— Милая, подумай сама, — терпеливо ответил Орданн, — если я положу во время прорыва половину своей армии, кто будет завтра защищать Город?

— Где они сейчас? — тихо спросила Тайри.

— В Муравейнике, — немного помолчав, произнес король, — и это просто замечательно. Нет в Городе лучшего места, чтобы спрятаться.

Муравейником называли причудливое нагромождение домов, домиков, хижин и вовсе уж ни на что не похожих строений, возникшее стихийно несколько сотен лет назад у

крепостной стены. Это было пристанище городской бедноты, бандитов, нищих и попрошаек, воров, скупщиков краденого, торговцев зельем и удовольствиями, а также всех прочих личностей, кто плохо вписывался в заведенный порядок. Там прятались питейные и игорные заведения, притоны и тайные склады краденого и контрабанды, и Создатель знает, что еще. Поговаривали, что за все время существования хозяева сего благословенного места вырыли множество подземных ходов, ведущих в самые различные точки Города.

— Полагаешь, они выберутся сами? — мрачно спросила деревенская колдунья.

— При определенной доле везения. Как я уже имел счастье убедиться, Муравейник — это государство в государстве, живущее по своим законам и обычаям. Спасаясь, его обитатели заберут с собой, скорее, товар и сокровища, чем тех, кто станет обременять их: больных и стариков. Среди покинутых обязательно найдется кто-нибудь, кто поможет им в обмен на собственное спасение.

— И ты будешь спокойно сидеть и ждать?!

— Не заставляй меня повторять прописные истины, милая! Противник может себе позволить бросать в топку сотни жизней, а я — нет. Если кто-нибудь чувствует себя в силах их вытащить — не смею препятствовать. Но отправлять на верную смерть моих солдат я права не имею.

— Орданн, как ты можешь! — Одри осуждающе взглянула на жениха.

— Его величество прав, — стараясь пригасить эмоции, промолвила Хранительница, — и поступает, как положено королю. Мы не можем жертвовать сотнями ради двух десятков. Но своей жизни я сама хозяйка. А там Скай, которому я обязана этой жизнью Создатель знает сколько раз.

— Не спеши, Тайри, прошу тебя, — устало попросил Орданн, — я слежу за ними каждую минуту. Пока им удалось обмануть темных ищеек и углубиться в переходы Муравейника. Там какая-то своя, особая магия, сложенная из кусочков, обрывков знаний множества поколений. Чужаки голову сломят, пока разберутся, потому что наверняка чувствуют, что разрушить это чудовищное строение еще опаснее. Если Герт и Скай окажутся в серьезной опасности или, наоборот, в зоне нашей досягаемости, я скажу тебе. Тайри, я понимаю, ты готова на все, чтобы спасти их, но Ская вряд ли обрадует известие о твоей гибели. Да и твоих пациентов тоже.

— Хорошо, — сдалась волшебница, — я подожду.

— Смотрите-ка, наши заклятые друзья снова что-то затевают, — сказал граф Раррок, наблюдавший за противником в подзорную трубу.

По ту сторону канала действительно началось какое-то движение. На пьедестал сброшенной в воду статуи водрузили квадратный камень жертвенника, накрытый чешуйчатой, в зеленых пятнах, шкурой. В плотном кольце рослых воинов-туземцев показался не менее рослый шаман. Многочисленные амулеты и обереги подпрыгивали и раскачивались у него на шее в такт пританцовывающей походке. Разрисованную цветными татуировками лысую голову украшало некое подобие короны из позвонков неизвестного морского гада. Руки, гремя причудливыми браслетами, двигались будто сами по себе, в особом ритме выписывая волнообразные фигуры. Из всей одежды на шамане был кусок тяжелой ткани, удерживаемый поясом на манер юбки. Ни барабанов, ни пения слышно не было, но плавный танец островитянина завораживал.

— Он... он призывает Воду, — сказала Одри испуганно, — я чувствую это.

— Если он заставит море подняться и хлынуть в канал, начнется настоящий потоп, —

проговорил король мрачно, — отступить нам некуда...

— Значит, ему нельзя дать закончить заклинание, — Тайри подошла к лишенному стеклом окну, уже держа между ладонями сотканную из синих молний сферу, — пожалуйста, не мешайте.

Хранительница решилась на крайне рискованный ход, и Орданн, знакомый с ее приемами, старался не думать о том, что станет с нею в случае неудачи. Шаман взывал к одной лишь водной стихии, Тайри же будила и расталкивала вокруг него все остальные. Становясь чувствительными к заклятиям, стихийные духи могли повести себя совершенно непредсказуемо, и именно на эту непредсказуемость волшебница опиралась, попросту натравливая одну древнюю силу на другую. Внушить Земле или Огню, что их пытаются извести под корень с помощью Воды, да еще умело показать виновника. Правда, если фокус не удастся, вся тяжесть удара взбешенных элементарей достанется ей, и вряд ли она выживет. Взыл ветер, едва не сорвав плащи с плеч темных воинов. Под танцующим шаманом задрожала, растрескиваясь, земля. Из провалов взметнулись вверх узкие языки пламени. Похоже, удалось, с радостью подумал Орданн, никогда бы не подумал, что Тайри на это способна, но...

Шаман, не прекращая отбивать босыми пятками таинственный ритм, открыл глаза и медленно огляделся. Он безошибочно определил, где затаился его противник, и точно выверенным движением выбросил вперед руку со сложенными "клювом" пальцами. Хранительницу спасла хорошая реакция: она успела подставить под прицельный удар "гибкое зеркало". В итоге мстительное волшебство островитянина покалечило его же собственных солдат. Однако, он вовсе не растерялся, хоть и вынужден был прекратить стихийную волшбу. Его пальцы так и сновали, рисуя в воздухе один символ за другим. Воздух над каналом сгустился в некую призрачную ящероподобную фигуру, запахло кровью и раскаленным железом. С каждым шагом фантом становился все плотнее.

— Мне это надоело, — сквозь зубы прошипела Тайри и резко хлопнула в ладоши. Ослепительно-синяя стрела развеяла в клочья начавшего обретать материальность гиганта. Шаман, только что самозабвенно прыгавший в "танце силы", зашатался и упал ничком, потеряв свою причудливую корону. Темные, будто опомнившись, принялись много и беспорядочно стрелять по домам на противоположной стороне канала.

— Теперь очередь за нами, — сказал, массируя виски, Орданн. Видимо, постоянный контакт с Талисманом все еще вызывал у него головную боль. — Даррен, ты сможешь вывести Герта через Сокрытые Тропы, если они будут вон в той башне? Нашим противникам станет сейчас немного не до колдовства.

И точно, огрызнулась спрятанная до поры, до времени батарея легких пушек, снятых с кораблей, за ней вторая. словно эхо, прозвучал отдаленный грохот в глубине занятой врагом территории.

— О, наши оружейники им перца на хвост насыпали, — с довольной улыбкой сказал новый капитан Гвардии.

— Герт и остальные вот-вот поднимутся на поверхность. Сейчас они в подвалах той башни, — сказал Орданн уверенно, указывая в окно на полуразрушенное строение, в двух кварталах от занятого ими дома. Лоцман кивнул, сделал шаг в сторону и исчез. Лиард лишь вздохнул с изрядной долей восхищения:

— Вот это легкость!

— Ничего удивительного, Командор, поверьте. Просто он ВИДИТ Сокрытые Тропы, :

мы первые шаги по ним делаем вслепую, исползуя наши заклинания, точно костыли.

Владеющий Пространством растерянно взглянул на своего короля, потом, тряхнув головой, ответил:

— Простите... Я никак не привыкну, что Командором теперь называют меня. Как подумаю, что нас всего-то трое осталось от Ордена.

— Трое — тоже сила, и уж точно гораздо лучше, чем ничего, — в дверях стоял Герт, весь в пыли и паутине, но живой и невредимый. За его спиной маячили светлые головы Лоцмана и Ская.

Смотрящий сквозь Время снял легкий шлем и опустил голову. Потом, заметив устало сидящих у стены Одри и Тайри, насмешливо поднял бровь:

— Сегодня все на переднем крае... Госпожа Хранительница, ваш дракон доставлен в целости и сохранности. Ну, почти.

Волшебница удивленно воззрилась на Мудрого. Что за непонятный тон? Видимо, Скай и Герт серьезно не сошлись во мнениях по каким-то важным вопросам и повздорили. Вот уж воистину, драконий характер! Мудрый ведь ни с того, ни с сего насмешничать не станет. Да и куда ему, крылатый — та еще язва.

— Со своей стороны могу сказать, что ваш маг тоже вполне цел, моя леди, — невысокий и ловкий Скай проскользнул мимо Герта в помещение, — царапины и синяки не в счет.

И только по-целительски внимательная Тайри заметила, что эта кошачья ловкость далась синеглазому с трудом, что он бледен, на щеках разгорается нездоровый румянец, а тонкие посеревшие губы искусаны в кровь. Он намеренно держится в тени, пряча левое плечо и руку...И ему очень больно.

— Сейчас будет легче. Я затяну рану, — Хранительница быстро подвинула к дракону какой-то ящик, на который тот с благодарностью уселся.

— Змеи?

— Да, моя леди. Они не ядовиты, но их зубы стоят любого яда. И слюна не дает заживать ране. Я пытался...

— Мы с Одри вчера опробовали один состав. Должен помочь. Потерпи, — очень ласково сказала целительница выливая на разорванную руку Ская ярко-красную жидкость.

Синеглазый не двинулся с места, но пока лекарство пузырилось и шипело, очищая рану, выражался так заковыристо, что даже бывалые вояки взирали на него с одобрением.

— Исчерпывающе, — с трудом сдерживая смех, сказал король, — но при дамах я б не решился. Лучше расскажите, как вы выбрались из Муравейника. Вас кто-то вывел?

— Чеззар ар-Даве, собственной персоной, — ответил Герт.

Королю это имя ничего не сказало, а вот многие офицеры и Лиард уставились на мага широко раскрытыми глазами.

— Ничего себе! Сам Хозяин Игр! — присвистнул Раррок, — Я думал, что старый лис уже давно под черными знаменами.

— Оказалось, что нет. Семейство свое он переселил за стены Старой Цитадели еще до вторжения. А сам остался, не смог бросить больную жену. Такой вот сентиментальный король арен и игорных домов...

— Стало быть, он вас вывел, а взамен попросил ее вылечить?

— Именно так. Солдаты доставили ее сюда на носилках. Только лечить там уже нечего. Ей жизни осталась неделя, предначертанного не изменишь, — проговорил Смотрящий

сквозь Время с какой-то странной интонацией, ни на кого не глядя, — Самое ужасное, она знает об этом, говорит, ей предсказали. И совершенно спокойна... Хотел бы я так.

— Я все-таки попытаюсь, — ответила Тайри, вставая, — сейчас многое меняется, кто знает, может и ее судьба тоже. Долг платежом красен. Передайте, пусть ее доставят в госпиталь. Мы, конечно, не боги, но попытаться обязаны.

— Вот и займитесь, госпожа Хранительница, — начал король и замолчал на полуслове: глаза прикрыты, лицо — точно белая маска. Тайри и Даррен мгновенно заключили комнату в защитный кокон.

— Направленный удар? Откуда? — спросил Герт, морщась от боли.

— Это нас только краем задело... — Орданн мрачно усмехнулся, — Там, у второго пролома, беда. Горят почти все ремесленные кварталы, склады с продовольствием, что мы не успели переместить.

— Мы идем туда, немедленно, — сухо сказал Даррен.

— Я с тобой, — Тайри знала, что там, в гибнущих районах, сейчас необходимо ее искусство.

— Лучше отправляйтесь в ставку генерала Бегона, это ближе всего к очагу, — Командор, сопроводите меня...

Дальше Хранительница не слышала, короткая Тропа захлопнулась за ней и Одри, чтобы вывести среди огня, дыма и человеческих стонов.

**** *
**** *
**** *

Дингра, сдвинув брови, оглядела собравшихся за столом людей. От тех, кто шел с нею с самого начала, осталась половина, но это ее нисколько не волновало. Меньше претензий, меньше интриг, меньше придется выполнять требований. Вчера о своем договоре заговорил маршал Свиз, заставив Верховную жрицу всерьез задуматься: а сможет ли она? Честно говоря, Дингра и не думала, что престарелый стратег переживет все тяготы военной жизни. Он ведь все время жаловался, что на корабле чувствует себя крайне плохо. Сегодня ее армия потеряла сразу двоих: шамана ЗуВона и мага Джемедэ, но это ничуть не огорчил Верховную. Главное, что половина Города уже в ее руках, и очень скоро она завладеет Ключом! Не удивительно, что пока самые тщательные поиски ничего не принесли. Артефакт, скорее всего, хранится где-нибудь в потаенных сокровищницах королевского дворца или в подземельях Храма. Что ж, она подождет, пока ее войска не подойдут к стенам Старой Цитадели, а потом... Если король Орданн не образумится и не принесет ей Ключ, Дингра сотрет с лица земли самую память о Городе. Голоса оставшегося у нее Рудры для этого вполне достаточно.

— Тги'Рон, что нового на вашем направлении?

— Все идет, как задумано, моя госпожа. Горожане сопротивляются изо всех сил, но их слишком мало. Даже при самом медленном и осторожном продвижении, дня через три-четыре Город будет наш, — сияя, точно новенький золотой, ответил колдун. Конечно, ничто так не радует, как смерть соперника...

— Боюсь, что досточтимый волшебник недооценивает противника, — проскрипел со своего места маршал Свиз, — у них неплохие военачальники, и, очевидно, несколько серьезных сюрпризов они еще держат в запасе. Известна боязнь горожан пускать в ход сильные артефакты, дабы не нарушить Закон Равновесия, но будучи вынуждены, они применяют все, что имеют. Кроме того, никогда не стоит сбрасывать со счетов Хранительницу и ее Лоцмана. Насколько мне удалось проанализировать собранные о них

сведения, они не просто сильные маги. У них, очевидно, есть опыт подобных войн. И еще... Можно дойти до стен Старой Цитадели и застрять там на долгие недели. Король молод, но совсем не прост.

— Не сгущайте краски, дорогой маршал, — обворожительно улыбнулась Дингра, — уж что-что, а стены меня теперь волнуют меньше всего. Рудра великолепно с ними справится.

— Может быть. А может быть и нет. Мир устроен так, что на каждую уловку обязательно найдется другая.

— Посмотрим. Пока горожанам удавалось лишь кое-где сдерживать наши войска, но не заставить их отступать. Думаю, не удастся и впредь. Даю вам два дня, чтобы занять оставшуюся часть города. Когда они будут загнаны в мышеловку собственной Цитадели, выбор у короля станет весьма небогатым. Либо отдать мне артефакт, либо умереть вместе со всеми оставшимися подданными. После чего Ключ все равно будет у меня, — пожалала великолепными плечами жрица. — Все свободны... Пойдемте, маршал, я привыкла держать свои обещания.

Седовласый старец отбросил лохматую шкуру-плед, легко поднялся из кресла, в котором его принесли на военный совет, и последовал за госпожой.

— Я знала, что вы намного бодрее, чем кажетесь, — без тени удивления усмехнулась Дингра, ведя Свиза в свою каюту, — надеюсь, и я не утратила своей Силы, — она открыла испещренную древними символами дверь и замерла на пороге.

— Одна вы можете и не справиться, — прозвучал из темноты одновременно ласковый и леденящий душу голос, заставивший дрогнуть даже такого бестрепетного вояку, как Свиз. — Я помогу. Вы, маршал, честно заработали новую жизнь в молодом теле. Только помните, наши чары действуют, пока вы с нами. Вы можете больше не воевать, поселиться в глуши или вообще завести себе восемь жен где-нибудь в Реонском княжестве, но как только вы даже в мыслях перейдете на сторону нашего врага — вернетесь в прежнее свое состояние.

— Я знаю условия договора, — твердо ответил маршал.

— Это похвально. Приступим? Хотя нет, я сначала хотел бы кое-чем порадовать мою лучшую ученицу, — свечи в канделябрах разом вспыхнули, и Свиз увидел высокого, худого, одетого в дорогой бархат и золотые кружева, человека. На бледном, узком, невыразительном лице, казалось, жили одни глаза: блекло-желтые, с огромными, как у ночных животных, провалами зрачков, из которых, смеясь, смотрела Тьма, — Теперь нет никаких препятствий, Дингра, и я привел тебе на помощь множество замечательных солдат, моих солдат! Думаю, одного полка для начала будет достаточно.

Несчастные горожане, подумал маршал, на них натравят целый полк отборной нечисти, с которой неизвестно чем и как сражаться. Нет, лучше оставить эту войну, пока еще люди сражаются против людей...

— Кстати, если победим не мы, за стойкость чар я тоже не поручусь, — улыбнулся гость одними губами. — Впрочем, к вам, маршал, у меня нет претензий. Вы, как раз, сделали все, что могли и никогда не посягали на большее, чем положено по договору. Потому и заплачено вам будет сполна.

...Дингра в глубокой задумчивости глядела на дотлевающие в жаровне угли. Ее не столько вымотало колдовство, хотя процедура оказалась наитруднейшая, сколько лишило сил само посещение Господина. И эти его слова о точно выполненном договоре и о посягательстве на большее. Он ясно дал понять, что подозревает ее! Естественно, он не доволен тем, что Ключ пока у старых хозяев — именно поэтому и бросил в унизительно-

беспомощном состоянии, не влив ни капли новой Силы. А если, даже не оставив здесь камня на камне, она все равно не отыщет Ключ? Что тогда? Нет, надо срочно что-то предпринять, как-то выйти из игры или хотя бы спрятаться, выиграть время... Лоцман! Зеленоглазый волшебник, вот кто станет ее главным козырем. А уж она придумает, как его заполучить.

**** *
**** *
**** *

Новый натиск оказался слишком мощным для изрядно потрепанной армии Города. Ни отбросить, ни даже сколько-нибудь существенно задержать захватчиков ни на одном направлении не удалось. Защитники Города-над-Морем медленно отступали, давая возможность людям, до последнего остававшимся в своих домах, спрятаться за стенами Старой Цитадели. Численное превосходство врага усугубилось появлением огромного количества нечисти. Все, кто хоть немного владел волшебством, пытались помогать солдатам, но увы — силы были неравны. Появление созданий А'Деула заставило короля и магов признать, что великий закон Равновесия уже не регулирует соотношение сил. Оставалось полагаться на себя самих да милость Создателя.

— Ваше величество, темные замыкают блокаду. Они миновали пекарни и Полотняный город, еще немного, и будут уже у стен.

— Что сейчас на линии обороны?

— Ничего нового, — адъютант сосредоточенно нахмурился, — центр удерживает Лоцман, у него положение наиболее благоприятно. На флангах все намного хуже. Там не хватает людей, Хранительница и Герт едва справляются, драконы же вообще вынуждены ограничиться отдельными редкими вылазками. У жрецов ТанхКаара есть какие-то твари, которые для них крайне опасны.

— Крылатых надо поберечь... Что еще?

— Элеттийцы утверждают, что помимо хорошо узнаваемой нечисти, среди вражеских солдат половина тщательно замаскированных под людей тварей, которых не берёт обычное оружие. Нужно особое, освященное или заговоренное. В противном же случае, остается надеяться только на волшебников... Есть еще одно очень странное донесение. На перевале замечен большой отряд ньятти. В город идут, больше некуда.

— Интересно, с чем пожалуют на этот раз маленькие соседи, — усмехнулся король устало, — вряд ли они могут хоть чем-то нам помочь. Да и не прорваться им...

— Если падет Город, то и они лишатся своего пристанища, — сказал офицер, — лично я совершенно не представляю себе этих малышей под властью поклоняющихся А'Деулу.

— Я тоже. Они редко проявляли себя, но в летописях я наткнулся однажды на описание одного события... Где-то в море произошло землетрясение. И Город смело бы гигантской волной, если бы не они. Никто из вышедших в море на лодках ньятти не вернулся, но, если верить написанному, волну они увели за собой. Что ж, подождем...

**** *
**** *
**** *

Все было не так уж плохо, пока люди сражались против людей. Где-то создавая щит, где-то применяя иное волшебство, Даррен умудрялся сдерживать напор вражеских войск и давать хоть какой-то отдых своим измотанным солдатам. Но вот в игру вступил маг, и Лоцман понял, что позиций его гвардейцам не удержать. Невидимый, но ясно ощущаемый противник отнимал все его силы и внимание. Это было бы похоже на дуэль, если бы Даррену не приходилось еще постоянно прикрывать своих. Враг оказался умен и безжалостен. Он не стал выяснять, кто из них сильнее, просто бросал одно заклятье за другим. Таким образом, зеленоглазому волшебнику оставалось только обороняться.

Единственный раз Лоцман ответил нападавшему как должно, затратив некоторое время на создание «купола», но понять, достиг ли его удар цели, так и не удалось. Самым действенным оказался способ разрушения «скреп» заклинаний темного мага. К счастью, этим Даррен владел в совершенстве, и только благодаря отточенному до уровня инстинкта умению и он, и его солдаты были до сих пор живы. Лоцман уже приготовился контратаковать, разгадав основу волшебства противника, как кто-то рядом произнес слова, напрочь выбившие его из колеи:

— Говорят, Хранительницу ранили... И помочь уже ничем нельзя...

Зеленоглазый вздрогнул и обернулся, пытаясь рассмотреть говорившего, но воздух взвыл от очередного колдовства противника, отрывая людей от земли и бросая их на острые обломки стен полуразрушенного дома. Пора прекращать этот бесполезный бой, решил Даррен, ведь существует короткое решение. Короткое и почти запретное: зачерпнуть внутри себя Изначальное пламя, слепить из него что угодно — дротик или просто шар, пробить тонкую, незаметную Сокрытую тропку и послать противостоящему ему темному. От такого оружия невозможно увернуться, ведь оно направлено к истинной сути колдуна, а Тьма просто не выдержит соприкосновения. Только вот запас древнего огня не бесконечен, и расставаться с ним, все равно, что с частью самой жизни. Но Тайри...

Никто из стоявших рядом, даже маленький воин в легких кожаных доспехах, не понял, почему Тги'Рон, после столь удачного удара, вдруг жестом внезапно ослепшего поднес к глазам руки и рухнул навзничь. Несхит склонился над упавшим, отвел прижатые к лицу ладони, заглянул под судорожно сощуренные веки и тут же отшатнулся. Из-под опаленных ресниц сочилось древнее Пламя. Тело Тги'Рона превратилось в невесомый пепел в течении нескольких минут.

Тайри, насколько помнил Даррен, вместе с ротой кирасир и отрядом арбалетчиков удерживала бывшую резиденцию мэтра Логара. Этот дом, построенный в совершенно нехарактерной для Города манере, действительно был почти крепостью: с надежными толстыми стенами, маленькими окнами, выходящими на улицу, с навесными башенками по углам и обширным внутренним двором, снабженным собственным колодцем. Если они все еще там... И что это за нелепая фраза: «ничего нельзя сделать»? Просто рядом не оказалось никого знающего. А он — сможет, он уже вытаскивал ее из-за Грани и сделает это снова, столько раз, сколько понадобится. Только бы успеть... Даррен на скорую руку сотворил обширный, но достаточно крепкий воздушный щит, чтобы ядра и арбалетные болты не достигли солдат, передал командование одному из офицеров, и почти не разбирая дороги, бросился к особняку мэтра Логара. Он ощущал спиной недоуменный и осуждающий взгляд своего лейтенанта, и понимал, что поступает, с любой точки зрения, неправильно, но ради Тайри был готов на все. Он ведь успел сказать, что с Хранительницей беда, они должны были понять! А Город пропустит, поможет... Еще одной проблемой было то, что нить, связывавшая его с Хранительницей, не давала возможности узнать, насколько ей плохо. Он ведь ощущал только эмоции, а со дня вторжения ею владели лишь боль, скорбь и негодование. Такие пустяки, как собственные ранения, ее волновали мало. Оставался только один способ узнать правду — увидеть своими глазами.

Что-то сильно ударило его в спину, заставив согнуться и сделать несколько неверных шагов. Маг оступися, угодив ногой в какой-то полуоткрытый люк, упал — и его накрыла темнота.

Глава 14

Иногда, чтобы укрепить соперника в его заблуждении, нужно говорить чистую правду.

Вера Камша "Синий взгляд Смерти. Рассвет."

Есть волшебство, которому обучаются по книге, с трудом запоминая заклинание за заклинанием.

А есть другое, которое идет из глубины сердца.

Из глубины любящего сердца,

когда оно печалится о дорогом человеке.

Отфрид Пройслер. Крабат, или Легенды старой мельницы

Очнулся он от холодного морского ветра, пробиравшего до костей, и совершенно немислимых в центре города звуков: скрипа снастей, близкого плеска волн и крика чаек. Создатель всемилостивый, как его угораздило попасть напрямиком в ловушку?! Следует отдать должное, для него нашли надежную приманку — настолько надежную, что он полностью потерял бдительность... Что же теперь? Если вокруг море, значит он может быть только на корабле противника!

Лоцман потряс головой, и туман перед глазами окончательно рассеялся. И шум волн, и птичьи крики он слышал несколько приглушенно, точно они врывались в приоткрытое окно. Окно? Нет, в витражный иллюминатор роскошной каюты, похоже, капитанской...

— К сожалению, наш способ приглашать в гости несколько нетрадиционен, — услышал он приятный, с глубокими бархатными нотками, женский голос, — но я надеюсь, мы не причинили слишком большого беспокойства знаменитому Лоцману.

— Насколько я понимаю, вы — капитан этого корабля? — осторожно спросил Даррен.

— Ну, не совсем. Это адмиральский галеон, действительно, и все флоты подчиняются мне. Но меня трудно назвать капитаном, — наконец-то он разглядел разговаривающую с ним женщину. Она стояла в глубине обширной каюты, зажигая свечи в тяжелом бронзовом шандале. Лоцман видел ее со спины: достаточно высокого роста, с тонкой талией, в сложной прическе поблескивают драгоценности.

— Тогда с кем имею честь? Впрочем, я догадываюсь...

— И правильно догадываетесь. Я — Дингра, Верховная жрица храма Танх Каар. И это я привела сюда все эти войска.

— Зачем вам это понадобилось, я спрашивать не буду, — зеленоглазый волшебник пожал плечами и с удивлением обнаружил, что не связан, — у Тьмы всегда найдется множество поводов.

— О нет, у нас вполне конкретная цель на этот раз. Город нам вовсе не нужен, хоть он и торчит у всего нашего мира, точно кость в горле. Нас интересует один-единственный артефакт, древний, как вселенная. Но вы же добровольно его не отдадите? А ведь могли бы, и жили бы себе спокойно дальше.

— Полагаю, что после этого спокойно жить дальше было бы в принципе невозможно,

впрочем, как и вообще — жить, — усмехнулся Даррен, — зачем оставлять в живых несколько тысяч убежденных противников, хоть и загнанных на маленький остров. Ваш Хозяин никогда не допускает подобных ошибок. Кроме того, я не вправе что-либо говорить от имени горожан. Я всего лишь чужак, хоть и сражающийся на их стороне.

— Бросьте, Даррен. Посмотрите правде в глаза, вы ведь не за Город сражаетесь, и не ради вашего друга-короля рискуете жизнью.

— Я не стану обсуждать с вами мои мотивы, Дингра. Равно как и все остальное. Мне не о чем разговаривать с Тьмой.

— Ну, не будьте столь прямолинейны. Сие допустимо для примитивных жителей этого мира или полудикого Арашамфа. Но вы, рожденный в прекрасном Ирольне, должны быть гораздо тоньше и умнее, — Дингра сделала несколько шагов, все еще оставаясь в тени, — Или на вас столь пагубно сказалось общение с этой вашей... Хранительницей?

— Если уж вы знаете, откуда я родом, то должны понимать мое нежелание говорить с вами. Ирольн изначально светел.

— Свет, Тьма... По большому счету, это лишь имена власти. Мы, люди, можем только пытаться выжить в их бесконечной борьбе, и, если повезет, чего-то для себя добиться. Разве вам никогда не хотелось получить нечто... заветное?

— От вас и вашего Хозяина — нет.

— А ваши собственные хозяева никогда и не предложат вам подобного. Что вы получили взамен долгих лет безупречного служения Свету?

Даррен молчал, выжидал, тянул время и осторожно осматривался. Нужно было понять, возможно ли отсюда вырваться, а если нет, то как-то послать сигнал своим.

Не дождавшись ответа, верховная продолжила:

— Я знаю, что вы скажете. Вы получили свою награду раньше, и никто не в силах ее оценить. Тьма Изначальная, ну нельзя же так превозносить заурядную колдунью, совершенно случайно спасшую вам жизнь!

— Вы напрасно тратите слова, Дингра. Как хорошо осведомленный полководец, вы должны бы знать, что я крайне редко меняю свое мнение. И не вам говорить о Тайри.

— Да откройте же, наконец, глаза, Лоцман! — произнесла Дингра с сочувствием, — Вы давно уже ничего ей не должны! Вы тоже вытаскивали ее из-за Грани, защищали в бою... Вам не за что испытывать к ней благодарность. Не говоря уже о том, что она ни разу не ответила на ваши чувства, так ведь? В лучшем случае, вы дождались ни к чему не обязывающих слов, несмотря на все ваши старания...

— Не смейте... — Даррен вскочил, отшвырнув кресло. Он понимал, что каким-то образом Дингре удалось прочесть его мысли и память, что его откровенно провоцируют и он должен оставаться равнодушным, но... Эта женщина умело бредила все тщательно скрываемые душевные раны.

Дингра, тем временем, подошла к приоткрытому иллюминатору, полностью распахнула его, давая бледному свету пасмурного дня свободно литься в помещение. Лоцман взглянул на нее и на какое-то время просто потерял дар речи. Ему стоило огромных усилий, чтобы не показать, насколько он поражен. Верховная жрица была невероятно похожа на Тайри! Естественно, в первую очередь волшебник подумал, что его дурачат, что все это — лишь коварный магический маскарад. Он послал в преисподнюю осторожность и привел в действие весь доступный в данный момент арсенал познания. Как ни странно, внешность стоящей перед ним женщины не была обманкой. Даррен видел только чуть заметные чары

на гребнях, помогающие удерживать в причёске тяжелую массу каштановых волос. Безусловно, Дингра не являлась полной копией Тайри, но сходство было разительным: овал и черты лица, почти одинаковый рост, жесты, манера держаться... Хотя манера держаться, как раз, была иной, куда более уверенной и властной. Это помогало Лоцману не сбиться окончательно с толку, потому что Дингра буквально завораживала его.

— Даррен, — сказала она ласково и сделала еще один шаг ему навстречу, — она же не любит вас, бедный мой Лоцман. И боюсь уже никогда не полюбит. Я не понимаю, как можно было предпочесть вам кого-то еще, но ей это удалось.

— Тайри никогда ничего мне не обещала и всегда была абсолютно свободна в своих чувствах, — Создатель, он что, оправдывается? Даррен понимал, что это недопустимо, но остановиться уже не мог, — Жаль, Дингра, но вам этого действительно не понять.

— Да уж, где мне... По-моему, вашей драгоценной Хранительнице просто всегда было наплевать на вас, прекраснодушный рыцарь! Она не умела и не умеет ценить выпавшее на ее долю счастье, — жрица зло усмехнулась, и Даррен дернулся, словно от пощечины, настолько неестественно и отвратительно исказилось столь дорогое ему лицо, — Если бы... Если бы у меня был такой шанс!

— А вы не думаете, что это у меня была единственная возможность выжить, и только она одна...

— Ну с чего вы взяли?! Просто она оказалась рядом, вот и все. Тоже мне, подвиг: сделать то, что ты не только можешь, но и должен! — Дингра пожалала великолепными плечами, едва прикрытыми тончайшим шелковым палантином, — наверное, я действительно зря трачу слова. Вы же все равно остаетесь слепым, как крот. Никого, кроме нее не видите.

Зеленоглазый волшебник лишь вопросительно поднял бровь, говорить ему было трудно. Молчать, впрочем, еще труднее — собеседница мастерски играла на его чувствах к Тайри, на упорно не забывающихся мелких фактах, догадках, мечтах, обидах... Он находился в шаге от того, чтобы безоговорочно признать правоту темной жрицы — ведь эти же мысли не раз приходили и ему в голову.

— Вы никогда не допускали, что вас может полюбить другая? — Дингра стояла теперь очень близко, глядя на Даррена чуть снизу. Он чувствовал дурманяще-сладкий аромат ее духов, видел, как дрожат длинные ресницы, — напрасно... Я похожа на вашу Хранительницу, ведь так? Не пытайтесь отрицать, я видела ее лицо много раз глазами моих лазутчиков. Случайная шутка судьбы? Или нет? Я встретила вас, Даррен, и, наверное в насмешку, все, что должна бы чувствовать к вам она, теперь чувствую я.

Лоцман попытался отступить, вернуть себе прежнее душевное равновесие, в конце концов, как-то отвлечься и перестать слушать, но колдунья крепко держала его: взглядом, голосом, доверительной интонацией.

— Да, вы мне глубоко небезразличны, и я не боюсь сказать об этом. Ну же, не отводите взгляд, — да он и не смог, даже если бы захотел. Какие удивительные глаза, этот дивный разрез и цвет, какая глубина...

— Вы рождены в прекрасном Ирольне, вы стоите на ступень выше всех этих варваров, именующих себя магами, — продолжала Верховная мягко и вкрадчиво, — я убеждена, что вам должно нравиться все совершенное. Посмотрите на меня, разве я не более совершенна, чем Хранительница?

Лоцман только глубоко вздохнул, стискивая кулаки. Зачем спрашивать об очевидном?

— Последнее время я только и думаю о том, что мое сходство с Хранительницей не случайно. И о вас — с тех пор, как увидела, — голос жрицы дрогнул. Если это и была игра, то весьма искусная. — Мне невыносимо видеть, как она мучает тебя.

— Вот как?

— Именно так... Хочешь, я прямо сейчас пошлю в самую дальнюю преисподнюю и свою власть, и эту войну, и пойду с тобой, куда ты захочешь? Я же вижу, как ты устал... Она никогда не говорила, что готова последовать за тобой в твой мир, а я пойду! Скажи, тебе не надоело еще воевать и скитаться? Давай бросим все и исчезнем... Посмотри, разве я не достойна тебя, разве я не жертвую всем, что у меня есть?

Дингра стояла так близко, что Лоцман ощущал кожей ее горячее дыхание. Она была хороша — просто воплощение цветущей женственности во всей своей красе и силе. Тайри рядом с ней показалась бы, самое малое, неинтересной простушкой. Открытый корсаж подчеркивал великолепную грудь и царственные плечи, шитый золотом пояс охватывал соразмерно тонкую талию. Жрица одним движением вынула из прически зачарованный гребень, и дивные каштановые волосы заструились пышной волной до самых бедер. И лицо — такое родное, такое искреннее, лучащееся той любовью, которую он так долго ждал... Может, и правда, бросить все и уйти, вернуться домой, — подумал Даррен, точно во сне. Дингра осторожно коснулась его щеки тонкими пальцами с длинными, отливающими металлом ногтями.

— Ты мне веришь?

Он едва не ответил согласием, но дрогнула потревоженной струной связующая нить. О нем беспокоились, его искали, чувствовали, что он в беде! Даррен решил. Прижав крепче ладонь жрицы, он попытался проникнуть в ее мысли так, как его учили когда-то в Обители. Ему было известно, что Серые Зеркала отражают порой странные вещи, которые прячет человек глубоко в себе, но они никогда не лгут. То, что удалось разглядеть за несколько коротких мгновений, привело Даррена сначала в замешательство, потом взбесило. Он чуть не купился на тщательно подготовленную и великолепно разыгранную ложь, искусно спрятанную среди кусочков правды. Был ли он нужен Дингре — да, но только как проводник, чтобы иметь возможность легко исчезнуть из этого мира. Хотела ли она оставить войну — да, чтобы избежать кары А'Деула. Желала ли она отправиться с ним в Ирольн — всей душой, ведь это идеальное убежище, куда ее Хозяину путь заказан. Ей не нужен артефакт, ради которого затеяна эта война? Разумеется, не нужен, ведь есть другой — в мире Даррена. Она испытывает к нему какие-то чувства? Не более чем к полезному орудию и красивой игрушке. У этой женщины не было иной цели кроме власти, и ей абсолютно безразлично, какими средствами ее можно достичь. Она считала себя способной перехитрить даже своего Хозяина!

Видимо, Даррен чем-то выдал себя: Верховная удивлено подняла соболиные брови:

— Что случилось, волшебник? Снова подумал о своей Хранительнице?

— Возможно. Я не останусь с тобой, Дингра, ты напрасно стараешься.

— Почему?!

— Потому что ты лжешь! Я нужен тебе, для того чтобы избежать, в случае неудачи, заслуженной кары Царя Бездны и завладеть вторым ключом, что спрятан в Ирольне. Жаль, но твой расчет не оправдался.

— И что с того? Чем лучше твоя Тайри?! — Дингра произнесла имя его любимой женщины, точно ругательство, — она ведь тоже вертит тобой, как хочет.

— Тебе не понять, сколько бы я ни говорил, — грустно усмехнулся Лоцман, — в любом случае, она не лжет. А здесь нет ничего, кроме обмана, впрочем, предельно глупо было бы ожидать иного.

Женщина резко отдернула руку, будто обжегшись. Прекрасное лицо ее все еще оставалось спокойным, но глаза наполнились гневом.

— Ты играешь с огнем, зеленоглазый. Я еще никому не доверяла так, как тебе, а ты обвиняешь меня во лжи!

— Ты прекрасная актриса, Дингра.

— Это все, что ты можешь сказать? — она взглянула на него, чуть склонив голову набок. Почти так, как это делала Тайри, — Хочешь испытать мою Силу?! — голос ее изменился, став низким и вибрирующим, — что ж, не хочешь добровольно, так будешь привязан!

Ожерелье из рубинов на ее шее показалось Даррену брызгами свежей крови. В каюте стало темнее, жрица чертила на ладони какой-то знак узким каменным стилетом, едва слышно произносила слова заклинания. От странного аромата ее духов путались мысли, голова становилась тяжелой, накатывала дремота. Волшебник понял, что еще минута, и он останется здесь навсегда, и, даже если вырвется, унесет в себе колдовскую занозу, которая будет возвращать все его мысли, сны, чувства сюда, к Дингре. Он собрался, стряхнул с себя оцепенение и ударил древним запретным заклинанием. Даррен никогда в жизни не решился бы на это, не покусись жрица на свободу его мыслей и чувств.

"В тебе прокиснет кровь твоих отцов и дедов.

Стать сильным, как они, тебе не суждено.

На жизнь, ее скорбей и счастья не изведав,

Ты будешь, как больной, смотреть через окно.

И кожа сохнет, и мышцы ослабеют,

И скука вьется в плоть, желания губя,

И в черепе твоём мечты окостенеют,

И ужас из зеркал посмотрит на тебя."

(Поль Верхарн)

Лоцман не стал дожидаться, подействует ли его страшное оружие, или Дингра отразит его. Он шагнул, а лучше сказать, вломился на ближайшую Сокрытую Тропу. Обратная дорога показалась ему вечностью: весь путь домой пришлось «выжигать», отдавая за каждый шаг частицу собственного Огня. Когда он буквально вывалился во внутренний дворик бывшей резиденции купца, шум сражения и пушечная канонада показались ему райской музыкой. Он с трудом верил, что добрался живым.

— Творец милосердный, Дар, что с тобой случилось? — перед ним стояла Тайри — живая, хоть и с перебинтованным плечом. — Я чуть с ума не сошла от беспокойства. Ты как будто исчез...

— Н-ничего, надеюсь, что ничего страшного. Мне сказали, что ты опасно ранена...

— Да, было дело, зазевалась — полоснул какой-то сумасшедший, — отмахнулась волшебница, — нет ни времени, ни сил затянуть рану. Что-то ты мне не нравишься, не верю я твоему «ничего страшного».

— Я сам ему не верю, Тайри. Я все расскажу тебе... позже.

— Хорошо, — Хранительница смотрела на него обеспокоенно, но допытываться не стала, — мы отступаем, Дар, а правильное сказать — бежим. На нас прет лавина нечисти, с

которой одной мне не справиться. А мои элеттийцы сейчас настолько выжаты, что еще одно усилие просто убьет их.

— Я могу...

— Ты сам сейчас выглядишь не лучше. Думаешь, я не вижу? Нам всем нужен отдых. Так что и не пытайся. Мы послали гонца к королю, хотя он наверняка уже и сам все увидел. С этими тварями может справиться только его чудо-оружие.

— Жезл?

— Секиры. Я боюсь одного: что все наши усилия будут тщетны...

Через двор шли солдаты — последние из тех, кто удерживал дом, волоча за собой легкие корабельные орудия на собранных из подручного материала лафетах, тяжелые стационарные арбалеты, ящики с глиняными ядрами для катапульта.

— Пора, мой Лоцман, пойдем, — Тайри взяла Даррена за руку, — да у тебя пальцы ледяные!

— Всем отойти на ярмарочную площадь! — услышали они голос командующего отступлением Рарока.

— О, кажется. Его величество прибыли, — устало улыбнулась Хранительница, — идем же, сейчас здесь начнется такое...

Поначалу вполне организованное отступление рассыпалось. Тайри и несколько едва державшихся на ногах элеттийцев кое-как справлялись с отвратительными тварями А'Деула, миновавшими королевские Секиры. Батарея вяло огрызалась, прикрывая отходящий к Цитадели изрядно потрепанный отряд. Даррен и правда ничем не мог помочь им, он едва находил в себе силы двигаться. Прорыв по заполненной Тьмой Тропе и разговор с Дингрой обошлись ему очень дорого. Стыдно было признаться, но сейчас им владело одно желание: лечь и уснуть. Еще Лоцмана мучила совесть, ведь он чуть не поверил темной жрице и был в шаге от того, чтобы навсегда покинуть Тайри. А ведь вернуться удалось только благодаря той ниточке, что соединяла его и Хранительницу. Он был слеп и глух, все его магические чувства отказывались работать во Тьме... Даррен шел на далекий свет ее души — и спасся! Да, Тайри может быть, еще не любила его, но никогда и не предавала. А он... Задумавшись, Лоцман отстал от сопровождавших его воинов, замешкался, обходя догорающий труп какого-то не в меру зарвавшегося монстра.

— Быстрее, господин волшебник! — окликнули его, — не ровен час Темные из пушек в ответ палить начнут. Если с вами что случится, как мы Хранительнице в глаза-то посмотрим.

— Бегу, уже бегу, — откликнулся Лоцман, прибавляя шагу.

Захватчики, точно услышав, дали залп, за ним другой... Рядом с Дарреном тяжело бухнулось и разорвалось на десяток острых осколков большое ядро. Зеленоглазый волшебник слабо вскрикнул, схватился за грудь и осел наземь.

— Ох, небесные защитники, лейтенант, ты как в воду глядел, — охнул рядом немолодой вояка, — беги теперь за ней...

Но Тайри уже сама спешила к ним. Бегло осмотрев мага, велела как можно быстрее доставить его во дворец — там Одри поможет извлечь осколки и затянуть раны. Тяжелое предчувствие ледяными пальцами сжало сердце, к счастью, в бою невозможно было на нем сосредоточиться.

Вечер принес кратковременную передышку за стенами, но не облегчение. Хороших известий просто не было, да и откуда им взяться? Враг замкнул кольцо вокруг Старой

Цитадели, людей, способных держать оружие, становилось все меньше и меньше. Едва элеттийские маги находили способ одолеть одних чудовищ, как на смену им тут же появлялись другие, которым только что действовавшая защита была нипочем. Силы были на исходе, и горожане это хорошо понимали.

Тайри дома ожидало еще одно неутешительное известие: Одри легко залечила раны Лоцмана, но он до сих пор не очнулся. Даррен пребывал в каком-то тяжелом горячечном полусне, временами стонал и метался, но глаз так и не открыл. Леди Даллет провела у его постели всю ночь, применяя самые сильные и самые тайные средства, пустив в ход все известные ей секреты Гарды, но увы... Ранения были пустяковые, а ее друг умирал. Хранительница видела, что его Сила, его внутреннее Изначальное пламя, раньше сиявшее маленьким солнцем, теперь едва теплится в нем. По обрывкам сказанных в бреду фраз волшебница поняла, что с Лоцманом произошло нечто такое, что заставило буквально сжечь все свои силы. Она чувствовала его страдание и была уверена — именно эта душевная боль и мешает ему по-настоящему бороться за жизнь. Если бы Даррен хоть ненадолго пришел в себя, Тайри смогла бы все узнать, понять и помочь, но сейчас она была бессильна. Все ее искусство, все ее знания не могли преодолеть тот барьер, который, сам того не зная, воздвиг между ними Даррен. Поэтому ей оставалось только сидеть рядом с метавшимся в горячке другом, меняя снимающие жар компрессы и держа его за руку. Тайри казалось, что так ему легче будет понять, что он не один, что не брошен на произвол судьбы, что он нужен ей, как и прежде...

Когда Орданну доложили о том, что Лоцман ранен и возможно, при смерти, король даже не попытался скрыть свое горе. Зеленоглазый волшебник так много сделал для него, а последнее время они просто стали близкими друзьями. Как же так, сначала Габриэль, теперь Даррен... Кого судьба отнимет в следующий раз? И сможет ли он пережить эту потерю? Если бы было хоть немного времени, Орданн бы обязательно нашел способ вылечить друга, перерыл бы библиотеку Дома Мудрых, попросил бы помощи у элеттийцев и лесовиков... Увы, эта война не оставляла ни времени, ни надежды. Король со своими Секирами Света нужен был повсюду, ибо разнообразной нечисти конца-краю не было. Люди вполне справедливо говорили, что оборона пока держится во многом благодаря ему одному. А тут еще сообщили, что в переполненном госпитале уже сутки как закончились лекарства и травы из Арашамфа, которые сильно облегчали и работу целителей, и страдания раненых. Последний караван из лесного мира должен был подойти еще неделю назад, но война, видимо, внесла свои коррективы.

Утром возле дверей комнаты Даррена собрались все, кому была небезразлична жизнь зеленоглазого волшебника. Никто долго не решался заглянуть и потревожить его или Тайри, которая после бессонной ночи выглядела немногим лучше своего пациента. Наконец, король осторожно открыл дверь и, неслышно ступая, приблизился к постели раненого, возле которой на низкой скамеечке сидела Хранительница.

— Как он? — негромко спросил Орданн.

— Без изменений, — не меняя позы, не выпуская из своих рук ладонь Даррена, ответила целительница, — не знаю, я ли его удерживаю, или он сам... Или это просто вопрос времени.

— Чем можно помочь, Тайри? Только скажи.

— Видит Создатель, я бы много отдала за то, чтобы узнать...

— Отдохни, иначе ты не сможешь даже слышать его через нить, — попросил король, —

я знаю, что вы связаны крепко, но... Пусть с ним побудет Одри.

— Хорошо. Только сначала загляну в госпиталь. Мне сказали, там нужна помощь.

В приоткрытую дверь заглянул Лиард, позвал шепотом:

— Ваше величество, странные новости!

— Минуту, — кивнул Орданн Командору, — потерпи, Одри скоро придет, — как можно ласковее сказал он Тайри.

— Что еще стряслось? — спросил король, затворив за собой дверь, — Сын Ночи пожаловал лично?

— Я же сказал, новости странные, а не страшные, — без тени улыбки ответил Командор, — хотя и до появления А'Деула, боюсь, недалеко. Командир дозорной роты докладывает, что на перевале появился караван из Арашамфа — очевидно, тот самый, что мы ждали неделю назад. Во всяком случае, все опознавательные знаки на месте. Только вот как они очутились в долине, на стороне наших маленьких соседей, и что там делали... Скоро они будут здесь. Было донесение, что три дня назад там же видели большой отряд ньятти, но он бесследно исчез. Может, малыши посмотрели на кишашую по эту сторону нечисть и домой вернулись...

— Так дорогу давно перекрыли бешеные рубаки с островов во главе со своим шаманом, — вздохнул Орданн, — лесовиков должны были уже порвать на мелкие кусочки. Какие они воины?

— В том-то и дело, что не порвали. У них какой-то невероятный эскорт, мои парни насчитали двадцать пять воинов. Караван идет сквозь войска Темных, как нож сквозь масло. Мы уже готовимся принять их у Дельфиньей заставы. Эти сопровождающие не только искусные воины, но и сильные маги, ваше величество. Скажу честно, такие приемы я встречал только у одного человека, — Лиард кивнул на закрытые двери.

— Даже не верится, — король потряс головой, — его соотечественники. А мы его не уберегли, и даже не знаем толком, что с ним случилось.

— Не стоит заранее волноваться, мой король. Мы еще не видели их в лицо.

— Наверное ты прав, Лиард. Что на стенах?

— Боюсь, там снова нужна ваша помощь, впрочем, она теперь нужна постоянно. Драконы почти не справляются. Темные напустили на них какие-то летающие сети, Скай попал крылом в эту мерзость и несколько часов не мог прийти в себя.

— Давай самой короткой Тропой. Посмотрим, что за сети...

Тайри не была в госпитале всего пару дней, но даже предположить не могла, что все настолько изменится к худшему. Раненых было так много, что они уже не помещались в коридорах и залах отведенного под госпиталь дворцового крыла. Лекари едва передвигали ноги от усталости, многие не спали несколько суток подряд. Волшебников и учеников Мудрых сейчас в госпитале не было вообще — все, кто мог, находились на стенах. Так что людям приходилось полагаться только на свои руки и милость Создателя. Лекарств не хватало, обезболивающих средств не осталось вовсе. В здании стоял многоголосый стон, во многих помещениях висел тяжелый запах крови. Хранительница первым делом отправилась к самым тяжелым пациентам, зная, что среди них большинство мучаются от ран, нанесенных тварями Тьмы, а следовательно, именно там ее искусство исцеления нужнее всего. Она переходила от человека к человеку, очищая и заживляя ужасные раны, оставленные когтями, шипами или зубами нечисти, снимала боль и дарила глубокий, возвращающий силы сон измученным страданиями воинам. По умоляющим взглядам, по

слабым улыбкам, которые освещали лица солдат, Тайри понимала, как ее ждали. У нее кружилась голова от тяжелого воздуха и слабости, но она не могла оставить своих пациентов. Единственное, что радовало Хранительницу и придавало ей сил — это сохраненные жизни. Кажется, ей в этот раз удалось отвоевать у близко стоящей смерти всех, кто доверился.

Там и отыскал ее Герт — уставшую до изнеможения. Тайри вопросительно взглянула на него: нет ли новостей, но Смотрящий сквозь Время лишь отрицательно покачал головой.

— Не отчаивайся, Тайо. Ему, во всяком случае, не хуже. А еще к нам пробился караван с лекарствами из Арашамфа. С удивительнейшей охраной! Двадцать пять рослых красавцев, очень похожих на твоего Лоцмана. Лесовики чуть не молятся на них.

— Ирольнцы, — грустно вздохнула Тайри, — я знала, что рано или поздно они найдут его.

— Не думаю, что это плохо. Может, они сумеют его вылечить?

— Возможно. Но, скорее всего, они просто заберут Даррена и исчезнут, так же неожиданно, как появились. Что им за дело до наших войн, когда их собственный мир гибнет. Им нужны такие, как Лоцман, умеющие ходить от мира к миру Сокрытыми тропами, чтобы отыскать новое пристанище.

— Ничего себе! — Герт хмуро усмехнулся, — Хороши же они, дети изначально светлого мира! Вот так взять и бросить свой единственный дом, даже не попытавшись его отстоять?!

— Ты не совсем прав. Даррен рассказывал мне, что есть сторонники Исхода и есть те, которые ищут иные решения. Наш Лоцман отправился в свое первое путешествие именно для того, чтобы узнать, как помочь Ирольну. Так, не имея опыта, не рассчитав сил, он очутился в Городе-над-Морем, где мы и встретились.

— Вот оно как было... Я видел Лоцмана как часть пророчества, заглядывая в будущее, но историю его жизни и судьбу его мира, конечно, узнать не мог. Что ж, будем надеяться на лучшее. Тайри, тебе надо поспать хотя бы пару часов, — сказал маг ласково, — на тебя смотреть больно.

— Ты прав. Я просто уже не чувствую себя человеком, — кивнула волшебница устало.

— Хочешь, я посижу рядом, пока ты будешь спать?

— Спасибо, но я не буду спать, — целительница потерла слипающиеся глаза тыльной стороной ладоней, — по крайней мере здесь. Я не могу оставлять Лоцмана одного.

Хранительница сняла перепачканную кровью и снадобьями зеленую робу, набросила на плечи плащ и ушла. А Герт остался мрачно смотреть ей вслед и злиться. Ну почему, почему она вечно возится с кем-то, а не с ним. Волнуется, лечит, помнит каждое слово, боится оставить хоть на минуту. Она ведь не слепая, должна видеть, кто по-настоящему к ней всей душой стремится. Ну ничего, Лоцман, так или иначе, исчезнет скоро — или свои заберут, или помрет от ранения. Тут-то и настанет его, Герта, счастливое время... Надо будет заглянуть в будущее, чтобы успокоиться на этот счет. Да, его учили, что по пустякам время тревожить не стоит, тем более, в личных целях, но кто теперь оглядывается на старые запреты?

Тайри тихо вошла в комнату и сразу устремилась к неподвижно лежащему Лоцману. Герт не соврал, хуже ему не стало, но и лучше тоже. Одри тихонько выскользнула в коридор, с первого взгляда поняв, что уговаривать подругу отдохнуть бесполезно. Хранительница села рядом с Дарреном, который дышал так легко, что его грудь почти не поднималась. Сжав обе его ладони, она попыталась сделать самое простое — поделиться силой, поддержать

слабеющий организм. Почему на процедуру, не требующую изощренного волшебства, уходит весь накопленный запас, точно в бездну? Но как бы трудно ни было, Тайри не оставит его. Откуда-то всплыла уверенность, что они оба живы, пока она держит его за руки. Пока она держит его в этом мире, не давая уйти за Грань, как бы ни тянул Даррена в смерть непонятный груз вины. Надо всего лишь найти баланс, чтобы удержать его и не соскользнуть в небытие самой. Создатель, насколько бы проще было, если бы она знала причину! А что, если спросить Серые Зеркала? Они всегда отвечают правдиво...

Тайри не спала и не бодрствовала. Вокруг простирался странный зал, где зеркала всех видов и мастей стояли, на первый взгляд, в совершенно произвольном порядке. И только присмотревшись внимательнее, можно было угадать, где туманно-серебристые стекла образуют спирали и коридоры, отражаясь друг в друге. Целительница идет и идет между ними, не видя своего отражения. Ей холодно и неудобно, и неприятно давит на глаза рассеянный серый свет, какой бывает, когда низкие облака застилают небо.

Тяжелый дым клубится у ног, ластится, точно кот, только его прикосновения заставляют вздрагивать и прибавлять шаг, они холодны, как змеиная кожа. Тишина здесь такая плотная, что давит на плечи, заставляет опускать голову. В отчаянии Тайри кричит, но голос пропадает, точно в кошмарном сне. Целительница поворачивается к огромному зеркалу, в котором нет ничего, кроме пустоты, и спрашивает, что она должна сделать, чтобы Даррен остался жив и невредим. В ответ на ее вопрос оживает другое, за ее спиной. Точно в гладкой озерной воде Тайри видит сцепленные руки, переплетенные пальцы — свои и его. Потом картина меняется: золотой дракон тяжело взмахивает крыльями, рядом парит серебристо-серая, с синими крыльями, птица. Они связаны тонкой, но нерушимой алмазной цепью. Упадет дракон — и птице не жить. Но и обратное верно — цепь проходит через сердце дракона. Где-то на краю сознания знакомый голос едва слышно просит: держи его, девочка. Держи, потому что больше никому другому это не под силу...

Наступила ночь, и из темноты и лунных лучей соткался у окна Скайяр. С минуту он смотрел на происходящее, потом, тяжело вздохнув, сделал два решительных шага и стал за спиной замершей в своем поиске и ничего не видящей вокруг Тайри. Дракону страшно — потому что его леди сейчас очень близка к смерти, а он ничего не может с этим поделать. И помешать он ей не в силах, потому что нарушит долг куда более древний, нежели его личная клятва роду Джехона. Воин всегда и везде обязан защищать Князя — Хранителя, даже ценой собственной жизни. И чести, если понадобится. Что значат люди перед долгом крови, который не нуждается в подтверждении, а рождается с каждым драконом его касты? И кому какое дело, если, исполнив этот древний долг, один Крылатый не сможет больше жить? Потерять леди для него равносильно потере собственного ребенка, пусть у Скай детей еще не было, но память предков послушно подсказывала, каково это...

Дракон думает еще несколько долгих мгновений и решается. Он отдаст Тайри столько сил, сколько сможет, а там будь, что будет.

— Простите меня, мой князь. Простите, моя леди. Возможно, мой поступок покажется вам неправильным и неразумным, и излишне фамильярным... — говорит он негромко, скорее для собственной уверенности, ведь его не слышат, — думаю, вы ничего о нем не узнаете, и слава Творцу за это. Но по-другому я просто не могу. Если я сейчас потеряю вас — обоих или каждого в отдельности, мне останется только взлететь туда, где кончается дыхание, и сложить крылья.

Синеглазый тихо опустился рядом с целительницей, крепко обнял ее за плечи, прижал к

себе и спрятал лицо в ее рассыпавшихся волосах. На утро он будет бесполезен, туп и малоподвижен. Хорошо, что есть Фаз, и завтра ее дежурство.

Глава 15

А потом собираю я сердце в кулак.

**Там за ребрами страх, там за ребрами мрак,
там ни слова, ни трав, ни рубинов утра,
но в кулак собираю я сердце.**

**Здесь ничем не согреться, никак не спастись,
но сердце я грею, как птицу в горсти,
и ищу в нем хоть слово, хоть призрачный блик,
когда солнце касается краем земли.**

Мария Гуцол (Амариэ)

— Госпожа! Госпожа Хранительница, проснитесь! — один из королевских адъютантов осторожно тряс ее за плечо.

Тайри вздрогнула, открывая глаза.

— Что... что случилось?

— Его величество сейчас будет здесь. С гостями, — офицера аж передернуло. Леди Даллет, вспоминая вчерашний разговор с Гертом, быстро догадалась, о ком говорил посланец Орданна.

— У меня есть пара минут? — не встречать же их заспанной и непричесанной. То, что ее сморило, не удивительно, но вот почему после сна она чувствует себя совершенно выжатой?

— Да, я думаю, государь не будет очень спешить, — понимающе ухмыльнулся офицер.

— Отлично, — волшебница встала, с наслаждением потянулась и взяла в руки гребень. — Скажите, лейтенант, почему вам так не понравились эти... гости?

— Они смотрят на нас, как на насекомых. Или как на мебель, в зависимости от статуса и чувства собственного превосходства. Такое впечатление, что разговариваешь, как минимум с полубогами... — парень снова скривился от неприятных, судя по всему, воспоминаний, а потом сказал тише, — говорят, они соотечественники Лоцмана. Но ведь он...

— Совершенно не такой? — слабо улыбнулась Хранительница.

Адъютант кивнул в ответ, видимо, устыдившись своего неуместного многословия.

— Чего-то подобного я и ожидала. Спасибо, что предупредили, лейтенант. Габриэль говорил...

— Предупрежден — значит, вооружен, — отчеканил офицер, коротко поклонился и вышел.

Тайри горько усмехнулась, едва удержавшись от падения в омут воспоминаний. Нет, сейчас, как никогда, важно настоящее. Это чудо, что Даррен жив, и ему, как будто, немного лучше. И она обязана выстоять, чтобы там не напридумывали его драгоценные соотечественники. Целительница глянула на себя в зеркало, показала отражению язык и отправилась за ширму — приводить себя в порядок.

Когда дверь распахнулась перед молодым королем и его гостями, леди Даллет отпустила неподвижную ладонь пациента и поднялась, чтобы приветствовать монарха, как велит этикет. Поклонившись гостям куда менее низко, она молча замерла, рассматривая пятерку уроженцев благословенного Ирольна. Они и правда походили на Лоцмана, но лица,

за исключением самого старшего из них, были грубее и проще. Из некоторых превосходство так и перло... Да и с виду походные одежды выглядели почти как придворное одеяние, сверкая драгоценностями и золотым шитьем.

— Это и есть ваша Хранительница? — пренебрежительно усмехнулся самый высокий из них. Он говорил на языке Города, тщательно выговаривая слова, точно хорошо выученный урок, — Это благодаря ей мы столько времени не знали, где Даррен и рисковали жизнью, разыскивая его? Ее следует примерно наказать!

— Помолчи, брат, — оборвал его самый старший из ирольнцев, седовласый красавец с темно-синими глазами, — не вмешивайся, покуда не просят. Не из-за твоих ли насмешек юноша решил на путешествие в Междумирье? Не тебе ли он хотел что-то доказать?

Он произнес это, думая, что поймут только свои. Король вопросительно взглянул сначала на гостя, потом на Тайри. Та едва заметно кивнула в ответ, давая понять, что знает, о чем разговор. Не в ее натуре было столько лет жить рядом с Лоцманом и не выучить его язык.

— Меня зовут Тайонна, почтеннейший, а здешний народ прозвал Хранительницей, — обратилась она к седовласому на его родном языке и с удовольствием отметила изумление в его глазах, — На вашем месте я бы не стала говорить в присутствии короля на чужом ему языке.

— Прошу простить меня, — тут же исправился старший, — Мое имя Альтарн, и я много лет был наставником Даррена в Обители. Я хотел бы спросить, зачем вы так долго удерживали его вдали от родного мира? Зачем привели сюда?

— Никто не удерживал его. Даррен делал то, что хотел и следовал за мной добровольно. Никто и никогда не принуждал его.

— Тогда не понимаю, почему он не вернулся, — пожал плечами темноволосый витязь, единственный из ирольнцев, облаченный в латы.

— Что тут понимать, Ильгар, — снова скривил губы тот, что требовал наказать Тайри, — Женщина! Прямо или косвенно, виновата она!

— Да замолчи же ты, Кольдар! — Альтарн сердито сдвинул брови, — Мы должны не нападать, а благодарить ее. Я вижу, что только благодаря ей он держится по эту сторону жизни.

— Благодаря ей он почти мертв! — повысил голос гигант.

— Прекратите вы, оба, — веско сказал седовласый, и те пристыженно притихли, — Мы пришли сюда не для суда над этой женщиной, а для того, чтобы помочь Даррену вернуться домой. Кроме того, будь он здоров и в сознании, не уверен, что он легко бы согласился пойти с нами. Ваше величество, госпожа Хранительница, еще раз прошу извинить моих спутников за недостойное поведение. Наверное, они слишком взволнованы, — после сдержанного кивка короля Альтарн продолжил, — Я должен сказать вам... Положение моего ученика крайне серьезно. Его возможно вылечить, но увы, только вернув домой. Это не уловка. Даже если я и все мои соратники отдадим ему частицу собственной Силы, он проживет здесь недолго — несколько недель, вряд ли месяцев, да и то, если будет очень беречься. Ничто не заменит Материнской купели. Есть такое удивительное место недалеко от нашей Обители, там возвращаются силы ко всем детям Ирольна.

— Я понимаю, у Даррена только один шанс? — хрипло спросила Тайри.

— Да.

— И для этого вы должны забрать его, — сказал король.

— Безусловно. Только после Материнской купели он станет прежним. Поймите, Даррен очень нужен сейчас там... дома. Я вижу, у вас идет кровопролитнейшая война, и горд тем, что мой ученик сражался на вашей стороне. Его опыт неоценим, ибо мы тоже на грани катастрофы. Если вам нужна наша помощь, мы останемся здесь на какое-то время. Справедливость требует этого. Но потом...

— Потом вы уйдете и заберете его с собой, — закончил Орданн. — Не скрою, нам сейчас очень нужна любая помощь. И если Даррен в одиночку так много сделал, сколько же сделает целый отряд его соотечественников! Как король, я уже принял решение, но как друг... Тайри, что ты скажешь?

Волшебница повернула к королю бледное лицо. Окруженные глубокими тенями глаза были сухи, но заглянуть в них Орданн не решился.

— Я приму любое ваше решение, государь, — ровным, мертвым голосом ответила леди Даллет, и один Создатель знает, чего это ей стоило. Удивились, ваше величество? А как еще она могла ответить, да еще при этих... Леди перевела взгляд на седовласого, — Ваш брат кое в чем прав, Альтарн. Даррен не хотел возвращаться из-за меня, и именно за мной он последовал в Город-над-Морем. Так что косвенно я виновна. Мы несколько лет прожили рядом, сражаясь и радуясь, хотя я не жена ему и даже не любовница... Так уж сложилось. Что бы вы ни думали, его жизнь для меня важнее всего, я ни за что не стала бы препятствовать возвращению Даррена, если это спасет его. Одно вам следует знать, достопочтенный. Я уверена, по доброй воле он не вернулся бы, даже зная, что жить осталось недолго. Поэтому, если возможно, не будите его, — последние слова Хранительница произнесла совсем тихо и замерла, сцепив пальцы.

— А если бы он попросил вас пойти с ним? — спросил Кольдар.

— Пошла бы, конечно. Но он никогда не просил.

— Почему?

— Вы знаете ответ, почтеннейший. Он тут уже прозвучал вольно или невольно.

— Знаешь, что я скажу, Альтарн, — пробасил гигант, — если бы на месте малыша Даррена оказался я, то, наверное, поступил бы также.

— Простите, я могу идти? — с трудом сохраняя спокойствие, спросила Тайри.

Но ирольнцы, а за ними и король развернулись к двери, глядя на что-то с нескрываемым удивлением. Хранительнице не было видно, что происходит, пришлось обойти дарреновых соотечественников, застывших соляными столбами. На пороге стояли ньятти. Четверо, в своих удивительных, изукрашенных самоцветами шлемах, переливающихся кольчугах, проглядывающих в прорезях жемчужно-серых балахонов. Маленькие гости сделали несколько неслышных шагов и оказались рядом с постелью Даррена. Один из них положил узкие, почти прозрачные ладошки ему на лоб, второй склонился, слушая сердце. А соотечественники Лоцмана — все, как один — в благоговейном молчании опустили перед новыми посетителями на одно колено. Они встречались где-то раньше? Или жители благословенного Ирольна узрели воплощение собственных мифов? Кто знает?

— С ним все будет хорошо, — услышала Хранительница высокий голос одного из ньятти, — ты правильно поступила, госпожа. Ему пора возвращаться. Не волнуйся, струна крепка, и ты всегда будешь слышать своего друга.

— Готовьтесь, молодой король, развязка близка, — второй гость, в матово-сером шлеме, усыпанном, точно каплями воды, яркими сапфирами, коснулся руки Орданна, — мы тоже пришли помочь вам. Мы не воины, но кое-что можем — быть рядом с вами, хранить и

оберегать. Обычно мы не вмешиваемся, но сейчас творится нечто такое, что заставляет нас нарушить древние правила.

Издали, скорее всего с одной из застав Старой цитадели донесся тревожный гул колокола.

— Сторожевой звонит... И немудрено, — грустно проговорил Орданн, — оборону держат сейчас только ополченцы и ученики Мудрых. Да еще драконы. Простите, господа, но я должен присоединиться к моим воинам.

— Мы следуем за вами, ваше величество, и сделаем все, что в наших силах, — произнес Альтарн решительно.

— И мы... — эхом откликнулись ньятти.

Внизу их уже ждала целая делегация во главе с молодым графом Ческа, дежурившим сегодня на стенах. Командор, Одри, несколько элеттийцев — все с тревогой смотрели на свою единственную надежду — Орданна.

— Ваше величество, плохие новости. Уже несколько часов, как темные заново замкнули блокаду. После этого они, как ни странно, перестали что-либо предпринимать, окружив свои позиции стеной плотного магического тумана. Явно чего-то ждали... Час назад из этого их мерзкого марева выползли возле старых ворот двое под белым флагом. Один — маленький, похоже, несхит. А второй и вовсе не человек.

— Чего они хотят?

— Хотят видеть короля. Говорят, у них послание от Верховной жрицы.

— Понятно. Что ж пойдём, посмотрим на этих посланников. Я догадываюсь, что притащили нам парламентареры...

Они долго изучали друг друга: молодой король Города-над-Морем и посол Темной жрицы. Несхит казался маленьким и незащищённым в своих легких кожаных доспехах, без шлема, с одним недлинным кинжалом на поясе. Стоявшее рядом с ним существо, похожее на ящерицу-переростка, усыпанное всевозможными шипами, гребнями и наростами, с любопытством таращилось на Орданна и его свиту умными человеческими глазами. После минутного молчания несхит протянул королю футляр из тисненой золотом черной кожи:

— Госпожа просит ваше величество прочесть и дать ответ. Немедленно.

Футляр перехватил один из ирольнцев, внимательно осмотрел, видимо, проверяя на отсутствие зловредной магии и ядов, и только потом передал Орданну. Молодой монарх извлек тонкий лист бумаги с кроваво-красным обрезом и прочел несколько фраз, написанных крупным витиеватым почерком. Он некоторое время размышлял, сдвинув брови, потом обернулся к своим соратникам:

— Как я и предполагал, это ультиматум, господа. Нам предлагают отдать некий древний артефакт, называемый Ключом. В противном случае нас уничтожат.

— Перспектива ужасна, — усмехнулся Командор, — как будто, если мы отдадим им Ключ, нас оставят в живых.

— Коли им так нужен этот Ключ, пусть возьмут его сами. Если смогут, — мрачно сказала Тайри, припомнив другого монарха при других обстоятельствах.

— Все остальные думают также? — спросил Орданн, обводя взглядом присутствующих и наблюдая на лицах полнейшее единодушие.

— Думаю, что вас поддержал бы любой, кто находится сейчас внутри этих стен, — добавил граф Ческа.

— Так и ответьте вашей повелительнице, господин посланник, — спокойно глядя на

несхита сверху вниз, холодно молвил король, — Вы запомнили, или мне повторить?

Маленький воин криво ухмыльнулся в ответ:

— Вы сами выбрали свою судьбу. Что ж, желаю вам скорой смерти без мучений, — повернулся и зашагал в сторону туманной завесы. Ящер, неуклюже переваливаясь, последовал за ним.

— Возвращаемся, — король был внешне совершенно спокоен, но от его невесты не укрылось, насколько он был напряжен внутренне. — Всех на стены. Не надо быть Смотрящим сквозь Время, чтобы угадать их намерения.

— А что за ключ они требуют, ваше величество, — спросил граф Ческа, — может, мы с его помощью могли бы...

— Я только знаю, что он есть, но понятия не имею, где он спрятан и что собой представляет. По легенде его сотворил сам Всевышний, и не людям владеть им. Тот, кого называют Сыном Ночи, был в начале времен сподвижником Творца, превым Подмастерьем. С тех пор и охотится за тремя Ключами ко всему Сущему. Сказано, что один из них сокрыт в нашем мире, и, скорее всего, здесь, в Городе.

— Значит, если верить нашим священным книгам, второй Ключ спрятан в Ирольне, — задумчиво произнес Альтарн, — и наше счастье, что война пока не началась.

— Боюсь, что вы ошибаетесь, — покачала головой Тайри, — насколько я поняла из рассказов Даррена, война давным-давно идет, только иными способами. Тьма губит привычный вам мир, вынуждая ирольнцев искать иное пристанище. Вы уйдете, а Отступник получит пустой мир и легкий доступ к сокрытому в нем Ключу. Вы ведь не знаете, где он, чтобы унести его с собой?

— Не знаем. Более того, все уже и думать забыли о нем, почитая древние книги всего лишь глупыми сказками наших праотцов. Вы опытни и мудры, Тайри! Никому из нас, за исключением, быть может, старейшин, живущих в удаленных монастырях, и в голову не пришло посмотреть на происходящее в Ирольне под таким углом, — почтительно кланяясь, сказал седовласый.

— Значит, нам тем более нужен Даррен, — пожал плечами гигант, — он ведь столько уже повидал...

**** *
**** *
**** *

Штурм начался вполне обычно, если не считать того, что у короля Орданна едва хватало людей на весь периметр. Соотечественники лоцмана, посоветовавшись, создали длинную — насколько позволяли их силы — магическую цепь, весьма облегчившую задачу обороняющихся. Благодаря ей и тяжелые ядра, и сосуды с горючей жидкостью, и штурмовые лестницы, и даже осадные башни, коснувшись некоего невидимого рубежа, либо отбрасывались назад, либо сгорали, точно сноп сена. Однако, его величество не оставляло ощущение, что весь этот бой — лишь пролог к основному спектаклю. Темные никогда не ограничились бы только действиями людей, тем более сейчас, находясь в шаге от вожделенной цели, и король ждал главного подвоха.

Ждать пришлось недолго. Из глубины захваченных улиц послышался невнятный шум, будто к Цитадели тащили нечто огромное. Последовала команда, и стоящие под стенами войска темных откатились, освобождая пространство. Взглядам горожан открылась затянутая сверху сеть, сплетенная из толстых лиан. В ней кто-то шевелился и недовольно взрыкивал.

У короля похолодело внутри — он знал, кто находится в плетеном мешке. Одного

ревуна он собственноручно прикончил, но вот второго тогда успели спрятать. Если вопли Рудр с легкостью превратили в крошево древние стены Города, укреплявшиеся веками, то что говорить о восстановленных наспех за несколько недель стенах Старой Цитадели... Никто и глазом моргнуть не успеет, как последняя защита горожан превратится в груды гравия и песка.

Как и когда перед освободившимся от пут Рудрой оказались Ньятти, не понял никто. Просто двенадцать хрупких фигурок в отливающих жемчугом серых плащах и расцвеченных драгоценными камнями вороненых шлемах окружили готового зареветь древнего зверя, воздели к небу тонкие, точно детские, руки, и на Город пала тишина. Было видно, как полощется за их спинами похожее на крылья бабочек прозрачное синеватое сияние, и только. Бессильно разевал пасть Рудра, безуспешно пытались докричаться друг до друга вражеские командиры, недоуменно и испуганно оглядывались вокруг их солдаты. В стане горожан тоже царило безмолвие, но не бездействие. Каждый давно знал, что и когда ему следует делать. Люди молча и деловито подтаскивали ядра к пушкам и катапультам, разогревали смолу в котлах, складывали связки тяжелых болтов возле стационарных арбалетов.

Непонятное волнение прокатилось по стоящим впереди частям захватчиков. Идеальный порядок нарушился, солдаты теснились в стороны, чуть ли не сбивая друг друга с ног. По образовавшемуся «коридору» быстро проскользнула женская фигура в черном с золотом бархатном плаще, встала против окруженного ньятти ревуна, крест-накрест, будто зачеркивая, взмахнула тонким жезлом и с силой ударила им в землю. В тот же момент звуки обрушились на людей во всей своей силе. А вот дюжина маленьких воинов исчезла бесследно, лишь едва заметное сияние их призрачных крыл еще держалось какое-то время.

— Они погибли? — почему-то шепотом спросил Орданн.

— Для нас нет смерти, молодой король, — прошелестел стоявший рядом ньятти, — Князь Тишины и его сыновья исполнили свой долг и вернулись туда, куда многим из нас путь пока закрыт. Такое нужно заслужить.

Зловещая черная фигура быстро удалялась, и Орданн был готов поклясться, что услышал всеобщий вздох облегчения, доносящийся из рядов противника. А вот Рудра остался лежать на месте бесформенной грудой мяса.

— Это лишь кратковременная отсрочка, ваше величество, — сказала Хранительница, — им не удалось сразу разрушить стену, и теперь они будут из кожи лезть, чтобы выполнить приказ.

— Если я все правильно сопоставил, в Городе сокрыт Ключ Времен, — медленно проговорил седовласый Альтарн, — а он для Отступника желаннее всех прочих, ибо дает власть над Вечностью. Думаю, нам всем следует приготовиться к самому страшному, ибо он пойдет до конца.

— Не сомневаюсь, — жестко усмехнулся Орданн, — все решится сегодня, вряд ли — завтра.

Молодой монарх бестрепетно встретил мрачные, негодующие и удивленные взгляды своих соратников. Да, сейчас он произнес всеобщий приговор, ни больше, ни меньше. Сказал, что жить-то им осталось сутки, не более. Но ни обреченности, ни страха не было в его голосе. А вот невообразимая, странная надежда, вера во что-то невозможное, сквозила, и это, как ни странно, придало сил всем остальным.

— Вы думаете...

— Я перестану надеяться тогда же, когда перестану сражаться, почтеннейший. То есть после смерти. Пока мои руки и моя магия не изменяют мне, пока Талисман позволяет мне видеть достаточно далеко, я буду надеяться.

— А что видно сейчас? — с тревогой спросила Тайри. Она чувствовала ту силу, с которой уже сталкивалась однажды в старом заснеженном парке. Только здесь она была много ближе и во всей красе. Хранительница слышала, как стонет и дрожит сама ткань мира от боли и отвращения. Великие Весы больше не влияли на происходящее, и Отступнику не нужны были куклы. Он пришел сам.

— Тараны и передвижные осадные башни сосредоточены в двух точках: у Дельфиньей заставы и на ярмарочной площади. Что ж, не могу не согласиться с их диспозицией... Самые уязвимые наши места. У Дельфиньей практически одну нечисть собрали. Справятся ли драконы?

— Разрешите мне к ним присоединиться, ваше величество, — попросил Лиард.

Король коротко кивнул, соглашаясь. Он понимал желание Командора быть рядом с Фаэ и не препятствовал. Едва маленький королевский отряд достиг участка стены, примыкающей к ярмарочной площади, все защитные сооружения Старой Цитадели сотряс страшный удар. Из осадных башен градом посыпались на головы защитников ловкие, как кошки, воины-островитяне. Били тараны, где-то внизу что-то взорвалось. Но проломил каменную кладку не окованные металлом бревна, а чья-то жуткая магия. Шевелящийся ком мутно-серой мглы медленно растворил камень и также неторопливо вкатился внутрь цитадели, пожирая все на своем пути и оставляя за собой лишь серый жирный пепел. Люди, оружие, строения — все исчезало в маленькой, но с каждым шагом становящейся все больше, все сильнее, ненасытной бездне. Навстречу пожирателю, как тут же окрестили серое Нечто солдаты короля, бесстрашно вышел Ильгар — тот самый гигант-ирольнец. Он попытался остановить его движение, «запеленав» в сплошное полотно синих молний. Увы, пожиратель замедлился лишь на мгновение, а потом резко выбросил вперед тонкое туманное щупальце. Едва отросток коснулся ног темноволосого воина, все было кончено. Ирольнец беззвучно рухнул ничком и был мгновенно поглощен темной тварью.

Орданн, метнул в противно шевелящийся серый ком одну из своих секир. Раздалось сдавленное шипение, будто потревожили огромную змею, Пожиратель задергался, сотрясаемый неистовой судорогой, и исчез, будто его и не было. Только осталась посреди засыпанной пеплом площадки невредимая секира. Но в проеденную этой тварью дыру лезли и лезли захватчики — свежие, полные сил, хорошо вооруженные. И тараны, без передышки бьющие с той стороны, обещали в скором времени расширить отверстие. Врагов сдерживала лишь невероятная отвага последних защитников Города, которым больше некуда было отступать. Альтарн с отчаянием смотрел, как несмотря на всю свою магию и боевое искусство, погибли трое его учеников. А вот дерущиеся рядом, измотанные и израненные гвардейцы были живы. Он не знал еще, что вторая часть его отряда тоже несет немалые потери у Дельфиньей заставы.

Наконец, осаждающим удалось обрушить достаточно широкий участок стены. Теперь сражение целиком переместилось внутрь Цитадели. Враг рвался к королевскому дворцу и Храму, а горожане каким-то чудом держали последний рубеж. У пролома творилось нечто невероятное. Людей и нелюдей было, наверное, поровну, и порой простая сталь убивала порождения Отступника быстрее магии. Король отчаянно рубился бок о бок с Хранительницей, наравне с любым из своих солдат. Уцелевшие гвардейцы во главе с графом

Рарроком пытались, как могли, защищать и прикрывать его, но скорее это Орданн спасал их жизни своим древним оружием. Никто не думал, сколько времени удастся так сдерживать наступление Темных, всем и так было ясно: пока есть силы, они будут стоять...

**** *
**** *
**** *

В пролом, вслед за закованными в латы мечниками, проскользнули двое в безликих коричневых плащах. Издали могло показаться, что это взрослый и ребенок: один едва ли был второму по плечо. Они ловко забрались на груды камней, чтобы лучше видеть происходящее на площади.

— Все еще лелеешь свою мечту, Иро? Хочешь завладеть Ключом? — спросил тот, что был выше ростом.

— Хочу попробовать, маршал. Сейчас, в горячке боя, они ничего не увидят и не услышат. Я подберусь поближе к королю, свяжу его при помощи Пут, и ему ничего не останется, кроме как отдать мне артефакт. Я уверен, он у мальчишки...

— А если нет?

— Тогда я просто убью его. Знаете ли, в арсенале знаний потомственных жрецов Неспящих есть одно заклинание, заставляющее умирающего говорить только правду.

— Что ж, несхит, ты вполне достоин своей госпожи, — маршал Свиз, совершенно неузнаваемый, помолодевший на пятьдесят лет, укоризненно взглянул на своего низкорослого собеседника. — Только не забудь, что и сейчас среди них есть те, кто не потерял бдительность. И еще, я заметил маленьких ньятти, которые видят все и всех.

Несхит поморщился:

— Да, ньятти... Я плохо представляю себе, кто они и на что способны. Кроме того, я инстинктивно их боюсь, потому что магия Неспящих не смогла разрушить их заслон тишины.

— Вот именно. Это оказалось под силу только самой Дингре, да и то не без помощи...

— Но... ньятти — это же идея, маршал! Белый плащ я себе где-нибудь раздобуду, а шлем... Обойдусь и без него. Меня выручит мой рост.

— Дело твое, Иро. Лично я останусь здесь и посмотрю, чем закончится твоя затея. На мой взгляд, у тебя нет ни единого шанса. Молодой король — сильный чародей, наверняка обученный чувствовать опасность заранее. И Хранительница ни на шаг от него не отходит.

— Кто не рискует, тот не достоин славного посмертия. Пожелайте мне удачи, маршал.

Но маршал Свиз лишь глянул на несхита осуждающе и отвернулся.

**** *
**** *
**** *

Тайри, раскроив горло Создатель знает, какого по счету, противника, оглянулась на все возрастающий ропот и крики ужаса. Все — и свои, и чужие — разбежались с пути трех отвратительных созданий Тьмы, напоминающих длинных, в полтора человеческих роста, тощих старух в невообразимых развевающихся лохмотьях. Эти сеющие вокруг себя отчаяние и панику твари неслись прямо к Орданну, не обращая ни малейшего внимания на остальных. Хранительница узнала их только по описаниям из древнейших манускриптов: демонов ужаса и безысходности, обитающих в покинутых Создателем гибнущих мирах. Они явились сюда по зову Сына Ночи... Однако, король и не подумал испугаться. Один против троих, он вполне успешно отражал их наскоки.

— Странно, — сказал кто-то рядом, — никогда не видел ньятти без шлема. А они, оказывается, люди как люди...

Тайри оглянулась, но никого из ньятти, ни в шлеме, ни без шлема рядом не увидела.

Впрочем, без шлема — это невозможно, с первой же встречи с ними волшебница поняла разницу между идущими Высоким путем и людьми, на которых они почти уже не похожи. Герт не раз говорил ей, что ньятти успели взойти на новую ступень и стать кем-то иным, по крайней мере физически. Поэтому, увидев спустя несколько минут маленького воина, кутавшегося в белый плащ и усердно прятывшего от посторонних глаз лицо, Хранительница сразу заподозрила неладное. А когда лже-ньятти что-то прошептал над странного вида амулетом, Тайри стало совсем не до шуток. Едва заметные серые ленты потекли, потянулись от этого человечка к забывшему все в пылу боя королю. Успеет ли она прикрыть спину найденьшу, ведь он довольно далеко и к нему придется прорубаться... Треклятые ленты движутся слишком быстро и целенаправленно. И магией не ударишь — кругом свои... Мысли судорожно сменяли одна другую, но Хранительница ни на мгновение не останавливалась — успеть, успеть к королю!

Несхит был доволен. Большинство окружающих болванов приняли его за ньятти и не трогали, а от особо любопытных удавалось прятаться. Хранительница, кажется, его не заметила, а король — вот удача! — вообще не имел возможности смотреть по сторонам из-за наседавших на него трех демониц. О, он, конечно, превратит их в прах своими волшебными секирами, но Путы Неспящих уже подберутся к нему вплотную. Иро очень надеялся, что Секиры Греара окажутся бессильны против его древнего оружия. Путы Неспящих — не Свет и не Тьма, они нечто куда более древнее, примитивное и безотказное. Еще несколько минут терпения, и этот мальчишка, напяливший корону, сам выложит ему, где спрятан Ключ...

Несколько серых и грязно-бурых лент сползлись на крохотном пяточке за спиной Орданна, переплелись в ажурный клубок, точно ожидая приказа. Тайри видела это боковым зрением, да и чутье просто кричало об опасности. Неужели найденьш ничего не чувствует, такое просто невозможно пропустить! Вот одно из атаковавших короля исчадий Тьмы рассыпалось под ударами секир грудой зловонных костей, а второе, неистово голося, задергалось, сгорая в едва заметном пламени. А клубок тем временем подползал все ближе. Тайри, со всей силы, на которую была способна, оттолкнула загородившего ей дорогу здорового черного латника и в два прыжка преодолела расстояние до шевелящегося переплетения лент. Полупрозрачные ленты задергались, Тайри с трудом увернулась от одной из них. Ее любимый меч, который с легкостью разил всякую нечисть, прошел сквозь протянувшееся к ней бурое «щупальце», не причинив ему ни малейшего вреда. И что теперь? Даррен бы наверняка придумал, что с этим делать, но он медленно умирает, пока она бесполезно размахивает здесь мечом. Его соплеменников не видно, да они вряд ли помогут. И, как на зло, ни одного элеттийца рядом, только люди, которые ничего не могут предпринять против непонятной и, очевидно, очень древней волшбы. Хотя... человек в изорванном синем плаще проскользнул вперед, удачно отразил удар одного черного латника, поднырнул под руку другому, ловко толкнул ему навстречу третьего и устремился, как показалось поначалу Хранительнице, к завязшему в бою с порождениями Отступника Орданну. Над головой бегущего полыхнул синим знакомый посох, останавливая чье-то заклинание. Герт? Тайри, как никогда, была рада появлению Смотрящего сквозь Время. Только бы он успел, думала она, только бы получилось у него обрубить эти мерзкие дымные ленты...

Видимо, маленький колдун решил, что пора действовать, потому что все ленты одновременно ринулись к обернувшемуся, наконец, но совершенно не готовому к подобному

нападению Орданну. Вот они уже опутали его ноги, поползли вверх, одновременно увлекая жертву в сторону своего создателя. Неожиданно в самое сердце клубка ударил знакомый посох с синим, истекающим золотыми искрами, шаром. Удивительно, но пути остановились, будто перестав слышать хозяина и не зная, что делать дальше.

Герт, стоя на самой границе чар несхита, произнес на Древнем наречии что-то настолько грозное, что у Хранительницы, не понявшей ни слова, ледяным прикосновением нежданного ветра обожгло кожу на лице. А смотрел он не на шептавшего молитвы Неспящим колдуна, и не на корчащийся клубок под ногами. Он смотрел на стоящую против него Тайри, и на лице его удивление и торжество сменялось глубочайшим разочарованием. Что-то пошло не так, как он рассчитывал, и молодой маг все больше походил на ребенка, обиженного в самых сладких своих ожиданиях.

Накануне, узнав, что Тайри снова всю ночь дежурила у постели Лоцмана, Герт все-таки наплевал на запреты, осторожность и здравый смысл, и заглянул в будущее. Как ни странно, дальше следующего дня, как он ни старался, увидеть ничего не удалось. А вот битву короля с отвратными тварями Тьмы, и этот клубок чар, и Тайри рядом с ним Герт увидел отчетливо. Добытые с немалым трудом знания Смотрящий сквозь Время истолковал по-своему. Это сражение — и есть точка перелома событий, и будущее после нее, как гласят книги, имеет множество вариантов. Большинство из них, скорее всего, закончатся всеобщей гибелью и торжеством врага, но если Орданн победит и его не сожрут эти непонятные чары, то общая судьба изменится в лучшую сторону. Может быть, эти чары потянулись за тем самым Ключом, о котором не говорил вчера только ленивый? Тогда, сохранив его для короля и города, он, Герт, станет героем, и Тайри забудет о своем Лоцмане. Не такая уж неподъемная задача — оказаться в нужное время в нужном месте. Переломить события должен он, Смотрящий сквозь Время, и никто другой. И он это сделает...

Он и сделал — ровно так, как рассчитывал. Но, то ли силы, призванные для исполнения совершенно противоположных целей, при столкновении создали нечто странное, то ли неумолимое Время потребовало заплатить по счетам... Герт чувствовал, как его силы и его магия замирают, превращаясь в ледяной комок где-то под сердцем, и он не в силах ничего изменить, даже позвать на помощь или закричать от поднимающейся по ногам непереносимой боли. Он мог только удерживать на месте посох и ждать...

Тайри, понимая, что происходит нечто неправильное, протянула к Герту руку — выдернуть из страшной воронки, поделиться силой, поддержать, но ее пальцы натолкнулись на невидимую, обжигающую холодом, стену.

Посох дрожал, издавая низкий тревожный гул, серые ленты дергались, складываясь в какой-то невероятный цветок. Похоже, маленькому лазутчику удалось пустить в ход еще какое-то колдовство: земля под ногами становилась зыбкой, точно песок. Люди в страхе оглядывались, пытаясь понять, что же произошло. Герт как-то неестественно дернулся и положил руки на вспыхивающий в такт чьему-то сердцу синий шар-навершие. Мглистый цветок у его ног накрыло блекло-серебристой сетью, потом с каким-то гулким вздохом возникла широкая и низкая воронка. Раздался еще один полувздох-полустон, точно причинили боль самой земле, маг неловко взмахнул руками, точно балансируя на чем-то, и медленно покачивающийся пыльно-серый вихрь поглотил его. И вот уже будто ничего и не было — только истоптанный снег на крошечном, шаг на шаг, пространстве между Тайри и королем. Позади кто-то зарычал, точно собака, у которой отняли кость. Хранительница оглянулась и заметила фальшивого нятти. Тот бочком-бочком пытался протиснуться под

локоть стоявшего к нему спиной латника и как можно быстрее исчезнуть с места своего поражения. Но, увы — он споткнулся о чью-то ногу и растянулся ничком, прикрывая голову руками.

Тайри бросилась за ним, подняла, встряхивая, точно тряпичную куклу — так, что у пленника лязгали зубы:

— Что ты здесь наколдовал, мерзавец?! Куда подевал мага?

Ужас плескался в огромных фиолетовых глазах несхита. Он обещал Неспящим царское приношение, он мечтал заполучить Ключ, а вместо этого... Проклятый Мудрый, он все испортил — и именно тогда, когда победа уже была у него в руках... А теперь еще эта женщина, сейчас очень напоминающая ему Дингру в гнев. Такая не знает жалости, не пощадит...

— Я не знаю, госпожа... Я ничего не понял. Сами Неспящие испугались силы этого человека и убрали его... Он не был мне нужен, только король.

— Зачем?!

— Ключ! Если бы у меня был Ключ, я бы... Попросите вашего короля, он сможет вернуть мага обратно, ведь у него же Ключ, а с ним можно все... — несхит всхлипнул.

— Еще один охотничек за артефактом нашелся, — сквозь зубы процедила Тайри. Она хотела добавить что-то еще, но его величество решил иначе — всего одним взмахом секиры.

— Ты разочарована? — Орданн не смотрел на нее, его взгляд уже искал следующую опасность.

— Ничуть. Это я позволила себе преступную слабость...

— Не знаю как, но Герт умудрился нас спасти. Горевать будем после. Если останется, кому, — король на секунду зажмурился, потом добавил нехотя, — ирольнцы гибнут. Элеттийцев горстка. И всего двое Мудрых. Как хочешь, Хранительница, но ты обязана выжить. Мне одному точно не вытащить город... Прикрывай!

Каким-то шестым или сто шестым чувством Орданн понял, что Тайри сейчас никак нельзя позволить сосредоточиться на собственных мыслях. Иначе она просто опустит меч и позволит себя растерзать. Первый приступ отчаяния и вины скрутил Хранительницу после гибели Габриэля, а когда Лоцман от пустякового ранения застрял между жизнью и смертью, ей стало еще хуже. Она считала, что люди гибнут из-за нее, что она несет близким только несчастье. Сначала наставник, потом де Рейвен, Даррен, а теперь еще и Герт. Не захочешь — начнешь задумываться о закономерности. Поэтому король решил: пусть лучше Хранительница целиком погрузится в бой, а не в черную бездну вины и тоски. А там, если повезет, ей и легче станет...

Его величество угадал правильно. Бой вынуждал сосредоточиться на ином, Тайри пришлось забыть обо всем и стать холодной расчетливой машиной — иначе не справиться. Приходилось одновременно манипулировать щитами, огненным лассо и стихийными чарами, время от времени делая это за двоих — Орданн смотрел на Город через Талисман и становился в такие моменты почти беззащитен. Когда силы начинали изменять ей, Тайри вспоминала лица тех, кого потеряла, и ярость увеличивала их многократно. Она билась — за них за всех, и это было лучшей данью их памяти. И еще приходилось помнить, что независимо от ее желания надо выжить — иначе умрет Даррен.

Когда леди Даллет решила остаться с отрядом гвардейцев, король не стал ее останавливать. Зрением Талисмана он видел новую опасность, угрожающую Городу: с моря шла огромная волна, поднимаясь все выше. Темные лишь немного сдерживали эту водяную

громаду, чтобы в нужный момент обрушить. Видимо, они и вправду решили не оставлять камня на камне. Орданн не знал, как можно защититься от этого, не знал, сколько времени у него осталось. Он понимал только, что Дельфиньей заставы волна достигнет раньше, чем площади, и он должен быть там, чтобы попытаться спасти людей. На заставе давно уже в нем и его оружию нуждались куда больше, чем здесь: Одри и Фаз на пределе сил сдерживали натиск разнообразной нечисти. Скай, с разорванным в клочья крылом, беспомощно озирался, распластавшись на мостовой, и некому было ему помочь...

— Прости, Тайри, но им без меня можно только умереть, а здесь, я знаю, вы с Рарроком справитесь, — сказал Орданн перед тем, как шагнуть на Тропу вслед за Лиардом. Удивительно, но внутри Цитадели Тьма почти не коснулась Сокрытых путей, — продержитесь до моего возвращения.

Сколько времени Тайри дралась рядом с капитаном оставшихся на площади гвардейцев, и как так получилось, что они ни на шаг не отступили со своих позиций, никто сказать не мог. Граф Раррок молиться был готов на эту женщину, она спасла не один десяток его солдат, да и сама сейчас стояла троих отборных вояк. Только поверх восхищения мелькала иногда страшная мысль: что будет, когда ее силы иссякнут? Ведь на этом ее отчаянном порыве держалась вся оборона. Глядя на неутомимую Тайри, его солдаты будто обретали новые силы, а уныние и страх, что уже завладели многими, как ветром сдуло...

Глава 16

Нет ничего невозможного, есть только маловероятное.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Люди почему-то склонны думать, будто мужество — это не дрогнув смотреть в лицо смерти. Но вот это-то как раз по силам почти каждому. Многие способны в момент смерти стиснуть зубы и удержаться от вопля...

Мужество — это не дрогнув смотреть в лицо жизни.

Робин Хобб "Безумный корабль"

Что-то случилось на залитой кровью, заваленной трупами людей и нелюдей площади. Заглянуло ли в разрыв облаков вечернее солнце? Теплый ли ветер дохнул с моря? Все — и свои, и чужие — стали вдруг останавливаться, точно забыв обо всем, и расступаться, освобождая кому-то дорогу. Опустила свой синий меч и Хранительница, недоуменно оглядываясь по сторонам. Что происходит? Все внезапно решили сдаться?! Да, вон там, на гребне полуразрушенной стены появились две новых фигуры: статная женщина в алом и черном, и высокий человек в военном мундире без знаков отличия... Впрочем, и не человек вовсе. Тайри узнала Отступника, хоть тот изрядно пригасил свою выжигающую и искажающую все вокруг силу. Но ни страх, ни что бы то ни было другое не потревожили ее душу. Мрачное спокойствие уверенного в своей правоте человека охватило ее. Пришел взглянуть на агонию Светлого Города? Так она еще не наступила, и, даст, Создатель, не наступит. Даже если не судьба нам устоять, то кое-кому победа горше поражения будет, с упрямой злостью подумала Хранительница, оглядываясь. Понятнее происходящее, увы, не стало. Никто больше не сражался, не звенело оружие, даже стоны и крики стихли. Силы небесные, да что же там делается?! Все онемели или их поразило безумие?!!

Тайри оттеснила раненого гвардейца и очутилась в первом ряду. Остатки горожан и солдат Тьмы разделила неширокая полоса смешанного с кровью снега, по которой шел... Откуда здесь ребенок, удивилась про себя волшебница, все матери и дети надежно укрыты во Дворце... Все, кто остался...

По снегу, утопая по щиколотку в грязно-бурой каше, шел мальчик лет двенадцати — худой, угловатый, золотоволосый, в неправдоподобно чистой льняной одежде. На шее, на простой темной ленточке, в такт шагам болтался какой-то блестящий предмет, скорее всего ключ... КЛЮЧ! Тайри, начиная понимать происходящее, внимательнее присмотрелась к окружавшим ее людям. Лица... Их лица ее поразили. Не было на них ни счастья, ни смирения, ни благоговения, а только боль, разочарование и ожесточение. Что же ты так поздно пришел, Пресветлый Сыне, читалось в глазах солдат, стариков и мальчишек из ополчения. Где ты был раньше, когда разрушали наши дома, убивали наших близких? Зачем

ты пришел — теперь? Умереть с честью мы сумеем и сами... Или ты решил отдать Отступнику Ключ, сделав бессмысленными все наши жертвы?

Хранительница и себя ловила на подобной мысли: где были твои глаза, лучезарное Создательво дитя, когда Габриэль и его кошка падали, раздираемые болью, на серые камни улицы? Где было в тот момент твое милосердие? Почему не вернешь жизнь и силы Лоцману, который защищал этот город, точно родной? Зачем заставляешь умирать мальчишек, которым еще жить и жить? Почему темным отродьям позволено устроить здесь побоище? Говорят, твой Отец любит всех своих детей, тогда спроси у него, почему гибнут невинные и наказаны непричастные? А еще подумалось вдруг, каково Ему идти сквозь этот строй, под откровенно ненавидящими взглядами одних и почти такими же — тяжелыми, изверившимися — других? Каково Ему смотреть в опустошенные, отчаявшиеся лица тех, кто, свято веруя в заветы отцов, не побоялся выступить против Вековечного Врага? Тайри удивилась сама себе: оказывается, она до сих пор способна испытывать... жалость? Звучало почти святотатственно: жалость — к Нему...

Мальчик медленно шагал, глядя себе под ноги. Когда он поднял голову и бросил единственный длинный взгляд на порядки Темных, в их рядах начался ропот, стало слышно, как одни лязгают оружием, другие подвывают и плачут со страху. Хранительница разглядела прямо напротив тщательно прицеливающегося арбалетчика. Он метил не в мальчика, скорее в ключ или ленточку, на которой тот держался. Хорош замысел Отступника, нечего сказать! И сам как бы ни при чем, и Ключ заполучить можно — мало ли что взбрело в голову ничтожному человечешке... Тайри подняла глаза к небу: тучи снова затягивали садящееся солнце. Не будь их, темный вряд ли бы смог точно прицелиться — солнечные лучи били бы ему в глаза. Не задумываясь, волшебница «подтолкнула» задремавших было сильфов — стихийных духов послушного ей Воздуха. Просвет в облаках заметно расширился. Арбалетная тетива сухо щелкнула, но болт с тянущейся за ним тонкой нитью ушел далеко в сторону. Наверное, в самый последний момент сбился прицел... Тайри улыбнулась, ощущая себя удачно нашкодившим подростком, опустила голову, чтобы спрятать довольное выражение лица и наткнулась на прямой взгляд темных глубоких глаз мальчика — таких же, как на фреске в Храме, изображающей его Отца. Только человеческого в них сейчас было гораздо больше...

— Милостивый Вседержитель... — выдохнул стоявший рядом Раррок, глядя куда-то поверх разрушенной стены.

Волшебница проследила его взгляд, и ледяной ужас сковал ее. Над городом вставала огромная морская волна. Темные сдерживали это слепое орудие природы, приберегая его напоследок, но один край уже загибался, рушась куда-то на соседние кварталы. Дельфинья застава, подумала Тайри, они погибнут первыми — король, Одри, Командор. Возможно, драконы успеют унести их... если еще живы. Она как никогда четко ощутила состояние каждого из друзей, хоть и не была связана с ними, как с Дарреном. Они живы, но на грани — и не из-за рушащейся сверху воды. Просто отдали все силы, защищая тех, кто вокруг. А Скай... почему не в небе? Леди Даллет с ужасом осознала, что ее дракон ранен, не может ни взлететь, ни обернуться, а вот погибнуть — запросто. Она всем сердцем рванулась к нему, но Тропа молча вышвырнула ее обратно. Прости меня, мой синеглазый защитник, обреченно подумала Хранительница, прости, что я не с тобой и не могу ничем помочь. Прости и постарайся выжить...

Из горьких мыслей ее вырвал ломкий мальчишеский голос.

— Тебе были отмерены границы, — Сын обращался к тому, кто стоял за спиной Верховной жрицы. Он говорил негромко, но странным образом его слова услышал каждый, — тебе было сказано: «от» и «до», но ты преступил указанный предел. Возжелал всю Вселенную?

— И получил, — будто отовсюду, торжественно прогремел голос Отступника, отзываясь болью в костях, — твое время еще не настало, да и не настанет уже! Поэтому ты бессилен, а слабый должен уйти! Отдай Ключ! — волна придвинулась ближе, стал слышен гул падающей воды. — Не заставляй меня гневаться!

Фигура в сером и черном одним немислимым движением переместилась ближе. Люди, на какой бы стороне не воевали, постарались отойти, отстраниться. Снег пополам с кровью плавился и закипал у ног А'Деула, а ужас самой его противоестественной природы заставлял помимо воли отворачиваться и стонать, даже если не было сил.

Мальчик, не испытывая ни капли страха, прямо смотрел в горящие алым глаза Отступника — и молчал.

— Что же ты не остановишь меня? — ернически спросил громовой голос, — Ведь гибнут ни в чем не повинные люди, так горячо любимые тобой и твоим Отцом! Не можешь?! Так исчезни, в моем мире нет места таким, как ты!!! Вы давно уже не властны над сотворенными мирами, так уступите место тому, кто более достоин править!!!

— Не тебе, Отринувший, говорить о силе моего Отца. ДОВОЛЬНО! — мальчик поднял обе руки, будто удерживая над собой небо. Отступник же рассмеялся и сделал еще пару шагов вперед. — Я сказал, довольно уже попить тебе эту священную землю!

С тихим серебряным звоном расползлись тяжелые серые облака, и в разрыв заглянуло нездешнее небо — фиолетовое, с мириадами разноцветных звезд, поющих на разные голоса. По порядкам Темных будто пронесся неведомый ветер. Несколько мгновений — и на площади остались только люди — растерянные, испуганные, с ужасом озирающиеся вокруг. Многие бросились бежать к своим кораблям, некоторые молча повалились на землю, скорчившись и трясась от ужаса, ведь внезапно исчезла сама Сила, их направлявшая. Очевидная и близкая победа вдруг стала поражением, и больше никто не знал, что делать дальше. Горожане не трогали чужаков — они сами силились осознать случившееся.

А'Деул, Дингра, ее жрецы и маги, вся нечисть, приведенная сюда Отступником — все исчезло, будто и не было никогда. Огромная волна постепенно начала отползать обратно в океан, неудержимо увлекая за собой корабли захватчиков. Где-то далеко расступилось морское дно, без следа поглощая остров Кадарн и стоявший на нем храм Танх Каар. Мир, до того испуганно замерший и затаившийся в ожидании собственной смерти, встряхнулся и вздохнул с облегчением. Тучи таяли, и не по-зимнему теплый ветер рвал их в клочья. Мальчик, по легенде многих миров, родившийся на заре времен от великой любви, долго смотрел на происходящее грустными всезнающими глазами, а потом исчез.

Орданн пытался удержать наступающее на них море, как мог. Сначала пустил в ход все до единого стихийные заклинания, которым научили его Одри и Хранительница, потом просто используя грубую мощь Скипетра. Он накрепко вонзил его в землю и попытался накрыть защитным куполом как можно больше народу. Люди сгрудились вокруг него в полнейшем молчании, не решаясь ничем отвлекать своего короля. Несколько запоздало, когда первые струи падающей воды потекли по невидимой, но достаточно крепкой магической «крыше», найденыш вспомнил о беспомощном Скае. Он лежал слишком далеко, и купол не мог его накрыть. Неужели дракон погибнет? Додумать король не успел — вода

обрушилась со всех сторон, сметая все на своем пути. Пока хрупкий волшебный пузырь держался, но было отчетливо слышно, как звенит от напряжения артефакт. Выдержит ли?

Вдруг, без всякой на то причины, волна стала отступать — медленно и постепенно откатываться, точно шадя измученный Город. Когда улица окончательно очистилась, с легким вздохом исчез и купол. Король и Одри переглянулись, не понимая и в любой момент ожидая коварного подвоха.

— Успокойтесь, — хрипло проговорила Алая драконица, — все закончилось. Теперь действительно — все, — она бросилась к Скайяру, чудом не смытому водой, — Дышит, слава Всевышнему!

Орданну казалось, что происходящее вокруг — какой-то абсурдный сон. Так бывает только в детских сказках: герой только что прощался с жизнью, но волшебник взмахнул жезлом — и все сразу стало хорошо. Чудовище побеждено, и все счастливы. Что случилось там, на площади? Кому удалось настолько быстро переломить ход войны? Не бывает таких легких побед, скорее всего — он умирает, и мозг милостиво заменяет кошмар действительности на грезы о страстно желанной победе. Но нет, Орданн был вполне жив — болели раны, голова полнилась свинцовой тяжестью после предельного магического напряжения. А вот Скипетр стал всего лишь оплавленным куском золота, намертво вросшим в камни мостовой. Там, где король всегда ощущал присутствие разума пленника Талисмана, была пустота, и плечи больше не оттягивала ставшая родной и привычной тяжесть старинных секир — они вернулись в свое тайное хранилище, в них более не было нужды...

Все кончилось — и все только начиналось. Город лежал в руинах, многие из тех, на кого молодой монарх мог бы положиться, были мертвы. Да и Тьма никуда не делась. Орданн отчетливо понимал: Городу-над-Морем просто дали отсрочку, чтобы запомнить урок. Сколько на нее отпущено — десять лет, сто, тысячу? И нет больше рядом мага, смотрящего сквозь время, который мог бы подсказать...

**** *
**** *
**** *

Король стоял у распахнутого настежь окна в одном из покоев Дворца. Отсюда лучше всего был виден Город — весь, как на ладони. Совсем немного времени прошло с момента Милосердного Избавления — так буквально все, не сговариваясь, стали именовать вмешательство Высших сил. Ни у кого не поворачивался язык назвать это победой, ведь никакой победы-то и не было... А'Деула вместе с его приспешниками просто изъяли, как сказала Тайри, из этого мира или из этого времени. Не уничтожили, не заточили, а лишь переместили куда-то. И он обязательно вернется, если не за Ключом, так хотя бы ради мести. И только от них самих зависит, выдержат ли стены Города новый натиск, смогут ли тогда горожане дать достойный отпор... Отныне и навсегда обитателям Светлой Крепости придется полагаться только на собственные силы.

Прошел всего лишь месяц или уже целый месяц? Поняв, что неминуемая смерть более не грозит им, горожане стали постепенно возвращаться к обычным повседневным заботам. Прежде всего, они оплакали и похоронили своих мертвых, немного позже принялись восстанавливать дома и расчищать улицы. Конечно, многое было разрушено и сожжено, но оставались целые кварталы нетронутых войной зданий, напоминая о прежнем Городе, и люди радовались сохранившимся домам, точно родным. После многих лет закипела работа и в доках. Королю докладывали, что пока ремонтируют и готовят к выходу в море маленькие рыбачьи суда, но в ближайшее время возьмутся и за торговые. Отправилась первая делегация к лесовикам — договариваться о поставках сухого дерева для флота, замечательной

парусины, что ткали тамошние мастерицы, и прочего, потребного для оснастки судов.

Много странного происходило в эти дни, или эти события только казались странными? Элеттийцы — чуть ли не все выжившие — явились к королю и Командору Мудрых с просьбой, как только позволят обстоятельства, расчистить Тоннель, ведущий в их родной мир. Они были убеждены, что война закончилась и там. Бывшие солдаты Кадарна, которые по тем или иным причинам остались в городе, несколько дней не высовывали носа из импровизированного лагеря на побережье, а потом сложили все свое оружие у ворот дворца. Король спросил, не хотят ли они вернуться на родину при первой возможности, но получил почти ото всех отрицательные ответы. Они хотели поселиться здесь, просили разрешения принести покаяние в Храме и присягнуть на верность королю. Орданн не сразу согласился, созвал сначала малый совет, потом собрал тех, кто добровольно взял на себя ответственность за восстановление города. Все его помощники были единодушны: если хотят остаться — пусть остаются, лишних рук сейчас просто не может быть. Конечно, за ними нужен глаз да глаз, но, если смотреть на вещи трезво, новые люди совсем не помешают. Оказалось, что среди раскаявшихся бывших захватчиков есть и умелые мастеровые, и знающие моряки, и опытные лекари, что было сейчас весьма кстати. Раненые в госпитале, даже считавшиеся абсолютно безнадежными, выздоравливали прямо на глазах. Дворцовые покои, еще недавно переполненные, быстро пустели.

За всеми своими делами его величество не упускал из виду ближайших друзей и помощников. К примеру, его беспокоило то, что творилось с Хранительницей. Сам он видел ее всего единожды — на том самом малом совете, где она не проронила ни слова. Ему докладывали, что в госпитале она бывает каждый день, ее видели в Храме — она долго беседовала с отцом Грантом, но на празднике Весеннего солнца — первом после войны — она не появилась. Она жила во дворце, но регулярно навещала дом на Дельфиньей улице. А ночами... Ночами она просиживала у постели Даррена, впрочем, как и в любое другое свободное время. И ни соотечественники Лоцмана, ни Одри, ни Мудрые не решались нарушить безмолвный диалог, что вела Хранительница со своим другом. Орданн тоже туда не совался, ему тяжело было видеть бесконечную печаль и безнадежность в глазах целительницы. Король не знал, чем ей помочь и как утешить. Ему не нужно было применять магию, чтобы понять: Тайри все больше отдаляется, погружаясь в омут своих невеселых мыслей. Даже его изобретательная невеста, знающая Хранительницу куда дольше и лучше, не смогла ничего придумать. Иногда его величество злился, силясь понять, почему Тайри вдруг отгородилась ото всех этой невидимой стеной, и Одри объясняла ему просто и четко, как делала всегда:

— Она ведь осталась совсем одна, разве не видишь?

— А мы все что, разом куда-то подевались? Или она ослепла и оглохла?

— Можно сказать и так. У нее были друзья, надежные, как скала — Габриэль и Даррен. У нее был лучший в мире страж — синий дракон. Еще раньше у нее был любимый человек. А теперь... кого-то не стало совсем, а кого-то не дозваться. Пусть они в этом не виноваты, но ей ведь не легче. Я даже боюсь представить себе, как страшно, когда вот так...

— Как, солнце мое? Все же закончилось, уже месяц, как мир...

— Глупый ты, а еще король. Я хоть и подруга Тайри, все равно не смогу заменить ни одного из тех, кого она потеряла. Я не сумею ободрить, как это делал Габриэль, рассказывать о разных мирах, как ее наставник, шутить и подначивать без всякой злобы, как Скайяр. И никто не сможет. Она ведь винит себя в том, что произошло со всеми ее

близкими, а еще, наверное, боится принести несчастье тем, кто остался жив. Так что для нее ничего не закончилось.

— Но ведь Скай жив, хоть и спрятался в своем кристалле, и Дар жив!

— Ты бы хотел, чтобы я оказалась на их месте? Тебе бы понравилась такая моя “жизнь”?!

— Упаси Вседержитель, ни за что...

— Вот! Теперь понял?

— Но нельзя же их хоронить раньше времени!

— Она и не хоронит.

— Она хоронит себя. И никто ничего поделать не может.

— Мне страшно подумать, что будет, когда ирольнцы отправятся домой, унося с собой Даррена.

— Одри, умница моя, ну придумай что-нибудь, вспомни, наколдуй... Они ведь уходят не завтра.

— Через неделю, но это все равно безнадежно мало. Да что уж тут наколдуешь... — понуро опустила голову невеста его величества. — Пойдем их провожать. может, там и решим.

В назначенный день у ворот Арашамфа, через которые решили возвращаться ирольнцы, не отметился только ленивый. Пришли попрощаться те, с кем плечом к плечу сражались ученики и соратники седовласого Альтарна, благодарные горожане, Лиард с Астором и, разумеется, Орданн с невестой.

Соотечественников Даррена осталось двенадцать из двадцати четырех, они выглядели усталыми и изможденными, точно после тяжелой болезни, но никто не жаловался. Орданн догадывался, почему так происходит — воины потратили слишком много сил в сражениях, и при этом вовсе не были столь закалены, как Лоцман, непосредственными столкновениями с Тьмой. Самому Даррену за последние дни стало значительно лучше: он ровно дышал и вообще выглядел просто крепко уснувшим человеком. Король долго беседовал с Альтарном, и пропустил момент, когда появилась Тайри. Она пришла не одна, ее сопровождал добрый десяток ньягги.

— У тебя теперь новая охрана? — неловко пошутил Орданн.

— Вовсе нет. Просто они желают сопровождать наших гостей и, если это возможно, в чем-то помочь им дома. Это те, кто охранял их во время сражения, — тускло улыбнулась в ответ волшебница.

— Пойдешь прощаться?

— Я уже... Соотечественники нашего Лоцмана сильно изменились, тебе не кажется? Стали совсем как мы — гораздо больше души... Им это пойдет на пользу. Со своей рассудочностью чуть не проморгали родной мир. Знаешь, они хотели даже разбудить Даррена, но я запретила. Зачем? Проснувшись, он почувствует прилив сил, решит, что все обошлось и откажется идти с ними...

— Ты считаешь, он должен?

— Я считаю, это единственный способ его спасти. Ему стало лучше, но это временно... Я же чувствую, вернулись лишь физические силы, но не его Огонь. Более всего на свете я хочу, чтобы он снова стал сильным и цельным, как раньше.

Волшебница говорила что-то еще, а Орданн смотрел на нее и думал, что видит перед

собой только бледную тень прежней Тайри. В ней будто все выгорело, не осталось ни сил, ни желаний. Она жила только потому, что ее удерживал долг.

— Тайри, а скажи-ка мне...

— погоди. нас зовут, — кивнула она в сторону направляющегося к ним Альтарна.

— Я хотел поблагодарить вас обоих, — сказал предводитель ирольнцев, — вы многое объяснили нам и многому научили. Надеюсь, что Тьма больше никогда не будет стоять у порога вашего дома. А вам, госпожа, я обещаю, что с Дарреном все будет хорошо.

— Я обязательно почувствую его выздоровление, мы ведь связаны, — ответила Тайри.

— Тогда у него всегда есть возможность найти вас.

Хранительница тяжело вздохнула и опустила голову. Ей очень хотелось, чтобы Лоцман сам когда-нибудь отыскал ее. Только вот не верилось почему-то в это ничуть. Уж если не судьба...

— Ты напрасно думаешь так, — прозвенел рядом голосок ньятти.

Тайри печально посмотрела в огромные «звездные» глаза с серебряным ободком:

— У меня есть основания... Посуди сам, разве не из-за меня все это...

— Ты ведь не забыла, Хранительница, что у каждого своя дорога? Чья-то закончилась здесь, кто-то вернулся на прежнюю дорогу. Часть пути пройдя рядом с тобой, кто-то устал и нуждается в отдыхе. А ты должна идти дальше, и какую-то часть своей дороги ты преодолешь в одиночестве. Я не знаю, для чего это нужно. Может быть, чтобы понять и принять, прежде всего, себя? Ведь с этой войны ни один из нас не вернется прежним.

— Не верь разлукам, Хранительница, — добавил второй маленький воин, в изумрудном шлеме с перламутровым гребнем, — их круг — лишь сон, морок, что сбивает с пути. А вот дорогам надо верить, они не подведут. И Лоцману верь, он найдет к тебе тропинку, а не найдет — так сам протопчет.

Первый ньятти взял Тайри за руку и вложил в ладонь что-то маленькое, завернутое в обычный для них жемчужно-серый шелк.

— Это тебе, светлая госпожа, — прохладные пальчики на мгновение накрыли подарок и отпрянули. — Вспоминай о нас, а нам тебя не забыть никогда. Мы встретимся, будут впереди общие дороги. И я приведу к тебе своих детей, чтобы ты научила их видеть сердцем.

Четверо рослых воинов подняли носилки с крепко спящим Дарреном, остальные встали по бокам и направились к арке Тоннеля. Тайри, как и король, смотрела им вслед, не отрываясь. Ньятти вступили под древние своды последними, на секунду волшебнице показалось, что среди них появился кто-то еще.

— Ты видела? Мальчика в льняной одежде? Сейчас еще холодно для такой.... — Орданн до боли стиснул плечо волшебницы, — Кто он? То, что я почувствовал в нем, не поддается никакому описанию...

— Он остановил войну, Орданн, — Хранительница поняла, кого увидел молодой король.

— ОН?!

— Вот именно. Об остальном тебе лучше расспросить отца Гранта, я не считаю себя вправе рассуждать о Сыне и его путях... Я была на площади, когда он изъясил из нашего мира всю свору с Отступником вместе, и никогда этого не забуду. Ты хорошо запомнил мальчика? Найди время, загляни в Храм и посмотри на фреску. Все поймешь сам. — Тайри вздохнула, — А мне, скорее всего, стоит задуматься о жизни. Такие встречи, если верить отцу Гранту, не просто так случаются. Да и ньятти, в один голос...

— Ну, раз так, может, ты все-таки подумаешь о том, чтобы остаться? Ты же говорила, что смертельно устала от войны, а дома тебя ожидает все та же схватка, — произнес король с надеждой.

— Не знаю, Орданн, не знаю... Вряд ли. Отступника мы увели за собой, а теперь он не скоро очухается. Во всяком случае, надеюсь. Я хотела вернуться домой, но... С одной стороны, я безумно хочу увидеть моих друзей и близких, а с другой... просто боюсь. Время в моем мире идет быстрее почти в четыре раза. Жизнь не стоит на месте, все меняется, и очень быстро. У меня сердце замирает, когда я думаю, что в этой жизни мне нет места. Все, кому я была действительно дорога, уже в Серых Пределах. Или настолько далеко, что и подумать страшно.

— Глупости ты говоришь, Хранительница, уж прости меня за прямоту! — вспыхнул его величество. Брови сдвинуты, глаза сверкают, у рта твердые складки залегли — и не скажешь, что едва из мальчишеского возраста вышел. — А нас ты в расчет не берешь? А родителей своих, брата, кого там еще?! Наверняка ждут тебя, вспоминают, волнуются. А ты тут сомневаешься... Не хочешь домой — так оставайся. Будешь моих детей магии учить. О такой наставнице, как ты, только мечтать можно.

— Я попытаюсь, Орданн. Честно признаться, сейчас у меня и сил нет — даже на небольшое путешествие по Тропе, не то, что на дорогу домой. Если ничего не случится, проживу пока здесь. Хоть это и тяжело. Знаешь, я все время ищу в толпе знакомые лица... Вот поверну голову, и мимо пройдет Габриэль, о чем-то споря с гвардейцами, а в небе, вместе с драконами, будет парить Тила... Или я приду в дом на Дельфиньей, а у камина сидит этот несносный синеглазый тип, и первое, что я от него услышу, будет: “Куда вы подевали князя, моя леди?”. С этой его неподражаемой интонацией... Но он не спросит. Я умудрилась оттолкнуть даже его, — голос предательски сорвался, и Тайри умолкла.

— Да с чего ты взяла?!

— Рядом с ним на Дельфиньей заставе был кто угодно, но не я. Он едва выжил, не пожелал меня больше видеть — и правильно сделал.

— Снова ты придумываешь, ну сил уже никаких на тебя нет, — схватился за голову король. — Он таким образом силы восстанавливает и раны залечивает. Да, выжал себя досуха, вот на исцеление и не осталось, а перекинуться нельзя — крыло все в клочья порвано. Чтобы не умереть, в капсулу нырнул. А еще Фаэ мне сказала, что это у них такие драконьи причуды: они все крайне не любят, чтобы их видели слабыми и беспомощными. Особенно те, кто им самим безразличен. Ей тоже было не особенно приятно, когда Лиард притащился к ней раненой.

— Он там хоть жив? Я последнее время даже прикоснуться к сапфиру не могу — такой он горячий.

— Не переживай, Фаэ уверена, что все будет хорошо с твоим синеглазым. Ему время нужно. А тебе не интересно, что ньятти подарили?

Хранительница пожала плечами и развернула шуршащий серый шелк. Ей в ладонь соскользнуло довольно тяжелое золотое кольцо с рисунком в виде драконьей чешуи, украшенное маленькими яркими изумрудами. Мужское кольцо.

— Чтоб мне провалиться, это же... обручальное! — удивленно воскликнул его величество. — Я надеюсь, кое-кто тоже получил похожий подарок...

— Кое-кто, если пожелает, сделает такой подарок сам. Он это неплохо умеет, — Тайри почему-то покраснела и отвела глаза, — был бы жив и невредим... Остальное не так важно.

Орданн хитро сощурился:

— А ты примешь такой подарок?

— От него? Приму. Если судьба будет встретиться...

Закончилась весна, отшумели дожди, укуталось в нежные лепестки цветущих деревьев начало лета. Город, стараниями жителей, воскресал из пепла, словно легендарная птица, становясь краше прежнего. Жизнь постепенно возвращалась на мирные тропы, кипела торговля, игрались свадьбы, рождались дети. Вот и день свадьбы Орданна и Одри был назначен. Тайри давно вернулась в дом на Дельфиньей улице. Меньше всего ей хотелось сейчас привлечь к себе внимание, слушать ни к чему не обязывающие длинные славословия и становиться предметом придворных интриг. Как бы хорош не был молодой король, но его свита оставалась прежней, и нравы в ней мало изменились. Дом же, хоть и пустой, был теплым и ласковым, а каждая деталь напоминала о тех днях, когда все были живы и собирались у камина вечерами. Силы возвращались крайне неохотно, по капле, в чем леди Даллет считала виноватой только себя. Она боялась, и с этим ничего нельзя было поделать. Страх оказаться в одиночестве куда более глубоком, нежели сейчас, давил сердце ледяными пальцами и лишал последнего мужества. Когда-то Гай сказал ей: ничто не ранит так глубоко, как одиночество и отчуждение среди близких людей. Казалось бы, чего уж проще — вернись, и все будет хорошо. Но, вполне возможно, она станет лишней в уже сложившейся картине жизни родных и друзей. И что тогда делать? Искать Тропу к благословенному Ирольну? Возвращаться в Город? Искать новое место в мире, чтобы начать все с начала? Все, что угодно, только бы не оказаться ненужной, никчемной, нежеланной... Только бы не встретить равнодушные или, того хуже, притворно-виноватые глаза дорогих ей людей. Только не...

— И это говорит любимая моя ученица?

Голос, такой родной, а осуждающие интонации — пусть... Это всего лишь сон, а может, морок неуспокоившейся совести, но пусть будет хотя бы он. Тайри не станет оборачиваться, не станет смотреть, стоит ли у огня Гай — слишком больно будет увидеть, что... А так, хоть поговорить можно.

— Умница, Тайри. Ты всегда была умницей. А еще была решительной и смелой. Что теперь изменилось?

— Я, наставник. Разве не видно?

— Очень даже. Ты не сдалась ни переходу, ни эпидемии, ты выжила в этой войне, значит, стала сильнее. Ты никогда не боялась сделать шаг в неизвестность. Теперь же...

— Теперь же разница в том, что мне придется делать шаг назад, Гай. Как ты говорил, пытаться войти в ту же реку. А это, по определению, невозможно. И... я не знаю, как буду жить рядом с теми, кто дорог мне, но, в сущности, без них.

— Ну, без меня же ты жить научилась?

— Жить? Это, по-твоему, жизнь?

— А что же еще? Тебе и оставалось-то всего лишь открыть последнюю запертую дверь в своем сердце.

— Чтобы снова потерять? О нет, довольно...

— Если человек жив, все поправимо, Тайри. И потерять никого нельзя, мы ведь все живем в твоём сердце. Я, Габриэль, Тила, маленькие нятти... Разве не так?

— Так, пока я жива, и за Гранью будет так же. Но...

— В чьем-то сердце ты тоже будешь жить всегда. И этих людей немало будет на твоём Пути. А одиночество... Частный случай Закона Дороги. Оно тоже для чего-то нужно. Поймешь, для чего — не забудь рассказать. Я не успел осознать, потому что мне не дали такой возможности.

— Я постараюсь, наставник.

— Значит, ты вполне можешь вернуться в родной мир.

— Не могу. Просто не хватит сил, а Лоцмана уже нет рядом.

— Я знаю, милая. Но ты ошибаешься. Тебе всего-то и надо вспомнить самые светлые моменты, которые были там, дома.

— Все лучшее было связано с тобой.

— Не может быть. Что-то было до меня, что-то после. Морской берег, песни твоей матери, улыбка отца, вернувшийся брат, друзья, которые никуда не исчезли и не забыли тебя. В конце концов, один мир-осколок, который, несмотря ни на что, сучает по тебе.

— Единственный, в ком я уверена. Вингшалья...

— Вот видишь, ты и перестала бояться. Еще немного, и...

— Нет, Гай. Не получится. Я разучилась верить в прекрасные слова утешения.

— Даже у меня не получится?

— Даже у тебя.

— Отлично! Просто отлично!

— Чему ты так обрадовался?

— Ты уже не цепляешься за память, как утопающий за первое попавшееся бревно. Ладно, не получилось у меня, получится у кого-то другого. Жизнь сама позовет тебя и укажет дорогу. И это будет... правильно. И намного честнее.

— Думаешь?

— Уверен. Что ж, прощай, девочка.

— Ты ничего больше не хочешь мне сказать?

— Доверяй себе и своей Дороге. Прощай...

Невесомое касание ладони к щеке — эхом памяти былой ласки, и полная тишина внутри и вокруг.

— Не уходи!!! — Тайри проснулась от собственного крика. Спина затекла, шея болела нещадно — заснуть в неудобном жестком кресле то еще удовольствие. Камин, по летнему времени нетопленный, тепла не добавлял, а чай в чашке только что корочкой льда не подернулся. Надо бы встать и закрыть окно... И что-то уже решить.

Светало, небо окрашивалось нежными оттенками розового. Где-то неподалеку пропевала первые трели утренняя птаха. Ночной бриз тянул за собой запахи свежей выпечки и горячего железа, молока и пряностей — Город просыпался. Хранительнице нестерпимо захотелось выбраться из четырех стен куда-то на волю, хоть к морю, хоть в горы. Она быстро умылась, переделась в ставший привычным строгий мужской костюм и почти бегом отправилась в гавань. Белые паруса рыбацких шхун, белые крылья чаек в небе, белый росчерк пены на гребне волны. Точно письмо, знаки, отпечатки чего-то исчезнувшего или... пока не существующего? Тайри решила, что если уж судьба решила вернуть ее домой, то и знак должен быть однозначный и понятный, а не такой, чтоб приходилось ломать голову. Да, она снова оттягивает момент и поддается своей слабости, но ей так надоело быть сильнее сильных! Можно ведь, хоть ненадолго, хоть наедине с собой... Волшебница осторожно спустилась по крутому склону к самой воде. Ветер успокоился, море сделалось

идеально гладким, точно зеркало. Тайри присела на гладкий ровный валун и заглянула в воду: говорят, для душевного спокойствия нет ничего лучше, чем понаблюдать за суетой морских обитателей... Мелькнула в солнечном луче золотистая рыбка-иглочка, прополз по дну рыжий краб, кто-то еще плеснул плавником, и вместо собственного отражения, леди увидела там чужое, но вполне знакомое. Нет, не может быть, подумала она, зажмурившись. Что ему за дело до меня, и потом, если б мог — дотянулся бы раньше... Конечно, померещилось. После такой-то ночи и не то привидится. Велели вспоминать хорошее — вот оно и лезет из всех отражений. Мало мне здешнего короля с его вопросами, а, ваше императорское величество? Больше не изволите мерещиться? Вот и не надо. Она затрясла головой — так, чтобы окончательно избавиться от наваждения, и чуть не свалилась в воду. Все, пора возвращаться к делам, навести в доме порядок, сотворить для Одри охранный амулет на свадьбу... и позавтракать.

Желудок удовлетворился купленной с лотка горячей булочкой с орехами и стаканом подогретого молока, а все внимание Тайри занял дом. Здесь вычистить, тут протереть, там поставить на места забытые безделушки — с магией или без, а дело это кропотливое и, как ни странно, затягивающее. А также от посторонних мыслей прекрасно отвлекающее. Вот только в жилых комнатах порядок осталось навести... Хранительница открыла ящик стола и замерла. Всего лишь карандашный набросок на желтоватой плотной бумаге. Так вот какой видел ее ушедший в вечность юный художник. Такой она была несколько месяцев назад. А сейчас... тьфу. И думать противно. Раскисла, стала жалеть себя, даже позволила себе жаловаться кому ни попадя. Ну, скажем, его величество Орданн и память любимого наставника не совсем подходят под это определение, но ведь еще чуть, и начала бы. А пусть портрет здесь и остается. Кому судьба, тот его и найдет. Правда, дом? Где-то согласно хлопнула ставня. Внизу звякнул колокольчик — лавочник привез вчерашний заказ. Ей показалось, или стало чуть легче думать о будущем шаге?

Перебрав собственные запасы, Тайри поняла, что ничего подходящего для задуманного ею артефакта у нее нет. Простой камушек на веревочке будущей королеве, да еще и на свадьбу, не подаришь. Значит, надо найти что-нибудь изящное и необычное. Да где ж его взять-то, после войны? Разве что у кого-то в закромах завалилось, и ей пожелают продать стоящий камень или украшение. Как же жаль, что нет рядом Лоцмана, который мастерски создавал невероятно красивые вещицы... Который всегда нал, что сказать и что сделать, с которым было надежно и тепло, на кого можно было смотреть часами, не отрываясь, что бы он ни делал... да хоть спал. Зазубренная стрела тоски повернулась в сердце, и на какое-то время дышать стало невыносимо больно. Тайри осторожно потянулась к струне: как ты там, зеленоглазый? Похоже, по уши в делах, слышно же: звенит сталь о сталь, он что-то кричит, слов только не разобрать, а вот пульс прекрасно чувствуется — бешеный, как в бою. Наверное, так оно и есть. Что бы там ни было, как бы ни сложилось, Создатель, храни его, пока я не смогу заняться этим сама...

Хранительница долго бродила по городу, пытаясь найти в сохранившихся ювелирных лавках что-нибудь подходящее, пока ноги не принесли ее в элеттийский квартал. Там ей повезло: чудесный браслет белого золота с чистым, глубокого оттенка, рубином хозяева отдали практически даром, а узнав, для кого предназначается подарок, обрадовались, точно дети. Красивая и хрупкая девушка, что помогала владельцу лавки, спросила, не надо ли леди Хранительнице еще чего-нибудь, вот, к примеру, есть отличной работы обручальные кольца. Леди не собирается замуж? Так это вопрос времени, разве нет? Вот ей, хоть она еще только

учится, уже видно красную нить, которой судьба связала Хранительницу с ее суженым. Госпожа не верит? Зря, зря, в такие вещи нужно верить, они ведь светлые и чистые. Тогда возьмите вот этот перстень, просто так, на память. Да, сейчас самое время дарить подарки, второго случая не будет, и не спорьте...

Тайри выскочила из лавки, пытаясь унять нервную дрожь. Снова знаки, снова шепот судьбы? Это все специально делается? Эдак не захочешь — отправишься домой, невозможно же постоянно наткаться на всезнающие сочувственные взгляды! Кстати, о взглядах. С чего этот широкоплечий коротышка так на меня уставился? И откуда тянет такими знакомыми ароматами специй и трав? Хранительница перевела взгляд чуть выше головы означенного незнакомца и узнала очертания крыши, окон второго этажа и высокую дверь, украшенную узором из роз и сосновых веток. А вот и хозяин сего почтенного заведения вышел на порог, что-то шепнул помощнику, и тот скрылся внутри.

— Здравствуй, Кьялар. Рада тебя видеть.

— А уж как я рад, девочка! Заходи, поговорим.

— Не сегодня, почтеннейший. Мне нужно собраться, попрощаться по-человечески с кем следует. Можно?

— Нужно, дорогая, именно так и нужно. Буду ждать тебя. И запомни, куда бы ты ни пошла, все одно ко мне придешь. Не потеряешься, — хозяин Таверны хитро подмигнул.

— Раз уж ты так говоришь, значит, не потеряюсь, — как-то обреченно вздохнула Тайри. Вот вам открытый текст — ни намеков, ни знаков. Просто надо сделать, что положено, и точка. — Я вернусь, не сомневайся.

— Да какие сомнения, девочка. От судьбы кто ни бегал — ни один не убежал. Даже боги, что уж о нас рассуждать... Помнишь, что твой Лоцман говорил?

— Нужно взглянуть своему страху в глаза и назвать по имени. И он уступит дорогу.

— Сможешь?

— Куда ж я денусь...

Сборы были недолгими. На следующее утро Тайри, как и обещала, встретила с его величеством Орданном и его прекрасной невестой. Одри не понадобилось и минуты, чтобы все понять. Твердый решительный взгляд подружки она истолковала однозначно.

— Все-таки уходишь?

— Да, ваше будущее величество. Пора.

— Даже на свадьбу нашу не останешься?

— Зачем я вам? Молодой король будет строить новую жизнь без помощи пришлых волшебников. Незачем напоминать народу, что кто-то ему помогал подняться на трон, незачем помогать злопамятным и злоязыким. Да и учить ваших будущих детей должны Мудрые — плоть от плоти вашего мира. Это будет...

— Правильно, я знаю, — мрачно сдвинул брови Орданн, — но я все равно не хочу тебя отпускать. Мне... тревожно.

— Почему? — удивилась Хранительница. Его величество снова выглядел не мальчишкой, а совсем взрослым мужчиной, привыкшим обдумывать свои шаги, с приличным грузом горького опыта за плечами.

— Потому что ты возвращаешься совсем одна. Тебе не на кого опереться, некому прикрыть тебе спину. Так не должно быть. Это не справедливо!

— Справедливости вообще не существует, ваше величество. По крайней мере, в моем конкретном случае. Не переживайте, я справлюсь. Ньятти же никогда не дарят бесполезных

подарков?

— Не дарят. Ну тогда хоть бокалы поднимем, что ли...

— За удачу? — Тайри улыбнулась. Странно, получилось искренне и без малейших усилий. Точно принятое решение сбросило с души камень.

— За удачу, за верную Тропу и за будущие встречи, — дрогнувшим голосом проговорила Одри, — я верю, они будут.

— Несомненно, — не покривив душой, ответила Хранительница.

Резной хрусталь отозвался на соприкосновение дивным звоном, леди Даллет пригубила темное вино и, поперхнувшись, чуть не выронила бокал. Капли разбежались по полированному дереву стола.

— Что? — испугалась бывшая лесная колдунья, — Оно в уксус превратилось?

Подруга, смеясь, отсалютовала прозрачным сосудом с едва голубоватой жидкостью:

— Бери выше. Морская вода.

Капельки на столе потянулись друг к другу, изменили цвет на темно-синий и собрались в слова: «*Жду. Рикарт*».

Эпилог.

Тайонна ор Даллет шагнула из двери Таверны на тихую улицу, в двух шагах от особняка, где родилась и выросла. С минуту она медлила, осматриваясь и ловя взглядом мельчайшие подробности. Ни одно дерево не спилили, кусты шиповника по-прежнему растут вдоль кованой ограды, а из сада доносится аромат цветущих герний. Значит, матушка не оставила своих занятий. Сам дом выглядел ухоженным, жилым и, если так можно сказать, счастливым. Сияли кристальной чистотой окна, просвечивала сквозь листву обновленная красная черепица крыши, играл блестящими флюгерами ветер. Тайри хотелось думать, что вот именно сейчас, оторвавшись от очередного трактата, подойдет к окну отец, а мама, как всегда, угадав появление дочери, спустится по ступенькам крыльца. Глубоко вздохнув, младшая леди Даллет открыла калитку. Первым делом под ноги ей бросились с лаем два лохматых белоснежных облака. Гронские собаки? В этом доме? Мир перевернулся? Матушка всегда говорила, что любая собака превратит ее любимые клумбы и горки в ничто... Не успела Тайри додумать эту мысль, как из-за кустов шиповника с воплями вылетело трое... нет, четверо очень юных представителей рода человеческого. Трое мальчишек и девочка. Двоим было лет по пять — темноволосому и темноглазому загорелому чудовищу со сбитыми коленками и юной леди, со знакомыми до боли чертами: светлой, акварельной кожей, почти белыми волосами и льдисто-голубыми глазами. Младшие мальчишки — пухлощекие, большеглазые, но очень разные. Как водится, они-то первые и заметили появившуюся невесть откуда незнакомку. Один из них споткнулся, приземлился на пятую точку и захныкал, а второй поднял на прищелицу огромные серые, как осеннее небо, глаза и требовательно спросил:

— Ты кто?

Тайри присела так, чтобы юному смельчаку было удобнее с ней разговаривать и не нашла ничего лучше, чем задать встречный вопрос:

— А ты?

— Лолд Даллет младсый! — гордо задрал подбородок малец.

— Вот как! А старший тогда кто?

— Папа!

— Лорд Номар?

— Ты сто! Номал — это его папа, — «младсый» ткнул пальцем в чудовище со сбитыми коленками, — и его, — указал он на размазывающего слезы по щекам карапуза. — А мой папа Толвик!

Тайри, прилагая огромные усилия, чтобы удержать на месте упорно отвисающую челюсть, уселась на землю, скрестив ноги. Вот не зря, не зря посещали ее тревожные предчувствия, что не войти дважды в одну реку...

— А ты кто есть?! — продолжал настаивать пухлощекый собеседник. — Отвечай, или я дядю Номала позову! Он тебе покажет! — и погрозил непонятной тетке крохотным кулачком. Старшие, как ни странно, взирали на происходящее безобразие молча, но с огромным интересом.

Целительница улыбнулась, не зная, радоваться ей или сердиться, бежать отсюда пока не поздно, или остаться.

— Давай, зови...братец.

Номаров младший, видимо, не сообразив, кому грозит его воинственный товарищ, горько всхлипнул и зарыдал в голос. О боги, ну что с ним делать? — с ужасом подумала Тайри, — на руки возьмешь, так еще сильнее испугается...

— Кай, что там стряслось? Почему Тинни плачет? — судя по голосу, это Номар.

— Я не плачу! — отозвался «лолд Даллет младсый», — это Сид левет! А я с тетей лазговаливаю! Она тебя знает!

— Что за... — кузен вовремя остановился, потом послышался треск ломаемых кустов — видимо, для скорости сиганул с балкона. С него станется... Хоть бы думал, какой пример детям подает, папаша...

— Леди, не имею чести вас знать, но не могли бы вы оставить детей в покое, — прозвучало вежливо, но очень холодно и даже угрожающе. Ну, посмотрим, как ты дальше заговоришь, драгоценный мой, азартно подумала целительница. Неужели кровь ничего не подсказала? И то, что охранные чары пропустили меня, как свою, без малейшего подозрения?

— С удовольствием. Если меня отпустит лорд Даллет младший, — самым серьезным тоном ответила она, потому что юный Тинни уже схватил ее за палец и изо всех сил тянул на себя.

— Тинни, перестань безобразничать, леди, наверное, больно...

— Да не то слово, — усмехнулась целительница, запрокидывая голову и заглядывая кузену в глаза.

В следующий момент ее подхватили, закружили и она почувствовала себя немногим старше удивленно открывших рты детишек.

— Нароооод! — орал во всю свою луженую глотку Номар, — все сюдаааа! Она вернулааааась!!! — потом гораздо тише, с какой-то надрывной, болезненной ноткой на каждом вздохе, поставив на землю и осторожно касаясь пальцами ее волос, щек, плеч, вглядываясь жадно в каждую черточку, — вернулась, вернулась, вепнулась... Демона твоего лысого... Я уж думал, не доживу, сестренка.

От крыльца спешили родные и незнакомые, радостные (кажется) и удивленные, но уж точно не сомневающиеся ни капли в том, кто вернулся. А целительница не знала, радоваться ей или плакать. Мир изменился, и в нем надо было как-то жить.

Когда успокоился первый шквал объятий и прочих проявлений радости, вернувшуюся дочь-сестру-подругу повлекли в дом, потому что там ждал еще кто-то...

Тайри пропустила вперед вполне счастливых родственников и оглянулась на дорогу, уходящую от калитки. Да, безусловно, это был дом, здесь ее ждали, и, наверное, всегда будут ждать. Тут неизменно заканчивались все ее путешествия, большие и не очень. Но ведь будет когда-нибудь и ее собственный дом, наполненный смехом, голосами и любовью. Только для этого ей надо вернуться не одной. Она усмехнулась печально: что ж поделать, если не судьба? Одна дорога завершилась — здесь и сейчас, другая, возможно, сама ляжет ей под ноги, но, пока сердце не перестанет биться...

В конце пути пообещали

Покой и свет, и тихий дом,

И в нем очаг с живым огнем.

А ты все ждешь из дальней дали

Того, кто в сердце жив твоём.

...С НИМ МОЖНО ВНОВЬ — за окоем...

Больше книг на сайте - Knigoed.net